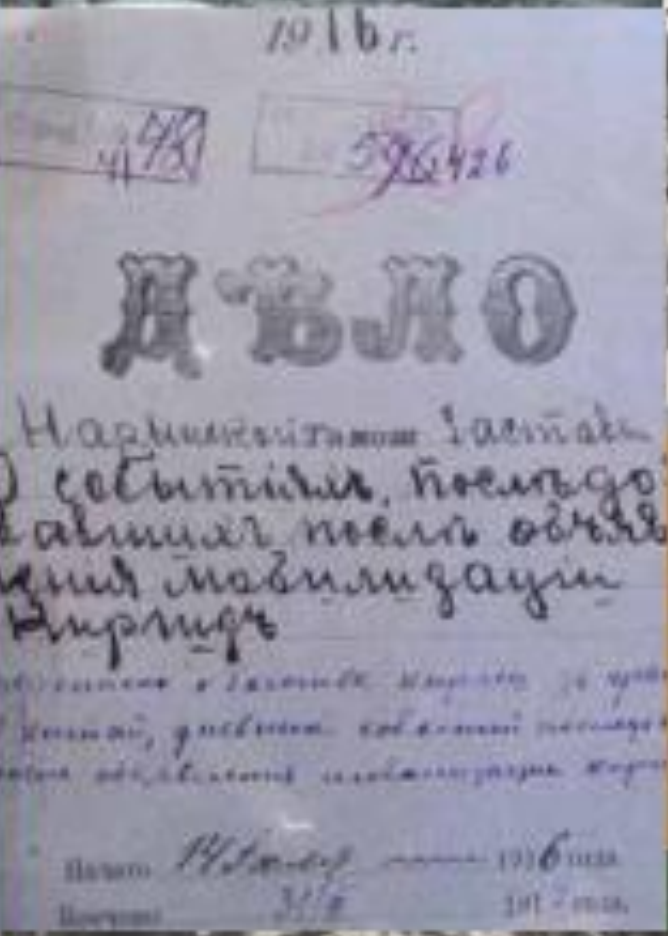

ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В ТУРКЕСТАНЕ: документальные свидетельства общей трагедии

сборник документов и материалов

ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В ТУРКЕСТАНЕ: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБЩЕЙ ТРАГЕДИИ

(сборник документов и материалов)

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии

Сборник документов
и материалов

МОСКВА
2016

УДК [323.269.6:94(575.4)](093.2)"1916"
ББК 63.3(5Тур)534-454ю11
В76

Сборник подготовлен в рамках поддержанного обществом «Знание» исследовательского проекта «Исторический контекст взаимодействия России и Центральной Азии: к 100-летию Среднеазиатского восстания 1916 г.», грант № 523/11-2.

Составитель, автор предисловия, вступительной статьи и комментариев:
канд. ист. наук Т.В. Котюкова
(Институт всеобщей истории РАН)

Научные рецензенты:
д-р ист. наук С.Н. Абашин
д-р ист. наук Д.А. Аманжолова
д-р ист. наук А.А. Колесников
д-р ист. наук Л.А. Ямаева

Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и материалов / МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т всеобщ. истории РАН ; [сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова]. – М.: Марджани, 2016. – 468 с. – ISBN 978-5-903715-99-2
I. Котюкова, Т. В., сост.

В сборнике представлены документы и материалы из российских и зарубежных архивов, посвященные истории восстания 1916 г. в Туркестане, помогающие объективно и беспристрастно оценить его причины и последствия, а также не допустить в будущем возможности повторения подобных трагедий.
Сборник рассчитан как на специалистов-историков, преподавателей вузов, студентов, так и на широкий круг читателей, интересующихся проблемами истории межнациональных и межкультурных отношений в Российской империи и государствах Евразийского континента – России, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Таджикистана и Узбекистана в начале XX в.

ISBN 978-5-903715-99-2

Содержание

Предисловие *18*

Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету *24*

Документы

№ 1
Письмо поверенного в делах Российского императорского посольства в Константинополе А.Н. Свечина Туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову *29 сентября 1910 г.* *106*

№ 2
Письмо начальника Андижанского уезда полковника П.П. Иванова начальнику Скобелевского уезда *16 мая 1911 г.* *114*

№ 3
Донесение начальника Скобелевского уезда начальнику Туркестанского районного охранного отделения *10 июня 1911 г.* *115*

№ 4
Прошение коренного населения Туркестана министру земледелия и государственных имуществ о прекращении изъятия земли у кочевников *Март 1912 г.* *116*

№ 5
Ответ переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия *25 мая 1912 г.* *121*

№ 6
Письмо начальника Генерального штаба А.Е. Эверта министру финансов В.Н. Коковцову *6 февраля 1908 г.* 122

№ 7
Свод соображений и заключений начальников областей Туркестанского края по вопросу о призыве инородцев к исполнению воинской повинности *124*

№ 8
Донесение агента Туркестанского районного охранного отделения *11 декабря 1914 г.* *143*

№ 9
Прокламация для мусульманского населения Российской империи *1915 г.* .. *144*

№ 10
Донесение дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе С.В. Чиркина советнику Третьего политического отдела МИД В.О. фон Клемму *10 января 1916 г.* *145*

№ 11
Доклад начальника Азиатской части Главного штаба генерал-лейтенанта М.М. Манакина о назначении военных губернаторов Туркестанского края начальнику Главного штаба генералу от инфантерии Н.П. Михневичу *14 февраля 1916 г.* *154*

№ 12
Секретная телеграмма посланника в Пекине В.Н. Крупенского в Урумчи, Кашгар и Кульджу *9 марта 1916 г.* *156*

№ 13
Телеграмма советника Третьего политического отдела Министерства иностранных дел В.О. фон Клемма политическому агенту МИД в Бухаре А.К. Беляеву *12 марта 1916 г.* *158*

№ 14
Телеграмма политического агента МИД в Бухаре А.К. Беляева советнику Третьего политического отдела Министерства иностранных дел В.О. фон Клемму *18 марта 1916 г.* *159*

№ 15
Предписание особого уездного по воинской повинности присутствия Самаркандской области Н.Б. Рубаха приставу г. Ходжента *29 июня – 1 июля 1916 г.* *159*

№ 16
Телеграмма военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина генерал-губернатору Туркестанского края *4 июля 1916 г.* *160*

№ 17
Телеграмма военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина генерал-губернатору Туркестанского края *7 июля 1916 г.* *161*

№ 18
Телеграмма военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина генерал-губернатору Туркестанского края *7 июля 1916 г.* *161*

№ 19
Секретная телеграмма управляющего Политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульги Туркестанскому генерал-губернатору *5 июля 1916 г.* *162*

№ 20
Донесение управляющего Политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульги управляющему Третьего политического отдела МИД В.О. фон Клемму *12 июля 1916 г.* *163*

№ 21
Секретная телеграмма управляющего Политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульги в Третий политический отдел МИД *14 июля 1916 г.* *166*

№ 22
Секретная телеграмма управляющего Политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульги в Третий политический отдел МИД *15 июля 1916 г.* *167*

№ 23
Телеграмма управляющего Третьим политическим отделом В.О. фон Клемма политическому агенту в Бухаре А.К. Беляеву *16 июля 1916 г.* *169*

№ 24
Телеграмма управляющего Третьим политическим отделом МИД В.О. фон Клемма временно исполняющему обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретареву *17 июля 1916 г.* ... *169*

№ 25
Секретная телеграмма управляющего Политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульги временно исполняющему обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретареву *17 июля 1916 г.* *170*

№ 26
Секретная телеграмма временно исполняющего обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретарева в Третий политический отдел МИД *18 июля 1916 г.* *171*

№ 27
Телеграмма временно исполняющего обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретарева управляющему Политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульге *19 июля 1916 г.* *172*

№ 28
Адрес депутатов Государственной думы в Ставку Верховного главнокомандующего, начальнику Штаба Верховного главнокомандующего, военному министру *21 июля 1916 г.* *172*

№ 29
Телеграмма начальника Штаба Туркестанского военного округа М.Н. Михайловского военному губернатору Самаркандской области Н.С. Лыкошину *23 июля 1916 г.* *173*

№ 30
Телеграмма военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина начальнику Ходжентского уезда Н.Б. Рубаху *23 июля 1916 г.* *174*

№ 31
Телеграмма командующего войсками Туркестанского военного округа М.Р. Ерофеева начальнику Ходжентского уезда Н.Б. Рубаху *23 июля 1916 г.* *175*

№ 32
Телеграмма командующего войсками Туркестанского военного округа М.Р. Ерофеева начальнику Ходжентского уезда Н.Б. Рубаху *28 июля 1916 г.* *175*

№ 33
Телеграмма командующего войсками Туркестанского военного округа М.Р. Ерофеева начальнику Ходжентского уезда Н.Б. Рубаху *28 июля 1916 г.* *176*

№ 34
Телеграмма Уратюбинского участкового пристава начальнику Ходжентского уезда Н.Б. Рубаху *2 августа 1916 г.* *177*

№ 35
Отношение товарища министра внутренних дел России В.М. Волконского товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову *2 августа 1916 г.* *178*

№ 36
Телеграмма от и. д. Туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеева министру внутренних дел А.А. Хвостову *5 августа 1916 г.* *179*

№ 37
Телеграмма от и. д. Туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеева министру внутренних дел А.А. Хвостову *6 августа 1916 г.* *179*

№ 38
Телеграмма от и. д. Туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеева министру внутренних дел А.А. Хвостову *7 августа 1916 г.* *180*

№ 39
Телеграмма от и. д. Туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеева министру внутренних дел А.А. Хвостову *8 августа 1916 г.* *180*

№ 40
Телеграмма заведующего розыскного пункта в г. Верный ротмистра В.Ф. Железнякова директору Департамента полиции Е.К. Климовичу *7 августа 1916 г.* *181*

№ 41
Телеграмма заведующего розыскного пункта в г. Верный ротмистра В.Ф. Железнякова директору Департамента полиции Е.К. Климовичу *7 августа 1916 г.* *182*

№ 42
Телеграмма заведующего розыскного пункта в г. Верный ротмистра В.Ф. Железнякова директору Департамента полиции генерал-майора Е.К. Климовичу *15 августа 1916 г.* *183*

№ 43
Телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина министру внутренних дел А.А. Хвостову *9 августа 1916 г.* *183*

№ 44
Секретная телеграмма временно исполняющего обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретарева в Третий политический отдел МИД *9 августа 1916 г.* *184*

№ 45
Секретная телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина в Третий политический отдел МИД *11 августа 1916 г.* *184*

№ 46
Донесение начальника Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкова директору Департамента полиции Е.К. Климовичу *8 августа 1916 г.* *186*

№ 47
Телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина министру внутренних дел А.А. Хвостову *16 августа 1916 г.* *195*

№ 48
Секретная телеграмма временно исполняющего обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретарева в Третий политический отдел МИД *12 августа 1916 г.* *196*

№ 49
Секретная телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина в Третий политический отдел МИД *22 августа 1916 г.* ... *196*

№ 50
Приложение №1 к Приказу № 220 генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина о призыве туземного населения на тыловые работы *23 августа 1916 г.* *198*

№ 51
Донесение агента Туркестанского районного охранного отделения *23 августа 1916 г.* *204*

№ 52
Докладная записка начальника Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкова Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину *27 августа 1916 г.* *207*

№ 53
Письмо Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина члену Государственной думы А.Ф. Керенскому *30 августа 1916 г.* *209*

№ 54
Телеграмма начальника Штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину *19 сентября 1916 г.* *210*

№ 55
Докладная записка начальника Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкова Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину *23 сентября 1916 г.* *211*

№ 56
Телеграмма начальника Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкова директору Департамента полиции Е.К. Климовичу
10 октября 1916 г. *212*

№ 57
Донесение агента Туркестанского районного охранного отделения
14 октября 1916 г. *213*

№ 58
Телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина министру внутренних дел А.А. Хвостову *19 августа 1916 г.* *214*

№ 59
Телеграмма заведующего розыскного пункта в г. Верный ротмистра В.Ф. Железнякова директору Департамента полиции Е.К. Климовичу
19 августа 1916 г. *215*

№ 60
Телеграмма заведующего розыскного пункта в г. Верный ротмистра В.Ф. Железнякова директору Департамента полиции Е.К. Климовичу
23 августа 1916 г. *215*

№ 61
Телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина министру внутренних дел А.А. Хвостову *23 августа 1916 г.* *216*

№ 62
Телеграмма начальника Ташкентской железной дороги полковника И.В. Татаринова директору Департамента полиции Е.К. Климовичу
31 августа 1916 г. *217*

№ 63
Телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина министру внутренних дел А.А. Хвостову *4 сентября 1916 г.* *217*

№ 64
В Туркестанском крае. Газета *«Оренбургское слово». 14 сентября 1916 г.* *218*

№ 65
Телеграмма заведующего розыскного пункта в г. Верный ротмистра В.Ф. Железнякова директору Департамента полиции Е.К. Климовичу
15 сентября 1916 г. *219*

№ 66
Протокол допроса очевидца *30 сентября 1916 г.* *219*

№ 67
Донесение начальника 243-й Самарской пешей дружины Государственного ополчения Токмакскому участковому приставу *Сентябрь 1916 г.* *222*

№ 68
Протокол допроса очевидца восстания *17 октября 1916 г.* *223*

№ 69
Протокол допроса очевидца восстания *28 октября 1916 г.* *226*

№ 70
Протокол допроса очевидца восстания *10 января 1917 г.* *227*

№ 71
Справка, составленная из расспросов жителей Аулиеатинского уезда для военного губернатора Сырдарьниской области А.С. Галкина *30 сентября 1916 г.* *228*

№ 72
Прошение на имя Туркестанского генерал-губернатора от киргиза Ашинской волости Аулиеатинского уезда Куллабая Амалыкова и киргиза Кубагатиской волости, того же уезда Али Эсимбекова *30 октября 1916 г.* *232*

№ 73
Донесение начальника Андижанского уезда Ферганской области И.А. Бржезицкого начальнику Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкову *17 октября 1916 г.* *235*

№ 74
Доклад и. д. военного губернатора Ферганской области П.П. Иванова Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину *12 декабря 1916 г.* *237*

№ 75
Донесение агента Туркестанского районного охранного отделения *30 октября 1916 г.* *246*

№ 76
Донесение агента Туркестанского районного охранного отделения *11 ноября 1916 г.* *247*

№ 77
Секретная телеграмма политического агента в Бухаре А.Я. Миллера временно исполняющему обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретареву *5 декабря 1916 г.* *248*

№ 78
Директивное указание начальника Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкова о деятельности агентуры Османской империи в Туркестане *23 декабря 1916 г.* *249*

№ 79
Донесение агента Туркестанского районного охранного отделения *10 января 1917 г.* *251*

№ 80
Донесение начальника Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкова директору Департамента полиции по Особому отделу А.Т. Васильеву *15 января 1917 г.* *252*

№ 81
Восстание сартов в Туркестане (дневник П. Аношкина) *257*

№ 82
Дневник событий, последовавших после объявления мобилизации киргиз управляющего Нарынской таможенной заставой Доценко *Август – октябрь 1916 г.* *279*

№ 83
Рапорт благочинного церквей 1-го Пржевальского округа Иннокентию, епископу Туркестанскому и Ташкентскому *23 сентября 1916 г.* *300*

№ 84
Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1916 г. епископа Туркестанского и Ташкентского Иннокентия *14 июля 1917 г.* *300*

№ 85
Отношение военного министра Д.С. Шуваева Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину *3/5 декабря 1916 г.* *338*

№ 86
Запрос о Туркестане
Газета *«Туркестанский голос». 4 декабря 1916 г.* *339*

№ 87
Правда о туркестанских событиях. Стенограмма закрытого заседания Государственной думы *13 декабря 1916 г.* *341*

№ 88
Копия приговора схода туркменских племен, проживающих в Астрабадской провинции, о желании перейти в российское подданство и о преданности российскому правительству *5 января 1917 г.* *388*

№ 89
Рапорт прокурора Ташкентской судебной палаты А.И. Адамова министру юстиции Н.А. Добровольскому *24 января 1917 г.* *390*

№ 90
Рапорт исполняющего обязанности начальника изысканий И. Скорнякова в отдел земельных улучшений Семиреченской области о событиях в долине реки Или *Февраль 1917 г.* *391*

№ 91
Донесение исполняющего обязанности управляющего государственным имуществом и заведующего переселенческим делом в Семиреченской области Белецкого *Февраль 1917 г.* *392*

№ 92
Прошение областного архитектора инженера А.А. Пугаченкова в Верненский областной комитет по выяснению и возмещению убытков, причиненных мирному населению мятежом 1916 г. *2 ноября 1916 г.* *395*

№ 93
Опись вещей, разграбленных киргизами при нападении 7 августа 1916 г. у инженера А.А. Пугаченкова *395*

№ 94
Ответ Верненской продовольственной управы Верненскому уездному комиссару по делу инженера А.А. Пугаченкова *9 января 1918 г.* *397*

№ 95
Телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина военному министру и министру юстиции *8 марта 1917 г.* *398*

№ 96
Телеграмма коренного населения Вернинского уезда председателю Государственной думы, военному министру, министру юстиции, председателю Совета министров, председателю мусульманской фракции Государственной думы *10 марта 1917 г.* *399*

№ 97
Телеграмма коренного населения Пишпекского уезда министру юстиции *10 марта 1917 г.* *399*

№ 98
Телеграмма коренного населения Пишпекского уезда председателю Государственной думы, председателю Совета министров и председателю мусульманской фракции Государственной думы *12 марта 1917 г.* *400*

№ 99
Телеграмма коренного населения Пишпекского уезда председателю Совета министров, военному министру, министру юстиции, министру земледелия, председателю Государственной думы *12 марта 1917 г.* *401*

№ 100
Телеграмма коренного населения Пишпекского уезда председателю Государственной думы М. В. Родзянко *13 марта 1917 г.* *402*

№ 101
Телеграмма крестьян Пржевальского уезда председателю Государственной думы М. В. Родзянко *15 марта 1917 г.* *404*

№ 102
Прошение сарта Юнуса Ходжи Абдусаметова в адрес областной Семиреченской продовольственной комиссии *25 сентября 1917 г.* *404*

№ 103
Устное народное творчество тыловых рабочих Туркестана *405*

№ 104
Туркестан. Дела хивинские и киргизские.
Газета *«Каспий». 23 июля (5 августа) 1917 г.* *408*

№ 105
Семиречье после киргизского мятежа.
Газета *«Каспий». 20 августа (2 сентября) 1917 г.* *409*

№ 106
Протокол совещания представителей РСФСР и киргизских беженцев в Кульдже *19 ноября 1921 г.* *412*

№ 107
Доклад уполномоченного представителя НКИД РСФСР в Средней Азии в Илийском крае К. Куликова о киргизах-беженцах *28 сентября 1922 г.* *420*

№ 108
Доклад Управления уполномоченного НКИД в Кульдже по вопросу о киргизских беженцах в Синьцзяне *422*

№ 109
Записка заместителя наркома по иностранным делам РСФСР Л.М. Карахана в Оргбюро ЦК РКП об ассигновании средств на реэвакуацию беженцев из Синьцзяна *11 ноября 1922 г.* *427*

№ 110
Письмо секретаря Представительства НКИД в Ташкенте А.Е. Быстрова заместителю наркома по иностранным делам Л.М. Карахану о работе по реэвакуации беженцев *21 февраля 1923 г.* *428*

№ 111
Инструкция уполномоченного НКИД в Средней Азии Л.М. Михайлова по расходованию средств на реэвакуацию беженцев-киргизов в Западном Китае *429*

№ 112
Телеграмма заместителя наркома по иностранным делам Л.М. Карахана уполномоченному НКИД в Средней Азии Михайлову о мерах по облегчению выезда беженцев с территории Китая *16 мая 1923 г.* *430*

№ 113
Телеграмма уполномоченного НКИД в Средней Азии Л.М. Михайлова в НКИД о ходе реэвакуации киргизов из Китая *2 сентября 1923 г.* *431*

№ 114
Доклад уполномоченного Совнаркома Туркестанской республики Баронбаева об истории пребывания киргизских беженцев в Тарбагатайском округе и о работе по их реэвакуации из Китая *4 сентября ? г.* *431*

№ 115
Объяснительная записка уполномоченного НКИД в Кульдже З.И. Печатникова заведующему отделом Среднего Востока НКИД В.М. Цукерману на реэвакуацию в течение 1924 г. и половины 1925 г. беженцев-киргиз (также таранчей и дунган) из Илийского округа Синьцзяна в Джетысуйскую область Туркреспублики *9 апреля 1924 г.* *449*

№ 116
Смета на реэвакуацию в течение второй половины 1925 г. и первой половины 1926 г. 1800 человек наиболее нуждающихся в материальной помощи киргиз-беженцев из Тарбагатайского округа Манасского уезда Урумчинского округа Синьцзяна в Джетысуйскую область и Автономную Кара-Киргизскую область КССР *15 апреля 1925 г.* *451*

№ 117
Письмо агента НКИД в Бишкеке Н.Х. Калемина уполномоченному НКИД в Узбекистане А.А. Знаменскому об отношении руководства Киргизстана к проблеме реэвакуации беженцев из Западного Китая *6 октября 1925 г.* *453*

№ 118
Докладная записка секретаря консульства СССР в Кульдже Д.К. Ступникова консулу СССР в Кульдже Д.К. Вазонову о работе в округе по реэвакуации беженцев *Май 1926 г.* *455*

№ 119
Записка уполномоченного НКИД при Правительстве РСФСР Ф.А. Ротштейна и заведующего отделом Среднего Востока НКИД В.М. Цукермана в Совнарком РСФСР о реэвакуации казаков и киргизов-беженцев из Западного Китая *22 августа 1927 г.*.....*458*

№ 120
Из беседы с Горборуковым Тимофеем Евдокимовичем. 1908 г.р., русский, с. Семеновка. Местный уроженец *1993 г.*.....*461*

№ 121
Из беседы с бабушкой Дарьей, 1904 г.р., русская, с. Покровка. Местная уроженка *1993 г.* *463*

№ 122
Из беседы с Богомбаевым Саркушем Богомбаевичем, 1911 г.р., киргиз, с. Покровка. Родился в Ак-тереке, 18 км от Покровки в горах *1993 г.*.....*463*

Перечень использованных источников.....*467*

Предисловие

К теме восстания 1916 г. советские, современные российские и зарубежные историки неоднократно обращались и, несомненно, еще будут обращаться. В советской историографии к нему относились как ключевому событию предоктябрьского периода в истории советских республик Средней Азии и Казахстана. Преследуя вполне понятную идеологическую цель, восстание рассматривали как «борьбу трудящихся края с эксплуататорским царским колониальным режимом и местными феодалами», а следовательно, как региональный пролог последовавшей революции. Для столичных историков (Москва и Ленинград) тема восстания считалась «периферийной», поэтому ее изучение всецело отдали на откуп коллегам из союзных республик[1].

После 1991 г. в государствах Центральной Азии тема зазвучала с новой политической силой, так и оставшись в представлении большинства российских исследователей «периферийной», а главное «изученной и неактуальной». Действительно, о восстании написано многое, основные источники по этой теме опубликованы и к сложившемуся историческому портрету добавить вроде бы нечего, кроме незначительных деталей и штрихов. Но так ли это на самом деле?

Действительно, в 1920–1960-е гг. вышел целый ряд интереснейших сборников документов и документальных публикаций, посвященных восстанию[2]. Тем не менее в истории трагедии 1916 г. остается еще много лакун и белых пятен. Исследователи, в первую очередь в государствах Центральной Азии, вновь и вновь продолжают возвращаться к этой теме. Продолжается публикация архивных документов[3]. Федеральным архивным агентством Рос-

---

[1] *Федоров Е.* Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925; *Рыскулов Т.* Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 г. Кызыл-Орда, 1927; *Божко Ф., Галузо П.* Восстание 1916 г. в Средней Азии. М.; Ташкент, 1932; *Карпов Г.И.* Восстание тедженских туркмен в 1916 г. Ашхабад, 1935; *Асфендияров С. Д.* Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1936; *Кастельская З.Д.* Восстание 1916 г. в Узбекистане. Ташкент, 1937; *Раджабов З.Ш.* Восстание 1916 г. в Ходжентском уезде. Душанбе, 1955; *Ковалев П.А.* Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957; *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962; и др.

сийской Федерации (Росархив) был создан специальный сайт «События в Семиречье 1916 г. по документам российских архивов», на котором размещены документы крупнейших федеральных архивов (РГИА, РГВИА, ГА РФ) и архива МИД РФ (АВПРИ)[4].

Настоящий сборник содержит комплекс документов, относящихся к событиям, произошедшим в Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской, Закаспийской и Семиреченской областях Туркестанского генерал-губернаторства, хотя география восстания значительно шире. Проявления массового недовольства захлестнули и соседние области Азиатской России (Семипалатинскую, Акмолинскую, Уральскую, Тургайскую). Отмечались выступления (не имевшие такого размаха и трагических последствий) в Оренбургской и Астраханской губерниях, а также в ряде районов Кавказа.

---

[2] К истории восстания киргиз в 1916 г. [публикация *А. Чулошникова*] // Красный архив. 1926. Т. 3 (16). С. 53–75; Восстание 1916 г. в Средней Азии [публикация *П. Галузо*] // Красный архив. 1929. Т. 3 (34). С. 39–94; Джизакское восстание 1916 г. [публикация *А. Шестакова*] // Красный архив. 1933. Т. 5 (60). С. 60–91; Губернатор в роли проповедника Корана [публикация *П. Русина*] // Красный архив. 1936. Т. 2 (75). С. 188–191; Восстание 1916 г. в Средней Азии: Сб. док. / Под ред. *П.Г. Галузо.* Ташкент, 1932; Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы / Сост. *Л.В. Лесная.* М., 1937; Восстание 1916 г. в Туркмении. Документы и материалы. Ашхабад, 1938; Восстание 1916 г. в Казахстане. Документы и материалы. Алма-Ата, 1947; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / Под ред. *А.В. Пясковского.* М., 1960 и др.

[3] Дневник генерала А.Н. Куропаткина 1917 год [публикация *И.В. Карпеева*, *Е.Ю. Сергеева*] // Исторический архив. 1992. № 1. С. 159–172. Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной думы. Декабрь 1916 г. [публикация *Д.А. Аманжоловой*] // Исторический архив. 1997. № 2. С. 4–22. Грозный 1916 год: Сб. док. и матер. / Гл. ред. *М.К. Козыбаев.* Отв. сост. *Ю.И. Романов.* Алматы, 1998. Т. 1–2; Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг.: Сб. док. / Авт.-сост. *Д.А. Аманжолова.* Караганды, 2005. «Совещание признало полезным…» Из журнала заседания междуведомственного совещания об организации призыва инородцев на тыловые работы. 1916 г. [публикация *Д.А. Аманжоловой*] // Исторический архив. 2004. № 3. С. 189–206; Туркестан и Государственная Дума Российской империи. Документы ЦГА Республики Узбекистан. 1915–1916 гг. [публикация *Т.В. Котюковой*] // Исторический архив. 2003. № 3. С. 126–136; *Чокаев М.* Национальное движение в Средней Азии [публикация *С.М. Исхакова*] // Гражданская война в России (события, мнения, оценки). Памяти Юрия Ивановича Кораблева. М., 2002. С. 656–693; Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сб. матер. / Сост. и авт. вступ. ст., предисл. и коммент. *Д.Ю. Арапова.* М., 2006; Россия – Кыргызстан. История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. – 1991 г.): Сб. док. и матер. Кн. 1 / Отв. ред. акад. *В.М. Плоских.* Бишкек, 2007; Россия – Кыргызстан. Этапы стратегического партнерства: Сб. док. и матер. / Отв. ред. акад. *В.М. Плоских.* Бишкек, 2011; Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. док./ Сост. *Г.Т. Гуля*, *Е.А.Романова*, *Б.О. Самаева.* Бишкек, 2011; Восстание 1916 г. Документы и материалы. Бишкек, 2015; Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах. Т. 1. Бишкек, 2015; Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах. Т. 2, 3. Бишкек, 2016; и др.

[4] События в Семиречье 1916 г. по документам российских архивов [Электронный ресурс] // http://semirechye.rusarchives.ru/ (дата обращения: 08.05.2016).

Серьезное изучение восстания 1916 г. невозможно начинать с 25 июня 1916 г. – даты подписания злосчастного Высочайшего повеления «О призыве на тыловые работы». Многие аспекты этого нелинейного события уходят своими корнями чуть ли не во вторую половину XIX столетия и заканчиваются в 1920-е гг. XX столетия. Поэтому хронологические рамки публикуемых документов достаточно широкие.

Сборник не имеет самостоятельных разделов, тем не менее документы скомпонованы небольшими блоками, посвященными отдельным конкретным вопросам. В этой связи мы сочли возможным иногда не придерживаться строгого хронологического принципа. Документы как бы перетекают друг в друга, передавая картину происходивших событий не в плоском, а объемном изображении.

Подготовка сборника выявила ряд сложностей. Большой объем повторяющихся документов, представленных многочисленными циркулярами и копиями или даже копиями с копий, телеграмм, донесений и докладных записок, отложившихся в крупнейших архивах России и государств Центральной Азии, наводил на грустные мысли, что ничего нового найти не удастся. Но кое-что, кажется, удалось.

Сборник содержит ряд важных документов, в деталях описывающих восстание 1916 г., например, «Восстание сартов в Туркестане (дневник П. Аношкина)» и «Дневник событий, последовавших после объявления мобилизации киргиз управляющего Нарынской таможенной заставой Доценко».

Спустя годы после восстания, находясь в эмиграции, чиновник Министерства земледелия в Туркестане А.А. Татищев напишет в воспоминаниях, что в самый разгар событий он совершил служебную поездку по Семиречью, практически не заметив никаких волнений[5].

Волею судеб в разгар восстания в Семиречье находился еще один человек – епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий (Пустынский). Он в отличие от Татищева заметил многое и отразил это в ежегодном отчете о состоянии Туркестанской епар-

---

[5] *Татищев А.А.* Земли и люди: в гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 178–179.

хии за 1916 г., в разделе 9 «Разные сведения и замечания». Эта часть ежегодного отчета, написанная уже в 1917 г., получилась как никогда объемной и эмоциональной. В ней преподобный описывает не только собственные впечатления, но и воспроизводит оценку событий других очевидцев восстания – приходских священников и благочинных тех регионов края, в которых самому архипастырю в тот год побывать не удалось. Поэтому публикуемый ниже документ можно охарактеризовать как отчет по форме, но воспоминания по содержанию.

Стоит отметить, что тексты документов в советское время зачастую публиковались с купюрами или не полностью. Это приводило к искажению их реального смысла. Например, приложение № 1 к Приказу № 220 генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина о призыве туземного населения на тыловые работы о регламентации жизни тыловых рабочих в сборнике 1960 г. под редакцией профессора А.В. Пясковского опубликовано не было[6].

Мы решили не ограничиться в нашей работе публикацией только архивных документов. Полноту картины происходивших сто лет назад событий помогают дополнить периодические издания. Например, газетные статьи, посвященные восстанию 1916 г., собирала дочь выдающегося мыслителя и просветителя российских мусульман Исмаила Гаспринского, Шафика Гаспринская и некоторые публикуемые документы хранятся в ее личном архивном фонде[7]. Так, благодаря бакинской газете «Каспий» удалось полностью воспроизвести стенограмму первого закрытого заседания Государственной думы 13 декабря 1916 г., на котором со своими отчетами о поездке в Туркестан и на Кавказ выступили депутаты А.Ф. Керенский и М.Ю. Джафаров.

Понимая, как до обидного мало в нашем распоряжении оказалось информации, посвященной самим тыловым рабочим, их

---

[6] См.: Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. / Под ред. *А.В. Пясковского.* М., 1960. С. 49.

[7] В 1999 г., во время визита в Татарстан заместителя генерального директора Генерального управления Государственных архивов Турецкой Республики, директора Османского архива Нежете Гюльтепе в Национальный архив Республики Татарстан в виде копий была передана часть документов из личного фонда Шафики Гаспринской-Юсуфбейли. Копирование документов и передачу их в НА РТ осуществил Фонд Ахметвали Менгери (г. Стамбул, Турция). На основе переданных документов в НА РТ был сформирован самостоятельный фонд, насчитывающий 22 единицы хранения, охватывающий период 1906–1918 гг. Фонд содержит ряд документов как на русском, так и на турецком языке.

жизни в новых непривычных условиях Европейской России, мы сочли возможным восполнить этот пробел, включив в сборник несколько примеров устного народного творчества[8].

Серьезно перешагнув хронологию 1916 г., в сборник вошли документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Они посвящены важнейшему гуманитарному процессу, инициированному правительством уже Советской России, по возвращению из Китая беженцев (казахов, киргиз, дунган и т. д.) и оказанию переселенцам всесторонней помощи и поддержки со стороны государства. Тема реэвакуации беженцев 1916 г. из Китая является совершенно самостоятельным вопросом и достойна самого внимательного изучения.

В октябре 1993 г. состоялась этнографическая экспедиция в Киргизию О.И. Брусиной, посвященная изучению бывших переселенческих сел. В беседах с детьми и внуками первых крестьян-переселенцев, а также с пожилыми киргизами, жителями этих сел поднималась тема восстания 1916 г. и взаимоотношений переселенцев с коренным населением в первые десятилетия XX в. Как показало проведенное исследование, события оставили неизгладимый след в памяти людей, и воспоминания о нем передавались из покаления в покаление.

Ольга Ильинична Брусина любезно предоставила для публикации в настоящем сборнике небольшой фрагмент из своих полевых записей 1993 г. Эти материалы ранее не публиковались, они высвечивают еще один ракурс в изучении истории восстания – межличностные отношения, того, что не может передать официальная переписка чиновников.

Имена собственные восточного происхождения воспроизведены в оригинальной версии.

Сборник включает в себя документы: Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Центрального государственного

---

[8] Узбекская народная поэзия. Л., 1990. С. 64–66.

архива Кыргызской Республики (ЦГА КР), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз), Центрального государственного архива Республики Таджикистан (ЦГА РТ), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ).

Мы выражаем искреннюю признательность руководству Историко-документального департамента МИД Российской Федерации, сотрудникам российских и зарубежных архивов, оказавшим неоценимую помощь по поиску и выявлению документов, а также нашим добровольным помощникам – киргизским (П.И. Дятленко, С.К Малабаев, Л.И. Сумароков), узбекским (О.А. Махмудов), таджикским (Н.У. Гафаров), казахским (С.А. Асанова) и российским (С.З. Ахмадуллин, В.В. Алексеев (Москва), А.Ю. Хабутдинов (Казань) и Л.А. Ямаева, Г.Б. Азаматова (Уфа) коллегам, предоставившим в наше распоряжение интереснейшие документы и давшим ряд советов, значение которых сложно переоценить.

Благодарим за высказанные в ходе подготовки и рецензирования сборника конструктивные замечания и предложения всех, кто не смог остаться равнодушным к теме восстания 1916 г. в Туркестане.

Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету

Восстание вспыхнуло на фоне резко ухудшившегося социально-экономического положения в Туркестане на третий год Первой мировой войны. Затянувшаяся военная кампания требовала мобилизации все большего количества сил и средств – людских и финансовых.

Ища источники новых поступлений в казну, министр финансов в октябре 1914 г. представил в Совет министров свои предложения об установлении военного налога с лиц, освобожденных от военной службы, а также о введении в некоторых окраинах империи особого налога, заменявшего исполнение воинской повинности, в качестве дополнительного сбора к существующим видам прямого налогообложения[1].

Было принято решение распространить военный налог на лиц, не несущих личной воинской повинности четырех призывных годов 1911, 1912, 1913 и 1914 гг. В случае призыва на действительную военную службу в военное время, а также по достижению 43-летнего возраста взимание налога прекращалось. Годовой оклад налога определялся от размера имущества, в пределах от 6 руб. в год при годовом доходе не выше 1000 руб., до 200 руб. – при годовом доходе свыше 20 000 руб.[2] Для всех областей Туркестанского края налог должен был взиматься в размере 21 % от суммы всех видов прямых налогов[3].

Закон об установлении военного налога получил одобрение со стороны царя 19 апреля 1915 г. и вступал в силу с 1 января 1915 г. Однако никакого окончательного решения принято не было, и налог был введен в крае только в связи с финансовыми трудностями, вызванными участием России в Первой мировой войне.

---

[1] Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1915 год. М., 2008. С. 168–170.

[2] Там же. С. 168.

[3] Для сравнения: в Акмолинской области – 20 %, в Семипалатинской – 18 %, в Уральской 17 %, в Тургайской области – 13 %, в Астраханской губернии – 40 %, в Саратовской губернии – 65 %, в областях и округах Кавказа – в размере 60 % // Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1915 год. М., 2008. С. 169.

В годы войны в крае развернулась активная деятельность многочисленных уполномоченных по заготовке сырья, продовольствия, фуража, топлива для промышленности и армии. На военные нужды у населения реквизировался рабочий и вьючный скот, повозки, юрты, кошмы. Только из Сырдарьинской и Семиреченской областей в 1914 г. было вывезено 1 млн голов овец[4]. В 1915–1916 гг. при значительном повышении цен на зерно, рис, сахар и другие продукты были установлены твердые заниженные цены на хлопок.

На почве дороговизны во многих местах вспыхивали стихийные волнения и акции протеста. Кроме того, с началом войны край начинает принимать беженцев и военнопленных. Как с тревогой констатировалось в одном из секретных донесений жандармского управления тех лет: «Нужда растет, а вместе с ней и недовольство народонаселения, могущее вылиться в открытое возбуждение»[5].

В связи с затяжным характером войны, сопровождавшейся большими людскими потерями на фронтах, остро вставал вопрос о необходимости регулярного пополнения действующей армии новобранцами. Сразу оговоримся, что все русское население Туркестана, на которое распространялась отсрочка по отбыванию воинской повинности, было решено безотлагательно призвать в действующую армию «на общих основаниях»[6]. В результате уже в первые дни войны было призвано запасных нижних чинов 22 999 человек.

Крестьяне-переселенцы сопротивлялись начатой мобилизации в действующую армию и всевозможным реквизициям. К началу 1915 г. из их среды в армию было призвано 70 тыс. человек, в том числе по областям: Семиреченской – 25 329, Закаспийской – 4916, Сырдарьинской – 15 929, Ферганской – 9013, Самаркандской – 3585, Бухарские владения – 2173 человека[7].

Наибольшее количество призывников по Туркестану, как мы видим, пришлось на Семиреченскую область. Из этой области

---

[4] ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 32. Л. 83; Туркестанское сельское хозяйство. 1917. № 17. С. 475.
[5] Там же. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1147. Л. 184.
[6] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 6.
[7] История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968. С. 513.

было взято в армию применительно ко всему населению 12,2 %, к числу всех мужчин это составляло 22,9 %, а к числу трудоспособных мужчин 49,3 %[8]. Случайно или нет, но именно здесь сила восстания 1916 г. была наибольшей.

Так как призывался возраст от 19 до 43 лет, то многие крестьянские семьи оказались в разгар хлебоуборочной страды без работников. Июль 1915 г. ознаменовался протестными выступлениями переселенцев в Пишпеке 21–23 июля, в Андижане – 21–22 июля, в Самарканде – 27 июля[9].

После присоединения Туркестана Россия обещала коренным народам освобождение от несения воинской повинности. «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. освобождало от исполнения воинской повинности коренное население региона «впредь до дальнейших распоряжений». Более того, в Туркестане бытовала легенда, согласно которой К.П. Кауфман якобы обещал, что местное население до истечения пятидесяти лет с момента присоединения к России не будут брать в солдаты.

Следует напомнить, что в царской грамоте от 13 мая 1824 г. о принятии в русское подданство султанов Большой Орды было написано: «Султаны и весь киргиз-кайсацкий народ[10], им подвластный, постоянно будут пользоваться нашею великою монаршей милостью и твердым покровительством при всех случаях, будучи совершенно свободны от рекрутской повинности во всякое время»[11].

Это обстоятельство было подтверждено Временным положением об управлении в Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областях от 21 октября 1868 г., ст. 245 которого гласила: «Киргизы освобождаются от рекрутской повинности»[12].

Относительно Туркестана освобождение от воинской повинности, с одной стороны, было по сути привилегией, носившей характер «монаршей милости», с другой – вполне оправданной политической мерой, поскольку население недавно присоединен-

---

[8] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 112.
[9] История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968. С. 513–517; История Самарканда. Ташкент, 1969. С. 354.
[10] Речь идет о казахском народе.
[11] Цит. по: Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата. 1960. Т. 1. С. 54.
[12] Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. С. 339.

ной к России огромной территории не могло считаться достаточно благонадежным, а главное, подготовленным для несения подобной повинности.

Отбывали воинскую повинность представители не всех народов, населявших империю[13]. Однако далеко не все испытывали от этого психологический и политический дискомфорт. Причин было две: национальные традиции и уровень социально-политического развития территории, то есть степень ее интегрированности в общеимперскую государственную систему.

Так, на Кавказе прослеживался элемент сожаления по поводу ограничения на прохождение воинской службы. Отмены ограничений как царской милости просили абхазы (1893 г.) и чеченцы (1913 г.). Среди части закавказских татар (так в Российской импе-

---

[13] В «Уставе о воинской повинности», принятом в 1912 г., к местностям и частям населения, «изъятым» из действия Закона о всеобщей воинской повинности, относились: Камчатская и Сахалинская области, округи Среднеколымский, Верхоянский и Вилюйский Якутской области, Туруханское и Богучанское отделения Енисейской губернии и уезда, Тогурское отделение Томской губернии и уезда, а также Верезовский и Сургутский уезды Тобольской губернии; Инородческое население Астраханской губернии и всех губерний и областей Сибири (кроме привлеченных к отбыванию сей повинности на общем основании жителей Бухтарминской инородной волости Змеиногорского уезда Томской губернии и состоящих в русском подданстве корейцев Приморской и Амурской областей), а также самоеды, обитающие в Мезенском и Печорском уездах Архангельской губернии; население Туркестанского края, а также инородческое население областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской освобождено впредь до дальнейших распоряжений от исполнения воинской повинности; для мусульманского населения Терской и Кубанской областей и Закавказья (за исключением осетин-мусульман, коим даровано право отбывать воинскую повинность лично наравне с осетинами-христианами), а также для обитающих в Закавказье курдов, езидов, ингилойцев-христиан и абхазцев-христиан Сухумского округа, равно как для трухмен, ногайцев, калмыков и прочих, подобных сим инородцев Ставропольской губернии, поставка новобранцев заменена временно, впредь до дальнейших распоряжений, взиманием особого денежного сбора в доход государственного казначейства с присвоением сему сбору наименования налога взамен исполнения воинской повинности натурою. Инородческое население Закаспийской области не подлежит воинской повинности впредь до дальнейших распоряжений. Крестьянам и мещанам, не достигшим призывного возраста и переселившимся в установленном наряде на свободные земли Закаспийской области, дается с разрешения местного начальства отсрочка явки к призыву до истечения десяти лет, считая с 1 января следующего года за водворением их в области; временно, впредь до разрешения в порядке общегосударственного законодательства вопроса об выполнении воинской повинности населением Финляндии жители ее не привлекаются к отбыванию личной воинской повинности и взамен ее на финляндскую казну возлагается обязанность вносить в государственное казначейство ежегодные денежные платежи на военные нужды на основаниях, определенных в Высочайшем манифесте 24 сентября 1909 г. // Устав о воинской повинности. СПб., 1912. С. 25–27.

рии называли азербайджанцев) существовало мнение, что приобретение определенных навыков в результате службы поможет в противостоянии в межнациональных конфликтах с армянами, от службы в армии не освобожденных[14].

В Степном крае с началом Первой мировой войны часть казахской интеллигенции, стремясь тем самым уравнять в правах коренное население с переселенцами и казаками, инициировала возможность создания кавалерийских национальных частей, аналогичных казачьим[15]. Известны случаи, когда в 1914–1915 гг. представители коренного населения Семиреченской области добровольно изъявляли желание пойти на фронт[16].

В начале апреля 1916 г. общественность Каркаралинского уезда Семипалатинской области направила запрос губернатору о созыве съезда для обсуждения вопроса «о выборе вида службы в армии с точки зрения полезности государству». Выдвигалось предложение направить делегацию для переговоров с правительством и Думой. По этому вопросу были проведены консультации с руководством мусульманской фракции Думы[17]. В жалобе, с которой киргизы (казахи) обратились в Государственную думу 30 августа 1916 г. в связи с отсрочкой в 1916 г. призыва в армию, подчеркивалось, что их возможный призыв на военную службу не только справедлив, но и является их «гражданским долгом».

«Мы, киргизы, – заявляли они, – считаем себя равноправными сынами единой России и глубоко надеемся, что победоносная война послужит фактором для осуществления у нас на родине законности для проведения необходимых для блага отечества реформ и для возникновения братства между разноплеменными сынами Отчизны»[18].

---

[14] *Вапилин Е.Г.* Политические и национальные аспекты комплектования армии в XVIII – начале XX в. // ВИЖ. 2001. № 10. С. 24.

[15] *Тыныштаев М.* История казахского народа. Алма-Ата, 1993. С. 40.

[16] *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. V. М., 2008. С. 159.

[17] *Аманжолова Д.А.* Казахское общество в первой четверти XX века: проблемы этноидентификации // Россия и Казахстан: проблемы истории (XX – начало XXI в.). М., 2006. С. 34.

[18] Цит. по: *Сэнборн Дж.* Семья, братство и национальное строительство в России в 1905–1925 гг. // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 128–129.

Иная ситуация складывалась в Туркестане. Здесь отстранение от военной службы воспринималось как заслуженная льгота за относительную лояльность, проявленную населением в ходе присоединения к России.

Краевая администрация постоянно поддерживала в мусульманском населении Туркестана мысль о свободе от личного участия в войне, в особенности когда обращалась за так называемыми «добровольными» пожертвованиями на нужды войны. Уверенность самого населения в правдивости слов администрации – «детей ваших в солдаты не возьмут», – казалось бы, находила подтверждение в законе 19 апреля 1915 г. На его основании в целях уравнения распределения государственной повинности на освобожденные от несения воинской повинности категории населения империи возлагалась обязанность уплаты дополнительного к уже существующим налогам военного сбора.

Вопрос призыва – не призыва «инородцев» Туркестана на действительную военную службу в военном ведомстве, правительстве и Государственной думе обсуждался несколько десятилетий. Был подготовлен соответствующий законопроект, но в 1914 г. в связи с началом войны его положили под сукно. При этом Военное министерство в лице Азиатской части Главного штаба (АЧ ГШ) продолжало собирать информацию по данному вопросу[19].

Спустя год военное ведомство вспомнило о готовом законопроекте. 14 июня 1915 г. в Ставке под председательством государя-императора состоялось заседание Совета министров, на котором было намечено начать выборочно привлекать к отбыванию натуральной воинской повинности освобожденные категории населения[20].

В законопроекте приводились три основные причины, по которым нерусское население империи освобождалось от военной обязанности: политическая неблагонадежность, незнание русского языка и слабое здоровье. Поэтому важно было определиться, не кого призывать, а для кого сохранить бронь.

---

[19] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4297. Л. 35–41.
[20] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 5.

Из 2,5 млн киргизов[21] империи в Туркестане проживало порядка 1241 тыс. В законопроекте к киргизам были отнесены и туркмены Закаспия на основании того, что они, как считали в Военном министерстве, принадлежат к родственным киргизам племенам. Краевое начальство расширенному за счет туркмен понятию «киргиз» давало положительную оценку, считая их «хорошим военным материалом, в особенности туркмен». Тем не менее киргизы-туркмены полного доверия не внушали, поэтому привлечение их к воинской повинности решили отложить «до наступления более благоприятных условий»[22].

Сарты[23] считались второй по численности группой народов Туркестана (527 тыс.), проживающей главным образом в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях и «в смысле культурности были бы для воинской повинности волне пригодны», если бы местное начальство не нашло отсутствия «чувства общности русского отечества», усугубленного слабым здоровьем[24].

Узбеки, каракалпаки и таджики и «другие племена тюрко-татарской расы» (эта весьма странная этнографическая подборка фигурировала в законопроекте отдельным пунктом) общей численностью около 687 тыс. человек, по мнению Военного министерства и туркестанской администрации, мало чем отличались от сартов, поэтому также временно освобождались от призыва[25].

Татары, дунгане[26] и таранчи (уйгуры)[27] составляли следующую группу «инородческого населения» Туркестана.

---

[21] *Киргизами* в дореволюционной русской историографии и административной переписке было принято называть все кочевое население (казахов и киргизов) Туркестана и Степного края. Здесь и далее в законопроекте имеется в виду только численность мужского населения казахского и киргизского населения Российской империи.

[22] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 12.

[23] *Сарты* – оседлое, преимущественно городское население Средней Азии. Термин употреблялся в русской дореволюционной историографии и административной переписке. Вышел из употребления после проведения национального размежевания и создания в Средней Азии советских республик.

[24] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 13.

[25] Там же. Л. 14.

[26] *Дунгане* – китайцы-мусульмане, проживающие в Киргизии, южном Казахстане и Узбекистане, Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Переселились на территорию Российской империи в 1880-х гг. после поражения антицинского восстания в северо-западном Китае в 1861–1878 гг. В Кульдже и Кашгаре они назывались «хуэйцзу» (нация ислама).

[27] *Таранчи* – крупная этнографическая группа уйгуров долины реки Или, переселившихся в пределы России (Илийский край) в начале второй половины XVIII в. из Восточного Туркестана. Предки таранчей были переселены маньчжурами в 1759–1763 гг. в Илийский край из оазисов Восточного Туркестана.

Татар, по официальным данным в крае было около 10 тыс. человек. В основном они проживали в городах. Организация их быта и профессиональные занятия не отличали их от татар Европейской части страны, а значит, освобождать их от воинской повинности оснований не было.

Дунгане и таранчи проживали в Семиреченской области (38 тыс.), вели оседлое хозяйство и даже отличались некоторой зажиточностью. При переселении из Китайского Туркестана на территорию Российской империи в 1882 г. они приняли на себя обязательства нести все государственные повинности. 28 лет правительство об этом не вспоминало, ожидая пока они «окрепнут на местах». Основным положительным качеством дунган и таранчей считалась «ненависть к китайцам», которую можно было недвусмысленно использовать в случае вооруженного конфликта с Китаем. Поэтому распространить на них воинскую повинность следовало «теперь же»[28].

В случае принятия данного законопроекта из губерний Европейской России, Кавказа, Туркестана и Сибири можно было (с учетом русского населения, на которое так же распространялся ряд льгот и отсрочек) дополнительно привлечь 2106 тыс. человек. Освобождение сохраняли 5047 тыс. человек, из которых 2255 тыс. проживало в Туркестане[29].

Проведение столь масштабной реформы призыва неизбежно влекло за собой изменение в работе существующих и, что самое важное, организацию новых административных органов – учреждений по воинской повинности. При этом в Туркестане кроме Семиреченской области посемейные списки нигде не велись. Эту работу, ввиду отсутствия в крае земских учреждений и дворянских присутствий, планировалось поручить уездным начальникам[30]. С финансовой точки зрения создание новых учреждений по воинской повинности должно было обойтись государству в 115 200 руб. единовременных и 143 тыс. ежегодных расходов[31]. Таким образом при отсутствии соответствующей инфраструктуры и кадров се-

---

[28] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 14.
[29] Там же. Л. 32–33.
[30] Там же. Л. 41.
[31] Там же. Л. 46.

бестоимость «инородческого призывника» для государства была неоправданно высокой.

В августе 1915 г. Государственная дума и Государственный совет высказались за незамедлительное привлечение к воинской службе коренного населения окраин, освобожденных от воинской повинности. Начальником Главного штаба (ГШ) на этот счет в адрес туркестанской администрации был направлен запрос, на который последовал отрицательный ответ от Туркестанского генерал-губернатора Ф.В. Мартсона.

Генерал Мартсон приводил следующие аргументы: призыв коренного населения в ряды армии даже как временная мера в сложившихся условиях может вызвать недовольство. Религиозное единство «с народностями, настроенными к нам враждебно», в первую очередь с Османской Турцией; культурная, социально-бытовая и климатическая неадаптированность к российским и европейским условиям; отсутствие офицерских и унтер-офицерских кадров из числа коренных народов Туркестана для формирования специальных «инородческих» частей; установление воинской повинности противоречит уже взыскиваемому с населения военному налогу[32].

В телеграмме по ГШ 13 августа 1915 г. было высказано предложение о распространении воинской повинности на «инородческое население Туркестана» только на текущий период войны[33].

В середине августа 1915 г. помощник начальника геодезического отделения военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба (ГУ ГШ) полковник Главного штаба И.С. Свищев совершил поездку в Семипалатинскую область. В докладе, представленном начальнику АЧ ГШ, свои впечатления он сформулировал следующим образом: недоброжелательного отношения киргиз к России не обнаружено; настроение к Турции, объявившей войну России, недоброжелательное; крестьяне-переселенцы и казаки недовольны привилегиями киргиз в вопросе отбывания воинской повинности; во время войны несколько замедлился переход киргизского населения к оседлому образу

---

[32] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 86.
[33] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4462. Л. 1.

жизни, вызванного боязнью необходимости в новом статусе отбывать военную повинность; вполне возможно из киргиз формировать кавалерийские части по образцу казачьих[34]. Учитывая все это, киргизское население легко можно привлечь к отбыванию воинской повинности уже сейчас, если это сделать не резко, «а действуя на киргиз исподволь»[35].

16 сентября 1915 г. Свищев в Омске докладывал о своей поездке генерал-губернатору Степного края генерал-лейтенанту Н.А. Сухомлинову. Последний так же высказался за необходимость привлекать киргиз к воинской повинности, но «ласково» привлекая в конные сотни сначала виде охотников, а со временем сделать несение воинской повинности обязательной[36].

Относительно призыва «инородцев» военное ведомство беспокоил еще один немаловажный нюанс – наличие межнациональной вражды между представителями коренных народов Туркестана.

9 февраля 1915 г. в канцелярию Военного министерства Главным управлением ГШ был сделан запрос «О зачислении на службу в Туркменский запасный эскадрон киргизов-охотников». 12 февраля 1915 г. министерство попросило АЧ дать заключение по вопросу «не имеется ли племенной розни между киргизами и туркменами и представляется ли вообще возможной совместная служба их»[37].

16 февраля 1915 г. АЧ сообщила, что племенной розни нет, и соседское проживание обоих народов в пределах Закаспийской области никогда не приводило их к столкновениям, вызываемым чувством племенного антагонизма. Однако АЧ полагала ошибочным на основании этого считать, что конфликтных ситуаций в условиях несения совместной службы не может возникнуть в принципе[38].

В ноябре 1915 г. в Государственную думу поступил доработанный законопроект Военного министерства «О привлечении к воинской повинности некоторых частей населения, освобожденных

---

[34] Там же.
[35] Там же.
[36] Там же. Л. 9 об.
[37] Там же. Д. 4413. Л. 11–11 об.
[38] Там же. Л. 13.

от нее до настоящего времени». Министерство считало несправедливым, что население центра несет воинскую повинность за окраины. Военные угрозы, возникающие на южных границах, диктовали необходимость иметь там резерв обученных военному делу людей, в том числе из представителей коренного населения[39].

Тексты законопроекта, представленного в июле и ноябре, на первый взгляд были практически идентичны. Исключение составляли выводы «призывать – не призывать». Если в законопроекте, подготовленном в 1914 г., призыв был отсрочен «до лучших времен», в ноябре 1915 г. «привлечение теперь же» на общих основаниях киргизского населения Степных областей и Туркестана считалось мерой «вполне соответствующей общим государственным интересам»[40]. «Чувство общности» с русскими у сартов за несколько месяцев не появилось, но появилась решимость Военного ведомства привлечь их «без замедления» к воинской повинности на общих основаниях[41], а вместе с ними и узбеков, и каракалпаков, и таджиков. Решение по татарам, дунганам, и уйгуром осталось прежним – призывать.

В качестве дополняющего отступления, позволяющего полнее сформировать представление о ситуации в империи на тот момент, несколько слов скажем о призыве мусульманского населения Северного Кавказа и Закавказья. Сравнивая два законопроекта 1914 и 1915 гг., относительно народов кавказского региона Военное министерство демонстрировало постоянство оценок и взглядов: закавказские татары (азербайджанцы) – «будут вполне надежными солдатами»; курды – «не призывать»; турки – «не призывать»; аджарцы – «не откладывая привлечь»[42]; абхазы – «ныне же распространить»; ингилойцы[43] – «распространить вполне своевременно»; народы Дагестана – «привлечь немедленно для комплектования Дагестанского конного полка»; чеченцы и ингуши – «привлечь на общих основаниях»[44]; кумыки – «привлечь

---

[39] *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). С. 927.

[40] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 10.

[41] Там же. Л. 10.

[42] Относительно *аджарцев* в Военном министерстве считали, что этот народ очень привязан к своей земле, поэтому можно было не опасаться их бегства в Турцию.

[43] *Ингилойцы* – этнорелигиозная группа грузин, проживающая на северо-западе Азербайджана.

[44] В законопроекте 1914 г. целесообразность призыва чеченцев и ингушей вызывала сомнения.

безотлагательно»; горцы Терской и Кубанской областей, а также Черноморской губернии – «привлечь».

В случае принятия нового закона в ряды Русской армии можно было дополнительно призвать с территории Европейской России, Кавказа, Туркестана, Сибири – 5767 тыс. человек, из которых 2603 тыс. приходилось на Туркестан. Таким образом, мужское население империи, не служившее на законных основаниях в армии, должно было сократиться до 1652 тыс. человек[45].

Такое увеличение призывного контингента влекло увеличение финансовых расходов: единовременного до 250 300 руб. и ежегодного – 198 500 руб. Однако быстрого пополнения действующих частей за счет призыва «инородческого» населения ожидать не приходилось: в ряде регионов империи практически не велись посемейные списки населения, поэтому если бы закон был принят, сам призыв можно было начать не ранее 1 октября 1917 г., то есть спустя два года[46].

27 ноября 1915 г. законопроект рассматривался в Совете министров. Последний постановил: «Представление Военного министра рассмотрением отложить, впредь до представления министром внутренних дел подробного по сему предмету отзыва, основанного на имеющих быть собранными негласным путем дополнительных сведениях»[47]. На заседании товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий заметил, что даже слух о введении воинской повинности может вызвать в Средней Азии волнения и беспорядки, подавление которых, за недостаточностью полиции и отсутствием там сейчас воинских частей, «будет сопряжено со значительными трудностями»[48].

Учитывая, что первый «инородческий солдат» мог появиться на фронте спустя как минимум полтора года после начала призывных мероприятий, когда, как полагали, война могла уже окончиться, все затраченные усилия были бы напрасными.

Поэтому 22 декабря 1915 г. законопроект был отозван начальником ГШ.

---

[45] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 23.

[46] Там же.

[47] Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1915 год. М., 2008. С. 554–557.

[48] Там же. С. 556.

Вместе с тем еще 26 июля 1914 г. главнокомандующий войсками Кавказского военного округа генерал от кавалерии И.И. Воронцов-Дашков обратился через военного министра к царю с предложением использовать «воинственные кавказские народы» и сформировать из них воинские части. Уже на следующий день 27 июля Николай II дал на это Высочайшее соизволение. 23 августа 1914 г. была сформирована Кавказская туземная конная дивизия (Дикая дивизия). На 90 % дивизия состояла из добровольцев-мусульман – уроженцев Кавказа, которые не подлежали призыву на военную службу.

Как самостоятельное военное формирование на базе дивизиона Туркменского конного полка (иррегулярной милиции) из туркмен-текинцев на добровольных началах и исключительно на средства самих туркмен начал формироваться Текинский полк. «При формировании конного Туркменского полка, – отмечал Туркестанский генерал-губернатор, – туркмены Мервского, Тедженского и Асхабадского уездов поставили отличных текинских лошадей, снарядили всадников всего на сумму 60 тыс. руб., что дало возможность выступить вновь сформированной части в отличном виде, как в отношении обмундирования, так и конного состава»[49].

Однако добровольчество как способ пополнения действующей армии отвечало, прежде всего, пропагандистским задачам, но не решало вопроса регулярного и планомерного поступления в нее воинских контингентов[50]. Несмотря на большие льготы, установленные добровольцам и их семьям, пополнение Кавказской туземной конной дивизии уже к 1915 г. натолкнулось на большие трудности, а в 1916 г. приток добровольцев в нее практически прекратился[51].

Как не странно, но причину «не призыва инородцев» следует искать не столько в плоскости национальной политики, сколько в сугубо практической, экономической сфере. В последние десятилетия XIX – первое десятилетие XX в. для комплектования Русской

---

[49] Цит. по: *Гундогдыев О.А.* «Как стадо испуганных бурей овец, гнали текинцы неприятеля…» // ВИЖ. 2004. № 8. С. 67.

[50] *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа и Красная армия 1918–1945 гг. М., 2007. С. 34.

[51] История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 540–541.

армии было достаточно мобилизационных ресурсов Центральной России. Однако она могла начать испытывать потребность в дополнительных ресурсах, поскольку Мировая война все больше приобретала затяжной характер. Тем не менее, даже в условиях затяжной войны, вернее – особенно в условиях такой войны, соображения экономической рентабельности приобретали первостепенное значение.

Однако не только фронт требовал постоянной подпитки людскими ресурсами. Все более остро вставал вопрос о нехватке рабочих рук на промышленных предприятиях Центральной России.

9 марта 1915 г. Николай I утверждает решение Совета министров «О допущении лиц женского пола и не достигших пятнадцатилетнего возраста малолетних к ночным и подземным работам на каменноугольных копях Европейской России»[52].

5 января 1916 г. постановлением Совета министров министром земледелия было образовано междуведомственное совещание по вопросу о применении на территории России труда корейских и китайских подданных[53]. Были утверждены основные нормы и принципы, на основании которых иностранцы могли привлекаться для работы на российских предприятиях.

26 апреля 1916 г. правительство рассмотрело представление Министерства земледелия от 19 апреля 1916 г. «О выписке персидских рабочих»[54]. Но эта мера не могла в достаточной степени удовлетворить дефицит в неквалифицированной рабочей силе. Поэтому правительство решилось задействовать последние внутренние резервы и приступить к мобилизации на востоке страны.

Летом 1916 г. в Ставке состоялось совещание о производстве работ по устройству оборонительных сооружений в прифронтовых местностях. Выяснилось, что нужен 1 млн человек. Из народов, не несущих воинскую повинность, собирались создать рабочие дружины, общей численностью в 550 тыс. человек. Совет министров обсудил эту проблему на заседаниях 3, 6 и 14 июня 1916 г.[55] Уже 6 июня

---

[52] Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1915 год. М., 2008. С. 105–104.

[53] ГА РФ. Ф. 102. Д. 2. Оп. 72. Д. 10. Ч. 7. Л. 1–2.

[54] Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1916 год. М., 2008. С. 177–178.

[55] Там же. С. 252–256.

1916 г. Управление воинской повинности МВД направило секретную депешу Туркестанскому генерал-губернатору, в которой сообщалось об одобрении законопроекта Советом министров в принципе, но указывалось на необходимость собрать дополнительные сведения. При этом управление просило генерал-губернатора ответить на вопрос: не следует ли опасаться каких-либо затруднений при призыве инородцев[56]. Вопрос, видимо, был задан из вежливости, поскольку, не дав туркестанской администрации времени на обдуманный и хорошо взвешенный ответ, решение было принято. Привлечение населения Азиатской России для обеспечения нужд действующей армии в 1916 г. тогда посчитали мерой безопасной и наименее хлопотной.

25 июня 1916 г. Николай II подписал Высочайшее повеление «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» в возрасте от 19 до 43 лет включительно[57].

Следует особо подчеркнуть, что подготовленный документ назывался не «царский указ», как было принято его называть в со-

---

[56] *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 304.

[57] Документ включал в себя следующее: «Государю императору, благоугодно было, в 25 день июня 1916 г., Высочайше соизволить повелеть: 1) Для работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ, – привлечь в течение настоящей войны нижепоименованное мужское инородческое население империи, в возрасте от 19 до 43 лет включительно: а) инородческое население Астраханской губернии и всех губерний областей Сибири, за исключением бродячих инородцев и всех вообще инородцев обитающих: в областях Приморской, Амурской, Камчатской и Сахалинской, в округах Средне-Колымской, Верхоянской и Вилюйской Якутской области, в Туруханском и Богучарсколм отделениях Енисейской губернии и уезда, в Тогурском отделении Томской губернии и уезда, а также в Березовском и Сургутском уездах Тобольской губернии; б) инородческое население областей Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской, Тургайской и Закаспийской; в) мусульманское население Терской и Кубанской областей Закавказья (за исключением подлежащих отбыванию воинской повинности натурою осетин-мусульман, а также не подлежащих сей повинности турок и курдов), обитающих в Закавказье езидов, ингилойцев-христиан и абхазцев-христиан Сухумского округа, равно как трухмен, ногайцев, калмыков и прочих подобных им инородцев Ставропольской губернии. И 2) Определение возрастов инородческого населения, подлежащего привлечению к работам, согласно предыдущему пункту, а равно установление подробных правил привлечения их к самим работам применительно к порядку, заключающемуся в Высочайше утвержденном 3 августа 1914 г. положении Военного Совета, предоставить соглашению министров Внутренних Дел и Военного» // Собрание узаконений и распоряжений правительства № 182 от 6 июля 1916 г., ст. 1526.

ветской историографии вслед за многими дореволюционными чиновниками, включая генерала А.Н. Куропаткина, а «Высочайшее повеление», объявленное военным министром[58].

Целью Высочайшего повеления являлось обеспечение рабочей силой оборонных объектов и военных предприятий, то есть расширение возможности призыва на фронт занятых там русских рабочих путем замены их населением, освобожденным от несения воинской повинности.

Окончательное определение возрастов населения, подлежащего привлечению к работам, было за министрами внутренних дел и военным. Иными словами, в повелении не был прописан механизм исполнения принятого решения. Следует подчеркнуть, что в соответствии с законами Российской империи повеление вступало в юридическую силу с момента его официальной публикации в «Собрании узаконений и распоряжений правительства». В Туркестане о повелении узнали 28–29 июня 1916 г. Его сокращенное содержание получили по телеграфу и сразу преступили к выполнению. Но официально Высочайшее повеление было опубликовано только 6 июля 1916 г.[59] Сложно сказать, почему краевая власть так поторопилась «взять под козырек» и преступила к выполнению повеления на 11 дней раньше положенного законом срока.

Почва для социального взрыва, формировавшаяся долгие годы, была простимулирована за считанные дни. И он, взрыв, не заставил себя долго ждать: спустя несколько дней на территории всех пяти областей Туркестана от Каспия до Тянь-Шаня разгорелось восстание, угрожавшее как социально-политическому спокойствию, так и экономической стабильности на Азиатских рубежах империи, что для России в состоянии войны было жизненно необходимо.

Высочайшее повеление было подписано, по сути, на фронте, в Ставке Верховного главнокомандующего. Этим, видимо, объясняется, что принятию столь важного решения не предшествовала

---

[58] Царь мог издавать только три вида документов: «Указ Правительствующему Сенату», «Манифест» и «Рескрипт». В годы Первой мировой войны, когда Николай II взял на себя личное командование войсками, к ним добавился еще «Приказ армии и флоту».

[59] Собрание узаконений и распоряжений правительства. № 182 от 6 июля 1916 г., ст. 1526.

долгая переписка с военным министром, АЧ ГШ, Туркестанским генерал-губернатором, МИДом и МВД, с детальным согласованием всех пунктов Высочайшего повеления, а самое главное – возможных последствий его принятия, как того требовала обычная бюрократическая практика.

Как принималось это решение, на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 11 октября 1917 г. рассказал бывший военный министр Российской империи Д.С. Шуваев[60].

Ставка требовала во что бы то ни стало найти рабочих в количестве 1 млн человек и дополнительно мобилизовать в армию 300 тыс. человек. Европейская Россия такого количества людей для реквизиции и мобилизации дать не могла. По словам военного министра, он не мог обойтись «без какого-нибудь источника», который бы давал этот миллион. Началась «усиленная торговля со Ставкой» в лице начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева. Сошлись на компромиссной цифре 400 тыс. рабочих. Но где их взять?

Вспомнили о давно обсуждаемом законе «О привлечении к отбыванию воинской повинности инородцев». Но все заинтересованные стороны признали необходимым этот вопрос отложить. «А между тем, – как вспоминал на допросе Шуваев, – нужно было во что бы то ни стало этих рабочих получить».

Вернувшись из Ставки, Шуваев с разрешения председателя Совета министров Б.В. Штюрмера собрал у себя и.о. министра внутренних дел С.А. Куколь-Яснопольского, начальника ГШ генерала П.И. Аверьянова со словами: «Мне во что бы то ни стало, хоть тресни, а нужно рабочих, иначе… мы проиграем кампанию. …В пределах каждого округа, Туркестанского, затем Сибирского командующие войсками имеют право, имели, да и теперь, вероятно, имеют право призывать рабочих».

На допросе у Шуваева спросили, почему он не сделал запросов генерал-губернаторам регионов, подпадавшим под действие нового закона, бывший военный министр ответил прямо, что он не

---

[60] См.: Падение царского режима. (Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). Л., 1927. Т. 7. С. 291–295.

смотрел на это решение, как на принятие нового закона. Если бы речь шла о введении воинской повинности, то в этом случае это было бы новым законом и его необходимо было согласовывать и обсуждать с региональным руководством. Другими словами военный министр искренне полагал, что данное решение полностью укладывается в рамки принятого 3 августа 1914 г. «Закон о реквизиции[61–62], согласно которому можно было использовать «местных жителей» для «всякого рода работ, вызываемых военными обстоятельствами».

Ключевой словосочетание, на которое стоит обратить внимание – «местные жители». Означало ли это, что жителей, например, Туркестанского края, можно было брать и вывозить в другие регионы на работу? Забегая вперед, скажем, что это же словосочетание смутит и депутатов Государственной думы.

Первоначально Шуваев стоял на точке зрения о необходимости просто объявить особый призыв или даже ввести воинскую повинность. «Меня поставили в узкие рамки, – оправдывался на допросе бывший министр. – …При начале было много суждений в Ставке, а тут пришлось поставить это в рамки реквизированных рабочих, без всяких надежд и предположений на будущее. И я смотрел на это, как на реквизицию».

Далее Шуваев, Штюрмер и Куколь-Яснопольский «порешили», что Шуваев должен «испросить Высочайшее соизволение» на реквизицию рабочих.

Первым в Ташкент о подписанном повелении телеграммой сообщил председатель Совета министров Штюрмер, предписав принять незамедлительные меры к призыву рабочих. На допросе Шуваеву был задан прямой вопрос: «Как случилось, что Штюрмер, обязанный согласно этого повеления сговориться с вами и относительно возраста, и относительно порядка исполнения этого повеления, сам дал телеграфное распоряжение о приведении

---

[61] Под реквизицией понималось принудительное приобретение местных средств, необходимых для удовлетворения потребности армии, с производством оплаты или с выдачей квитанции по утвержденным тарифам и установленным ценам.

[62] Высочайше утвержденное 3 августа 1914 г. положение Военного совета об изменении главы 6 кн. 18 Военного совета. 1869 г. Издание 1907 г. и об утверждении положения о порядке производства реквизиции во время войны и в период мобилизации // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих за 1914–1915 гг., вызванных обстоятельствами военного времени. СПб., 1916.

в исполнение этого Высочайшего повеления?» Бывший военный министр, сославшись на этические принципы (Штюрмера уже не было в живых), отвечать отказался.

Следует отметить, что этот вопрос ранее уже задавался военному министру депутатом Государственной думы А.Ф. Керенским. На закрытом заседании по туркестанским событиям 13 декабря 1916 г. как юрист Керенский заострил внимание собравшихся депутатов на том, что в Высочайшем повелении 25 июня не было пункта «привести настоящий указ в исполнении по телеграфу». Следовательно, местная власть не имела права приступить к его выполнению после телефонного звонка из Петрограда. А председатель Совета министров и министр внутренних дел до публикации в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» не могли требовать от местных властей немедленного и неукоснительного исполнения Высочайшего повеления[63].

На допросе Шуваев все время акцентировал внимание на том, что принятое повеление не было новым законом, что это был ранее принятый закон о реквизиции, в рамках действия которого и хотели привлечь новых рабочих для тыловых работ. Однако у целого ряда государственных и политических деятелей России сложилось впечатление, что повеление нарушило ст. 71 Основного закона Российской империи, говорящую о том, что «русские подданные обязаны отбывать повинность» только «согласно постановлению закона»[64].

Иными словами, что Высочайшее повеление 25 июня 1916 г. было принято не в рамках уже действующего закона, а само по себе являлось новым законом, который принимать без обсуждения и одобрения Государственной думы и Государственного совета никто не имел права.

Вдогонку к Высочайшему повелению 27 июня 1916 г. последовал циркуляр МВД «О привлечении реквизиционным порядком инородцев к строительным работам в районе действующей армии». Реквизицию предписывалось провести в кратчайший срок[65].

---

[63] См. ниже в публикуемых документах.

[64] Статья 71 гласит: «Российские поданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона».

[65] *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). С. 934.

29 июня 1916 г. мобилизация была начата.

Коренное население Туркестана истолковало мобилизацию на тыловые работы как отказ со стороны русского правительства от данных ранее обязательств и нарушение своих законных прав. Призыв на тыловые работы у населения устойчиво ассоциировался с мобилизацией в армию, ведь призывавшиеся могли находиться в том числе и в районах боевых действий.

Согласно повелению, 25 июня 1916 г. в первую очередь мобилизации подлежало мужское население в возрасте от 19 до 31 года включительно. Для сельского населения это означало потерю основной части работников в разгар полевых хлопковых работ. Русские промышленники говорили об угрозе экономической катастрофы. Они требовали отсрочки набора до окончания работ по уборке хлопка, столь необходимого тогда стране (использовался для производства взрывчатых веществ и перевязочных материалов), или проведение его на более высоком организационном уровне.

По наряду Туркестан должен был направить на тыловые работы порядка 250 тыс. человек. Но уже 2 июля 1916 г. на совещании, состоявшемся у временно исполнявшего должность Туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеева с участием военных губернаторов, краевая администрация пришла к единодушному выводу – наряд необходимо уменьшить, хотя бы до 200 тыс.[66]

Совещание возложило практическую реализацию Высочайшего повеления на низовую администрацию из числа коренного населения и выразило полную уверенность в том, что беспорядков удастся избежать. Сомнения высказал только военный губернатор Ферганской области А.И. Гиппиус. Он возразил против организации мобилизации рабочих силами волостной и сельской администрации, считая ее крайне ненадежной, и не сомневался, что, выгораживая от призыва имущие категории населения, она, низовая администрация, постарается всю тяжесть призыва переложить на бедняков. Это обстоятельство могло привести к массовым возмущениям.

---

[66] *Ковалев П.А.* Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957. С. 32–33.

Присутствовавший на совещании управляющий Политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульга 9 июля 1916 г. телеграфировал в МИД: «…склонен придавать более значение желательности избегнуть осложнений в Средней Азии, нежели привлечению сравнительно небольшого числа рабочих из местных туземцев»[67]. Об этой позиции политического агента МИД информировал директора Дипломатической канцелярии при Штабе Верховного главнокомандующего.

Как оказалось, военный губернатор Ферганской области нисколько не преувеличивал проблемы с толкованием и исполнением повеления. Сельские и аульные старосты, которым было поручено составление списков мобилизованных, восприняли Высочайшее повеление по-своему. Судя по всему, именно они стали распространять слухи, что это не набор на тыловые работы, а скрытая мобилизация на фронт, необходимая для уничтожения коренного населения для заселения освободившихся земель русскими[68]. Масло в огонь подливало и русское население, так же пугавшее не искушенное мусульманское население, что на фронте их используют в качестве живого щита[69].

Еще до объявления мобилизации коренное население Туркестана добровольно вербовалось на работу. Например, в Аулиеатинском и Черняевском уездах Сырдарьинской области военно-инженерной организацией на тыловые работы было набрано около 10 тыс. человек[70].

Местное население в основной своей массе не понимало ни цели, ни характера новой обязанности. Краевая печать, возможно, из страха перед военной цензурой не освещала этого вопроса, а официальной прессы на местных языках, за исключением «Туркестанской туземной газеты», не существовало. Только 15 июля, когда беспорядки в городах Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областей подходили к концу, в «Туркестанских ведомостях» появляется статья с запоздалыми разъяснениями.

---

[67] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 29.

[68] *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). С. 305–306.

[69] *Исхаков С.М.* Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии [Электронный ресурс] // http://www.tatar-history.narod.ru/azia-tyrk.htm (дата обращения: 20.12.2015).

[70] Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы / Сост. *Л.В. Лесная*. М., 1937. С. 20.

Проводя некоторую аналогию, уместно вспомнить, что после принятия в 1874 г. нового «Устава о воинской повинности», среди мусульман Поволжья стали распространяться слухи о принудительном крещении при призыве на воинскую службу, что вызвало серьезные волнения. По мнению Департамента Духовных Дел Инославных Исповеданий (ДДДИИ), эти слухи были инспирированы агентурой Османской империи в целях срыва воинских призывов и даже возникла угроза массовой эмиграции поволжских мусульман в Турцию. Это мнение сформировалось на основании донесений местных властей и ему придавалось серьезное политическое значение[71].

Нарушения и злоупотребления, допускаемые в ходе мобилизации представителями низовой администрации Туркестанского края, состоявшей из лиц коренных национальностей, стали очевидны практически сразу. Не редко они использовали мобилизацию для наживы. Сыновья богатых откупались, а бедняки лишались единственных кормильцев.

Стоит отметить, что за отбывание этой трудовой повинности рабочие должны были получать денежное вознаграждение и находиться на полном обеспечении государства. Так, например, в 1986 г. в Душанбе был опубликован уникальный документ, свидетельствовавший о том, что рабочим Хроджентского уезда действительно выплачивались определенные денежные суммы. Это расписка о получении доверенным лицом (аксакалом) двух мобилизованных рабочих денег в размере 7 тыс. танга. Во время получения денег в качестве свидетелей присутствовали мать и жена одного из рабочих. Почему деньги не были выданы самим рабочим или их ближайшим родственникам (матери и жене), в документе не указано. Примечательно, что аксакал, за посредничество получал вознаграждение в размере 3 % от общей суммы. В документе нет отметки, получили ли рабочие причитавшиеся им деньги, но есть отметка, что «из указанных денег осталось 130 сумм на расходы аксакала»[72].

---

[71] *Лукьянов С.А.* Роль Департамента духовных дел и иностранных вероисповеданий МВД Российской империи в реализации государственной вероисповедной политики (1800–1917 гг.). М., 2008. С. 259.

[72] *Егани А.А.* Документ о наборе тыловых рабочих в 1916 г. // Исследования по истории и культуре Ленинабада – Ходжента. Душанбе, 1986. С. 191–193.

Рискнем предположить, что ситуация с подобной схемой выплаты рабочим денег была типичной и не только для Ходжентского уезда, а, возможно, носила массовый характер.

Что нам известно совершенно точно, это то, что уже 3–4 июля 1916 г. в Ходженте произошли первые волнения, вылившиеся в расправы над чинами местной и русской администрации. В столице Туркестанского края Ташкенте восстание так же вспыхнуло одним из первых – 7 июля. Наиболее крупное восстание произошло 13–21 июля 1916 г. в Джизаке. В нем участвовало несколько тысяч человек, среди которых было очень много женщин, и это не было случайностью. В рамках традиционного общества и шариата, исключавших женщину из активной общественно-экономической жизни, изъятие кормильца-мужчины из семьи обрекало эту семью на еще большие лишения и без того не простое военное время.

В так называемых коренных областях Туркестанского края (Ферганской, Самаркандской, Сырдарьинской), охваченных восстанием, ситуация развивалась примерно одинаково: жители отнимали списки рабочих у волостных управителей, а затем расправлялись с чиновниками[73].

Местные власти стали принимать экстренные меры по подавлению очагов восстания. Против восставших были брошены войска[74].

На фоне все набиравшего силу восстания среди официальной переписки между Петроградом и Ташкентом за первую половину июля 1916 г. исследователь может встретить, мягко говоря, неожиданные сообщения временно исполнявшего должность Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии М.Р. Ерофеева: «Во всех местностях края спокойно…»[75].

18 июля 1916 г. Туркестан был объявлен на военном положении.

Подписание и объявление Высочайшего повеления совпало по времени с месяцем мусульманского поста, что так же негативно

---

[73] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 10.

[74] Подробнее см.: *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. V. М., 2008. С. 152–214.

[75] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 105 и др.

сказалось на его восприятии глубоко религиозным населением Туркестана. Духовные лидеры всегда имели здесь большое количество мюридов-последователей.

Наиболее массовый и в какой-то степени организованный характер под предводительством религиозных лидеров восстание носило в Ходженте и Джизаке. Хотя, как свидетельствуют документы, еще до начала Первой мировой войны власти ежегодно в преддверии очередной годовщины Андижанского восстания 1898 г. ожидали возможные протестные акции со стороны населения в Андижане и его окрестностях.

Как это нередко случалось, в 1915 г. «сознательный гражданин», некто Александр Тимофеев сообщил властям о государственной измене самым богатым человеком в Туркестане, андижанским купцом-миллионером Миркамилем Мумынбаевым. Он был неофициальным хозяином Андижанского уезда, поэтому не удивительно, что нажил в уезде врагов, завистников и конкурентов. Расследование обстоятельств «дела Мумынбаева» велось под прокурорским надзором, но не было обнаружено никаких улик, указывавших на антигосударственную деятельность подследственного. «Провокация» – к такому заключению пришли генерал-губернатор, прокурор Ташкентской судебной палаты и его заместитель. Помимо сбора денег на строительство турецкого флота, очень неприятным фактом для следствия была имевшая место (якобы) встреча Миркамиля с Энвер-пашой. Это подтверждали три спутника Миркамиля, сопровождавшие его в поездке из Константинополя в Мекку. Но факт невозможно было проверить. После детального изучения дела Мумынбаева генерал-губернатор Ф.В. Мартсон пришел к неутешительному выводу: доказательств государственной измены не найдено и Миркамиля нужно освобождать из-под ареста. Спасая честь мундира, генерал Мартсон принял, как ему казалось, единственно правильное решение – выслать Миркамиля из Туркестана в административном порядке на год. Мумынбаев был влиятельным человеком, а это значило, что дело, заведенное против него, стало в крае резонансным и не способствовало сближению власти и населения[76].

---

[76] *Котюкова Т.В.* Спасая честь мундира: дело Миркамиля Мумынбаева // Восток свыше. 2015. № 4. С. 29–47.

Но опасения не подтвердились. Не Ферганская долина, а Семиречье стало самой жаркой точкой на карте Русского Туркестана в 1916 г.

Государственная политика в отношении ислама в Туркестане выстраивалась постепенно. Заложенная еще первым генерал-губернатором Туркестана К.П. фон Кауфманом, она заключалась в последовательном «игнорировании» ислама[77] по принципу «ни гонений, ни покровительства»[78]. На христианское миссионерство среди «туземцев» был наложен строгий запрет не только в лице православных миссионеров, но и католических и протестантских, который в начале XX в. уже не соблюдался так жестко[79].

Так, одним из основных направлений деятельности Иссык-Кульского мужского Свято-Троицкого монастыря, основанного в 1881 г., было ведение миссионерской и просветительной деятельности среди местного мусульманского населения. В 1898 г. при монастыре была открыта школа для киргизских и русских детей. Правда планируемая изначально миссионерская деятельность так и не началась. Для ее проведения епархия совершенно не располагала подготовленными кадрами. К 1915 г. не было зафиксировано ни одного случая принятия крещения со стороны мусульман[80]. Тем не менее, стоит отметить, что монастырь очень сильно пострадал во время восстания 1916 г.

При этом Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) не могло вмешиваться и влиять на внутренние дела туркестанских мусульман. Но на практике это никоим образом не означало, что «мусульманский вопрос» в Туркестане был пущен на самотек и выпадал из поля зрения царской власти.

В таких условиях происходило неизбежное сближение духовных лидеров с массой простых мусульман и ставило первых во главе всякого рода скрытых и явных антиправительственных и антирусских движений[81]. Другими словами, если бы из мусуль-

---

[77] Такой же позиции в Степном крае придерживался его первый генерал-губернатор Г.А. Колпаковский.

[78] Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 1867–1881. СПб., 1885. С. 207–208.

[79] ЦГА РУз. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 125. Л. 39.

[80] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2676. Л. 23 об.

[81] *Литвинов П.П.* Органы департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном. Елец, 2007. С. 403.

манского духовенства сделали государственных чиновников, а именно так правительство поступило в Поволжье, Урале, Крыму, на Кавказе, создав там «магометанские духовные собрания», то ситуация в Туркестане могла выглядеть иначе.

По мнению сотрудников Туркестанского районного охранного отделения (ТРОО), достаточно было письменного или словесного распоряжения духовных наставников (в исламе нет института рукоположенного духовенства, как в христианстве) «о послушании русским властям», и беспрекословное исполнение Высочайшего повеления от 25 июня было бы обеспечено, и «все было бы тихо и выступлений не происходило»[82].

Большой резонанс в крае имела история с военным губернатором Ферганской области генералом А.И. Гиппиусом, который во время восстания, надев на себя халат и тюбетейку, выступал с увещеваниями перед возмущенной толпой местных жителей с Кораном в руках. Такое поведение вызвало неодобрение М.Р. Ерофеева, а позже и вновь назначенного генерал-губернатором Туркестана А.Н. Куропаткина. В итоге Гиппиус был «отозван от должности» из-за «неправильного толкования Высочайшего повеления»[83].

Учитывая возникшие проблемы, 30 июля 1916 г. было объявлено об отсрочке мобилизации до 15 сентября. В правящих кругах подумывали о полной отмене мобилизации для Туркестана, как это было сделано в отношении Кавказа. Однако в Петрограде побоялись, что эта мера «будет объяснена туземцами не иначе как слабость русского правительства»[84].

В августе 1916 г. для обсуждения и объединения мероприятий по обороне было созвано Особое межведомственное совещание Военного министерства и МВД. В его задачи входило предусмотреть при организации призыва на тыловые работы все наиболее важные и сложные вопросы: транспортировку, питание, оплату труда, условия освобождения или отсрочки и др.[85]

---

[82] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2118. Л. 75 об.

[83] Губернатор в роли проповедника Корана [публикация *П. Русина*] // Красный архив. 1936. Т. 2 (75). С. 188–191

[84] История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968. С. 554.

[85] «Совещание признало полезным…» Из журнала заседания междуведомственного совещания об организации призыва инородцев на тыловые работы. 1916 г. [публикация *Д.А. Аманжоловой*] // ИА. 2004. № 3. С. 189–206.

9 октября 1916 г. правительство принимает решение, согласно которому вместо работ по Высочайшему повелению от 25 июня разрешалось вступать рядовыми «охотниками» в казачьи части без зачисления в казацкое сословие и только на период войны. «Охотник» должен был явиться со своим обмундированием, конем и т. д.[86]

Тыловых рабочих для нужд армии должен был предоставить не только Туркестан. Как происходило исполнение Высочайшего повеления от 25 июня 1916 г. в других регионах империи и какова была реакция на него местного населения?

Представители коренных народов Сибири так же подлежали мобилизации на тыловые работы. К июлю 1916 г. на специально организованных сборных пунктах скопились около 10 тыс. человек. Однако в прифронтовую зону призывники так и не попали. Правительство признало невозможным перевести эту массу людей в район действующей армии. Император перенес мобилизацию на более поздний срок, а сами мобилизованные были распушены по домам. В Якутской области по ходатайству товарищества «Лензолото» мобилизация якутов была отменена. В остальных районах Сибири мобилизация продолжалась[87].

Коренных жителей Сибири, в основном бурят, правительство направило в Архангельск для работы на предприятиях Беломорского водного района. Всего с 9 августа 1916 г. по 28 марта 1917 г. шестью эшелонами в Архангельск был доставлен 6131 человек[88].

Когда мобилизованные прибыли на место, выяснилось, что в порту нет необходимости в таком большом количестве неквалифицированных рабочих и больше половины из них было откомандировано в распоряжение различных ведомств и предприятий. 29 августа 1916 г. был подписан приказ о формировании Архангельской инородческой дружины. Всего за восемь месяцев ее существования 289 человек умерло от различных заболеваний, а 677 рабочих были признаны неспособными к труду и отправлены на родину[89].

---

[86] Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Отделение I. Т. XXXII. Пг., 1916. С. 2312.

[87] Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 223–224.

[88] *Трошина Т.И.* Великая война… Забытая война… Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск, 2008. С. 118.

[89] Там же. С. 119.

Практика отправки людей в районы, удаленные от мест их постоянного проживания, мало оправдывала себя. Условия работы мобилизованных были крайне тяжелыми, плохие условия проживания, непривычное питание приводили к массовым заболеваниям. Поэтому сотни из них бросали работу и бежали в родные места. Официальная же дереквизиция состоялась только в мае 1917 г.

Высочайшее повеление о привлечении на тыловые работы было встречено горцами Кавказа протестами и вооруженными выступлениями[90]. Они прошли в Кабарде, Балкарии, Чечне и Ингушетии. 12 января 1917 г. начальник Бакинского губернского жандармского управления доносил помощнику наместника на Кавказе, что «между мусульманами Дагестана и Терской области состоялось соглашение, по которому они обязались людей ни в коем случае на работу не давать и в случае насилия со стороны властей оказать вооруженное сопротивление, взаимно поддерживая друг друга. В Терской области, по слухам, был создан комитет по организации восстания, который раздавал мусульманам деньги для приобретения оружия[91].

Антиправительственные выступления были отмечены на территории современного Дагестана в аулах Ахты, Гудермес и Шатой. Но в отличие от Туркестана и Степного края, мы не увидим здесь осознанных русских погромов, хотя даже при поверхностном рассмотрении вопроса переселения ситуация на Кавказе очевидны некоторые параллели[92]. Почему? Во-первых, земельный фонд, а значит, потенциал для возможности расширения переселения здесь не был таким богатым, как в Туркестане и Степном крае. Во-вторых, горцы уже давно занимались отходничеством. Они были заняты на строительстве железных дорог, нефтепромыслах и т. д. Регулярно отправлялись на заработки и сезонную работу в Центральную Россию представители народов Дагестана

---

[90] История Дагестана. Т. 2. М., 1968. С. 289.

[91] Цит. по: *Басилая Ш.И.* Закавказье в годы Первой мировой войны. С. 86.

[92] *Зуева О.Б.* Конфессиональная переселенческая политика России на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 151–154; *Суздальцева И.А.* Русские переселенческие участки на Северо-Восточном Кавказе в начале XX в. // ВИ. 2009. № 11. С. 109–120; *Багиров Ф.Э.* Переселенческое движение в Азербайджане в 1830–1914 гг. // ВИ. 2010. № 2. С. 142–149; и др.

(до 90 тыс. человек), осетины, вайнахи (чеченцы и ингуши) и т. д.[93] Поэтому даже с психологической точки зрения народы Кавказа были знакомы с особенностями быта, климата и прочими факторами жизни европейской части империи и не испытывали такого «культурного шока» от встречи с совершенно чужим и непонятным миром, какой неминуемо должны был испытать уроженцы Центральной Азии.

Как и в других регионах империи, часть национальной интеллигенции и предпринимателей на Кавказе всячески пыталась выразить свои верноподданнические чувства.

С другой стороны, в связи с началом военных действий на Кавказском фронте особую активность здесь проявляла Османская империя. Сюда было тайно переброшено 60 турецких офицеров для проведения подрывной деятельности и пантюркистской агитации[94].

Высочайшее повеление 25 июня 1916 г. полностью порывало с традиционными формами отношений нерусских народов империи с русской армией: или добровольное вступление в боевые части, или откуп посредством военного налога. Принудительная мобилизация на тыловые работа заведомо ставила «тыловиков» в унизительное положение по отношению к фронтовикам. Такой грубый, сугубо практичный подход находился в вопиющем противоречии с тем, как царизм лелеял немногочисленные национальные части, что еще раз подчеркивало их декоративные функции[95].

Освобождение от воинской службы было постоянным источником неприязни со стороны тех, кто служил в армии и их родственников[96]. В условиях начавшейся войны подобная привилегия порождала в русском обществе упреки в том, что кто-то собирается уцелеть за чужой счет. С другой стороны, существовал

---

[93] *Орешин С.А.* Межнациональные конфликты в Терско-Дагестанском крае в 1917 г.: генезис, развитие, пути преодоления // Устное выступление на круглом столе «Национальные противоречия как угроза безопасности страны в годы Великой российской революции 1917 г.». 1 апреля 2016 г., Москва.

[94] История Азербайджана. Баку, 1960. С. 742.

[95] *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа и Красная армия 1918–1945 гг. М., 2007. С. 35.

[96] *Дубровская Е.* Первая мировая война в Финляндии: империя против нации, российская армия против финляндцев // Ab imperio. 2001. № 4. С. 177.

риск превращения этнически однородных воинских формирований в символы национального суверенитета, что в сочетании с иными проявлениями автономистских и сепаратистских настроений могло расцениваться как угроза целостности империи[97].

Очевидно, что Высочайшее повеление не носило характер осознанной адресной репрессии. Он был применен на огромной территории от Атлантического до Тихого океана в отношении целого ряда больших и малых народов и этнических групп.

Но вернемся к событиям в Туркестане.

22 июля 1916 г. в должности нового генерал-губернатора Туркестана был утвержден генерал-адъютант А.Н. Куропаткин. 8 августа Куропаткин прибыл в Ташкент. Он наделялся огромными полномочиями. Аргументом, говорившим в пользу кандидатуры Куропаткина, несомненно, был тот факт, что свою военную карьеру он начинал со службы в Туркестане.

Из опыта полумесячной борьбы с восстанием и его последствиями, предшествовавшими его назначению, Куропаткин сделал вывод, что нельзя полагаться только на силу оружия, нужна политика уступок и лавирования, необходимо обновить саму систему управления краем. Вот что он пишет 29 августа 1916 г. начальнику Управления земледелия и государственного имущества Н.М. Булатову: «К прекращению беспорядков мною ныне приняты соответственные меры... Но наряду с вооруженной силой, нужной для предупреждения и пресечения открытого сопротивления или возмущения, необходимы меры и иного характера... Русской власти за полувековое владычество в крае не удалось не только сделать инородцев верными слугами Российского императора и преданными гражданами Российского государства, но и вселить в их сознание единство их интересов с интересами русского народа»[98].

Далее Куропаткин обращал внимание на следующие моменты: «В этом, думается мне, повинны в известной мере и несовершенство закона, нормирующего управление Туркестанского края, и приемы управления, и, наконец, мероприятия, издававшиеся для устройства быта местного населения. Действующим зако-

---

[97] *Лапин В.* Армия империи – империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил России в XVI – начале XX в. // Ab imperio. 2001. № 4. С. 135.

[98] ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

ном туземное население поставлено в обособленное положение от коренного населения Империи как в отношении управления и устройства быта, так и в отношении личных прав»[99].

Как видно из документа, в очень непростой ситуации Куропаткин достаточно трезво оценивал истинное положение вещей.

Близкой к критической была ситуация с управленческими кадрами, которые, как известно, решали если не всё, то многое. В этом смысле Куропаткину досталось тяжелое наследство. С началом войны состав высшей администрации в крае значительно изменился. Генерал-губернатор Туркестана А.В. Самсонов получил назначение в качестве командующего армией на Западном фронте. Его помощник генерал В.Е. Флуг последовал за ним. На фронт также были направлены начальник Закаспийской области генерал Л.В. Леш, военный губернатор Самаркандской области генерал И.З. Одешелидзе. Ушли на фронт и кадровые части Туркестанского военного округа (ТуркВО). Новым генерал-губернатором края в 1914 г. назначили генерала Ф.В. Мартсона, которому шел 62-й год, и он был серьезно болен. На своих должностях остались уже отошедшие от строевой службы военные губернаторы Сырдарьинской, Ферганской и Семиреченской областей – генералы А.С. Галкин, А.И. Гиппиус и М.А. Фольбаум.

О том, насколько серьезно стоял кадровый вопрос, можно судить из письма Туркестанского генерал-губернатора Ф.В. Мартсона начальнику ГШ Н.П. Михневичу 3 октября 1915 г.: «Я за год пребывания в должности не имел возможности лично быть в г. Верном, а по некоторым данным и. д. военного губернатора Семиреченской области, д.с.с. Осташкин, будучи без помощника, тоже не мог быть в Ташкенте, и поэтому о состоянии его здоровья я только понаслышке знаю, что оно неудовлетворительное. За это время у меня нет помощника, которого я мог бы послать в Семиреченскую область. Поэтому я вынужден судить о делах в области по переписке и верить заявлению генерала Фольбаума, который, прося согласия моего на перевод его в армию, заявил, что оба его заместителя (по должностям военного губернатора и командующего войсками области) вполне соответствуют этому»[100].

---

[99] ЦГА РУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.
[100] РГИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4413. Л. 46.

Ахиллесовой пятой в системе управления Туркестаном было слабое знание чиновниками краевой администрации местных языков. Этот факт неоднократно с прискорбием отмечался в официальной переписке между Петербургом и Ташкентом на самом высоком уровне. Между населением и царской администрацией по меткому выражению одного современника «встряли туземные должностные лица» и переводчики.

Перед приездом в Ташкент, 23 июля 1916 г. генерал Куропаткин записал в своем дневнике: «Вчера у меня сидел генерал Покотило, недавно бывший в Туркестане и хорошо его изучивший. По его словам, там положение создалось серьезное. Власть в плохих руках. Эмиссары Германии работают во всю. Массы пленных избалованы. …Низшая администрация берет взятки. Народ в кабале»[101].

Вновь назначенный генерал-губернатор ввел особый порядок, согласно которому количество мобилизуемых рабочих от каждой области, волости и уезда утверждали специально избранные представители от населения. 23 августа 1916 г. приказом Куропаткина от набора были освобождены: должностные лица, полицейские чины, имамы, муллы и мударисы; служащие учреждений мелкого кредита; учащиеся в высших и средних учебных заведениях; лица, занимающие классные должности в правительственных учреждениях; лица, пользующиеся правами дворян, потомственных почетных граждан и личных почетных граждан[102].

При общении с русским населением генерал Куропаткин пытался всеми доступными ему средствами успокоить его и вернуть в край хотя бы видимость стабильной жизни, поскольку правительство не справилось со своей основной задачей – не смогло обеспечить безопасность людей, поселив их на далекой окраине. Недовольству «туземцев» было решено противопоставить непоколебимую мощь Российского государства.

Восстание оседлого населения в городах и кишлаках Туркестана длилось относительно недолго, уступив место эпизодическим всплескам насилия. Однако «успокоения» не наступило. В начале

---

[101] Восстание 1916 г. в Средней Азии [публикация *П. Галузо*] // Красный архив. 1929. Т. 3 (34). С. 45.

[102] «Совещание признало полезным…» Из журнала заседания междуведомственного совещания об организации призыва инородцев на тыловые работы. 1916 г. [публикация *Д.А. Аманжоловой*] // ИА. 2004. № 3. С. 190.

августа 1916 г. власти столкнулись с большим по своей силе восстанием среди кочевого (казахского и киргизского) населения в Сырдарьинской и Семиреченской областях края.

В Семиречье восстание охватило в основном обширную территорию Пишпекского и Пржевальского уездов. Так, близ селения Рыбачье (ныне Балыкчи) восставшими был захвачен транспорт оружия, которое предназначались для вооружения формировавшегося в Пржевальске отряда конного запаса. В Пишпекском уезде восстало шесть волостей, в результате чего телеграфное сообщение с Пржевальском было прервано. В верховьях реки Талас группы восставших регулярно совершали набеги на русские поселки.

В Пржевальском уезде восстание началось 9 августа с нападения на село Григорьевку, откуда оно стало распространяться на восток. 11 августа к киргизам присоединились дунгане. Восставшие уничтожили несколько переселенческих поселков. Сообщение Пржевальска с другими населенными пунктами было прервано до 20 августа.

Согласно сообщениям М.Р. Ерофеева, в Аулиеатинском уезде восставшим киргизам провиантом помогали немецкие колонисты, а в числе мятежников находился турецкий мулла. В Пржевальском уезде был задержан немецкий шпион[103]. По показаниям пленных, отбитых у восставших, в Пржевальском уезде восстанием якобы руководил турецкий генерал и двое европейцев. В некоторых местностях Семиречья восстанием руководили «молодые киргизы», одетые в форму русских учебных заведений. В горных районах коренное население устраивало мастерские для выделки холодного оружия[104].

19 августа 1916 г. в телеграмме, направленной в МВД, генерал-губернатор Куропаткин, ссылаясь на донесения военного губернатора Семиреченской области, следующим образом сформулировал побудительные причины восстания казахского и киргизского населения: объявление реквизиции рабочих; деятельность землеотводных партий; дороговизна жизни, воспринимаемая населением как слабость власти; пропаганда со сто-

---

[103] РГИА Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 283.
[104] Там же. Л. 283.

роны Китая под руководством германских агентов[105]; вывоз из Семиречья огнестрельного оружия, необходимого на фронте[106].

О жертвах восстания Куропаткин в своем донесении сообщает, что по Семиречью со стороны русского населения киргизами было убито 2 тыс. человек, около 1 тыс., преимущественно женщин, уведено в плен, сожжено 1300 усадеб, разгромлено 100. По другим сведениям, в одном Пржевальском уезде переселенцев пострадало до 3244 человек, из них убито 1998 человек[107].

Очевидец событий, дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе С.В. Чиркин так описал восстание в воспоминаниях: «Беспорядки с исключительной силой проявились в отдельных уездах Семиречья, где киргизы бесчинствовали над беззащитными русскими поселенцами. Дома их сжигались, имущество расхищалось, мужское население беспощадно вырезалось, а женщины и дети уводились в горы, где подвергались всяческим надругательствам…»[108]

Само восстание, сопровождавшееся кровопролитием и множеством жертв с обеих сторон, лишний раз свидетельствует о крайне низком понимании некоторыми представителями царской администрации местных условий и специфики. Напряжение между переселенцами и местным население нарастало вопреки выводам прежнего генерал-губернатора Туркестана А.В. Самсонова, за несколько лет до описанных событий, в 1913 г. сообщавшего в докладе о политической ситуации в крае: «Семиреченские киргизы, в 800-тысячную массу коих вкраплено уже 200 тыс. русских крестьян и казаков, отлично осознают свое бессилие и едва ли рискнут на какие бы то ни было выступления, сопряженные с крайним воздействием и с потерей прав на землю»[109].

Наибольший накал событий в Семиречье был связан с методами и результатами проведения здесь переселенческой полити-

---

[105] По данным российского консульства в Кульдже, в уезды Семиреченской области тайным китайским монархическим обществом было послано шесть агентов для возбуждения восстания.

[106] РГИА Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 450.

[107] Цифры по: *Зорин А.Н.* Революционное движение в Киргизии (северная часть). Фрунзе, 1931. С. 19.

[108] *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М., 2006. С. 256.

[109] Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг.: Сб. док. / Авт.-сост. *Д.А. Аманжолова.* Караганда, 2005. С. 91.

ки[110]. Переселенцы устраивались в Семиречье либо самовольно, входя в те или иные соглашения с первоначальными хозяевами земли, а зачастую и без них; либо на пресловутых «излишках», изъятие которых государство узаконило в 1910 г.; или в организованном порядке с 1912 г. на землях, орошенных за счет государственных средств. Этот последний вид колонизации не успел получить значительного расширения в связи со спадом в колонизационном процессе, вызванным началом Первой мировой войны. В то же время порочная практика изъятия земель у коренных жителей края с целью создания русских поселений продолжала сохраняться[111]. В частности, с начала 1914 г. оказались захвачены у местного дехканства 1800 тыс. десятин земельных угодий[112].

Одновременно с обустройством переселенцев производились работы по землеустройству коренного кочевого населения, изъявивших желание перейти к оседлому хозяйству. Вопросы о реформе кочевого быта требовали к себе самого пристального внимания со стороны государства. Однако этой работой в Семиречье при недостаточном бюджетном финансировании было

---

[110] Подробнее о переселенческой политике России в Туркестане см.: *Гейер И.И.* По русским селениям Сыр-Дарьинской области (Письма с дороги). Т. 1. Чимкентский уезд. Ташкент, 1893; *Кауфман А.А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903; *Вощинин В.П.* Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб., 1914; *Васильев В.А.* Семиреченская область и роль в ней Чуйской долины. Проект орошения долины реки Чу в Семиреченской области. Введение к проекту. Пг., 1915; *Жемчужников Н.Н.* Движение на восток. М., 1927; *Шарова П.Н.* Переселенческая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. 1940. № 8. С. 3–35; *Гинзбург А.И.* Переселенческий вопрос в Туркестане в конце XIX – начале XX в.: Дис. … канд. ист. наук. Ташкент, 1966; *Галузо П.Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965; *Фомченко А.П.* Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX века. Ташкент, 1983; *Якименко Н.А.* Переселение крестьян Украины на окраины России в период капитализма 1861–1917 гг.: Автореф. дис. … докт. ист. наук. Киев, 1989; *Брусина О.И.* Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. М., 2001; *Братеева И.Ю.* Истоки переселенческого движения в Кыргызстан (вторая половина XIX – начало XX века). Бишкек, 2010; и др.

[111] Поток переселенцев шел не только из губерний Центральной России, но и Украины – Полтавской, Киевской, Черниговской и т. д., поэтому в этническом смысле переселенцы были как русскими (великороссами), там и украинцами (малороссами). До революции 1917 г. и русских и украинских переселенцев называли «русские переселенцы» и «русские крестьяне». Это было вполне естественно в рамках концепции единства великороссов, малороссов и белорусов. Термин «малороссы» в официальной переписке использовался крайне редко. Советская историография также преимущественно использовала словосочетание «русские крестьяне-переселенцы». См.: *Якименко Н.А.* Переселение крестьян Украины на окраины России в период капитализма 1861–1917 гг.: Автореф. дис. … докт. ист. наук. Киев, 1989.

[112] ЦГА РУз. Ф. И–1. Оп. 31. Д. 1140. Л. 149–150.

занято всего 11 человек на территории девяти киргизских волостей, поэтому вопрос с землеустройством коренного населения продолжал оставаться открытым.

Непрерывный ряд земельных изъятий и нерешенный вопрос с землеустройством кочевников, переходящих к оседлости, вселяли коренному населению Семиречья серьезную тревогу.

Донесения из уездов свидетельствуют, что явное предпочтение, оказываемое администрацией пришлым новоселам, нагнетало обстановку и делало ее взрывоопасной. «Они по-прежнему покойны наружно, – писал военный губернатор Семиречья М.А. Фольбаум, – но главари их серьезно озабочены неопределенностью минуты и близостью экономического кризиса в жизни своих сородичей»[113]. Считая киргиз народом вполне способным к оседлой жизни, покорным, лояльным и готовым к реформе кочевого быта, Фольбаум был уверен, что дальнейшее игнорирование их просьбы о скорейшем землеустройстве приведет к самым трагическим последствиям.

В августе 1915 г. АЧ ГШ подготовила докладную записку «По вопросу о порядке перевода земель кочевников, при переходе их к оседлому образу жизни»[114]. Речь в ней шла о том, в собственность или в пользование выделять землю. Согласно ст. 279/1 «Положения об управлении Туркестаном», бывшие кочевники, переходящие к оседлому образу жизни, получали, с правом владения, пользования и распоряжения (т. е. в собственность) все земли, которые ранее ими действительно обрабатывались. Эти земли облагались поземельным налогом, в размере несколько руб. с десятины. Другой законный способ отвода земель обеспечивала так называемая инструкция 9 июня 1909 г. По ней перешедшим к оседлости земли отводились по особым нормам из числа обрабатываемых населением, но не в собственность, а только в пользование. Сами же земли облагались оброчной податью, по 30 коп. с десятины[115].

Часто между коренным населением и переселенцами возникали споры по поводу земельных владений. Нередко дело доходило до драк и поножовщины. В обострившихся межэтнических отношени-

---

[113] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4295. Л. 6.
[114] Там же. Д. 4232. Л. 34–36.
[115] Там же. Л. 14 об.

ях в Туркестане Петербург искал политическую крамолу. Но ответ генерал-губернатора Самсонова был на это однозначным: «Все дела подобного рода – чисто экономического характера и ведаются прокурорским надзором, ничего политического в них нет…»[116].

В 1915 г. заведующий розыскным пунктом в г. Верный сообщал в докладе товарищу министра внутренних дел С.П. Белецкому о ситуации в Семиреченской области следующее: «…Переселенческое управление постепенно отбирает киргизские земли для колонизации края переселенцами из внутренних губерний, стесняя киргиз в скотоводстве и вместе с тем не устраивая их на оседлую жизнь, что вызывает в среде кочевого населения области некоторый ропот на распоряжение властей об отторжении части их кочевий, а с другой – вражду к русским новоселам, водворяемым на их кочевья, тем паче что последние своим поведением по отношению к киргизам еще более усугубляют эту вражду»[117].

В 1916 г., когда пост министра земледелия занял А.Н. Наумов, курс переселенческой политики в отношении кочевого населения был круто изменен. Однако было слишком поздно.

Подход к внедрению в крае так называемого «русского элемента» со стороны правительства был, во-первых, однобоким, во-вторых, очень кратким по времени. Он не мог оказаться прочным в политическом плане – привести к желаемой интеграции региона в общеимперскую систему, и в экономическом плане не принес значительных дивидендов. Проводясь организованно всего десятилетие, переселение явилось мощнейшим раздражителем. Переселенцы оказались своеобразными заложниками, на которых сфокусировалась большая часть недовольства коренного населения в 1916 г. и безопасность которых не смогло обеспечить государство, ратовавшее за перемещение этих людей с исконных мест проживания в далекий Туркестан. Переселение было драматичной страницей истории не только для коренных народов края, но и в не меньшей степени для русских и украинских крестьян.

Оппозиция злосчастному Высочайшему повелению превратилась в кровопролитное противостояние с переселенцами, особен-

---

[116] Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг.: Сб. док. Караганда, 2005. С. 91.
[117] Там же. С. 92.

но там, где и до войны сложились конфликтные отношения, то есть в недавно образованных переселенческих поселках. Здесь складывалась особенно тяжелая ситуация, поскольку рекрутирование мужчин делало села беззащитными перед угрозой нападения со стороны восставших[118].

По свидетельству очевидцев, во время восстания «в селах из мужчин были одни старики, инвалиды и подростки, а основная часть мужчин была мобилизована в солдаты и угнана на фронт», а стихийно создававшиеся населением группы самообороны вооружались кто чем мог: дробовиками, пиками, вилами, косами и проч.[119]

Стоит отметить, что еще в начале 1890-х гг. в Туркестане начался процесс раздачи крестьянам огнестрельного оружия[120]. В 1909–1910 гг. власти изменили курс и стали изымать выданное оружие[121]. Однако летом 1912 г. по распоряжению военного министра процесс разоружения был остановлен. Начавшаяся Мировая война заставили краевые власти вновь разоружать крестьян и перебросить значительную часть вооружения на фронт[122].

Взгляд на переселенческие поселки как на боевые единицы имел место в переселенческой политике. Безусловно, кроме внутреннего фактора – недоверия к коренному населению, существовал и внешний фактор – приграничное положение Туркестана.

Семиреченская область была не просто пограничной. На ее территории, особенно в Пржевальском уезде, выращивался опий и процветала его контрабанда в Китай. Это так же добавляло общественной нестабильности и представляло опасность для государственной безопасности в целом[123].

Страх наказания за грабежи и убийства, а также жесткие ответные действия царских войск побуждали часть повстанцев со

---

[118] *Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. С. 66–67.

[119] *Леонский В.Д.* Автономный город Беловодск. Из дневников отца. [Электронный ресурс] // http://rus-turk.livejournal.com/34199.html (дата обращения: 20.12.2015).

[120] РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1026, 1030, 1033 и др.

[121] Там же. Д. 1056, 1058, 1059 и др.

[122] Цит. по: *Галузо П.Г.* Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. Ташкент, 1926. С. 70.

[123] *Сумароков Л.И.* К истории распространения и производства наркотиков в Семиречье // Вестник КРСУ. 2008. Т. 8. № 7. С. 70–74; *Шеметова Т.А.* О влиянии опиумного вопроса на Российско-Синьцзянские торгово-экономические отношения в 1914–1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 108–110.

своими аулами, а порой и целыми волостями уходить в Китай, теряя на границе почти весь свой скот и имущество. Перекочевки и даже оседание в Синьцзяне русско-подданных казахов и киргизов на протяжении многих десятилетий были обычным явлением, но волна беженцев, хлынувшая в Синьцзян в августе 1916 г., застала китайские власти врасплох.

Драгоман российского консульства в Кашгаре[124] Г.Ф. Стефанович предупреждал китайские власти, что «появление киргиз в пределах Китая для русского правительства является нежелательным. Допущение же их на китайскую территорию и удовлетворение их просьб: предоставить им пастбища и принять их в китайское подданство, если таковое случится со стороны китайских властей, будет рассматриваться как акт недружелюбный и угрожающий интересам Российского государства»[125].

Китайские чиновники, увидевшие в разыгравшейся трагедии источник обогащения, получали от беженцев больше суммы денег вкачестве взяток. Условиями, на которых китайские власти разрешали казахам и киргизам переход границы, были: «Уплата некоторой суммы денег (сумма эта по слухам колебалась приблизительно в пять тысяч рублей); выдача всего огнестрельного оружия; и внесение значительного количества опия, конечно, в целях продажи его; лошади же, рогатый скот и овцы забирались … всеми китайскими чиновниками в размерах, не поддающихся даже учету»[126].

В результате надежна на спасение обернулась новой трагедией: основная масса беженцев бедствовала, многие умирали от голода. В рапорте одного из русских чиновников от 9 декабря 1916 г., приезжавшего в Китайский Туркестан по делам беженцев из Семиречья, отмечалось: «Встречая в базарные дни наших киргизов в Уч-Турфане, приходится удивляться их бедности, все они полу-

---

[124] *Кашгарская провинция, Кашгария* – провинция Китая с преобладающим мусульманским населением. С древнейших времен важный участок торгового пути между Европой и Азией. На протяжении длительного времени находился под властью Китая. В 1862 г. мусульманское население Кашгарии восстало против китайского владычества, предприняв попытку создания самостоятельного государства Йеттишар («Семиградье») Однако в конце 1870-х гг. контроль над территорией вернулся Китаю.

[125] Цит. по: *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. С. 299.

[126] Цит. по: там же. С. 299.

раздеты и босы»[127]. Обездоленные люди в надежде заработать на кусок хлеба бродили по городам и селам Китайского Туркестана. Общее число беженцев, погибших в Китае, к маю 1917 г. по некоторым оценкам достигло 70–87 тыс. человек[128].

В стороне от восстания не осталось население Закаспийской области Туркестана. Основу населения области составляли два крупных племенных союза: йомуды[129] и текинцы[130]. Пользовавшаяся большим уважением и авторитетом среди текинцев ханша Гюль-Джамал[131] от имени текинского народа, выражая полную готовность «исполнить монаршею волю», обратилась к Куропаткину (еще до того как он был назначен генерал-губернаторам) как к бывшему начальнику Закаспийской области с просьбой содействовать перед императорам и военным министром об отсрочке призыва рабочих до окончания сбора хлопка[132]. В итоге ситуация не вышла из-под контроля и туркмены-текинцы, в отличие от йомудов, подчинились Высочайшему повелению.

Йомуды в основном вели кочевой образ жизни. Среди них были русские и персидские подданные, подданные Хивинского хана и лица, имевшие двойное подданство, кочевавшие по территории России и Персии. Куропаткин называл йомудов «наиболее беспокойными и наименее подверженными русскому влиянию» населением[133].

В начале 1912 г. в Хивинском ханстве было решено провести налоговую реформу. Она заключалась в значительном увеличении налогов с туркменских племен. Это вызвало резкое недовольство последних, вылившееся к осени 1912 г. в вооруженное восстание, продолжавшееся вплоть до 1915 г.[134] В январе-феврале 1916 г. вол-

---

[127] Цит. по: *Мотукеева Р.Б.* Кыргызская община в Китае: особенности формирования, социально-экономического и культурного развития: Дис. … канд. ист. наук. М., 2008. С. 62.

[128] *Чеканинский И.* Восстание киргиз-кайсаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле – сентябре 1916 г. Кызыл-Орда, 1926. С. 41–45.

[129] *Йомуды* – одно из наиболее крупных туркменских племен, проживавших в Туркестане и Хивинском ханстве.

[130] *Текинцы* – одно из крупных туркменских племен, проживавших в Туркестане.

[131] *Гюль-Джамал* – текинка, жена *Нурберды-хана*. После смерти мужа, управляя племенем, в начале восьмидесятых годов она подчинила свое племя и Мервский оазис русской власти без сопротивления и с того времени продолжала пользоваться большим влиянием на всех местных туркмен.

[132] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 24–25.

[133] Там же. Л. 357.

[134] *Ниязматов М.* Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб., 2010. С. 372–387.

нения в ханстве возобновились. Под руководством Джунаид-хана туркмены начали наступления на города Хивинского ханства, захватив 13 февраля столицу ханства. В этой ситуации в Хиву были введены дополнительные русские войска, однако обстановка в прилегающих к Хиве районах Закаспийской области оставалась неспокойной. Это неспокойствие усугублялось по сути прозрачностью границы между бутафорским ханством и Туркестанским краем.

Центром восстания в Закаспии стал Красноводский уезд. Документы указывают на связь восставших с Персией (оттуда поставлялось оружие и туда же во время восстания бежала значительная часть йомудов). Восставшие нападали на войсковые части, казачьи пикеты, поджигали русские поселки, нападали на рыбные промыслы. Русское население из района восстания (здесь постарались учесть опыт Семиречья) туркмен пришлось эвакуировать[135]. Йомуды были хорошо вооружены и совершали нападения большими группами. 27 сентября 1916 г. между царскими войсками и йомудами произошло сражение за укрепление Ак-кала на реке Гурген. Очевидцы отмечают очень упорный характер восстания в туркменской среде и сильное сопротивление регулярным войскам.

Не меньшим авторитетом, чем ханша Гюль-Джамал, пользовался у йомудов Николай Николаевич Хан Йомудский (Кашаш-хан оглы), подполковник в отставке русской армии, внук Кият-хана, вождя племенной группы иранских йомудов и союзника России в годы Русско-персидской войны 1826–1828 гг. С 1889 г. Хан Йомудский служил в Закаспии по линии военно-народного управления[136]. Но 2 июля 1913 г. краевая власть испортила с ним отношения, арестовав хана, обвинив в «политической неблагонадежности» и «панисламистской деятельности». Арест вызвал брожения среди туркмен-йомудов.

---

[135] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 331.

[136] В январе 1908 г. он в качестве эксперта входил в особую комиссию по разработке нового проекта Положения об управлении Туркестанским краем. В 1909 г. участвовал в ревизии Туркестана сенатора К.К. Палена. 12 марта 1909 г. царь удовлетворил прошение Николая Николаевича об изменении фамилии Иомудский на Хан Йомудский. Выйдя в отставку по состоянию здоровья в 1910 г., Николай Николаевич Хан Йомудский продолжал принимать активное участие в местной жизни.

Николай Николаевич был боевым офицерам, к нему с большим уважением относились в Азиатской части ГШ. Так, в докладной записке по ГШ от 27 июля 1913 г. на имя военного министра полковник С.В. Цейль, отстаивая доброе имя Николая Николаевича, не стеснялся резких и прямых выражений в адрес первых лиц администрации Закаспийской области[137].

В дело вмешался лично военный министр В.А. Сухомлинов. В письме к временно исполнявшему обязанности Туркестанского генерал-губернатора В.Е. Флугу он настаивал на объяснениях и крайне осторожном отношении к туркменскому населению области. «Их всегдашняя, засвидетельствованная всеми в течение многих лет лояльность, – подчеркивал министр, – и преданность нам могут подвергнуться тяжелому испытанию, если принятые суровые меры не найдут себе подтверждения в достаточной вескости причин, их вызвавших»[138].

В ответ генерал Флуг сообщал, что в Закаспийской области задержана целая «шайка» опасных государственных преступников, организовавших целую «антиправительственную партию», идейным вдохновителем которой и руководителем, по мнению начальника Закаспийской области и ТРОО, является Хан Йомудский[139]. Через несколько дней в край вернулся действующий генерал-губернатор А.В. Самсонов. Первым делом он напишет военному министру о том, что не верит в виновность Хана Йомудского[140].

20 августа 1913 г. за отсутствием доказательств Хана Йомудского отпустили[141]. Он уехал в Варшаву. 12 октября 1913 г. из Польши он напишет Самсонову: «Я знаю и утверждаю, что я работал честно, а врагами правительства являюсь не я, а именно доносившие на меня Пальчевский, Цуриков и Завалишин (чины областной администрации. – *Т.К.*), которые топчут ногами закон и право

---

[137] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4265. Л. 38–39.

[138] Там же. Л. 40.

[139] Преступная шайка имела странный персональный состав. В нее входили: помощник начальника Закаспийской области полковник С.В. Жуков (впоследствии был переведен на службу в Ферганскую область), бывший переводчик областной администрации Мамед Ораз-оглы (выслан на год в Уфу), заведующий Мервской русско-туркменской школой Атабаев и отставной подполковник с частной адвокатской практикой Хан Йомудский.

[140] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4265. Л. 48–50.

[141] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1398. Л. 1 об., 24, 30, 36.

и подрывают в населении прочно установившуюся веру и уважение в русскую власть и закономерность»[142].

Спустя год на допросе в ТРОО 29 октября 1914 г. один из местных коммерсантов вновь показал, что Хан Йомудский при всяком удобном случае внушал туркменам, что они обмануты русским правительством, которое не держит своих обещаний, данных при присоединении края. Кроме того, по словам свидетеля, он убеждал туркмен объединиться для защиты своих интересов, «так как в противном случае русские на их мечетях повесят колокола, заберут их земли, заселят их мужиками и туркмен сделают христианами»[143].

В 1915 г. 47-летний Хан Йомудский добровольцем ушел на фронт и воевал в составе 542-й пешей Казанской дружины.

Восстание в Закаспии продолжалось до конца января 1917 г.

Очевидна разница в мотивации, заставившей население того или иного региона Туркестана выйти на улицы городов, кишлаков и аулов, выражая свое недовольство принятым решением царя и правительства. Районы с преимущественным проживанием оседлого так называемого сартовского населения волновало нарушение властью обещания «не призывать в солдаты» и изъятие мужчин из экономической жизни домохозяйств.

Что касается кочевого населения Семиречья, то почва для социального недовольства формировалась здесь давно и была напрямую связана с переселенческой политикой. Наряду со схожестью сценария событий в регионах проживания оседлого населения Туркестана (уничтожение списков рабочих и расправа с местными чиновниками), в Семиречье недовольство и протестные настроения вымещались не столько на представителях власти всех рангов, сколько на крестьянах-переселенцах. Не до конца изученной на наш взгляд является роль «родоплеменного» фактора в восстании в Семиречье. Почему одни родовые объединения под руководством своих глав манапов оказали активное сопротивление власти, а другие согласились выполнить Высочайшее повеление? Только после составления детальной карты

---

[142] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4265. Л. 72.

[143] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1560. Л. 5–5 об.

расселения киргизских и казахских родовых и племенных объединений в Туркестане и анализа взаимоотношений их и с властью и между собой мы сможем приблизиться к ответу на этот вопрос. Например, в горных районах Ферганской долины, населенных киргизами, восстание приобрело наиболее затяжной характер и продолжалось до глубокой осени[144].

В Закаспии, а эта территория не только позже всех стала частью Российской империи, но и Туркестанского генерал-губернаторства (административно только в 1898 г.), существовал свой клубок противоречий и свои причины для неподчинения центральной власти. На ситуацию в этом регионе Туркестана оказало влияние восстание йомудов в Хивинском ханстве, поскольку в отличие от текинцев именно йомуды оказали сопротивление и отказались дать рабочих. Не забылся и арест Хана Йомудского.

Туркестанское генерал-губернаторство было не просто огромным по площади (1,66 млн кв. км) регионом империи, но и очень неоднородным. Укоренившееся в советской историографии представление о некой гомогенной общности народов Туркестана и Степного края, а затем Средней Азии и Казахстана при ближайшем детальном рассмотрении не выдерживает никакой критики.

«По воле царских колонизаторов, – пишет Н.С. Валиханова, – коренное население Средней Азии – узбеки, казахи, каракалпаки, киргизы, туркмены, таджики – не имели территориальной общности, были разобщены административными границами между Туркестанским и Степным генерал-губернаторствами, Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Колониальная система искусственно сдерживала их национальную консолидацию и развитие, культивировала средневековые отношения и разжигала межнациональную вражду. Реакцией на действия царских наместников были выступления коренного населения в 1916 г.»[145]

Начнем с того, что «административное разделение» в регионе существовало до 1860-х гг. и выражалось в существовании на политической карте мира Кокандского, Хивинского и Бухарского ханств. Границы ханств никоим образом не соответствовали

---

[144] Киргизская Советская Социалистическая Республика. Энциклопедия. Фрунзе, 1982. С. 130.

[145] *Валиханова Н.С.* Политическое противоборство по национальному вопросу в Туркестане (1917–1922 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М., 1993. С. 20.

этнической карте региона и разобщали его ничуть не меньше, а значительно больше, чем административные границы областей Туркестанского генерал-губернаторства. Кроме того, среди лозунгов восстания не звучало призыва к интеграции народов Туркестана и Степного края.

Однако существовал фактор, объединявший все народы Туркестана – религиозный.

Накануне и в годы Первой мировой войны вопрос об умонастроениях мусульманского населения Туркестана стоял очень остро. После младотурецкой революции 1908–1909 гг. в политическом сознании российских мусульман наметилась протурецкая ориентация, которая серьезно беспокоила власть. В 1909 г. в Стамбуле было основано Научное Бухарское общество, которое явилось органом отдела народного просвещения младотурецкого комитета «Единение и Прогресс»[146]. При его посредстве турки в Бухаре и Кашгаре вербовали учеников для военных и других правительственных школ. По донесениям Российского императорского посольства в Стамбуле, помимо общей программы ученикам внушались «все ходячие идеи панисламизма и турецкого шовинизма»[147].

После вступления в войну на стороне Германии Османской империи у правительства появились подозрения, что у российских мусульман может возникнуть сочувствие к единоверцам. В этом правительство стало усматривать не только проявление панисламизма, но и симптомы дальнейшего развития сепаратизма, что воспринималось как одно и то же[148].

Еще в начале 1910 г. Министерство иностранных дел России получило сведения о плане Порты по сбору средств на усиление армии и флота. План содержал обращение к российским мусульманам оказать турецкой армии посильную материальную помощь. В 1911 г. началась Итало-турецкая война. В 1912 г. супруга турецкого посла в Петербурге открыла сбор средств в Общество

---

[146] *«Иттигат-ва-Тараккий» («Иттихот-ва-Тараккий»)* – турецкая партия «Единение и Прогресс», основанная в Турции в 1889 г. с целью борьбы с абсолютизмом.

[147] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1260. Л. 18.

[148] Военный сборник. 1911. № 12; Туркестанский курьер. 1911. 18 декабря. Там же. 1912. 13 января; Русский инвалид. 1914. 23 апреля и др.

Красного Полумесяца в пользу раненых в ходе войны турецких солдат[149]. Акция нашла отклик по всей стране. Тогда русское правительство не могло запретить подобного рода деятельность, так как Османская империя в это время воевала не с Россией.

Но это не могло не насторожить. Руководство МИД и МВД полагали, что в случае военного столкновения с османами приверженцы ислама в России встанут на сторону братьев-мусульман. Отсюда требование установить самый тщательный контроль за перемещением по территории страны лиц, имеющих турецкое подданство. Главная задача была выяснить, кто из местного населения поддерживает связи или может пойти на контакт с турецкими шпионами.

11 ноября 1914 г. турецкий султан, считавшийся главой мусульман всего мира, объявил «священную войну» Великобритании, Франции и России. Мусульманам Российской империи пришлось столкнуться с серьезной дилеммой: поддержать в начавшейся войне Россию, подданными которой они являлись, или Турцию, глава которой считался их религиозным лидером[150]. Крупный татарский политик и депутат Государственной думы С.Н. Максудов оценивал в этой связи состояние российских мусульман как «серьезный психологический кризис». По его мнению, мобилизация в мусульманских регионах страны проходила планомерно, однако «мусульмане готовы были сражаться против Германии, а не против Султана, их Халифа»[151].

Бывший депутат Государственной думы М.М. Шахтахтинский, наоборот, считал, что опасения по поводу российских мусульман беспочвенны: «Россия столько раз воевала с Турцией – и всегда наши мусульмане честно выполняли свой долг по отношению к Родине»[152].

Епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий (Пустынский), рассуждая на страницах ежегодного епархиального отчета

---

[149] *Сенюткина О.Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Нижний Новгород, 2007. С. 437.

[150] *Гилязов И.* Германия и мусульмане России в двух мировых войнах // Ab imperio. 2001. № 4. С. 197.

[151] Там же.

[152] Цит. по: *Сибгатуллина А.* Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империи на рубеже XIX–XX вв. М., 2010. С. 126.

в Святейший Синод за 1914 г. о возможной поддержке со стороны туркестанских мусульман «священной войны», отмечал, что туркестанские мусульмане не признают за турецким шейх-уль-ислам[153] права объявлять эту войну и делать ее обязательной для нетурецких мусульман, так как для этого нет оснований в Коране и шариате[154]. Единственный «штатный» миссионер в Туркестанский и Ташкентской епархии Елисеев, владевший, что было редким явлением, тюркским языком, «ввиду тревожных слухов из Персии о возмущении против союзных с Россией держав» в 1915 г., беседуя с местным населением в чайханах и на базарах, разъяснял, что для мусульман Туркестана нет никаких оснований ни в Коране, ни в шариате к объявлению священной войны для поддержки Турции, как это восприняли французские и английские мусульмане[155]. В отчете за 1915 г. епископ напишет: «Беседы давали заметное успокоение».

В Стамбуле эмигранты из России основали «Комитет защиты тюркских народов России». Он пользовался поддержкой младотурок, надеявшихся аннексировать тюркские районы Российской империи в случае победы. Комитет обращался также к австрийским и германским чиновникам, которые откликнулись на предложение формировать части из военнопленных мусульман[156].

В 1914 г. в соответствии с планом военных действий, разработанным в начале войны, задача турецких войск заключалась в том, чтобы, ведя наступательную войну против России, войти в соприкосновение с ее мусульманским населением. Наступление турецкой армии должны были быть поддержаны организацией в тылу противника восстаний, волнений, диверсионных актов и т. п.[157]

Энвер-паша во всеуслышание заявлял о своих планах: разгромив русские войска овладеть всем Закавказьем, а затем поднять восстание среди мусульманских народов России и присоединить к Османской Турции все тюрко-татарское население империи,

---

[153] *Шейх-уль-ислам* – титул высшего духовного лица в ряде исламских государств.

[154] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2676. Л. 32.

[155] Там же. Д. 2737. Л. 34.

[156] *Хаген М. фон.* Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 годы // Отечественная история. 2004. № 5. С. 48.

[157] *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1966. С. 51.

в том числе и Туркестан. Правда, начальник германской военной миссии в Турции генерал Лиман фон Сандерс назвал идеи Энвер-паши «фантастическими и курьезными»[158].

Германская дипломатия и военная разведка так же планомерно готовила почву в Персии и Афганистане для возможного прорыва в Среднюю Азию[159]. В приграничной полосе с этими государствами сохранялось видимое спокойствие, но война с Россией считалась неизбежной[160]. Неоднократно отмечались факты пребывания турецких и немецких инструкторов на территории Китая, Афганистана и Персии[161]. Для борьбы с германо-турецким влиянием Россия командировала в Хорасан[162] в 1915 г. специальный отряд[163]. Контролировать границу в военное время было непростой задачей и для русской стороны. С учетом имевших место традиций кочевого и полукочевого хозяйства и возможности иметь двойное подданство и регулярно перемещаться из одного государства в другое она выглядела полупрозрачной.

В организации восстания в Семиречье принимали участие известные в Синьцзяне участники Синьхайской революции, которые состояли членами секретного общества «братьев» («Гэ-Лао-Хуэ»). В 1915 г. трое его членов были командированы в Пишпек, Пржевальск и Верный для пропаганды идеи свержения монархического строя. Они занялись вербовкой в свои ряды дунган – русско- и китайско-подданных и частью киргизов, только в Пржевальске им удалось образовать банду в 1000 человек[164]. Из дознания начальника Верненского сыскного отделения в сентябре 1916 г. видно, что члены тайного общества «Гэ-Лао-Хуэ» вели пропаганду среди дунган, призывая их к восстанию против русских властей. Они планировали после изгнания русских властей

---

[158] *Корсун Н.* Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914–1915 годах. М., 1937. С. 20.

[159] *Ряполов В.В.* Германо-турецкая агентура в Средней Азии и Афганистане в начале XX века // Вопросы истории. 2007. № 3. С. 147–152.

[160] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2144. Л. 101.

[161] РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1891, 1892, 1894 и др.

[162] *Хорасан* – историческая область, расположенная в Восточном Иране. Название «Хорасан» известно со времени Сасанидов. Был важнейшим центром наук и искусств на Среднем Востоке.

[163] РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2094. Л. 24.

[164] *Маджун Д.С.* Роль иностранного фактора в трагических событиях 1916 г. // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16. № 2. С. 199.

из пределов Туркестанского края образовать здесь отдельные ханства под управлением мусульман. В Китае за принадлежность к партии «Гэ-Лао-Хуэ» казнили, в Русском Семиречье обходились с ними более гуманно, поэтому численность приверженцев этой партии накануне восстания возросла в сотни, если не в тысячи раз[165].

В 1908 г. немецкий исламовед, профессор Берлинского университета М. Хартман опубликовал книгу, в которой предлагал создать на границе России и Китая независимое от них государство Киргизстан (с населением примерно 10 млн русских и китайских казахов и киргизов), с проевропейским правителем во главе. По мнению М. Хартмана, эти народы ненавидели как Россию, так и Китай, и при первом брожении в России или Китае они обязательно подняли бы восстание[166].

Однако турки развили на туркестанском направлении большую активность, нежели немцы. Если, по мнению немецких экспертов, первоначально они должны были только страховать действия Германии в некоторых мусульманских регионах, то очень быстро турецкое правительство начало развивать собственную стратегию. Под видом торговцев и религиозных учителей турецкие агенты осуществляли антирусскую пропаганду и даже организовывали схроны оружия. В Туркестан через Турцию проникали проповедники джихада[167]. При этом, как писал в своих мемуарах шеф германской разведки Вальтер Николаи, в Константинополе считали действия в Туркестане исключительно делом Турции и скрывали от германской стороны свои цели и результаты[168].

Участие немецко-турецкой агентуры в восстании 1916 г. отмечалось в советской историографии. В опубликованных документах об истории восстания неоднократно упоминается о многочисленных, правда зачастую безымянных, турецких и немецких

---

[165] *Маджун Д.С.* Роль иностранного фактора в трагических событиях 1916 г. // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16. № 2. С. 199.

[166] *Исхаков С.М.* Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии [Электронный ресурс] // http://www.tatar-history.narod.ru/azia-tyrk.htm (дата обращения: 20.12.2015).

[167] *Баринов И.И.* Германская стратегия в Центральной Азии в годы Первой мировой войны // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии начале XX столетия (к 100-летию восстания 1916 г.). М., 2016. С. 117.

[168] *Николаи В.* Тайные силы. М., 2015. С. 463.

шпионах, занимавшихся подстрекательством местного население к мятежу. Хотя, например, Керенский в своем докладе на закрытом заседании Думы 13 декабря 1916 г. ставит под сомнение участие в событиях турецких и германских контрразведок.

В 1999 г. в Стамбуле были изданы мемуары турецкого разведчика Адиль Хикмета «Пять турок в Азии». Автор отправился с четырьмя товарищами в Кашгар в 1914 г. и находился в Семиречье накануне и во время восстания[169]. Воспоминания любопытные, но не дающие безусловных оснований преувеличивать роль турецкой разведки в деле подготовки восстания или руководства им, кроме имевшегося всегда понимания, что открытие в России внутреннего «Туркестанского фронта» играло на руку Турции и Германии (и не только) особенно во время Мировой войны.

Значительный массив документов Османского архива Кабинета премьер-министра в Стамбуле все еще не введен в научный оборот в силу различных обстоятельств, а документы организации «Тешкилят-и-Махсуса» (османской контрразведки), созданной в 1913 г., были уничтожены после прихода к власти Ататюрка. Поэтому вероятность обнаружить комплексы документов, проливающих свет на заинтересованное участие Турции и Германии в восстании 1916 г., не стоит игнорировать, а многочисленные сообщения ТРОО о «турецких шпионах» следует рассматривать с осторожностью, но не сбрасывать со счетов[170].

Охранка отслеживала и фиксировала перемещения и встречи лиц, подозреваемых в сочувствии и распространении протурецких настроений. ТРОО располагало достаточно разветвленной агентурной сетью, имевшей, однако, серьезный недостаток – очень поверхностное знакомство с мусульманской средой как с предметом изучения. За предвоенный и военный период сохранилось много агентурных донесений, зачастую страдающих слабым аналитическим разбором ситуации, но с выводами, которые должны были радовать петербургских чиновников: «В Туркестане все спокойно».

---

[169] http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7063 (дата обращения: 20.12.2015).

[170] *Васильев А.Д.* К вопросу о внешнем влиянии на события 1916 г. // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии начале XX столетия (к 100-летию восстания 1916 г.). М., 2016. С. 109.

Согласно донесениям, уже к концу 1914 г. обстановка в Туркестане выглядела следующим образом: «Сейчас… мусульмане настроены довольно спокойно и интеллигентные сарты к поражению Турции относятся довольно хладнокровно, но если только Афганистан объявит войну России, сарты восстанут как один человек. Мусульмане смотрят на Германию как на свою освободительницу, и весь интерес войны сосредоточен на ней, потому что знают, если победит Германия, то Турции и всем другим мусульманским государствам будет хорошо. Имя Вильгельм известно даже самым темным и захудалым беднякам. Все мусульмане на него молятся, потому что среди них кто-то вселил убеждение, что Вильгельм всю эту войну начал из-за мусульман, которых он хочет слить в одно могущественное государство»[171].

Авторы монографии «Россия – Средняя Азия» в разделе, посвященном борьбе Петербурга и Стамбула за влияние в Центральной Азии, реанимируют версию советского историка и этнографа А.В. Станишевского (псевдоним Азиз Ниалло)[172]. Высочайшее повеление 25 июня было обнародовано 2 июля 1916 г., в момент получения известия о поражении корпуса генерала Н.Н. Баратова в Персии. Германо-турецкие войска вынудили русскую армию начать отступление в районе Керманшаха. Известие о неудаче на «мусульманской территории» подорвали престиж царской армии в глазах жителей края. Начались разговоры о том, что скоро турки появятся в Туркестане в роли освободителей местных мусульман. «Все это, – по мнению автора раздела, – вылилось в знаменитое восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Загнанные вовнутрь волнения продолжались и подогревались извне вплоть до Российской революции 1917 г.»[173]. Трудно сказать, насколько внимательно население Туркестана и Степного края следило за информационными сводками с фронтов Первой мировой войны. Думается, что это интересовало очень узкую прослойку интеллектуалов. Но то, что Высочайшее повеление стало неожиданным, но очень приятным подарком для турецкой и германской контр-

---

[171] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2155. Л. 1.

[172] См.: *Ниалло Азиз.* Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Материалы по истории киргиз и Киргизстана. Фрунзе, 1941.

[173] Россия – Средняя Азия. Т. 1. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX в. М., 2011. С. 222.

разведок и они постарались извлечь из него максимальные дивиденды, сомнений не вызывает.

Современные российские военные историки полагают, что ситуацию, сложившуюся в районе Керманшаха, нельзя считать поражением, тем более такого масштаба, которое позволило бы стать ему столь резонансным. Действительно, генерал Баратов решил не оборонять Керманшах и приказал в ночь с 17 на 18 июня 1916 г. оставить город. Что же касается турецких войск, то они к этому времени прекратили наступление и перешли к обороне[174].

Порта и Германия накануне и в ходе Первой мировой войны были крайне заинтересованы в нагнетании внутриполитической напряженности в России всеми доступными им средствами. Самый эффективный способ – спекуляции на религиозной и национальной нетерпимости в России.

Не случайно 27 июня 1916 г. в Лозанне открылся III Конгресс Союза национальностей – подконтрольной Германии организации оппозиционно настроенных представителей народов Российской империи. В его работе приняли участие четыре делегата от Туркестана – «двое киргизов и двое чагатаев (видимо, речь идет об узбеках)». Есть подозрение, что они негласно представляли турецкую сторону, которая хотела быть в курсе вероятных действий Берлина в Туркестане[175]. Участником конгресса был и глава мусульманской фракции Государственной думы К.Б. Тевкелев, который буквально спустя полтора месяца был направлен в Туркестан для расследования обстоятельств восстания.

Однако массы простых мусульман Туркестана не всегда были всостоянии в полной мере воспринять идеологические установки, активно внедряемые германо-турецкой пропагандой.

Османская империя успешно вела «идеологическую войну» с империей Российской. В архивах мы находим массу документов, сообщающих о протурецких, пантюркистских и панисламистских настроениях среди мусульманского населения России, при

---

[174] *Мартиросян Д.Г.* Российско-турецкий фронт Первой мировой войны: Дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 162–187.

[175] *Баринов И.И.* Германская стратегия в Центральной Азии в годы Первой мировой войны. М., 2016. С. 118.

работе с которыми исследователю становится очевидным, что противопоставить этому идеологическому натиску России подчас было нечего, и она откровенно проиграла эту войну. Знаменитая триада «самодержавие, православие, народность» выводила миллионы российских мусульман «за скобки», отводя им в Российской империи в лучшем случае место «иных».

Информационным и идеологическим вакуумом пользовались турки, которые проводили религиозную агитацию и антирусскую пропаганду, опираясь на агентов влияния, прежде всего, в среде учителей новометодных школ и части духовенства, вели игру на национальных и религиозных чувствах коренного населения Туркестана.

Несмотря на это, после объявления Высочайшего повеления о мобилизации от 25 июня 1916 г. по предложению представителей национальной интеллигенции и буржуазии были созданы и ею возглавлялись комитеты по содействию набору тыловых рабочих. Благодаря их настойчивым просьбам в состав мобилизуемых мусульман были включены муллы, повара, выделялась теплая одежда, столь необходимая в суровом климате Европейской России[176].

Ташкентский комитет по отправке коренного населения на тыловые работы возглавил Убайдулла Ходжаев, один из известных и влиятельных политических лидеров края.

В июле 1916 г. Ходжаев совместно с редактором газеты «Туркестанский голос» А.А. Чайкиным и известным туркестанским джадидом, будущим руководителем Туркестанской автономии Мустафой Чокаевым побывал в Петрограде. От имени жителей Андижана они просили депутатов Государственной думы приехать в край и на месте разобраться, как идут дела с набором на тыловые работы, а если возможно вообще отменить Высочайшее повеление[177]. По сведениям охранки, на эту поездку они получили от местного населения крупную сумму денег[178].

Вот выдержка из агентурных донесений ТРОО: «…10 августа Ходжаев прибыл в Ташкент с Тевкелевым, после чего по Ташкенту и др. городам стали ходить слухи … что он привез населению ново-

---

[176] Туркестанский голос. 1916. 23 июля.
[177] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1144. Л. 23.
[178] Там же. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1968. Л. 6.

го генерал-губернатора и членов Государственной думы, которые устроят все для блага туземного населения»[179].

В разгар восстания в Туркестане 21 июля 1916 г. члены Государственной думы В.А. Виноградов, Н.В. Некрасов, В.А. Ржевский, К.Б. Тевкелев составили «адрес» на имя военного министра и начальника Штаба Верховного главнокомандующего, в котором потребовали отложить набор рабочих и выработать подробные условия их призыва[180].

29 июля 1916 г. в Петрограде под председательством М.В. Родзянко состоялось совещание депутатов Государственной думы по вопросам мобилизации населения на тыловые работы. Совещание особо остановилось на событиях в Туркестане. Депутаты просили Родзянко «побеседовать» с новым Туркестанским генерал-губернатором Куропаткиным. Родзянко немедленно по телефону переговорил с Куропаткиным, который обещал «принять все сообщенное во внимание»[181].

Наконец, Думой было принято решение направить в край свою комиссию, состоявшую из председателя мусульманской фракции Государственной думы, 66-летнего полковника Кутлугмухаммеда Батыргиреевича Тевкелева, а также председателя фракции трудовиков 35-летнего Александра Федоровича Керенского[182].

Керенский оказался в составе комиссии случайно, хотя был в Думе практически единственным «экспертом» по Туркестану (край был лишен представительства в Думе). По первоначальному плану в Туркестан должны были отправиться депутаты К.Б. Тевкелев и М.Ю. Джафаров, но в связи с тем, что на Кавказе после обнародования Высочайшего повеления тоже произошли беспорядки, Джафаров был направлен Государственной думой для выяснения событий, происшедших в своем избирательном округе.

Прежде чем отбыть в Туркестан, А.Ф. Керенский от имени членов Государственной думы 24 июля 1916 г. отправил телеграмму на имя начальника Штаба Верховного главнокомандующего ге-

---

[179] Там же. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1144. Л. 5 об. – 6.

[180] Там же. Л. 51.

[181] Туркестанский голос. 1916. 30 июля.

[182] Детство и отрочество *А.Ф. Керенского* прошло в Туркестане, где его отец *Федор Михайлович* служил Главным инспектором народных училищ Туркестанского края.

нерала М.В. Алексеева[183]. В ней, в частности, говорилось, что «экономически изъятие части рабочих, волнения среди остальных в период хлопковой кампании грозит гибелью значительной части урожая хлопка, столь необходимого для государства»[184].

Тевкелев прибыл в Ташкент 15 августа 1916 г. в сопровождении Шакира Мухамедиарова и Мустафы Чокаева, а глава депутации Керенский приехал 17 августа.

Комиссия начала работу. Губернаторам областей и чинам полиции предлагалось не чинить препятствий депутатам в деле личного посещения ими некоторых регионов Туркестана и ознакомления с причинами беспорядков на местах. Ее ход освещен документами ТРОО, благодаря чему мы без особого труда можем восстановить достаточно полную картину пребывания депутатов в крае.

В Андижане и Коканде вокруг депутатов «собирались толпы туземцев, и первые обращались к туземцам с речами, причем приближавшихся к месту сборищ чинов полиции собравшихся по указаниям господ членов Государственной думы приглашали удалиться»[185].

Одна из докладных записок начальника туркестанской охранки М.Н. Волкова заканчивается следующим выводом: «Принимая во внимание, что член Государственной думы Керенский, – председатель трудовой фракции, – таким путем может пропагандировать среди туземцев идеи, противные задачам государственного управления, и вселять среди туземцев надежды на осуществление их мечтаний националистического характера»[186].

Во время пребывания в Андижане Керенский заявил, что постарается «устроить для сартов все, о чем они просят». Он призывал верить, что и в Туркестане, и в России есть русские люди, которым не безразлична судьба туземного населения, которые не считают сартов толпой, «с которой все дозволено». И он, Керенский, готов для них работать так же, как и для своего народа[187].

За два дня в Андижане депутаты, по приблизительным подсчетам, опросили около 100 человек. По заявлениям Керенского,

---

[183] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1158. Л. 222.
[184] Там же. Д. 1202. Л. 3.
[185] Там же. Д. 1144. Л. 23.
[186] Там же. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1968. Л. 27 об.
[187] Там же. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1139. Л. 15.

комиссия собрала большой материал, изложенный в форме жалоб, петиций, заявлений и т. п. По каким-то причинам указанные документы не отложились в фонде Государственной думы Российского государственного исторического архива. Возможно, практики готовить развернутые отчеты о поездках и передавать в архив собранные материалы просто не существовало.

Но вернемся в Туркестан. Приехав из Андижана, Керенский посетил в Ташкенте больницу, где находилась семья Черновых – акушерка А.В. Чернова, две ее сестры и два племянника, пострадавшие во время восстания в Зааминиском районе Джизакского уезда Сырдарьинской области. Подробно расспросив о происшедших событиях, он заверил, что Дума тщательно и беспристрастно разберется во всем случившемся в Туркестане летом 1916 г.[188]

В тот же день Керенский дал интервью корреспонденту газеты «Туркестанский курьер». Он заявил, что вызов специальной комиссии произошел, с одной стороны, в результате обращения со стороны местного коренного населения, представители которого лично побывали в Петрограде, а с другой стороны, он имеет специальное личное поручение от членов его думской фракции. По мнению Александра Федоровича, «успокоение в крае можно считать наступившим», если не говорить о событиях, происходивших в Семиречье (там волна недовольств только набирала силу). Керенский положительно оценил действия нового генерал-губернатора Куропаткина. На вопрос, что явилось причиной возникновения столь масштабных беспорядков, Керенский ответил, что происшедшие волнения были вызваны неправильным толкованием Высочайшего повеления как самими местными жителями, так и некоторыми представителями государственной власти в крае.

В заключение Керенский высказал твердое убеждение в том, что коренное население края благожелательно и лояльно настроено по отношению к русскому населению. При этом он сослался на совместный банкет 30 августа 1916 г. и увиденное там «проявление единения между европейским и туземным населением, каковой радостный факт ему приятно констатировать, так как только такие отношения без проявления национальной и рели-

---

[188] Туркестанский курьер. 1916. 2 сентября.

гиозной розни способны провести край по пути экономического процветания и свободной культурной жизни»[189].

Действительно, 30 августа 1916 г. ташкентская политическая и торговая элита устроила пышный банкет в честь прибывших в край депутатов. Организатором банкета являлся У. Ходжаев. На банкете «в небольшой искренней речи» Ходжаев высказал мысль, что беспорядки произошли вследствие неподготовленности населения к отбыванию каких-либо государственных повинностей, с одной стороны, а с другой – были в недостаточной мере осведомлены об истинной цели Высочайшего распоряжения[190].

Депутаты пробыли в Туркестане немногим более полумесяца, а именно с 15 августа по 2 сентября. Они побывали в ряде городов (Ташкенте, Самарканде, Джизаке, Андижане, Коканде) и сельской местности (Асаке, Тойтюбе и др.), уделили основное внимание важнейшим промышленным центрам и хлопковым районам края. Джизаку, несмотря на его огромную известность в связи с восстанием, был уделен только один день. В других районах края представители Думы даже не появились[191]. Не посетили они и Семиречье – регион самых серьезных выступлений коренного населения и самых больших жертв среди русского населения. Возможно, этому помешали объективные причины – отсутствие железнодорожного сообщения, спустя сто лет мы можем только догадываться об этом.

В сентябре 1916 г. Ходжаев подал на имя генерал-губернатора Куропаткина прошение, в котором, в частности, говорилось: «… Довожу до вашего сведения, что всем этим лицам (коренному населению. – *Т.К.*) внушается под угрозой ареста мысль, как внушалась она и перед приездом членов Государственной думы, не подавать Вашему Высокопревосходительству никаких заявлений и жалоб на действия администрации»[192].

Дело в том, что осенью 1916 г. в Ташкенте пятидесятники продолжали взыскивать с каждого двора от 200 до 500 руб., заявляя, что эти деньги идут на обмундирование и содержание отправ-

---

[189] Туркестанский курьер. 1916. 2 сентября.

[190] Там же. 1916. 1 сентября.

[191] *Ковалев П.А.* Восстание 1916 года в Средней Азии и русская буржуазия // Труды САГУ. Ташкент, 1953. С. 40.

[192] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1144. Л. 54.

ляемых рабочих. Такие незаконные поборы тяжелым бременем ложилось на население. Люди сомневались в действительности существования подобного распоряжения, но не обращались к властям с жалобой, опасаясь, что их сочтут бунтовщиками[193].

По имеющимся сведениям, большая часть денег расходовалась не по назначению, а просто прикарманивалась теми же пятидесятниками и другими чинами местной администрации. Шли они и в Ташкентский комитет по набору и отправке тыловиков, в том числе его председателю Убайдулле Ходжаеву и членами комитета, якобы «на различные надобности, вызываемые возложенными на них обязанностями»[194].

Восстание продолжалось, а местные официальные газеты пестрели победными реляциями: «туземное мусульманское население… с пониманием и готовностью откликнулось на исполнение высочайшего повеления о наборе на тыловые работы»[195].

Согласно официальным рапортам генерала Куропаткина, первый эшелон рабочих края был отправлен из Ташкента 18 сентября. С 18 сентября 1916 по 5 февраля 1917 г. было отправлено 106 эшелонов (около одной тысячи человек в каждом)[196]. По сообщениям газет, эшелоны с набранными рабочими шли просто один за другим. Но вскоре стали появляться сообщения иного рода, например, о забастовках 10–25 ноября 1916 г. тыловиков-ташкентцев на строительстве Черноморской железной дороги[197].

Мобилизованным из Туркестана было непросто адаптироваться к новым условиям. В письмах, посылаемых из Центральных губерний России, рабочие отмечали, что русские правительство не выполняет данных обещаний: заставляет работать в мусульманские праздники, не дает ни баранины, ни риса, ни белого хлеба, к которым они привыкли дома. Зачастую рабочие не имели возможности совершать свои религиозные обряды из-за отсутствия мулл. В среднем на каждую тысячу рабочих приходилось лишь по одному духовному лицу[198].

---

[193] Там же. Л. 127.
[194] Там же.
[195] Туркестанские ведомости. 1916. 20 сентября.
[196] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 460.
[197] Хронологические таблицы по истории Узбекистана. Часть 1. Ташкент, 1979. С. 34.
[198] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 4.

В конце сентября 1916 г. вопрос о положении в Туркестане и целесообразности мобилизации его населения стал предметом специального обсуждения на заседании военно-морской комиссии Государственной думы. Присутствовавший на этом заседании военный министр Д.С. Шуваев в ответ на обвинение его в поспешных действиях и даже превышении власти рассерженно вскричал: «Быть может, я превысил власть, но я и впредь буду превышать ее, если найду нужным»[199]. В своем распоряжении под грифом «секретно» от 3 декабря 1916 г. Шуваев напишет Куропаткину, что настаивает на скорейшем привлечении «инородцев» к повинности[200].

В декабре 1916 г. окончательно выяснилась неудача новой волны трудовой мобилизации. Группа членов Государственной думы обратилась от имени фракций прогрессистов, кадетов, меньшевиков и мусульманской фракции с запросом к председателю Совета министров, министру внутренних дел, юстиции и к военному министру по поводу событий в Туркестане и Степном крае. Депутаты прямо обвиняли правительство в нарушении основных законов империи и, в частности, 86-й статьи, гласившей, что никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и утверждения государя императора.

В документе говорилось, что весь Туркестан и Степной край были потрясены возникшими событиями, хозяйственные и политические последствия которых сейчас еще не поддаются учету. В некоторых местах от «доведенных до исступления туземцев» пострадало русское население, «многие тысячи туземцев без различия пола и возраста уничтожены войсками», брошенными на подавление восстания.

Наконец события в Туркестане стали предметом особого рассмотрения на пятой сессии Государственной думы четвертого созыва. По запросу депутатов Государственной думы состоялось два закрытых заседания 13 и 15 декабря 1916 г. На них в общей сложности выступило пять депутатов: А.Ф. Керенский (трудовик),

---

[199] *Ковалев П.А.* Восстание 1916 года в Средней Азии и русская буржуазия // Труды САГУ. Ташкент, 1953. С. 43.

[200] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 6.

М.Ю. Джафаров (мусульманская фракция), князь С.П. Мансырьев (прогрессист), граф Д.П. Копнист-2-й (октябрист) и депутат М.С. Аджемов (кадетская фракция). Причем Керенский выступил два раза, он открывал и закрывал слушание по вопросу, а вот К.Б. Тевкелев, второй участник думской комиссии, на трибуну так не вышел и ни разу не дал никаких комментариев по ситуации, хотя, казалось бы, все видел собственными глазами и мог бы поделиться впечатлениями.

Заявление, сделанное А.Ф. Керенским 13 декабря, сводилось к незаконности самого Высочайшего повеления, решение о котором было принято без консультации с местными губернаторами. Депутаты М.Ю. Джафаров, С.П. Мансырев, по сути, тоже говорили о непродуманной государственной акции[201].

Вышедший вслед за Мансырьевым на трибуну депутат Копнист-2-й посвятил свое выступление бедам пострадавшего русского населения, о которых умолчал депутат Керенский. Депутат Аджемов обрушился на правительство. «...Ни один здравомыслящий человек, – подчеркнул он, обращаясь к председателю правительства Штюрмеру, – который стоит во главе государства, не мог послать такую телеграмму: забрать население от 19 до 40 лет»[202].

У исследователя возникает ряд вопросов: «Каким образом депутат Джафаров был детально информирован о событиях в Туркестане, при том что он ездил на Кавказ?»[203]. Значит, какие-то документы комиссией Керенского – Тевкелева были привезены и с ними могли ознакомиться другие депутаты? Но тогда еще вопрос: «Почему со своим анализом ситуации в Туркестане не выступил Тевкелев?» А ведь он входил в число депутатов, подписавших запрос в МВД 19 ноября 1916 г. (уже вернувшись из поездки по краю) «По поводу событий, имевших место в некоторых местностях Туркестанского и Степного генерал-губернаторства при выполнении Высочайшего повеления о привлечении инородческого населения к работам, необходимым для обороны государства».

Возможно, все дело в том, что по оценке современников Тевкелев был далеко не самой ключевой политической фигурой му-

---

[201] Восстание 1916 г. в Средней Азии: Сб. док. / Под ред. *П.Г. Галузо.* Ташкент, 1932. С. 146.

[202] Там же. С. 155.

[203] Выступление Джафарова на закрытом заседании Думы 13 декабря 1916 г. мы приводим ниже.

сульман Российской империи. Парадокс заключался в том, что он, с одной стороны, занимал пост главы мусульманской фракции в Государственной думе, с другой – был далек от насущных проблем мусульманской уммы, интересы которой представлял, стараясь не вступать по возможности в открытую конфронтацию с властью. Для этого во фракции Думы разных созывов были настоящие народные трибуны – С. Максудов, И. Ахтямов, М. Джафаров. Иными словами, Тевкелев был лидером де-юре, а не де-факто[204]. С другой стороны, его либеральная позиция критиковалась консервативной мусульманской общественностью[205].

Как видим, вопросов много и они не такие простые, какими могут показаться на первый взгляд. Но почему народные избранники не предприняли никаких действенных мер сразу после принятия незаконного, на их взгляд, повеления?

Дебаты в Государственной думе передают серьезную обеспокоенность за судьбу российских интересов в Туркестане. По мнению большинства депутатов, вместо помощи уже идущей войне был создан новый театр военных действий – «Туркестанский фронт».

В министерствах начались внутренние разбирательства. Так, в докладной записке по ГШ от 21 декабря 1916 г. отмечалось, что для ответа на депутатский запрос необходимо иметь точные данные – насколько справедливы заявления членов Государственной думы о неправильных действиях местной администрации. В целях получения этих сведений копии депутатских запросов были направлены Туркестанскому генерал-губернатору и начальникам штабов Казанского и Омского военных округов с просьбой сообщить свое мнение не позднее 1 января 1917 г. Кроме того, к направленным запросам прилагались выдержки из речей Керенского и Джафарова с просьбой сообщить к 10 января 1917 г. о справедливости выдвинутых обвинений в адрес местной администрации. На основании этих мнений в Военном министерстве предполагалось составить проект ответа Государственной думе[206].

---

[204] См. подробнее: *Ямаева Л.А.* Мусульманский либерализм в начале XX века как общественно-политическое движение. Уфа, 2002; *Азаматова Г.Б.* Интеграция национального дворянства в российское общество (на примере рода Тевкелевых). Уфа, 2008.

[205] Документы и материалы по истории башкирского народа. 1900–1940 гг. Уфа, 2012. С. 98–100.

[206] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 90.

Туркестанской администрации ситуация виделась по-иному. Управляющий делами канцелярии Туркестанского генерал-губернатора В.Н. Ефремов в своем докладе отмечал: «В результате обследования, притом крайне скороспелого и затруднявшегося незнакомством депутатов с бытом и языком туземцев, и явилась та картина... картина односторонняя, а часто и неверным тоном подкрепленная к тому же фактическими данными, которые были подвергнуты неправильному обобщению или не стояли в действительности ни в какой связи с беспорядками или же совершенно не имели места, и ввиду всего этого получилась картина, не совершенно соответствующая действительности»[207].

Какие оценки восстанию давали видные политической деятели из числа мусульманской уммы Российской империи, которые не являлись депутатами Государственной думы, но, несомненно, пристально следили за восстанием? Один из них, Ахмад Заки Валиди накануне войны совершил две поездки в Туркестан (в Фергану и Восточную Бухару) с конца 1913 г. по март 1914 г., а затем с 31 мая по 4 августа 1914 г. За это время Валиди познакомился с уже известными нам Убайдуллой Ходжаевым и Мустафой Чокаевым. В 1920-е гг. в Турции он написал книгу «Современный Туркестан и его недавняя история», которая была переведена с турецкого на башкирский язык и издана в Уфе в 2015 г.[208]

Как известно, Валиди не испытывал симпатии ни к императорской, ни к Советской России. О восстании он рассказал, на наш взгляд, сдержанно, не давая прямых личных оценок происходящему.

В разделе книги, посвященном восстанию, Валиди описал предпосылки к недовольству (конфискация земель, поборы властей, Высочайшее повеление о мобилизации), опубликовал дастан (стих) об одном из предводителей восстания Абдулгафаре, привел этно-племенную карту восстания, перечислил, где и какие русские чиновники подвергались нападениям и расправам.

---

[207] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 20.

[208] Бөгөнгө Төркиле (Төркөстан) һәм яҡын тарихы. Көнбайыш һәм Төньяҡ Төркөстан. 2-се өлөш / Әхмәтзәки Вәлиди Туған [башҡортсаға тәрж. *Ә.М. Юлдашбаев, С.З. Әхмәҙуллин, З.Ғ. Ҡулберҙина*]. Өфө, 2015. Б. 112–116. Мы выражаем искреннюю признательность Салавату Ахмадуллину за помощь, оказанную по переводу на русский язык фрагментов этой книги.

Вот некоторые цифры, приводимые Валиди. В Китай были вынуждены бежать киргизы 39 волостей, 100 тысяч юрт[209], казнены по приговору суда до революции были всего 347 человек[210], русских в Семиреченской, Самаркандской и Ферганской областях убито 3806 человек[211].

Ссылаясь на сведения, собранные М. Тынышпаевым (в прошлом депутат II Государственной думы от коренного населения Семиречья и участник восстания) вплоть до августа 1917 г., Валиди писал, что из числа сбежавших в Китай и впоследствии вернувшихся обратно киргиз около 83 тыс. убито[212]. Эту цифру упоминал и Алимардан-бек Топчыбашев (в прошлом так же депутат Государственной думы) в августе того же года в Москве на Государственном совещании (под председательством А.Ф. Керенского) в обращении, прочитанном от имени российских мусульман[213]. 6 декабря 1917 г. Тынышпаев опубликовал данные о численности беженцев-казахов в Китай, из которых, по его сведениям, погибло 95 200 человек[214].

Для усмирения беспорядков летом 1916 г. по официальным данным части ТуркВО дополнительно были усилены 14 батальонами, 33 казачьими сотнями[215]. Согласно подсчетам некоторых казахстанских исследователей, против повстанцев Семиречья действовало 35 рот в 8750 штыков, 24 казачьи сотни в 3900 сабель[216].

Летом-осенью 1916 г. по официальным данным войска потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 259 человек. Погибло

---

[209] Бөгөнгө Төркиле (Төркөстан) һәм яҡын тарихы. Көнбайыш һәм Төньяҡ Төркөстан. 2-се өлөш / Әхмәтзәки Вәлиди Туған [башҡортсаға тәрж. *Ә.М. Юлдашбаев, С.З. Әхмәҙуллин, З.Ғ. Ҡулберҙина*]. Өфө, 2015. Б. 112.

[210] Там же. Б. 114.

[211] Там же. Б. 116.

[212] Там же. Б. 115.

[213] См. подробнее: Государственное совещание 12–15 августа 1917 года. Стенографический отчет. М.; Л., 1930. 425 с.

[214] *Тынышпаев М.* История казахского народа. Алматы, 1993. С. 9.

[215] Восстание 1916 г. в Средней Азии: Сб. док. / Под ред. *П.Г. Галузо.* Ташкент, 1932. С. 73. Валиди приводит те же самые цифры: 14 пехотных батальонов, 33 кавалерийских батальона, 42 пушки, 6 единиц тяжелой артиллерии // Бөгөнгө Төркиле (Төркөстан) һәм яҡын тарихы. Көнбайыш һәм Төньяҡ Төркөстан. 2-се өлөш / Әхмәтзәки Вәлиди Туған [башҡортсаға тәрж. *Ә.М. Юлдашбаев, С. З. Әхмәҙуллин, З.Ғ. Ҡулберҙина*]. Өфө, 2015. Б. 116.

[216] Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки // Материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 1996. С. 50.

7 русских и 22 «туземных» чиновника. Больше всего пострадали крестьяне-переселенцы Семиречья: 2325 человек убито и 1384 пропало без вести[217]. Итоговые данные по Семиречью позже скорректированы в сторону понижения – 1905 убитых и 1105 пропавших без вести[218].

Например, только в одном селе Глаголевке из 56 дворов сожжены все, убитых мужчин из 201 – 180; женщин из 200 – 50; из мужчин пропало без вести 10; женщин – 76[219]. Агрессия восставших порождала ответную агрессию переселенцев. Сохранилось много свидетельств о том, как крестьяне, охваченные жаждой мести, яростно и жестоко расправлялись с пленными киргизами[220].

Но были и примеры, когда даже под давлением столь не простых обстоятельств человечность и гуманизм побеждали. И несмотря на то что людей по обе стороны противостояния охватил вихрь безумной мести и мало кто думал об истинной первопричине происходящих событий, известны случаи, когда киргизы предупреждали своих соседей и помогали спастись русским семьям[221].

Общие потери русского населения и потери восставших точно подсчитать не удалось. Согласно официальным данным, представленным Туркестанским генерал-губернаторам Куропаткиным в Совет министров в конце 1916 г., общее число пострадавших русских семей достигло 8 тыс., из которых 6 тыс. потеряли все свое имущество. Куропаткин просил у правительства для оказания помощи пострадавшим (просьба была удовлетворена) 502 тыс. руб. (около 60 руб. на семью)[222].

А. Каппелер полагает, что во время восстания в Семиречье свыше 3 тыс. русских были убиты, свыше 10 тыс. крестьянских хозяйств было разграблено и сожжено, погибло более 100 тыс. казахов и киргизов, свыше 200 тыс. человек бежали в горы и в сопредельный Китай[223].

---

[217] Восстание 1916 г. в Средней Азии. Ташкент, 1932. С. 88–90.

[218] Там же. С. 415.

[219] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

[220] См. приводимые ниже документы.

[221] *Мухлынин Б.Ф.* Восстание 1916 г. в Чуйской долине. Ч. 1. [Электронный ресурс]. URL:http://belovodskoemuh.ucoz.ru/publ/moi_ocherki/vosstanie_1916_goda_v_chujskoj_doline_chast_1_aja/2-1-0-208 (дата обращения: 20.12.2015).

[222] Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1916 год. М., 2008. С. 605–606.

[223] *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. М., 1997. С. 260.

К концу ноября 1916 г. численность бежавших из России в Илийский край казахов, киргизов, дунган и уйгур составила, по данным российского консульства в Кульдже, около 100 тыс. человек. В Кульджинский район бежали в основном из Джаркнтского, Верненского уездов и с северного берега Иссык-Куля, в Кашгарский район – из Пржевальского и Пишпекского уездов. По пути своего бегства восставшие сжигали все русские деревни, вытаптывали поля, угоняли скот[224].

Ниже мы хотим привести таблицу, составленную комиссаром Временного правительства в Семиречье О.А. Шкапским, о приблизительной численности киргизского и казахского населения, бежавшего в Китай, погибшего в Китае и вернувшегося на Родину на 1 мая и 1 июля 1917 г.[225]

Данные на 1 мая 1917 г.

Население	Кульджинский район	Кашгарский район	Итого
Бежало	80 000	84 000	164 000
Убито при преследовании войсками	7000	5000	12 000
Погибло в Китае	30 000 – 37 000 (46 %)	20 000 – 25 000 (30 %)	50 000 – 62 000 (38 %)
Вернулось из Китая	30 000	34 000	64 000
Осталось в Китае	13 000	25 000	38 000

Данные на 1 мая 1917 г.

Население	Кульджинский район	Кашгарский район	Итого
Погибло в Китае	55 000 (69 %)	28 000 (33 %)	83 000 (51 %)
Вернулось	25 000	44 000	69 000
Осталось в Китае	—	12 000	12 000

Всего в Китай по подсчетам некоторых историков ушло более 300 тыс. человек[226].

Суды над участниками восстания начались в крае в августе 1916 г. Чтобы помочь мусульманскому населению, в качестве адвоката в Туркестан прибыл депутат Государственной думы И.А. Ахтямов. Он выступил в окружных судах Коканда и Намангана.

Судебные процессы продолжались в крае до конца февраля 1917 г. Например, временный военный суд в Асхабаде последний приговор «об осуждении туркмен Закаспийской области за участие в волнениях 1916 г.» вынес 27 февраля 1917 г.[227] По одним данным, суду было предано 3 тыс. человек, 1588 из них были казнены или осуждены на разные сроки тюремного отбывания[228], по другим было арестовано более 3 тыс. человек, из них около 350 были приговорены к смертной казни (приговор был утвержден и приведен в исполнение для 51 человека), другие отправлены в ссылку[229]. А.В. Ганин приводит сведения, что после февраля 1917 г. был казнен еще 201 мятежник[230].

Однако далеко не все было столь однозначно и окончательно даже после вынесения приговора. Например, первоначально за нападение на Ташкентское полицейское управление из 35 человек, преданных суду, пятеро были приговорены к лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение, причем за одного из них – несовершеннолетнего – суд постановил ходатайствовать о смягчении участи; девять приговорили к каторжным работам сроком на 20 лет. Пять человек приговорили к лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и приемуществ и отдаче в арестантские исправительные отделения на 3 года. Одному несовершеннолетнему присудили 2 года тюремного заключения без

---

[224] *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. С. 307.

[225] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 57. Л. 13.

[226] *Сулейманов Б.С., Басин В.Я.* Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата. 1977. С. 93.

[227] РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 956. Л. 39–40 об.

[228] *Алимова Д.А.* История как история, история как наука. История и историческое сознание. Т. 1. Ташкент, 2008. С. 147.

[229] История Узбекской ССР. Ташкент, 1968. С. 556.

[230] *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. V. М., 2008. С. 205.

лишения прав. Дело четырех обвиняемых выделили в особое производство. Вслед за этим защитники обвиняемых подали прошение о смягчении приговора. При конфирмации приговора генерал-губернатор Куропаткин приговор к смертной казни утвердил только по отношению к двум осужденным. Двум другим смертную казнь заменили каторжным работами на 5 лет каждому, а несовершеннолетнему смертная казнь была заменена двумя годами тюрьмы без лишения прав. Девяти обвиняемым 20-летную каторгу ограничили двумя месяцами ареста. Шестерым три года арестантских отделений и два года тюрьмы заменили одним месяцем ареста[231].

В донесении директору Департамента полиции начальник ТРОО 15 января 1917 г. писал: «…Приходится констатировать тот факт, что суд в большинстве случаев вынес обвинительные приговоры с осуждением целого ряда туземцев к смертной казни, но в конечном результате все приговоры на основании существующих на сей предмет правил были представлены командующему войсками генерал-адъютанту Куропаткину на конфирмацию, и в большинстве случаев смертная казнь была заменена иными, более легкими наказаниями до ареста включительно. …Неутверждение смертных приговоров рассматривается туземным населением как страх перед ними и объясняется боязнью их раздражать»[232].

«Таким образом, – делал вывод начальник ТРОО, – в конечном результате оказалось, что многие главари… восстания уже ныне находятся на свободе, причем население при освобождении их из-под стражи и возвращении домой встречало их весьма торжественно, что не только отмечено агентурой, но даже чины полиции обращают на это внимание. …Возвращение подобных лиц в среду косного туземного населения Туркестанского края, враждебно настроенного против русских вообще и, в частности, против русского владычества в крае, является весьма нежелательным и опасным, тем более подобные лица рассматриваются туземным населением как герои, борцы за свободу народа, и население, несомненно, вновь может подпасть под их влияние и совершить новые попытки к выходу из повиновения»[233].

---

[231] Астраханский листок. 1916. 5 сентября.
[232] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 2 об.
[233] Там же. Л. 3 об. – 4 об.

8 марта 1917 г. Туркестанский генерал-губернатор обратился к Временному правительству с просьбой о прекращении значительной части следственных дел во имя «устранения розни между отдельными частями населения и дружной совместной работы их на благо государства»[234].

10 марта 1917 г. в телеграмме на имя министров военного, юстиции и начальника Главного военно-судного управления генерал Куропаткин сообщал, что Туркестанским военноокружным и временными военными судами по всем делам о восстании было приговорено к смертной казни 347 человек, из которых 32 смертная казнь утверждена, о приведении приговора в исполнении относительно шести осужденных уведомления еще нет, для двух осужденных приведение приговора в исполнение приостановлено, а последнее утверждение смертного приговора состоялось 30 января 1917 г.[235]

13 марта 1917 г. министр юстиции Временного правительства А.Ф. Керенский направил в Ташкент телеграмму с распоряжением о немедленной приостановке приведения в исполнение всех смертных приговоров военных судов Туркестана[236].

14 марта 1917 г. из Петрограда пришла еще одна телеграмма о прекращении всех уголовных дел против «инородцев»[237], согласно Указу об амнистии Временного правительства от 6 марта 1917 г.

Начальник ТРОО оказался прав. Русское население Туркестана, несмотря на заверения теперь уже Временного правительства, с опасением и недоверием встретило амнистированных[238] участников восстания. Так, 1 апреля 1917 г. Временное правительство обсуждало телеграмму от председателя Пржевальского исполнительного комитета «о возможных недоразумениях с киргизами, получившими амнистию и возвратившимися на места»[239].

В результате восстания арестованы и осуждены судом были и представители русского населения края. От осужденных и на-

---

[234] ГРИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1068. Л. 29.

[235] Там же. Л. 23.

[236] Там же. Л. 22.

[237] Там же. Л. 25.

[238] Амнистия была объявлена указом Временного правительства 6 марта 1917 г.

[239] Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII // Журналы заседаний Временного правительства: март – октябрь 1917 года. В 4-х т. Т. 1. Март – апрель 1917 года. М., 2001. С. 218.

ходящихся под следствием, а также их родственников на имя Туркестанского генерал-губернатора поступали многочисленные ходатайства с требованием для них полной амнистии: «Мы же, крестьяне, <…> совершившие преступления одни в запальчивости, другие по молодости и неведению, также лишившиеся от киргиз всего имущества томимся в тюрьмах…»[240] Генерал-губернатором Куропаткиным в адрес Временного правительства была направлена телеграмма «о желательности амнистии проживающим в крае русским уроженцам». Обсудив эту телеграмму 17 марта 1917 г., правительство поручило генерал-губернатору разъяснить населению, что те русские, которые совершили во время восстания преступные действия против коренного населения, подлежат амнистии на равных основаниях с последними[241].

Силовые методы дополняли попытки внести упорядоченность в сферу трудовых отношений. В январе 1917 г. было принято решение образовать особую инспекцию для рассмотрения различных вопросов, касающихся призванных на тыловые работы. В обязанности инспекции входило «наблюдение за нуждами рабочих, находящихся на окопных и иных, относящихся к военным действиям работам; наблюдение за удовлетворением их бытовых и религиозных нужд». Одновременно с этим вносились предложения о создании фабрично-заводской «туземной» инспекции, которая бы выполняла аналогичные обязанности в отношении туркестанских рабочих, распределенных на фабриках в Европейской части страны[242].

В начале 1917 г. был создан Верненский уездный комитет по выявлению и возмещению убытков, причиненных мирному населению восстанием 1916 г. в Семиреченской области. С заявлением в него мог обратиться любой человек, независио от национальной и социальной принадлежности, но имевший свидетелей и неопровержимые доказательства, что сумма убытков, указанная в заявлении, соответствовала действительности. Комитет тщательно рассматривал заявления. Некоторые дела разбирались вплоть до 1919 г.

---

[240] РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 956. Л. 62а – 62б.

[241] Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. М., 2001. С. 124–125.

[242] Семиреченские областные ведомости. 1917. 6 января.

После восстания на тыловые работы из Туркестана было мобилизовано около 123 тыс. человек[243]. По воспоминаниям Мустафы Чокаева, мобилизованные рабочие, отправленные из Туркестана еще до начала Февральской революции 1917 г., не успев доехать до места, застревали на железнодорожных перегонах в Пензе, Сызрани, Самаре и других городах. Новые власти не знали, что с ними делать, но и вернуть их обратно домой не решались[244].

О мобилизованных не забывали дома и окончательного «успокоения» в крае не наступило. Начальник ТРОО 15 января 1917 г. докладывал начальнику Департамента полиции: «Признаки возможности новых беспорядков в Фергане налицо. Население упорно продолжает думать, что туземцы, отправленные в тыл действующих армий в качестве рабочих, должны возвратиться домой через три месяца, а так как со дня отправки некоторых эшелонов рабочих уже прошло более трех месяцев, то в Ферганской области были случаи, когда женщины с детьми являлись к чинам полиции и предъявляли требования о возвращении мужей с работ, грозя побросать своих детей, которых якобы они не в состоянии прокормить. При этом некоторые демонстративно оставляли грудных детей у ног чинов полиции»[245].

Процесс возвращения тыловых рабочих из прифронтовых районов в области Туркестана начался после прихода к власти Временного правительства. В первую очередь это касалось хлопкосеющих районов края. Так, на заседании Временного правительства 9 марта 1917 г., открывшемся в 16 часов, среди прочих представлений министра земледелия был вопрос «О возвращении с фронта на места сартов Ферганской области для производства работ по культуре хлопка». В результате обсуждения последовало следующее решение: «Признать вопрос о возвращении с фронта на места сартов Ферганской области, не требующим в данное время каких-либо распоряжений как вследствие невозможности при современной загруженности железных дорог обратной с фронта перевозки сартов, так и ввиду последовавшего уже прекращения дальнейшей их отправки на фронт»[246].

---

[243] *Алимова Д.А.* История как история, история как наука. История и историческое сознание. Т. 1. Ташкент, 2008. С. 147.

[244] *Чокаев М.* Отрывки из воспоминаний о 1917 г. Токио ; М., 2001. С. 7.

[245] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 4.

[246] Архив новейшей истории России. С. 59.

В тот же день министром юстиции А.Ф. Керенским был инициирован к обсуждению вопрос «О приостановлении призыва инородцев и об образовании Особой комиссии для выработки нового порядка управления Туркестанским краем»[247]. В этой связи военному министру было поручено сделать соответствующие распоряжения.

Спустя полтора месяца, 24 апреля 1917 г. по представлению Министерства торговли и промышленности Временное правительство вновь вернулось к вопросу о возращении на родину реквизированных сартов, независимо от общего решения вопроса о возврате прочих «инородцев». На этот раз Временное правительство постановило «принять меры к возвращению сартов на родину», а министру путей сообщения «озаботиться скорейшей, с соблюдением должной постепенности, перевозкой упомянутых сартов»[248]. Официальная реализация этих мероприятий началась в мае 1917 г., хотя многие явочным порядком возвращались в Туркестан с марта 1917 г.

5 марта 1917 г. Временным правительством был принято решение о выделении 1 млн руб. на работы по восстановлению разрушенных общественных зданий во время восстания 1916 г. в Семиречье и на заготовку строительных материалов для бесплатной выдачи пострадавшим от восстания русским семьям[249].

10 апреля 1917 г. Временное правительство постановило: вопрос о земельном устройстве киргиз Пржевальского, Пишпекского и Джаркентского уездов Семиреченской области, во время восстания 1916 г. бежавших за пределы России, передать для обсуждения местным общественным организациям; распоряжение Туркестанского генерал-губернатора о конфискации 2 тыс. десятин земли у коренного населения Джизакского уезда отменить; вопрос об обращении под русскую колонизацию части находящихся на территории Персии земель туркмен-йомудов оставить открытым, впредь до выяснения этого вопроса совместно с Министерством иностранных дел[250].

---

[247] Архив новейшей истории России. С. 65.
[248] Там же. С. 343.
[249] Там же. С. 35.
[250] Там же. С. 262–263.

7 апреля постановлением Временного правительства был образован Туркестанский комитет. В мае 1917 г. Туркестанский комитет Временного правительства изменил административные границы края, выведя из его состава Семиречье. Решение было связано с тем, что беспорядки в этом районе, связанные с восстанием 1916 г., продолжали напоминать о себе тяжелыми последствиями, как в экономической сфере, так и в сфере межнациональных отношений[251]. Для осуществления руководства Семиреченской областью Турккомитетом были направлены М.Т. Тынышпаев и О.А. Шкапский. Их полномочия были подтверждены на заседании Временного правительства 12 мая 1917 г.[252]

Сохранившиеся архивные документы и газетные публикации весны – лета 1917 г. демонстрируют нам очевидную смену риторики. Если ранее внимание приемущественно акцентировалось на страданиях и разорениях европейского населения Туркестана, с приходом в власти Временного правительства в официальной переписке между Ташкентом и Петроградом, а также в центральной и региональной прессе стали описывать ужасающие последствия восстания, сказавшиеся на коренном населении края, особенно в Семиречье[253].

17 июня 1917 г. уже бывший генерал-губернатор Туркестана Куропаткин напишет в своем дневнике: «В Туркестане безначалие и можно ожидать больших волнений на почве голодовки ввиду полного неурожая. Давлетшин[254] очень пессимистически настроен относительно возможных событий в Туркестане. Особенно тревожно положение в Семиреченской области. Русское население, поддержанное солдатами, обнаруживает непримиримую ненависть к киргизам. Инженер Тынышпаев, киргизский патриот, очень разумный деятель считает единственным выходом образование двух уездов: русского (Пржевальского) и киргизского (Нарынского), как то было мною предложено»[255].

---

[251] ЦГА РУз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 37. Л. 38.

[252] Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. М., 2002. С. 63.

[253] См.: Семиреченские областные ведомости. 1917. Март – сентябрь.

[254] *Давлетшин Абдель-Азиз Абдулович* (1861–1920) – генерал-майор, в 1910–1917 гг. делопроизводитель Азиатской части Главного штаба, с 31 июля 1917 г. – начальник Азиатской части Главного штаба. Служил в РККА.

[255] Дневник генерала А.Н. Куропаткина. 1917 год [публикация *И.В. Карпеева*, *Е.Ю. Сергеева*] // Исторический архив. 1992. № 1. С. 164.

Еще в начале осени 1916 г., когда обстановка в Семиречье стабилизировалась, А.Н. Куропаткиным был подготовлен проект образования нового уезда Семиреченской области – Нарынского. В новообразованный уезд из 15 волостей восставшего Пишпекского уезда предполагалось переселить 80 тыс. киргиз[256]. В 20-х гг. XX в. идею о выделении русского населения Семиречья в отдельную административную единицу не только не забудут, но даже попробуют претворить в жизнь.

После 1917 г. основным вопросом, определяющим взаимоотношения между коренным и пришлым населением, безусловно, продолжал оставаться вопрос земельный. С новой остротой он проявил себя в рамках земельно-водной реформы, которая проводилась в Средней Азии в начале 20-х гг. прошлого века.

Так, в письме секретаря Букеевского губкома, поступившего в ЦК РКП(б) осенью 1923 г., говорилось: «Главным вопросом распрей между русскими и киргизами является земельный вопрос. Русское крестьянство как более сильное производит захват земельных участков. Для урегулирования земельного вопроса необходима помощь центра. Нет средств для производства землеустроительных работ. КНКЗ (Киргизский народный комиссариат земледелия. – *Т.К.*) средств не ассигнует – необходим нажим, ибо это вопрос большой политической важности, не говоря уже об экономической стороне дела»[257].

В письме секретаря соседней Джетысуйской (Семиреченской. – *Т.К.*) губернии С.Ч. Чекпарбаева в ЦК РКП(б) о национальных отношениях в области за 1925 г. отмечалось: «Национальные взаимоотношения в результате национально-территориального размежевания освободили Джетысуйскую губернию от трений, каковые имелись между кара-киргизами и узбеками, с одной стороны, а также значительно повлияли на ход взаимоотношений между населяющими губернию национальностями и главным образом между русским и казахско-киргизским населением»[258].

Новый партийный руководитель Джетысуйской губернии буквально через несколько месяцев оценил ситуацию следую-

---

[256] РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 956. Л. 59.

[257] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 / Сост. *Л.С. Гатагова*, *Л.П. Кошелева*, *Л.А. Роговая*. М., 2005. С. 133.

[258] Там же. С. 307.

щим образом: «Нередко земли общественные вызывают споры и межнациональные трения»[259].

Единственным выходом из создавшегося положения руководители южных регионов Казахстана и Киргизской автономной области видели в выделении районов с преобладающим русским и украинским населением в самостоятельные автономные единицы и подчинением их непосредственно РСФСР[260]. Но не стоит думать, что это была исключительно инициатива «сверху». Русское и украинское население также неоднократно поднимали вопрос об административной самостоятельности территорий с их компактным проживанием[261].

Апрельский пленум ЦК РКП(б) 1925 г. заслушал специальный доклад о положении в районах с казачьим населением. В резолюции по указанному докладу в пункте 10 пленум признал допустимым районы с компактным проживанием казачьего населения в национальных областях выделять в отдельные административные единицы. Для проведения в жизнь этого постановления Президиум ВЦИК 1 февраля 1926 г. образовал особую комиссию, которой поручил всестороннее рассмотрение вопроса о выделении казачьего и русского населения Киргизской АССР в особые административные единицы.

Год спустя постановления пленума ЦК и Президиума ВЦИК по этому вопросу оставались до конца не выполненными. Работа по административному выделению казаков и русских крестьян была проведена к этому времени только в Киргизской АССР. В Казахской ССР, где сосредоточился наибольший контингент переселенцев, решения партии и правительства в жизнь проведены не были.

Но самым важным вопросом, которым с начала 1920-х гг. активно стала заниматься новая советская власть, было возвращение беженцев из Китая обратно на родину, в только что образованные советские республики.

Согласно сохранившимся документам, среди бежавших из Семиречья в Китай казахов, киргизов и дунган уже в конце 1916 г. было отмечено желание вернуться в пределы Российской империи. Од-

---

[259] Там же. С. 331.
[260] Там же. С. 407.
[261] Там же. С. 431.

нако требования, выдвинутые царским правительством (выдать зачинщиков, сдать оружие, поставить от каждой волости по 200 лошадей, возместить ущерб пострадавшим), были на тот момент невыполнимы.

Узнав об образовании Нарынского уезда исключительно для проживания коренного населения, в пределы России в 1917 г. стали возвращаться первые беженцы. Процесс этот был осложнен целым рядом как экономических, так политических обстоятельств. В Китае беженцы находились в тяжелейших гуманитарных условиях. Взяв на себя разорительные долговые обязательства, многие были вынуждены буквально продавать себя и свои семьи в рабство, и все равно они не могли расплатиться с долгами, которые со временем становились все больше[262].

Коренным образом ситуация изменилась лишь в начале 1920-х гг.

2 февраля 1920 г. на заседании Президиума ТуркЦИК было принято решение о создании Особой комиссии по устройству беженцев-киргизов. Комиссии выделялись средства в размере 100 млн руб., сельскохозяйственный инвентарь, продовольствие, одежда и т. д. необходимые для восстановления хозяйства возвращающихся беженцев[263]. Это значительно ускорило возвращение беженцев на родину. Уже к апрелю 1920 г., по данным Особой комиссии, в Семиречье возвратилось 300 тыс. киргизов и казахов.

ТуркЦИК была составлена специальная инструкция, согласно которой все граждане, пользующиеся землями и имуществом беженцев, начиная с 1916 г. как самовольно, так и по разрешению властей, должны были освободить их в месячный срок[264].

Уполномоченный НКВД РСФСР в Западном Китае Казанский 19 ноября 1921 г. на совещании представителей РСФСР и киргизских беженцев в Кульдже заявил следующее: «Советская Россия стремится к исправлению тех несправедливостей, которые в отношении киргиз были совершены царским правительством, приняла и принимает в настоящее время ряд реформ для ликвидации

---

[262] *Мотукеева Р.Б.* Кыргызская община в Китае: особенности формирования, социально-экономического и культурного развития: Дис. … канд. ист. наук. М., 2008. С. 62.

[263] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 44. Л. 22.

[264] Там же. И-89. Оп. 1. Д. 133. Л. 127.

бедственных для киргизов последствий прежней колонизаторской политики этого правительства…»[265]

Уполномоченный НКИД РСФСР в Кульдже К. Куликов 15 сентября 1921 г. направил письмо Илийскому губернатору по поводу жестокого обращения с киргизскими беженцами: «…должен констатировать, что над беженцами производится спешное издевательство»[266].

Китайские власти Синьцзяна не хотели расставаться с беженцами, и причина была простой, экономической. Эта была дешевая, если не сказать даровая рабочая сила, использование которой приносило огромные дивиденды экономике этого региона Китая и приводимые ниже документы наглядно это иллюстрируют.

Во второй половине 1926 г. в Китайский Туркестан была направлена специальная комиссия, посетившая главные районы сосредоточения беженцев и проведшая совещания с советскими консулами в Кашгаре, Урумчи и Кульдже. В результате произведенного обследования количество беженцев, еще находящихся в Китае к концу 1926 г., насчитывало приблизительно 1900 юрт (в юрте 5–6 чел.) или порядка 11,5 тыс. человек[267].

Чтобы ускорить возвращение беженцев, 18 октября 1926 г. Президиум Среднеазиатского экономического совета обсудил вопрос о предоставлении дополнительных льгот реэмигрантам, возвращающимся из Китая на родину[268].

Таким образом, мы можем выделить три этапа возвращения беженцев в Семиречье. Первый этап – с конца 1916 г. до падения самодержавия, второй этап – с Февральской революции до установления Советской власти, третий этап – с начала 1922 г. до конца 1927 г. При этом стоит отметить, что основная часть беженцев возвратилась к 1927 г.

Благодаря помощи советского правительства, стремившегося в том числе привлечь коренные народы региона к социалистическому проекту в СССР, беженцы смогли вернуться на родину и начать новую жизнь. Реэмигранты стали полноправными членами нового общества и гражданами Советского государства.

---

[265] АВП РФ. Ф. 0100В. Оп. 4. П. 102. Д. 7. Л. 50.

[266] Там же. Л. 2.

[267] Там же. Оп. 9. П. 117. Д. 14. Л. 44.

[268] *Будянский Д.М.* История беженцев-киргизов (1916–1927 гг.). Бишкек, 2007. С. 187.

Итак, в разных районах Российской империи восстание 1916 г. имело свои особенности и специфику, наложившиеся на сложный комплекс местных проблем.

На сегодняшний день в научной литературе и публицистике, как отечественной, так и зарубежной, наблюдается достаточно разнообразная линейка названий (с акцентом на конкретном регионе), относящихся к событиям, поводом к которым послужил царский Указ 25 июня 1916 г.: «восстание 1916 г. в Семиречье», «Семиреченское восстание 1916 г.», «Туркестанское восстание 1916 г.», «Среднеазиатское восстание 1916 г.», «восстание 1916 г. в Казахстане», «Тургайское восстание 1916 г.» и т. д. Справедливости ради стоит отметить, что и до 1917 г., и в советский период к именованию восстания зачастую подходили с региональных или даже национальных позиций: «восстание сартов в Туркестане», «события в Семиречье», «восстание киргиз», «восстание туркмен в Закаспии» и т. д.

Понять коллег из Центральной Азии можно – они исследуют это событие через призму истории собственных государств, и для них такая «избирательность» вполне оправдана. Но российским исследователям, не теряя права вычленять частное из целого (наш сборник тому подтверждение), необходимо сформулировать новый обобщающий термин в рамках Отечественной истории начала XX в., который бы корректно объединил в себе все территории, административные единицы и народы Российской империи, оказавшиеся вовлеченными в массовые или единичные выступления в ответ на указ 25 июня 1916 г.

Утвердившийся термин, доставшийся в наследство от советской историографии, – «восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане», отвечавший в XX в. идеологическим и политическим задачам единого государства и отражавший исключительно географию массового проявления недовольства царским указом, сегодня представляется нам не вполне уместным, в том числе с учетом изменений политической карты региона и образованием на постсоветском пространстве новых государств. Поэтому, отвечая на реплику коллег по историческому цеху, что «об этом уже все написано», хочется с полной уверенностью ответить, «видимо, еще не все».

Воспринимать события лета-осени 1916 г. (а кое-где и начала 1917 г.) в Азиатских регионов Российской империи нужно как явление двух уровней: первый – региональный (Семиречье, Закаспии, Тургайская область и т. д.), второй – общеимперский, то есть вообще реакция со стороны всех народов, подпавших под действие Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.

Не столь однозначна ситуация обстоит и с самим определением «восстание». В дореволюционных документах встречается широкий терминологический диапазон поименований – «мятеж», «бунт», «события», «возмущения», «беспорядки» и практически единичные «восстание». С приходом к власти Временного правительства все чаще и чаще употребляется термин «восстание», который с установлением Советской власти утверждается окончательно и используется до настоящего времени как в отечественной, так и зарубежной историографии, в современной казахстанской историографии можно встретить и такой термин, как «протестное движение»[269].

Если строго подходить к анализу вышеперечисленных терминов, все они имеют очевидную смысловую разницу, передающую в первую очередь внезапность и неорганизованность народного возмущения, а также степень его массовости в разных регионах Туркестана. Однако мы не видим причин отказываться от устоявшегося общающего термина «восстание».

Подход к изучению событий 1916 г. как к единому (одному) восстанию не подтверждается историческими реалиями. Был целый ряд протестных движений в некоторых регионах, имевших крайние формы, но не имевший ни единого руководства, ни какой-либо координации действий.

Выше мы рассмотрели всего одну административную единицу империи – Туркестанский край, на примере которой очевидно, что внутри макрорегиона был целый ряд микрорегиональных восстаний, начавшихся и завершившихся в разное время, которые мы и сегодня, отдавая дань традиции, исключительно для удобства рассмотрели под общим названием – «восстание 1916 г.

---

[269] *Мажитов С.* Протестное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: проблемы, теории и методологии изучения [Электронный ресурс] // http://journals.manas.edu.kg/mjtc/oldarchives/2006/9_821-2104-1-PB.pdf (дата обращения: 17.05.2016).

в Туркестане». Связи между антиправительственными выступлениями не было. Восставшие не просто не сумели, они и не помышляли в силу целого ряда обстоятельств (разговор о которых достоин отдельного исследования) выступать единым фронтом против царской власти, предъявляя ей общие требования.

Для начала дискуссии мы готовы предложить термин – «восстания 1916 г. в Азиатской России». Географически он будет включать в себя все регионы Российской империи, в которых были отмечены любые формы проявления общественного недовольства Указом 25 июня 1916 г.

На наш взгляд, восстания 1916 г. в Азиатской России – это крайняя форма проявления так называемого «мусульманского вопроса», являвшегося в позднеимперский период, наряду с «остзейским», «польским», «еврейским» и др., составной частью государственной этно-конфессиональной политики. Несмотря на то что со второй половины XIX в. до начала Первой мировой войны в Туркестане произошли значительные территориальные, политические, социально-экономические, демографические и культурные изменения, обусловленные новой исторической реальностью, «мусульманский вопрос», вернее его нерешенность, стал камнем преткновения для проведения успешной интеграционной и модернизационной имперской политики в крае.

Поясним, что под «мусульманским вопросом» мы понимаем отражение постоянных ожиданий управленческой бюрократии Российской империи «национально-освободительных настроений»[270], формировавшихся (по мнению последней) в основном под воздействием извне в среде мусульманского населения империи. «Мусульманский вопрос» являлся составной частью имперской политики в регионах с преобладанием населения традиционно исповедующего ислам.

Россия не предпринимала активных попыток «выдавливания» ислама в Туркестане. Однако она искала путь утверждения своего влияния, иногда форсируя, как ей казалось, не слишком стремительные темпы интеграционных процессов, при этом, как

---

[270] Мы сознательно не употребляем более жесткие термины «националистических» и «сепаратистских».

правило, осознавая и учитывая определяющее место ислама в жизни коренного населения региона. Тем не менее имперский интеграционно-модернизационный проект в Туркестане нельзя считать завершенным. Во многом, на наш взгляд, потому, что в нем не нашлось места мусульманскому духовенству (термин условен, но он давно прижился в научном лексиконе), которое могло стать своеобразным связующим звеном между мусульманской уммой Туркестана и имперской властью.

Еще одна «точка опоры», которой у империи не было в Туркестане, – элита, представлявшая местную родовую аристократию, потомков ханов и беков, которая так и не получила статуса, в полной мере равного статусу русского дворянства. Поэтому центральная власть далеко не всегда могла использовать эту региональную элиту в качестве посредника в общении с народом. Более того, власть, в первую очередь краевая, не доверяла этим людям и постоянно подозревала их в «антиправительственных настроениях», вместо того, чтобы попытаться, опираясь на их высокий авторитет в среде коренного населения, наладить диалог с этим самым населением.

С другой стороны, изучая архивные документы, задаешься вопросом: «Что помешало временно исполнявшему должность Туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофееву сразу после получения текста указа обратиться к населению с обращением, аналогичным обращению Степного генерал-губернатора Н.А. Сухомлинова от 30 июня 1916 г., выполнить волю царя и доказать свою преданность Отечеству»?[271] Ведь для такого прямого обращения к народу совсем не нужны были посредники ни из числа улемов, ни из числа знати, ни даже отдельного разрешения председателя Совета министров Б.В. Штюрмера. Как здесь еще раз не вспомнить поступок Ферганского военного губернатора А.И. Гиппиуса?

Накануне восстания 1916 г. в Туркестане не было ни одной политической партии, созданной представителями коренного населения и отражавшей его интересы, а значит способной возглавить восстание. Например, «Таракки парвар»[272] в различного рода офи-

---

[271] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1069. Л. 5 об. – 6.

[272] *«Таракки парвар»* (*«Общество равенства»*) – первая политическая партия коренного населения Туркестана. Появилась в Андижане на волне восстания 1916 г. Руководитель *У.А. Ходжаев.*

циальных документах и донесениях ТРОО называют то «группа», то «партия». В Степном крае казахская партия «Алаш», образованная из группы членов партии кадетов, организационно оформится только в июле 1917 г. на Первом Всеказахском съезде в Оренбурге.

В начале XX в. эта самая власть нередко пыталась найти ответы на вопросы нового времени, используя старые, как ей казалось, не раз проверенные методы. Будучи «морально устаревшими», они все чаще давали сбой или работали не столь эффективно. «Универсального набора» управленческих и модернизационных приемов для всего имперского пространства, как не старались, выработать не удалось. В арсенале имелся некий «базовый комплект» действий или бездействий, порождавший или усиливавший негативное отношение нерусских народов не только к русской власти (при этом представители этой власти могли быть любой национальности), но и нередко и к русскому населению в целом.

В очередной раз предпринимая попытку ответить на вопрос: «Что такое восстание 1916 г.?», мы, сильно огрубляя, можем предложить три варианта: «ошибка власти» (обусловленная имперской природой отношения к окраинам), «историческая закономерность» (следствие имперской природы отношения к окраинам) и отправная точка для формирования «национальной идеи» или «идеи национальной независимости» у каждого из народов Туркестана (при том что, как отмечалось выше, сами восставшие конкретных идей или идеологии не сформулировали). И здесь начинается самое сложное: что же выбрать в качестве первостепенного?

Возможно, кто-то отдаст предпочтение «формированию национальной идеи» и «исторической закономерности», но найдутся коллеги, которые присоединятся к нам и выберут «ошибку власти» и «историческую закономерность», а кто-то даст свой, не похожий на первые два, ответ. Но есть то, что неизбежно должно объединить все позиции. Восстание 1916 г. – это не просто одна из самых печальных страниц в истории народов Центральной Азии, а трагедия всех (в равной степени) жителей региона, без различия национальностей и вероисповедания.

Когда готовился сборник, внимание автора этих строк привлекла статья крупного отечественного кавказоведа В.В. Дегоева,

посвященная современным проблемам преподавания истории Северного Кавказа. Советская историческая наука (мы позволим себе присоединиться к мнению профессора Дегоева) при всех ее проблемах и несовершенствах была ориентирована на поиск и доказательство фактов, свидетельствовавших о вековых корнях, братских или просто неконфликтных отношений между народами СССР[273].

Сегодня ситуация выглядит с точность наоборот – все силы брошены на поиски «виноватых», забывая о том, что изучение любого события, унесшего тысячи человеческих жизней, требует взвешенности и корректности в оценках, а не конструирования столетие спустя новых исторических мифов. В таких условиях история выступает не фундаментом для построения будущего, а инструментом для создания «образа врага» в информационной войне. Изучение самого восстания все сильнее отклоняется от дискурса научного в сторону дискурса политического. Риторика, используемая при этом участниками дискуссии, зачастую не имеет ничего общего с академическим дискурсом. А ведь именно от них ждут ответа на главный вопрос: что нужно сделать для того, чтобы трагедия, подобная трагедии 1916 г., не повторилась в будущем и не прервала поступательного развития и позитивного взаимодействия России, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Таджикистана и Узбекистана.

Позиция исследователя при освещении любого исторического события должна, как нам представляется, выглядеть следующим образом: учитывать все документы и говорить обо всем. Не согласен – аргументированно опровергай, спорь, а закрывать глаза на очевидные факты недопустимо. Поэтому мы искренне надеемся, что все написанное добавило несколько важных деталей и новых штрихов к историческому портрету восстания 1916 г. в Туркестане.

Т.В. Котюкова

---

[273] *Дегоев В.В.* О современных проблемах преподавания истории Северного Кавказа // Россия XXI в. 2010. № 2. С. 29.

№ 1

Письмо поверенного в делах Российского императорского посольства в Константинополе А.Н. Свечина[1] Туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову[2]

№ 215 *29 сентября 1910 г.*
Доверительно

Милостивый государь Александр Васильевич!

В письме от 27 июля сего года № 973 на имя посла гофмейстера Чарыкова[3] ваше превосходительство, сообщая об усиленном распространении в Туркестане и Бухаре турецких газет левого направления и о попытках вести посредством них агитацию среди туземного мусульманского населения, просите дать Вам по возможности подробные сведения о деятельности комитета «Единение и Прогресс»[4], в программу коего входит распространение просвещения среди мусульман Туркестана и Бухары.

Считаю долгом поделиться с Вашим превосходительством нижеследующими сведениями, коими располагает императорское посольство в Константинополе по затронутому Вами вопросу.

После провозглашения Турцией конституции[5] в Константинополе было основано Научное Бухарское общество, которое явилось органом отдела Народного просвещения комитета «Единение и Прогресс», во главе какого отдела стоит известный поборник панисламистских идей доктор Назим[6]. Через посредство названного

---

[1] *Свечин А.Н.* (1859–1939) – камергер, действительный статский советник, советник российского посольства в Турции.

[2] *Самсонов Александр Васильевич* (1859–1914) – русский государственный и военный деятель, генерал от кавалерии, в 1909–1914 гг. генерал-губернатор Туркестана, командующий войсками Туркестанского военного округа, наказной атаман Семиреченского казачьего войска

[3] *Чарыков Николай Валерьевич* (1855–1930) – действительный статский советник, сенатор, гофмейстер, российский дипломат, чрезвычайный полномочный посол в Турции. После революции 1917 г. эмигрировал заграницу. Умер в Константинополе.

[4] *«Единение и Прогресс»* – младотурецкая политическая партия, основанная в 1889 г. Основные цели – смещение режима султана Абдул-Хамида II, восстановление конституции 1876 г. и созыв парламента.

[5] Речь идет о конституции 1876 г.

общества отдел народного просвещения комитета поддерживает сношения с Бухарой и Кашгаром, где он вербует учеников, которых затем размещает в военной и разных других правительственных школах Константинополя. Всех учеников в настоящее время насчитывается до ста человек[7], из коих половина бухарцы, а другая половина кашгарцы. Помимо общей программы преподаваемых предметов, ученикам внушаются все ходячие идеи панисламизма и турецкого шовинизма.

Одним из панисламистских агитаторов в Китайском Туркестане является некий шейх[8] Сеид, минувшим летом, появившийся в Константинополе. По-видимому, это тот самый Мулла-Мухамед Сеид, о появлении и агитации коего в Китайском Туркестане доносил еще в начале 1908 г. наш консул в Кашгаре. Названный шейх, выдавший себя за Кашгарскаго шейх-уль-ислама, имел в Константинополе большой успех, был принят 11 июля по рекомендации великого визиря Хакки-паши[9] на аудиенции самим султаном и вскоре затем держал речь на арабском языке о панисламизме в клубе здешнего комитета «Единение и Прогресс», за каковую речь клуб ему вотировал благодарность и снабдил его рекомендательным письмом к мусульманам Кашгара, выражая им свои симпатии. Впоследствии положение шейха, однако, пошатнулось, так как некоторые из обучающихся здесь кашгарцев, а также газета «Теарюфи-Мюслемин» объявили, что в Кашгаре должности шейх-уль-ислама не имеется вовсе и что шейх Сеид – обманщик. Начатое военным судом следствие пока будто бы обнаружило, что шейх Сеид турецко-подданный, уроженец африканского Триполи, который много путешествовал по мусульманским странам – Египту, Аравии, Индии, Туркестану Китайскому и также Русскому.

---

[6] *Назим бей Селаникли* (1870–1926) – турецкий политический и государственный деятель, генеральный секретарь и один из идеологов партии «Единение и Прогресс». Принимал активное участие в разработке идей пантюркизма. После поражения Турции в Первой мировой войне бежал в Германию. По решению Стамбульского военного трибунала Назим был заочно приговорен к смертной казни. Вернувшись в Турцию, в 1920 г. Назим примкнул к группировке политических противников Мустафы Кемаля, принял участие в заговоре против него и был повешен в Анкаре в 1926 г.

[7] Подчеркнуто в тексте документа.

[8] *Шейх* – глава суфийского братства, духовный лидер.

[9] *Ибрахим Хакки-паша* – в 1910–1911 гг. великий визирь Османской империи, верховный председатель совета визирей, наместник султана, хранитель его печати.

Насколько выясняется из различных сведений, младотурки унаследовали в вопросе панисламской агитации многие традиции прежнего режима и стали подражать политике Абдул-Гамида[10]. Памятуя, какие поразительно успешные результаты дала в свое время подписка и сборе пожертвований на сооружение Хеджазской железной дороги[11], объявленная во всех странах, где имеется мусульманское население, и достигшая громадной суммы, исчисляемой от 150 до 200 миллионов франков, комитет «Единение и Прогресс» образовал в этом году «Общество национальной помощи оттоманскому флоту» и разослали многих духовных лиц и офицеров в качестве эмиссаров в страны с мусульманским населением, то есть Марокко, Тунис, Алжир, Египет, Судан, Индию и Россию.

Через названное общество по усилению флота и ведется главным образом панисламская агитация, как одно из средств общей политической программы комитета «Единение и Прогресс». Пропаганда эта в Индии уже привела к дипломатическому представлению Порты[12] со стороны великобританского правительства. Индийский вице-король строго воспретил распространение в Индии подписных листов на усиление турецкого флота и здешнему великобританскому послу поручено было сообщить об этом Порте и предложить ей принять к сведению принципиальную недопустимость содействия подданными одной державы увеличению военных сил другой державы.

При отношении Первого департамента Министерства иностранных дел от 29 июля сего года за № 900, Императорскому посольству была препровождена копия с циркулярного отношения Департамента полиции от 4 февраля сего года № 48921 касательно фетвы[13], будто бы изданной по настоянию здешнего комитета «Единение и Прогресс» Константинопольским шейх-уль-исламом и приглашаю-

---

[10] *Абдул-Хамид II (Абдул-Гамид)* (1842–1918) – последний султан Османской империи, правил в 1876–1909 гг. Пытался установить режим единоличной власти и сохранить территориальную целостность империи, опираясь на идеологию панисламизма.

[11] *Хеджазская железная дорога* – сеть турецких дорог на Ближнем Востоке, построенных в 1900–1908 гг. Цель строительства – обеспечение надежного контроля над отдаленными районами империи и перевозка мусульманских паломников в священные города Мекку и Медину. Дорога функционировала до Первой мировой войны.

[12] *Порта* (от *фр.* porte, *итал.* porta – «дверь», «врата») – принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства (канцелярии великого визиря и дивана) Османской империи.

[13] *Фетва* – правовое заключение в Шариате.

щей всех мусульман, в том числе и русских подданных, жертвовать на турецкий флот. Насколько посольству удалось выяснить, подобное фетвы шейх-уль-исламом издано не было, что и можно было предполагать, так как хотя могущественный комитет в значительной степени и направляет политику официального турецкого правительства, он, тем не менее, очень осторожно отграничивает себя от официальных носителей власти, и едва ли поэтому счел бы благоразумным в своей пропаганде обращаться к содействию официального правительственного лица, каковым является шейх-уль-ислам.

Но и без фетвы последнего сбор средств на усиление турецкого флота встречает успех, по-видимому, и в России. Так, например, несколько месяцев тому назад комитетом были посланы в Крым для пропаганды среди тамошних мусульман несколько эмиссаров «ходжей»[14]. Результатом их деятельности явились пожертвования крупных сумм на усиление турецкого флота проезжавшими через Константинополь некоторыми крымскими богачами из мусульман.

О посылке эмиссаров для означенной цеди, а также панисламистской пропаганда в Бухару у посольства имеются также некоторые сведения.

В начале июля сего года отсюда через Софию выехал в Петербург один из второстепенных по своему положению в комитете членов его, некто Салих-эфенди со специальной миссией поднять среди русских мусульман-татар и бухарцев панисламистское движение. Салих имел письменную рекомендацию от названного комитета к оттоманскому послу в Петербурге Турхану-паше[15], коему предлагалось оказывать посланцу всевозможное содействие к выполнению возложенной на него миссии, равно как и визитную карточку великого визиря Хакки-паши, рекомендовавшего Салиха вниманию Турхана-паши. Миссия Салих-эфенди, судя по некоторым сведениям, не встретила сочувствия оттоманского посла, будто бы недовольного тем, что решение столь важного предприятия было принято без предварительного запроса о нем его мнения. Салих-эфенди,

---

[14] *Ходжа* – в Средней Азии человек, ведущий свое происхождение от арабских завоевателей, распространявших ислам в регионе, позднее – человек, совершивший паломничество (хадж) в Мекку.

[15] *Турхан-паша Пермети* (1839–1927) – албанский и османский политический и государственный деятель, премьер-министр (дважды), возглавлял правительство Албании (1914 г. и 1918–1920 гг.). Дипломат, посол в Российской империи в 1896–1914 гг.

по дошедшим до посольства сведениям, из Петербурга выехал для пропаганды в Бухару.

Около того же времени из Бомбея через Лахор и Афганистан в тех же целях отправлен был в Бухару другой член комитета, некий шейх Мехмед Афгани, но миссия его была неудачна, так как в Лахоре он был арестован английскими властями; впоследствии, впрочем, ему удалось будто бы убежать и скрыться, но неизвестно куда.

Одним из более энергичных и деятельных поборников панисламизма является проживающий в Константинополе очень влиятельный член комитета «Единения и Прогресс» Шахбендер-заде Ахмед Хилъми, известный также и под другим именем – шейх Мухредин Харуси, он ведет оживленную переписку с мусульманами разных стран и, надо думать, и с нашими туркестанцами, выяснить личность коих, быть может, не составило бы затруднения для нашей Туркестанской администрации.

Вышеизложенные факты указывают, что младотурки проявляют оживленную деятельность в пропаганде панисламских идей, имея при этом в виду, как укрепление своего положения в стране, так и усиление своих скудных денежных средств. Не ограничиваясь эмиссарами, они в последнее месяцы предприняли весьма энергичную газетную кампанию в некоторых здешних турецких журналах, появление и распространение коих в Туркестане и Бухаре обратило на себя внимание также Вашего превосходительства. По этому вопросу Императорское посольство располагает нижеследующими сведениями:

Главные панисламские органы на турецком языке – это три еженедельных журнала: «Хикмет» («Мудрость»), «Сырати-Мюстеким» («Истинный путь») и «Теарюфи-Мюслимин» («Взаимное ознакомление мусульман»).

«Хикмет» издается неким Ахмед Хильми-эфендием, состоящим в то же время главным редактором ежедневной газеты «Тесвири-Эфкяр».

«Сырати-Мюстеким» издается кружком высшего мусульманского духовенства, к которому принадлежат сенаторы Исмаил Хаккы-эфенди и Муса Кязим-эфенди (последний теперь, как известно, занимает должность шейх-уль-ислама). В журнале этом за последнее время сотрудничает сын одного из видных деятелей комитета «Единение и Прогресс», Мемед Балджи-заде Хусейн, а также и русские выходцы.

Особенной враждебностью к русскому правительству проникнут журнал «Теарюфи-Мюслимин». Он издается редакцией, состоящей из турок и русских мусульман, но главную роль в нем играет русский выходец – Абдулрешид Ибрагимов[16]. Последний бывший издатель выходившей на Кавказе газеты «Иршад». По рождению он сибирский татарин, принадлежал к духовному званию, был членом Оренбургского духовного правления[17] и некоторое время исполнял даже должность Оренбургского муфтия[18], но затем вышел в отставку и занимался отчасти торговлей, отчасти журналистикой. Так как он знаком с условиями русской жизни, то клеветнические измышления свои о притеснениях мусульман в России, гонениях, воздвигнутые будто бы нашим правительством на ислам и т. п., он старается изложить в правдоподобной форме, вследствие чего его статьи должны производит на мусульман читателей наиболее сильное впечатление изо всего того, что печатается в журналах на эту тему.

В «Теарюфи-Мюслимин» помещается также много корреспонденций из России. Обращают на себя внимание статья в № 5 журнала (за подписью Ахмеда Таджедина из Троицка): «Дума и мусульманские права»; того же автора в № 14: «Призыв к духовенству»; в № 15 и 16: печатаемый в переводе письма Ильминского[19] к покойному обер-прокурору Святейшего Синода Победоносцеву[20] и другим.

---

[16] *Ибрагимов Абду-Рашид Гумерович (Абдулрешид Ибрагимов)* (1857–1944) – татарский мусульманский деятель, кади (судья), проповедник и публицист. Сторонник идей панисламизма. На рубеже 1905–1906 гг. становится одним из руководителей движения «Иттифак аль-Муслимин». В 1910 г., когда Ибрагимов прибывает в Стамбул, издавал несколько исламских журналов. Тесно взаимодействовал с пантюркистом Энвером-пашой. Для пропагандистской работы в России ширмой служило «Татарское благотворительное общество». В 1911 г. Ибрагимов был принят в тайную организацию «Тешкилят-и-Махсуса». В 1922–1923 гг. жил в Советской России. В 1930–1931 гг. живет в Мекке. В 1938 г. приезжает в Японию. Вплоть до самой своей смерти продолжал верить в скорейшее обращение большинства японцев в ислам.

[17] *Оренбургское магометанское духовное собрание (Оренбургское магометанское духовное управление)* – первая организация мусульман России, созданная в 1788 г. Была учреждена должность главы российских мусульман – муфтия, кандидатура которого после избрания мусульманским обществом должна была утверждаться императором. Местом собрания была Уфа.

[18] По имеющейся информации *А. Ибрагимов* никогда не исполнял должность Оренбургского муфтия. Он был членом правления мусульманской общины Оренбурга.

[19] *Ильминский Николай Иванович* (1822–1891) – директор Казанской учительской семинарии, известный тюрколог и миссионер-просветитель.

[20] *Победоносцев Константин Петрович* (1827–1907) – российский государственный деятель, действительный тайный советник. В 1880–1905 гг. – обер-прокурор Святейшего Синода. Член Государственного совета, почетный член Императорской Академии наук.

Из числа других русских выходцев, сотрудничающих в вышеназванных журналах, следует отметить Ахмеда Агаева[21], пишущего в «Сырати-Мюстеким», и доктора Карабегова, автора одной из самых злостных статей, направленных против России, под заглавием «Мусульманский мир России». Из вышеназванных трех русских выходцев наибольшей популярностью в Константинополе сейчас, несомненно, пользуется Ибрагимов, который часто читает лекции в разных клубах партии «Единение и Прогресс», причем при первом своем выступлении в роли лектора был рекомендован турецкой публике сенатором Муса Кязим-эфенди[22], то есть теперешним шейх-уль-исламом.

Наш Туркестан и ханства Хива и Бухара в самое последнее время привлекли на себя особое внимание названных журналов в связи со слухами, распущенными в Константинополе, о намерении России присоединить оба ханства[23] (статья в «Хикмет» от 2 сентября «Центральная Азия и Афганистан»; статья «Сырати-Мюстеким» в № 107–108; «Покушение на независимость Бухары» в № 16 «Теарюфи-Мюслимин»; «Некролог Хивинского хана» и др.).

В издающейся здесь и отмеченной Вашим превосходительством политической газете «Икдам» можно также иногда встретить статьи в панисламском духе, как, впрочем, и в других.

---

[21] *Ахмед-бек Агаев (Агаоглу)* (1868–1939) – азербайджанский государственный деятель, пантюркист, журналист. В 1897 г. он издавал в Баку газету «Каспий». С января 1904 г. становится одним из редакторов газеты «Хаят». Был одним из активных участников I Всероссийского мусульманского съезда, прошедшего в Нижнем Новгороде 15 августа 1905 г. В 1909 г. переезжает в Турцию, где работает в среднем эшелоне правительственного аппарата. В 1915 г. он входит в состав «Комитета по защите прав тюрко-татар мусульман России». В мае 1916 г. этот комитет объединяется с «Лигой коренных народов России». Летом 1918 г. назначается советником командующего Кавказской исламской армией Нури-паши и в этом качестве прибывает в Азербайджан. В 1918 г. его арестовывают в Стамбуле британские оккупационные власти. В 1921 г. становится редактором газеты «Хакимиет-и-миллие», позже директором главного управления прессы. Был избран депутатом Великого национального собрания Турции.

[22] *Муса Кязим-эфенди* – шейх-уль-ислам Османской империи. После длительного судебного разбирательства был приговорен 6 июля 1919 г. военным трибуналом Стамбула к 15 годам тюремного заключения за вовлечение Турции в мировую войну и организацию массовой депортации и уничтожение армянского населения.

[23] Действительно, примерно с 1910 г. в правительственных кругах Российской империи и администрации Туркестанского генерал-губернаторства шла активная и напряженная дискуссия о ликвидации или сохранении «бутафорских ханств» Хивы и Бухары, которая не привела к изменению существующей ситуации.

Из ежедневных газет не на турецком языке, часто помещающих враждебные нам статьи и корреспонденции из России, рассчитывая на возбуждение враждебных чувств к России здешних мусульман, следует отметит «Османишер Ллойд», издающейся на немецком и французском языках при денежной субсидии от германского посольства. Газета «Le Jeune Turc», издающаяся на французском языке турком Джелаль Нури, также до крайности нам враждебна.

В заключение должен отметить, что редактирующий «Теарюфи-Мюслимин» вышеупомянутый Ибрагимов только что издал на турецком языке три выпуска своего «путешествия», которое после подавления российской революции он предпринял по Туркестану, Сибири, Монголии, Манчжурии, Японии, Корее, Китаю, Индийским островам и Аравии. Заглавие его книги – «Мусульманский мир и распространение ислама в Японии». Так как путешествие Ибрагимова имело целью пропаганду панисламизма и даже «проповедь ислама в языческих странах». Несомненно, что его сочинение будет иметь большой успех и станет известно и нашим мусульманам.

Таковы в общем те сведения, коими располагает посольство по вопросу об организации панисламской пропаганды в Константинополе и о тех приемах, к коим она прибегает для достижения своих целей.

Ввиду выраженного Вашим превосходительством желания я не замедлю выслать Вам образчики тех журналов, в коих содержатся статьи, касающиеся Туркестана, Бухары и вообще Средней Азии, покорнейше прося Вас сообщить, не пожелаете ли Вы взять подписку на некоторые из них на известное время.

Прошу Вас принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Подписал: поверенный в делах *А. Свечин*

Верно: начальник Туркестанского районного охранного отделения подполковник[24].

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 18–21.

---

[24] Подпись неразборчива.

№ 2

Письмо начальника Андижанского уезда полковника П.П. Иванова начальнику Скобелевского уезда[25]

№ 156 *16 мая 1911 г.*

Совершенно секретно

Я получил совершено негласные сведения о том, что в селении Куля, Араванского участка, Скобелевского уезда образовалась какая-то организация из туземцев под руководством иностранцев-мусульман, подготовляющая восстание против русских[26], причем будто бы в названном селении идет открытая пропаганда газавата[27].

Сообщая о изложенном Вашему высокоблагородию для сведения и с просьбою распоряжения о проверке, добавляю, по моему мнению, необходимо обратить внимание на настроение умов туземцев: в годовщину Андижанского восстания[28] 28-го мая и в день рождения Магомета (кажется, 26-го июня).

Начальнику Туркестанского районного охранного отделения. Для сведения, с копией отношения моего начальнику Скобелевского уезда Ферганской области.

И. д. начальника уезда, подполковник *Иванов*

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1168. Л. 8–8 об.

---

[25] На документе резолюция начальника Туркестанского районного охранного отделения от 18 мая 1911 г. «Запросить начальника уезда, когда именно получено им сводка об мусульманской организации и заключает ли она в себе копию либо определенные указания им лиц, ведущих в с. Куля пропаганду».

[26–27] Подчеркнуто в тексте документа.

[28] *Андижанское восстание 1898 г.* – восстание коренного населения Средней Азии с целью восстановить независимость Кокандского ханства, произошло в мае 1898 г. вблизи города Андижана во главе с Дукчи (Мадали)-ишаном. Восставшие совершили нападение на русский военный гарнизон и захватили склад с оружием. Выступление было подавлено меньше чем за неделю, руководители мятежа во главе с Дукчи-ишаном были казнены, признанные зачинщиками были сосланы в Сибирь. Самая темная сторона истории восстания – связь Дукчи-ишана с турецким султаном Абдул-Хамидом II, на помощь которого он надеялся.

№ 3

Донесение начальника Скобелевского уезда начальнику Туркестанского районного охранного отделения

№ 67 *10 июня 1911 г.*
Секретно

По сообщению Андижанского уездного начальника от 16 мая сего года о том, что в селе Куля Кувинского участка открыто пропагандируется газават[29], были собраны сведения через должностных лиц и частных агентов.

Как и следовало ожидать, никаких данных к тому, чтобы можно было предполагать наличность какой-либо противоправительственной организации, не было добыто.

Напротив того, указания начальника Андижанского уезда, основанные на сведениях негласной агентуры, на то, что наиболее ясное настроение умов должно выразиться 28 мая – день проявления в Андижане в 1898 г. мусульманского фанатизма и 26 июня – день рождения Магомета, не соответствовало действительным моментам сих событий, с одной стороны, а с другой, то обстоятельство, что село Куля населено туземцами, носящими название «тюрков», причем агенты, давая знать начальнику Андижанскому уезду, что пропаганда ведется «иностранцами-мусульманами», по-видимому впали в ошибку, свидетельствует о малой осведомленности означенной агентуры, вероятно предположившей по названию местных жителей наличность иностранцев-агитаторов.

Об этом сообщено подполковнику Иванову на предмет разъяснения, но ответа не получено.

Дальнейшие наблюдения ведутся и о последующем сообщение последует.

Начальник уезда, полковник[30]

И. д. секретаря[31]

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1168. Л. 12–12 об.

---

[29] Г*азават* – священная война мусульман с немусульманами.

[30–31] Подпись неразборчива.

№ 4

Прошение коренного населения Туркестана министру земледелия и государственных имуществ о прекращении изъятия земли у кочевников

Март 1912 г.

Его превосходительству
Господину министру земледелия и государственных имуществ
[От] Доверенных пятидесятников
общества киргиз семи аулов Аксуйской волости,
Чимкентского уезда, Беловского участкового пристава
киргиз той же волости Джабаги Досаева,
Эсбамбета Нурманова, Булеша Байсалова
и Абая Роева

Прошение

До перехода Туркестанского края в состав Государства Российского мы, киргизы, вели исключительно кочевой образ жизни ввиду того, что были поставлены в опасность подвергнуться нападению с чьей-либо стороны, и только впоследствии стали постепенно оседать и заниматься земледелием, особенно начиная с 1878 г., когда был сильный падеж скота у киргиз вследствие отсутствия корма по случаю суровой зимы, с года так называемого «Куянджил».

Оседая, киргизы личными и подчас большими усилиями и средствами возобновляли существовавшие издревле в здешнем крае арыки, проведенные уже сотни лет тому назад при бывших ханах и после совсем заброшенные и требовавшие большого труда для возобновления [их работы]. И таких оседлых киргиз до закона от 12-го июня 1886 г., когда вышло положение об Управлении Туркестанским краем, было в Чимкентском уезде немало родов, и кочевниками они назывались, очевидно, по недоразумению, только потому, что по народности они киргизы.

Настоящие кочевники-киргизы на лето укочевывают на далекое расстояние, за целые сотни верст, тогда как оседлые киргизы на лето из зимовок переселяются, теперь и ранее переселялись на

близкие расстояния, ставя свои юрты на высоких бугристых местах, куда не доходит арычная вода, не оставляя и орошенных арыками мест, кои они возделывают под хлебные и клеверные поля. Все орошенные киргизами земли [были] заняты ими до возникновения в здешнем уезде русских поселков.

В 1890 г., уступая просьбе помощника уездного начальника полковника Маслова[32], ввиду бывших в то время в Европейской России голода и холеры, из человеколюбия киргизы из своей орошенной земли отдали под учрежденные подполковником Масловым 18 русских поселков прибывшим из России группам голодных, оборванных и ходивших по домам с сумами людям свои лучшие участки земли, надеясь, что новые русские поселенцы научат нас, киргиз, улучшенным способам обработки земли.

Означенные русские получили без всякого труда со своей стороны по проведению арыков лучшие участки земли и, сразу разбогатев и не довольствуясь уже отведенной им землею, стали притеснять окрестных киргиз, загоняя их скот под предлогом потравы, и тем принудили этих киргиз к уступке им еще добавочной земли, подкупая родовичей. После этого, когда земли у русских поселенцев оказалось более, чем они в состоянии были обрабатывать личными силами, поселенцы эти стали вызывать к себе своих родственников и знакомых, описывая им в ярких красках свое благосостояние.

Таких вызванных ими из Европейской России лиц к 1906 г. оказалось несколько тысяч семейств, которые сначала работали на землях вызвавших их лиц, а затем с увеличением русского населения стали ходатайствовать уже для себя отвод отдельных новых киргизских земель, хотя новоприбывшие лица, под названием «билетные», устраивались у вызвавших их крестьян, ставших здесь уже настоящими помещиками, в качестве рабочих без особой нужды и вытесняли нанимавшихся к русским рабочих-киргиз.

Эти бывшие первые переселенцы имеют нередко хорошие из жженого кирпича устроенные дома, громадные амбары с зерном, большое количество лучшего рогатого скота, улучшенной породы

---

[32] Вероятно, речь идет о полковнике *Алексее Николаевиче Маслове* (литературный псевдоним А. Бежецкий) (1852–1922) – инженер-генерал, писатель и публицист, участник Среднеазиатских походов. В 1880 г. был включен в состав Закаспийского отряда, сформированного для участия в Ахал-Текинской экспедиции.

лошадей, брички на железных осях, продавая ежегодно зерна по несколько тысяч пудов. Есть среди них богачи, засевающие в лето до пятисот десятин земли, арендуя таковую у бедных киргиз за незначительную плату. Таких жалких телег, кои они привезли с собой из России, теперь у них не встретить вовсе. Особенно благосостоянием отличаются следующие поселки: Дорофеевка, Георгиевское, Высокое и Ванновское.

Между тем материальное положение стесненных вследствие этого киргиз год от года все ухудшается, ибо с 1905 г. от них еще отняли остатки земли под новые русские поселки, почти прилегавшие к ранее устроенным поселкам. Этих новых поселков и хуторов устроено в последнее время более 20. Устраивались они таким образом: бывший сначала участковым приставом, а затем помощником уездного начальника капитан Суплатов уговаривал киргиз уступить хотя бы на один год русским переселенцам, и вновь прибывшим, и ранее уже переселившимся, на участках коих появилась саранча, участки земли под посевы. И эти арендаторы обратно полученной ими на время земли уже не возвращали.

Случалось, что переселенцы, никого не спрашиваясь, самовольно захватывали земли у киргиз, прогоняли последних, а переселенцев этих уже ни киргизы, ни начальство согнать с захваченной земли не могли. Как на пример самовольного захвата можно указать на поселки Балыкчи в Качкаратинской волости, Алмалык – в Байджигитовской [волости] и Чушка-булак, тоже Глинкино, в районе Чаяновской волости. Разъезжавшим в 1906 г. командированным для изучения положения местных землевладельцев и кочевников «статистикам» опрашиваемые киргизы, не зная цель их опросов и опасаясь, что сведения собираются с целью заставлять киргиз отбывать воинскую повинность и облагать население новыми налогами, сведения о количестве населения, скота и земель давали самые неверные.

Сведения эти послужили к образованию в здешнем уезде переселенческого управления, которое стало, так сказать, узаконивать произведенными самовольными переселенцами захваты лучших орошенных и неорошенных, бывших ранее во владении киргиз земель, находящихся у заголовков арыков, оставляя киргиз лишь у земель, куда вода из арыков почти не доходит. Кроме того, чины управления, не вникая в положение киргиз, стали отмежевывать

от них и те земли, кои им казались якобы излишними у киргиз. Между тем в действительности такого излишка не было и нет. Как и в земледельческих хозяйствах Европейской России и других стран, у киргиз были раньше пятипольные и трехпольные хозяйства. Пока одно посевное поле, истощенное и дававшее уже плохой урожай, оставалось под «паром», обращаясь в пастбище для скота, другое поле засевалось пшеницей или ячменем и проч.

Причем на поливные поля, даже когда не было еще в Чимкентском уезде русских поселков, не всегда доставало воды, ибо в Чимкентском уезде вода в поливные арыки попадает обыкновенно из гор зимой и ранней весной. Когда вода не разбирается по арыкам, ее везде много, но летом, когда является надобность в поливке, ее разбирают, случается в сухое лето, что многоводные зимою и весною речки, как-то: Бадам, Арысь, Сайрам-су, Аксу и др., представляют из себя лишь сухие русла уже в некотором расстоянии от своего начала.

Со времени возникновения в здешнем крае русских поселков, бывших причиною уменьшения количества поливной и неполивной земли у киргиз, у этих последних экономическое благосостояние стало заметно падать, во-первых, вследствие того, что русские поселенцы, получая воду для поливки своих полей из одних и тех же арыков, как и киргизы, не считаются вовсе с количеством воды в арыках, поливая свои посевы во всякое время и в каком угодно размере и пропуская остальную воду в поливные арыки киргиз в таком незначительном количестве, что киргизы по необходимости должны были уменьшить свои посевы за недостатком воды, которой не стало хватать уже на их прежние поля; во-вторых, вследствие перехода оставшихся ранее у киргиз под «паром» земель к русским переселенцам, киргизы вынуждены ежегодно засевать одни и те же поля, почему и урожай с этих полей за истощением почвы заметно уменьшился.

Надежда же на то, что эти киргизы научатся от русских улучшенным способам обработки земли, не оправдалась, ибо за уменьшением благосостояния у киргиз эти последние остались при прежних способах обработки земли деревянными омачами[33], тогда как крестьяне обрабатывают свои земли железными плугами и пользуют-

---

[33] *Омач* – старинное деревянное пахотное орудие в Средней Азии. Отличается от плуга отсутствием отвала, от сохи – наличием (для большей устойчивости) подошвы; иногда имеет железный сошник.

ся другими земледельческими орудиями, коих киргизы не имеют средств приобрести.

Горные места джайлау[34], куда в прежнее время киргизы на лето сгоняли пасти свой скот, в настоящее время почти все запахиваются крестьянами. Для киргиз же остались лишь самые вершины гор, где пастбища для скота непригодные и в летнее время, ибо, во-первых, очень трудно туда по скалам взбирается, а, во-вторых, там очень холодно, так как даже в июне и июле месяцах выпадает там снег и бывают бураны. Что касается низменных мест при р[еке] Сырдарье, то в летнее [время] они выгорают от солнца и представляют из себя пустыню; вблизи же самой воды места являются недоступными, вследствие огромного количества комаров, не дающих вовсе покоя ни людям, ни животным. Причем места эти являются недоступными для киргиз и ввиду тех препятствий, которые ставит им лесное ведомство, составляя протоколы за потраву и повреждения леса. Такие же протоколы составляют лесообъездчики на киргиз и в горах.

В недалеком прошлом в киргизских степях Чимкентского уезда часто встречались белые обширные юрты, кругом которых паслось много разного скота. В настоящее время таких юрт почти не встречается, а взамен их стоят серые, дырявые и закопченные юрты, заменить кои лучшими киргизы ныне не имеют средств, и [пасется] малочисленный, жалкий за отсутствием кормов скот.

Во всем изложенном нетрудно убедиться, проехав день-два по степи. Но несмотря на такое бедственное положение киргиз и существовавшие уже в Чимкентском уезде, за исключением Туркестанского участка, 37 поселков, переселенческое управление еще наметило оставшиеся лучшие орошенные места для новых русских поселений.

По всем приведенным нами основаниям ходатайствуем пред Вашим Высокопревосходительством сделать милостивое распоряжение об устройстве нас, киргиз, в земельном отношении и впредь до производства нового подробного обследования нашего хозяйства новых переселенцев на отбираемых у нас орошенных землях с построенными на них зимовками не водворять, так как с отобранием

---

[34] *Джайлау (джайляу)* – летнее пастбище, обычно в субальпийских и альпийских поясах гор Средней Азии, Кавказа, Крыма.

у нас под новые русские поселки намеченных для этого земель мы лишаемся не только пахотной земли, которой существуем, но и пастбища для скота нашего, ибо оставляемые нам, киргизам, пастбища представляют из себя бесплодную пустыню, на которой наш скот не может кормиться.

Мы всегда были верноподданными русского царя и остаемся таковыми теперь. Наравне с остальным населением [мы] платим подати, а потому почтительнейше и покорнейше просим Ваше Высокопревосходительство не лишать нас последнего крова (зимовок наших) и земли, дающей нам средства к жизни, и приказать отвести нам в вечное наше пользование столько казенной земли, которой было бы достаточно для нашего существования, чтобы мы могли жить на ней оседло, обрабатывая ее и продавая продукты полевого хозяйства, уплачивать казне все подати и кормить свои семьи. А без земли для посева и без пастбищ для скота мы должны окончательно пропасть с голоду, ввиду чего, надеясь на Вашу гуманность, мы еще раз осмеливаемся просить Ваше Высокопревосходительство не отказать нам в наделении нас землею и в исполнении нашей просьбы.

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1174. Л. 19–23.

№ 5

Ответ переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия

25 мая 1912 г.

Доверенным от общества киргиз семи аулов Аксуйской волости, киргизам той же волости Джабаги Досаеву, Эсбамбету Нурманову и другим на поданное Главноуправляющему землеустройством и земледелием прошение объявляется:

1) изъятие земельных излишков в киргизских волостях производится с точным соблюдением порядка, установленного особой инструкцией, одобренной Советом министров 9 июня 1909 г.;

2) все проекты изъятий предварительно рассматриваются во

временных комиссиях при участии представителей от заинтересованных киргиз; в случае несогласия последних с постановлениями комиссий им предоставлено право обжалования в установленном законом порядке. При наличности этих условий, достаточно обеспечивающих интересы киргиз в земельном и водном отношениях, прекращать образование переселенческих участков вперед, до устройства всех киргиз на оседлом положении, нет оснований;

3) устройство киргиз на оседлом положении не может быть выполнено одновременно во всех волостях, так как требует значительных затрат денежных средств, времени и межевых сил, поэтому такое устройство может выполняться лишь постепенно, в порядке поступления о том заявлений от киргизского населения и в соответствии с интересами населения края русскими людьми.

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1174. Л. 18–18 об.

№ 6

Письмо начальника Генерального штаба А.Е. Эверта[35] министру финансов В.Н. Коковцову[36]

№ 10398 *6 февраля 1908 г.*

В 1904 г. Государственный совет, рассмотрев представление Министерства финансов об установлении особого налога с туземного населения, так как взамен отбывания воинской повинности натурой нашел, что ввиду возникшей войны с Японией введение такой меры представляется несвоевременной, почему признал необходимым отложить осуществление ее до более благоприятных обстоятельств.

Ныне принимая во внимание:

---

[35] *Эверт Алексей Ермолаевич* (1857–1926) – русский генерал, в 1906–1908 гг. – начальник Главного штаба.

[36] *Коковцов Владимир Николаевич* (1853–1943) – русский государственный деятель, граф, министр финансов в 1904–1905 и 1906–1914 гг., председатель Совета министров Российской империи в 1911–1914 гг.

1) что обстоятельства, делавшие нежелательным привлечение туркестанских туземцев в ряды армии, остаются теми же, что существовали и до 1904 г., то есть создание из них особых частей для службы в крае[37], сопредельном с мусульманскими государствами, вызывает опасение политического характера; с другой стороны, назначение этих туземцев в части войск, расположенных в Европейской России, помимо больших расходов по перевозке, неизбежно отразится самым гибельным образом на большинстве из них вследствие слишком резкой разницы в климатических и жизненных условиях;

2) что всякое подкрепление средств государственного казначейства в настоящее время приобретает особенно серьезное значение и

3) что едва ли справедливо продолжение существования такой крупной льготы, как освобождение от воинской повинности для туземного населения Туркестана, которое, несомненно, значительно более обеспечено, нежели население внутренних губерний России. Военное министерство предполагало бы желательным и своевременным вновь поставить на очередь вопрос об установлении особого военного налога с туземного населения названного края.

Одновременно с этим Туркестанским генерал-губернатором предложено высказать свои соображения по данному вопросу.

О последующем прошу Ваше высокопревосходительство не отказать уведомить.

Начальник Главного штаба генерал-лейтенант *Эверт*
и. д. начальника Азиатского отдела полковник *Цейль*[38]

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3698. Л. 3–3 об.

---

[37] Подчеркнуто в документе.

[38] *Цейль Сергей Владимирович* (1868–1934) – российский военный деятель, генерал-лейтенант. Обер-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа в 1896–1900 гг. Начальник Азиатского отдела Главного штаба в 1908–1913 гг. В 1918 г. принял участие в восстании против большевиков в Ашхабаде. Некоторое время занимал должность председателя Временного правительства Закаспийской области.

№ 7

Свод соображений и заключений начальников областей Туркестанского края по вопросу о призыве инородцев к исполнению воинской повинности[39]

1. Проникали ли в среду местных инородцев слухи о привлечении их к отбыванию воинской повинности? Как инородцы относятся вообще к таким слухам? Одинаково ли отношение к последним влиятельных, состоятельных и прочей массы инородцев?

В среду местного населения Самаркандской, Сырдарьинской и Закаспийской областей слухи о привлечении инородцев к воинской повинности проникли и постоянно вызывали ропот и усиленные разговоры в отрицательном смысле; как в среде киргиз, так и в среде сартов, простое собирание статистических сведений вызывало толки о воинской повинности, население точных, правдивых сведений не давало из боязни попасть в солдаты; слухи о воинской повинности одинаково волнуют как влиятельных, состоятельных туземцев, так и прочую массу населения. Что же касается Ферганской и Семиреченской области, то киргизское население их, по заявлению губернаторов, в массе относится к возможному введению воинской повинности без тревоги, а бедняки даже желают ее, рассчитывая на одновременное обеспечение их определенными земельными наделами.

2. Сопровождаются ли какие-либо мероприятия правительства (например, русская колонизация) возбуждением и неудовольствием в невежественной, темной среде инородцев?

Русская колонизация раньше, когда число русских поселков было ограничено среди кочевого населения, не вызывала неудовольствий, ибо кочевники видели в образовании русских поселков для себя пользу, учась у русских хлебопашеству и получая вблизи кочевий сравнительно недорогой хлеб, но с развитием колонизации и уменьшением числа поливных земель стало заметно

[39] Дата составления документа не указана. По ряду косвенных признаков его можно датировать 1914 г.

неудовольствие среди кочевников на колонизацию, главнейшее по вине самих переселенцев, самовольно захватывающих земли киргиз и уничтожающих их постройки, к тому же, занимаясь местами тайной продажей водки, переселенцы приучают к водке и киргиз, развращая их таким образом. Прочие предпринимаемые правительством мероприятия, например, введение кибиточной подати вместо ясачной, сборы на школы и интернаты, замена султанов и родоначальников управителями по выборам, не вызывают неудовольствия среди туземного населения.

3. Возможно ли не вызвать волнений и сопротивления, если подчинить воинской повинности местных в ближайшую очередь или же правильнее введение этой повинности отсрочить и насколько приблизительно? Следует ли указанную отсрочку распространить на всех местных инородцев или же лишь на некоторые племена их (какие и почему)? Нужно ли в рассматриваемом отношении допустить разницу между оседлыми и кочевыми инородцами? Отбывание воинской повинности одними оседлыми инородцами, не удержит ли впредь кочевников от желательного оседания?

По заключению военного губернатора Семиреченской области введение воинской повинности среди инородцев нельзя не признать мерой желательной, но в видах политических, для обеспечения верности и надежности будущих солдат следовало бы прежде разрешить практический вопрос о землеустройстве кочевого населения, в смысле перевода если не всех, то хотя бы части киргиз в оседлое состояние[40]. Что же касается дунган и таранчей, то нет достаточных оснований впредь освобождать их от воинской повинности, так как обе народности при переселении своем в наши пределы были предварены, что с принятием русского подданства обязаны будут нести все государственные повинности в новом их отечестве, не исключая и воинской повинности, на равных основаниях с остальными поданными государства. Переселенцы подчинились этому распоряжению, что выразили в подписках, выданных им бывшему полномочному комиссару по разграничению в 1882 г. Семиреченской области от Китая, и если в течение 28 лет от них

[40] Но в рассуждениях по шестому вопросу высказано, что нечего ждать перехода кочевников к оседлости и пора взяться за военно-политическую подготовку кочевого населения путем проведения сквозь надежные кадры хотя бы некоторой его части *(Прим. автора)*.

не требовало правительство выполнения принятого на себя обязательства, то главнейшее в том предположении, что они не успели надлежащим образом устроиться на новых местах и что привлечение их к отбыванию воинской повинности может вредно повлиять на экономическое их благосостояние.

В настоящее время эти причины должны считаться устраненными. Дунганские и таранчинские селения получили окончательное устроительство: им дали определенные земельные наделы, строго организованный порядок управления, собственный суд; в правах и обязанностях своих по отношению к государству они приравнены ко всем вообще сельским обывателям империи. Экономическое положение большинства инородческих сельских обществ должно быть признано в настоящее время тоже удовлетворительным. При призыве к исполнению воинской повинности одних оседлых инородцев возможно допустить, что кочевое население в известной части воздержится от желательного оседания. Но явление это, во всяком случае, будет иметь временный характер, так как при правильной организации переселенческого дела и твердом его проведении в жизнь киргизы вскоре должны будут прийти к сознанию, что из-за их мешкотности с переходом в оседлость перед ними скорее встанет грозным призраком перспектива остаться вовсе без земли, ибо кочевникам оставляется пахотной земли намного меньше, чем земледельцам, а наплыв русских в область неудержим. Киргизы лепсинские[41] и нарынские[42] сознают это позже, киргизы же пишпекские и вернинские догадываются об истине уже теперь.

В Сырдарьинской области введение воинской повинности среди туземного населения признается необходимым отсрочить лет на 20–30 лет, ввиду приведенных выше по второму вопросу

---

[41] *Лепсинск (каз. Лепси)* – летнее пастбище, где в 1846 г. был подписан договор о присоединении Старшего жуза к России. Вскоре 150 оставшихся здесь казаков основали станицу Верхнелепсинскую, в 1867 г. переименованную в Лепсинск. Здесь находился один из пикетов, который охранял границу с Китаем. В 1880 г. станица получает статус города, центра Лепсинского уезда. В 1906–1916 гг. в результате Столыпинской аграрной реформы началось заселение Лепсинского уезда переселенцами из центральных районов империи. Было образовано 17 новых поселков, построена линия связи Сарканд – Лепсинск – Бахты. Ныне село Лепси Алматинской области Казахстана.

[42] *Нарын* – город, возникший на месте древнего поселения, образовавшегося на караванной дороге в Кашгар. В 1868 г. здесь был размещен русский гарнизон. В 1927 г. стал административным центром созданной на тот момент Нарынской области. Ныне административный центр Нарынской области Кыргызстана.

соображений и недостаточно прочного русского влияния в крае. Отсрочку следует распространить на все туземное население, не делая исключения ни для оседлого, ни для кочевого. Если ввести воинскую повинность среди оседлого населения, то это, несомненно, задержит кочевников от перехода к оседлому быту; если же ввести воинскую повинность только среди кочевников, то они, считая себя несправедливо обиженными, будут реагировать на это массовым уклонением от службы.

В этом же смысле высказались военные губернаторы Ферганской и Закаспийской областей, что же касается Самаркандской, то, признавая в принципе своевременным введение воинской повинности среди туземного населения области, он находит безусловно необходимым, предварительно сего, создать органы, на обязанности которых была бы возложена точная регистрация местного населения призывного возраста, а также и все прочие подготовительные работы, предшествующие введению в крае новой для населения повинности. Возлагать эти обязанности на существующие органы управления в силу их значительной обремененности текущей работой не представляется возможным, тем более что новая работа по введению воинской повинности потребует массу труда и времени, которых учреждения настоящего состава уже дать не могут в силу физической к тому невозможности.

4. Возможно ли комплектование инородцами регулярных пеших и конных частей нашей армии, необходимы ли при этом и какие льготные основания прохождения инородцами военной службы, не будут ли при таких льготных условиях инородцы обузою для русской армии?

По этому вопросу губернаторами Туркестанского края высказаны разнообразные суждения, а именно:

В Самаркандской области признается возможным и целесообразным назначение кочевников исключительно в кавалерийские части, а оседлых – в пешие и конные войска, с предоставлением всем новобранцам тех же льготных условий прохождения военной службы, которые ныне даются принимаемым в войска татарам, калмыкам и проч.

В Семиреченской области единичные инородцы из дунган и киргиз – мещане и ныне прекрасно служат в местной стрелковой бригаде, причем за ними (собственно за дунганами) сложилась

прочная репутация отличных, трезвых, послушных и расторопных солдат; особенно пригодны они в разведочных командах, русский язык и требования службы усваиваются ими в полной мере. Что же касается таранчей и всей вообще массы киргиз, то ввиду множества новобранцев из них (свыше 3300 чел. в год), малой пока их надежности и пригодности киргиз лишь для кавалерийской службы, нельзя проводить сразу ежегодные контингенты новобранцев киргиз через ряды местных семиреченских стрелков, без боязни понизить боевую прочность бригады, а направлять киргиз и таранчей в войска, состоящие вне степных районов, равносильно умышленному созданию нежелательных результатов, новобранцы от страха и тоски будут болеть и умирать. С большой достоверностью можно предположить, что лишь спустя известное число лет по введении среди киргиз воинской повинности явится возможность назначить их в части, квартирующие в Сырдарьинской или Семипалатинской областях, а потом и далее. На первые же годы, пока народ не освоится с новшествами и не утвердится в сознании, что военная служба не страшна, что религию и обряды военное начальство уважает и т. д., необходимо новобранцев инородцев оставлять на службе близ их родных степей. Сопоставляя эти данные, нельзя не прийти к выводу, что единственно пригодной мерой в данном случае окажется создание одновременно с введением воинской повинности особых туземных частей, с начальствующими лицами, однако, из русских, то есть по образцу туркмен, осетин, дагестанских татар и т. д. придется неизбежно сформировать в области конный киргизский полк.

В Сырдарьинской области на первое время инородцами возможно комплектование только конных частей; киргизы и сарты будут очень плохой пехотой, ибо жизнь свою они проводят на лошадях, в особенности киргизы. Из инородцев следовало бы формировать части войск по образцу казачьих, предоставив им те же льготы, которые предоставлены казакам. Так как сарты и киргизы представляют из себя народы послушные, дисциплинированные, ибо так велось воспитание юношества, то по мнению губернатора инородцы не могут быть обузой для армии.

В Ферганской области сарты в массе скрытны и двуличны, боязливы и ненадежны, а потому к воинскому делу их следует считать малопригодными и для армии они будут лишь обузою; киргизы

же гораздо искреннее, доверчивы, преданы русскому правительству, потому что управлялись не писаным шариатом[43] (как сарты), а устным обычаем – адатом, не имеют ученых руководителей – мусульманских фанатиков. Поэтому киргизское население более пригодно к несению воинской службы и может быть полезным в русских войсках, но они не выносят жизни в закрытых помещениях и как в интернатах русско-туземных школ киргизские дети скучают и болеют (даже чахоткой), так, вероятно, и при казарменной жизни станут болеть молодые киргизы. Во всяком случае, отношение киргизского населения собственно к вопросу об отбывании воинской повинности будет, несомненно, более благоприятным, нежели со стороны сартского.

В Закаспийской области введение обязательной воинской повинности, вследствие полной неподготовленности к ней местного населения[44], признается и преждевременным, и невозможным. Но если бы было решено создать туземные части, то их следовало бы пополнять в начале вербовки, а не по общему уставу.

5. Привлекать ли инородцев на службу в существующие казачьи войска, учитывая местные условия жизни этих войск, а также особенности быта и свойства самих инородцев. Не поведет ли такая мера к упадку единства, сплоченности сих войск и казачьего духа в них?

По заключению военного губернатора Семиреченской области, при призыве к исполнению воинской повинности кочевого населения часть новобранцев киргиз (более сильных и физически развитых) непременно следует привлекать на службу в существующие казачьи войска, так как к ним киргизы уже присмотрелись, чему служит подтверждением охотное сближение киргиз с казаками (тамырство)[45] в домашнем быту. При этом каких киргиз надлежало бы устраивать на точном основании положения об управлении казаков с нарезкой им земельного надела, отводимого казачьему сословию. Такая мера, во всяком случае, не только не угрожала бы упадком

---

[43] *Шариат* – свод религиозно-этических и правовых предписаний ислама.

[44] Как кочевого, так и оседлого *(Прим. автора)*.

[45] *Тамырство (тамыр болу)* – обычай дружбы-побратимства, получивший распространение среди казахов с появлением на границах и на территории Казахстана российского казачества и переселенческого крестьянства. Обряд закреплялся целованием сабли или кинжала и дачей клятвы в вечной верности и дружбе. У тамыра всегда можно было остановиться на ночлег, пользоваться его защитой, поддержкой и покровительством.

войскового духа, а, наоборот, привела бы к большей крепости казачества, ибо областные инородцы всегда верны, а мало возможное некорректное поведение прочих степняков вокруг станиц стало бы еще менее возможным в известные минуты. Затруднения могут встретиться лишь в наличии подходящих для сего земель, но, во-первых, зачислять в казаки можно не всех, а лишь достойнейших и, во-вторых, при доведении количества новопожалованных казаков до 12–15 % общего состава войск меру эту можно будет вовсе отменить. Кадры будут к тому времени более сильными и явится возможность пополнить их переменным составом уже без льгот. К сожалению, семиреченские казаки служат в Бухаре, а не в Семиречье, посылать киргиз в Катта-Курган, в центр мусульманства, нежелательно. Положение сильно изменилось бы к лучшему, если бы часть казаков могла отслужить свой срок в Верном, тогда со временем возможно было бы за счет киргиз развернуть 1-й Семиреченский полк до шестисотенного состава и иметь в Верном особую казачью сотню или даже дивизион.

К одинаковому выводу по настоящему (пятому) вопросу приходит и военный губернатор Сырдарьинской области, который находит, что инородцев только и следует привлекать в казачьи войска; никакого упадка единства, сплоченности и казачьего духа не может быть; татары и башкиры привлекаются в казачьи войска и их служба не дает отрицательных результатов в этом отношении.

В Самаркандской области, наоборот, в интересах самих казачьих войск признается совершенно нежелательным комплектование их туземцами Средней Азии, чуждыми казакам по духу и укладу жизни.

В Закаспии вместо приема туземцев в существующие войска признается более целесообразным, в случае неизбежной необходимости привлечения инородцев к воинской повинности, организовать отдельные туземные части по образцу существующего Туркменского дивизиона.

6. Можно ли ожидать, что инородцы будут надежными и верными солдатами? Не представит ли военная выучка инородцев и нарастающее на местах число запасных из них опасности для прочего местного населения в мирное время и для обороны государства в военное время, когда инородцы запасные, уклонившись от пополнения наших войск, могут оказать помощь неприятелю?

Военный губернатор Ферганской области, признавая киргиз пригодным для военной службы элементом, считает сартов совершенно ненадежными солдатами и предвидит несомненную опасность от постепенного нарастания числа туземных запасных, прошедших через учение в русских войсках. Вся история Ферганы до прихода русских свидетельствует о том, что у туземцев нет чувства общности отечества, и взаимная вражда под предводительством влиятельных лиц, разделенных между собою личною неприязнью или стремлением к достижению власти, дело обычное среди туземцев, даже и не принадлежащим к двум разным населяющим Фергану народностям. Нет никаких оснований полагать, чтобы в настоящее время отсутствие прежнего чувства общности заменилось вдруг чувством непоколебимой привязанности к новому отечеству – русскому государству; ежегодное же обширное паломничество в Мекку скорее указывает на то, что центром объединения туземцы, главным образом сарты, считают не Россию, а далекую Турцию. При этом условии, конечно, возможно, что в случае международных замешательств, особенно если война возникнет между Россией и Турцией, туземцы окажутся весьма склонными внимать внушениям турецких эмиссаров, о появлении некоторых и теперь от времени до времени поступают секретные сведения.

К такому же заключению приходит и военный губернатор Сырдарьинской области, полагая, однако, что отсрочка призыва инородцев к воинской повинности даст возможность воспитать их в духе русского национализма, и тогда дисциплина, строгость и гуманное отношение к нижним чинам-туземцам сделают из них надежных и верных солдат.

В Семиреченской области на первое время призыва инородцев к исполнению воинской повинности возможно ожидать, что последние будут мало надежными и верными солдатами. Но зависит это исключительно от того, что ныне ничего не сделано для политического перевоспитания инородцев. И чем дольше держать их в положении отщепенцев, тем глубже будет рознь между ними и русскими элементами. В будущем бояться ненадежности не следует: дисциплина и воспитание сплачивают в Индии в руках англичан даже враждебно настроенные племена, а у немцев обезличивают антимилитаристов и социалистов самой крайней окраски. Не долж-

на внушать опасения и выучка запасных, ибо без офицеров и без современного оружия на руках запасные представлял бы сами по себе ничтожную силу, а переход на сторону неприятеля будет опасен лишь тогда, когда запас будет многочисленным. Но пока такой запас накопится, русская гражданственность вообще, а землеустройство и особый быт киргиз, в частности, уже дадут конечные свои результаты, при условии энергичной работы по части прикрепления киргиз к земле. Едва ли можно ожидать далее снабжение наших запасных китайским оружием, пока соседи наши сами в нем не нуждаются. Местными же средствами, конечно, не выработать ничего подобного к солдатскому ружью, а если не будет хорошего ружья – измена безвредна, ибо вообще при нынешнем оружии и войсках всякие народные возмущения затруднительны и не опасны.

Военные губернаторы Самаркандской и Закаспийской областей также не опасаются каких-либо дурных последствий от военной выучки инородцев, так как туркмены пока не прониклись мусульманским фанатизмом в той мере, как соседи бухарцы, а в Самаркандской области местное население почти совершенно не имеет сношений с населением сопредельных государств – Афганистана, Персии и проч.

7. Желательно ли всех инородцев края или часть их (кого именно) направлять после приема на службу в ближайшие к родине их войска или же никаких в сем отношении изъятий не нужно?

По мнению военного губернатора Семиреченской области, желательно всех дунган направить в ряды 6-й Туркестанской стрелковой бригады, ибо последняя нуждается в людях, знающих китайский язык, а сами дунгане – естественные враги китайцев. Таранчи и киргизы должны отбывать службу в Семиреченском конном и регулярном полку, сформирование коего необходимо в силу соображений, изложенных выше в пункте четвертом. Наконец, часть киргиз должна зачисляться в 1-й Семиреченский казачий полк, для чего сперва будут вызываться охотники, далее избираться в небольшом числе лучшие люди, а впоследствии, когда явится возможность развить наряд от войск, известный процент ежегодных инородческих контингентов будет зачисляться в казачьи части, расположенные в Семиречье. Единичным но-

вобранцам из сарт-калмыков[46] и сартов следует проходить службу в стрелках – их необходимо обезличивать.

Губернатор Самаркандской и Ферганской областей находит, что в интересах обрусения края, развития населения и сокращения неизбежного на первых порах дезертирства необходимо направлять местных инородцев в части войск, расположенные вдали от их родины, но в местностях с более мягким, привычным для туземцев климатом, то есть в южные губернии России.

Военный губернатор Сырдарьинской области, наоборот, полагает, что в случае призыва инородцев края к воинской повинности их нет надобности направлять в ближайшие к родине войска, «ибо замечено, что сарты и киргизы по своим торговым и другим делам подолгу проживают в Европейской России и Сибири без ущерба для их здоровья».

8. Не установит ли постепенность отбывания воинской повинности, в смысле первоначального привлечения меньшего по сравнению с отбывающими ныне означенную повинность населением процента подлежащих ежегодно внесению в призывные списки инородцев и последовательного затем повышения этого процента?

По означенному вопросу начальники всех областей Туркестанского края согласно высказались за постепенное участие инородцев в отбывании воинской повинности, в смысле первоначального приема их на военную службу в меньшем по сравнению с отбывающим эту повинность населением процент внесенных в призывные списки, с последовательным повышением затем этого процента. При этом военный губернатор Семиреченской области полагает, что в сем отношении не может быть изъятий только для дунган и сарт-калмыков, которых надлежит принимать на общем основании, так как в области их немного. При известной численности регулярных войск области по штатам мирного времени количество ежегодно зачисленных в Семиреченский иррегулярный полк киргиз и таранчей не должно превышать в первое время 180–200 человек, дабы весь полк при четырехлетнем сроке службы включал в свои ряды по штату около 750–800 человек. С этой целью для начала желательно принимать на военную службу

---

[46] *Сарт-калмыки* – этническая группа ойратов, проживающая в Иссык-Кульской области Киргизии. Являются потомками одного из западно-монгольских племен, переселившимися после подавления Дунганского восстания в Китае на территорию Российской империи. На сегодняшний день подавляющая часть из них идентифицирует себя киргизами.

киргиз и таранчей не более двух на 1000 человек, то есть повинность для киргиз при ее введении сделать в 9–10 раз легче, чем для остального населения России. Если же всех вообще инородцев области зачислять в местные войска по обычной норме, то в общем они дадут ежегодно свыше 3300 человек новобранцев, то есть такой большой контингент, который нельзя допустить впредь до испытания политической благонадежности и уяснения инородцами духа военной службы.

В Самаркандской же области признается достаточным на первое время понизить процент принимаемых в войска инородцев с 35 до 10 %.

9. Какой приблизительно можно ежегодно ожидать контингент новобранцев от инородцев, если привлекать их в одинаковом с русским населением процентном отношении ко всему числу внесенных в призывные списки и если считать, что по общей статистической норме на тысячу мужчин призывается ежегодно 17–18 и что из призываемых принимаются на военную службу около 35 %?

По этому вопросу в отзывах губернаторов приведены нижеследующие цифры:

Семиреченская область	Мужское население	Число призывников	Контингент новобранцев
Киргиз	500 000	9000	3000
Таранчей	43 000	800	280
Дунган	10 000	180	40
Сартов	1300	20	8
Итого около	555 000	10 000	3300

Область	Мужское население	Число призывников	Контингент новобранцев
Самаркандская	–	–	1000
Ферганская	–	–	5700
Сырдарьинская	–	–	3020
Закаспийская	3700	–	1250
Итого:			11 000

10. Нет ли оснований предполагать, что инородцы по санитарным, бытовым условиям своим и физическому строению не будут отвечать общим в отношении телосложения и здоровья требованиям, предъявляемым при призыве?

По мнению губернаторов областей Самаркандской, Сырдарьинской и Закаспийской, нет оснований предполагать, что инородцы по санитарным, бытовым условиям и физическому строению не будут отвечать предъявляемым требованиям при призыве: сарты, как и киргизы, народ здоровый и к сроку призыва физически вполне развиты.

Что же касается Ферганской и Семиреченской областей, то в первой сарты, как жители жаркой долины, часто болеют малярией, и потому при призыве их к воинской повинности может получиться значительный процент слабосильных; киргизы же, насколько можно судить по опыту жизни киргизских детей в русско-туземных школах, не выносят жизни в нагретых душных комнатах и склонны при таких условиях заболевать чахоткой. В Семиреченской области ввиду малорослости туземцев и слабого их физического развития многие не будут отвечать общим в отношении телосложения и здоровья требованиям, представляемым при призыве, и в результате из всего числа призываемых на военную службу попадут вместо 35 %, вероятно, около 20 %.

11. Необходимы ли и какие изъятия для инородцев из общих правил устава о воинской повинности, в частности, относительно семейных льгот и отсрочек, поступления на службу?

По согласному мнению всех губернаторов края, ни в каких изъятиях из общего устава надобности не представляется, но если задаться целью скорейшего обрусения края, то для сего по заявлению начальника Ферганской области «представление значительной льготы по воинской повинности, знающим русскую разговорную речь и грамоту, будет иметь большое значение».

12. Следует ли опасаться значительного уклонения инородцев от отбывания воинской повинности? Не поведет ли такое уклонение к групповому или даже массовому уходу их за границы России? Можно ли предвидеть неблагоприятные для нас последствия оставления инородцами пределов империи? Есть ли специальные способы борьбы с указанным уклонением?

Военный губернатор Семиреченской области находит, что при введении общей воинской повинности среди инородческого насе-

ления, пока последнее не свыкнется с новшеством, можно ожидать значительных уклонений и групповых уходов киргиз в китайские пределы. Но когда мысль об обязательном исполнении воинской повинности будет усвоена, когда население узнает, что военная служба не грозит его вере и обычаям, и наконец, когда инородческое население, особенно кочевое, получит правильное землеустройство и вместе с тем прочно осядет на отведенных участках земли, тогда уклонения будут единичными. Опасаться группового или даже массового откочевания инородческого населения в Китай не следует: в результате явится лишь освобождение занятых им земель, на которых немедленно и при том с большою пользою для края возможно будет разместить русских переселенцев. Во избежание же переписки с китайским правительством, необходимо при введении воинской повинности предварить инородческое население, что в случае откочевок за границу ушедшие не будут приняты обратно в русские пределы даже в том случае, если последних будет удалять китайское правительство. Других способов борьбы с указанным явлением в распоряжении местной администрации не имеется.

В Самаркандской области попытки с уклонением отдельных лиц от отбывания военной повинности, несомненно, будут в значительном количестве, тем более что население соседней Бухары, родственное населению русского Туркестана и тесно связанное с ним как по крови и религии, так и имущественными отношениями, общей воинской повинности не несет, и бухарские владения явятся неизбежным и надежным пристанищем для наших дезертиров и уклоняющихся от призыва на службу. Но массового уклонения ожидать нельзя. Тем более нельзя ожидать массового ухода за границу, что уход этот был связан с потерею для оседлого туземца единственного средства к существованию – своего участка земли, а для кочевника – пастбищ для его скота. Если же возможно допустить переселение в родственную Бухару, то нужно надеяться, что средства к устранению этого будут найдены и применены.

В Сырдарьинской области в случае призыва новобранцев по общей норме также нужно ожидать уклонения от отбывания воинской повинности, особенно в первые годы призыва. Кроме того, можно ожидать, что кочевое население передвинется к границам и за границу империи, к Китаю, но уход за границу возможен толь-

ко кочевников зажиточных, занимающихся скотоводством, а не хлебопашеством. Уклонение от исполнения воинской повинности должно караться более строгими законами, ибо при этом условии только и возможно бороться с этим преступлением. В карательном законе должно быть предусмотрено и выселение за границу с целью избежание воинской повинности.

По мнению начальника Ферганской области, уклонения от воинской повинности можно ожидать со стороны более фанатично настроенных лиц из среды казиев[47], муфтиев[48], мулл и т. д., которые, вероятно, предпочтут выход для своих детей из России в соседние мусульманские ханства или в Турцию службе в христианском войске; но ожидать массового ухода нельзя по крайней трудности его осуществления. Неблагоприятные последствия от этого могут заключаться в том, что ушедшие составят готовые кадры для введения из-за границы враждебной нам политической пропаганды. Бороться с уклонением можно лишь организацией сыска, на что потребуются денежные средства.

13. Как велик в общем район кочевок, уходят ли кочевники за пределы уезда, губернии или области? Возможно ли призыв и прием последних инородцев приурочивать к месту наиболее продолжительного в году их пребывания (зимовок)?

В Семиреченской области каждая волость ежегодно проходит в период кочевок двести-триста и более верст. В большинстве волостей пастбища свои, но есть немало и таких волостей, которые пользуются общими «джайлау». Тогда на последних в мае – июле собирается нередко по 5–10 волостей разных уездов. Прибалхашские киргизы иногда кочуют в пределы Сырдарьинской области, семипалатинские киргизы ежегодно появляются на семиреченском берегу Балхаша. Нарынские киргизы отчасти откочевывают в пределы Кашгарской провинции и т. д. Подобных временных переходов уездных, областных и даже государственных границ на практике встречается немало и недоразумений они почти не вызывают. Призыв и прием киргиз во время зимовых стойбищ неизбежно повлечет за собой

---

[47] *Казий* – мусульманский судья у оседлого населения Туркестана.

[48] *Муфтий* – духовное лицо у мусульман, облеченное правом выносить решения (фетвы) по религиозно-юридическим вопросам.

большие переезды, как членов присутствия, так и самих киргиз, так как кочевники на зиму сгруппировываются не по волостям, а по несколько юрт, вся же волость разбрасывается в окружности на сотни верст. При отсутствии в степи во время зимы каких бы то ни было дорог и при сильных холодах подобного рода переезды могут неблагоприятным образом отразиться на работе. Поэтому призыв лучше приурочить к концу лета, обязав призванных заранее являться на избранные администрацией сборные пункты.

В Самаркандской области район кочевок определить затруднительно, так как кочевники Самаркандской области (Джизакский уезд) уходят на кочевье в пределы Амударьинского отдела[49] и Сырдарьинской области, где межевые работы еще не произведены или же не закончены. Призыв и прием на службу кочевых инородцев необходимо приурочивать по местам зимовок, пребывание на которых совпадает со временем призыва новобранцев.

В Ферганской области район кочевок – от 500 (в Маргеланском уезде) до 12 тыс. (в Ошском уезде) квадратных верст, причем в Наманганском уезде часть кочевников уходит в соседние Сырдарьинскую и Семиреченскую области, а в Кокандском – в бухарские владения. Призыв можно приурочить ко времени возвращения на зимовки, то есть к ноябрю.

В Сырдарьинской области район кочевок в некоторых уездах ограничивается пределами уезда, а в некоторых на летовки киргизы уходят за пределы даже области; отход на летовки в таких уездах начинается с конца марта, а приход – в конце сентября или в начале октября. Необходимо приурочить призыв кочевников ко времени пребывания их на зимовках.

14. Живут ли и управляются ли все местные инородцы обособленно от русского населения? Если есть смешанно живущие инородцы, имеющие общее с русским населением местное управление, то много ли их и где они находятся?

---

[49] После военной кампании в Хиве 1873 г. и подписания мирного договора из земель, расположенных на правом берегу Амударьи, в 1874 г. была образована особая административная единица – Амударьинский отдел, с центром в городе Петро-Александровске, введенным в состав Сырдарьинской области. Одной из основных задач начальника отдела был контроль за политической ситуацией в Хиве. Он осуществлял связь между Россией (через Туркестанского генерал-губернатора) и Хивинским ханом.

По этому вопросу начальники всех областей Туркестанского края согласно высказались, что местные инородцы живут обособленно от русских и управляются также особо через выбранных ими управителей, к тому же имеют и свой особый народный суд. Смешанных с русскими поселений нет, за исключением городов, но и города имеют особую русскую часть и особую, всегда значительно более многочисленную часть туземную. Обыкновенно эта часть превышает раз в десять русскую часть, так что в последней живут только те из туземцев, которым по торговым делам неудобно жить в туземной части.

15. Имеются ли инородцы и много ли их, которые ввиду перечисления в крестьянство или в другие сословия утратили право инородческого состояния?

Означенных инородцев нет ни в одной области края, кроме Семиреченской. В последней во всех городах и некоторых селениях области живут инородцы, которые за причислением в крестьяне, в мещане или купцы утратили права инородческого состояния. Таких инородцев по последним статистическим данным насчитывается около 3500 человек. Они наравне с местным русским населением ежегодно призываются к исполнению воинской повинности.

16. Ведутся ли у инородцев отвечающие потребностям призыва посемейные списки? Если последних нет, то нельзя ли изыскать другие способы регистрации для правильного отбывания воинской повинности?

По заявлению начальника Семиреченской области, посемейные списки у инородцев ведутся, но таковые не отвечают потребности призыва новобранцев[50], так как при поверке их раз в трехлетие администрацией главным образом учитывается благосостояние туземцев и само число кибиток, согласно которому кочевое население облагается кибиточной податью и другими сборами.

При введении в области воинской повинности возможно обязать местную аульную и волостную администрацию завести списки, которые отвечали бы потребности призыва новобранцев. Для сего необходимо, прежде всего, обязать эту администрацию вести точную регистрацию умерших и родившихся и своевременно делать отметки о прибыли и убыли населения в посемейных списках. Если

---

[50] Об этом же самом заявил и военный губернатор Сырдарьинской области *(Прим. автора)*.

при этом за неправильное ведение списков или за умышленное сокрытие туземцев от исполнения воинской повинности виновные лица администрации и члены семьи призываемого будут привлекаться к ответственности по русскому суду, то можно предсказать, что списки эти будут в исправном виде. При неудаче же необходимо будет предоставить местной администрации право изыскать тот или другой способ регистрации инородцев для правильного отбывания воинской повинности, не предрешая сего вопроса пока законодательным путем.

В Самаркандской области посемейные списки не ведутся, а без них и особых органов, заведующих регистрацией населения всего вообще и призывников, в частности, невозможно и само введение воинской повинности.

Такое же положение вещей и в Ферганской области, в коей у туземцев не ведется ни метрических книг, ни записи рождений, ни записей бракосочетаний и умерших. Это проистекает от отсутствия у местных мусульман духовного управления. В случае введения воинской повинности составление посемейных списков лучше всего возложить на городских аксакалов и на сельских и аульных старшин под непосредственным наблюдением волостных управлений, с соответствующим отпуском им денежных средств на усиление канцелярий.

17. На какие учреждения надлежит возложить составление призывных списков инородцев?

В Семиреченской области ведение и составление призывных списков инородцев надлежит возложить на аульные (сельские) и волостные общества под непосредственным контролем чинов уездного управления.

В Самаркандской области обязанности этого рода надлежит возложить на те, вновь проектируемые начальником области учреждения[51], о коих указано выше по третьему вопросу.

Начальник Ферганской области находит, что при переобременении уездных управлений и приставов всевозможною работаю нельзя

---

[51] В своем отзыве от 5 сентября 1910 г. № 19188 военный губернатор Самаркандской области не указывает, какие именно новые учреждения нужны для регистрации призывного населения *(Прим. автора).*

возлагать на них составление призывных списков. Одновременно с введением воинской повинности необходимо и учреждения по воинской повинности присутствий с особыми канцеляриями и особыми членами при них, которые явились бы докладчиками по делам присутствия и на которых возможно было бы возложить проверку призывных списков; составление же списков придется возложить на волостных управителей. Но принимая во внимание отсутствие у волостных управителей писарей, знающих русскую грамоту, и возможность злоупотреблений в этом важном деле со стороны самих же волостных управителей, нужно ожидать, что составленные ими призывные списки потребуют тщательной и строгой проверки, которую и необходимо будет поручить особому члену присутствия.

В Сырдарьинской области составление призывных списков следует возложить на присутствия по воинской повинности, каковые учреждены теперь при уездных начальниках для приема новобранцев, приписанных к призывным участкам Европейской России, но проживающих в крае.

В Закаспийской области по делу составления призывных списков возможно привлечь чинов местной администрации, начиная с аульных старшин.

18. Могут ли инородцы входить в общие с прочими отбывающими уже воинскую повинность, населением призывные участки, не нарушая своим уклонением от названной повинности и малой физической пригодностью для службы в армии интересов упомянутого населения? При вероятности указанных неблагоприятных последствий, возможно ли по местным условиям образовать для инородцев особые участки?

По означенному вопросу военный губернатор Семиреченской области находит, что ввиду малой физической пригодности инородцев для службы в армии и возможности уклонения от названной повинности, они не должны быть включаемы в призывные списки, общие с прочим отбывающим уже воинскую повинность населением, так как обстоятельство это неизбежно отразится на интересах сего населения. При призыве инородцев непременно следует образовать исключительно для них особые призывные участки с тем, чтобы из уездных управлений выделено было делопроизводство уездного по воинской повинности присутствия и поручено особому делопроизводителю под непосредственным наблюдением уездного по воинской

повинности или крестьянского начальника. Вместе с сим надлежит образовать и самостоятельное областное по воинской повинности присутствие с непременным членом во главе и секретарем со штатом.

За необходимость образования особых для инородцев призывных участков высказался и начальник Ферганской области, предполагающий, что в общих с прочим населением участках туземцы по причине их физической непригодности и возможного уклонения от службы дадут недобор, который прочее население должно будет пополнить.

Что же касается Сырдарьинской, Самаркандской и Закаспийской областей, то в них выделение инородцев в особые призывные участки вообще не вызывается необходимостью; фактически же при преобладающем большинстве туземцев участки эти почти сплошь будут инородческими.

19. В случае признания инородцев подлежащими включению в позднейшую очередь в отношении привлечения к отбыванию воинской повинности, не вызовет ли предположенное обложение их ныне же особым военным налогом волнений и неповиновений с их стороны?

По этому вопросу начальниками областей Туркестанского края высказаны разнообразные суждения, а именно:

В Семиреченской области туземное население гораздо охотнее подчинится военному налогу, чем натуральной воинской повинности, и в этом случае не предвидится никаких волнений и неповиновения инородцев.

В Закаспийской и Сырдарьинской областях военный налог, как и всякий вообще налог, вызовет неудовольствие туземного населения, но ожидать от последнего неповиновения нельзя. Вместе с тем военный губернатор Сырдарьинской области находит, что для оседлого, как более богатого населения денежный налог взамен отбывания воинской повинности натурою должен быть установлен в большем размере, чем для бедных сравнительно кочевников.

По мнению военного губернатора Ферганской области, введение денежного налога следует предпочесть введению личной повинности, и такой налог население встретило бы, вероятно, безропотно. Однако вопрос осложняется теперь тем, что по закону 29 июня 1909 г. оседлое население Ферганской области уже подверглось обложению земельным налогом (на богарные и необрабатываемые земли) на основании неточных данных, доставленных податными

инспекторами, причем за исключением Кокандского уезда соответствующие ставки оказались столь неравномерно и высоко соображенными, что есть полная вероятность ожидать накопления недоимок, каковых до сих пор в Ферганской области не наблюдалось. Ныне же на все жалобы населения по поводу нового земельного обложения администрация отвечает, что закон подлежит пересмотру. Вводить при таких условиях воинский налог неблаговременно, ибо это может вызвать теперь лишнее неудовольствие.

Наконец начальник Самаркандской области полагает, что введение военного налога неповиновений не вызовет, как не вызвало его, например, повышение податного обложения после окончания работ поземельно-податных комиссий, но недоимочность населения несомненно возрастет по величине предположенного налога, тем более что повышение платежеспособности населения не предвидится.

Подписал: начальник управления по делам о воинской повинности *Куколь-Яснопольский*[52].
Скрепил: заведующий делопроизводством *А. Федоров*
С подлинным верно: начальник отделения полковник *Лебедев*
Сверял: помощник начальника отделения, подполковник *Острянский*

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4297. Л. 35–41.

№ 8

Донесение агента Туркестанского районного охранного отделения

Агентура: *осведомитель «Кильды»*
Дата поступления агентурных сведений: *11 декабря 1914 г.*

Сейчас в Коканде мусульмане настроены довольно спокойно и

[52] *Куколь-Яснопольский Степан Александрович* (1859 – после 1917) – тайный советник, с 1901 г. начальник Управления по делам о воинской повинности. В 1916 г. назначен товарищем министра внутренних дел (при министре А.Д. Протопопове). С января 1917 г. – член Государственного совета.

интеллигентные сарты к поражению Турции относятся довольно хладнокровно, но если только Афганистан объявит войну России, сарты восстанут как один человек. Мусульмане смотрят на Германию как на свою освободительницу и весь интерес войны сосредоточен на ней, потому что знают, если победит Германия, то Турции и всем другим мусульманским государствам будет хорошо. Имя Вильгельма известно даже самым темным и захудалым беднякам; все мусульмане на него молятся, потому что среди них кто-то вселил убеждения, что Вильгельм всю эту войну начал из-за мусульман, которых он хочет слить в одно могущественное государство.

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2155. Л. 1.

№ 9

Прокламация для мусульманского населения Российской империи

1915 г.

О, верующие!

Для вас настало время освободить себя от русского правительства. В настоящее время уже известно, что правоверный исламский халиф, то есть турецкий султан, воюет как с Россией, так и с другими державами, врагами ислама. Поэтому необходимо каждому мусульманину в настоящие дни, даже в близкие часы пожертвовать всем в этой борьбе. Если таковые общества мусульман не в состоянии пожертвовать деньгами, то должны вступить на поле сражения в рядах воюющих за ислам армий. Собранные деньги передать подателю сего объявления[53].

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2107. Л. 47.

[53] Автор перевода на русский язык не указан.

№ 10

Донесение[54] дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе С.В. Чиркина[55] советнику Третьего политического отдела МИД В.О. фон Клемму[56]

№ 34 *10 января 1916 г.*
г. Ташкент[57] *Весьма доверительно*

Милостивый государь Василий Оскарович!

Вследствие письма Вашего Превосходительства от 5 декабря м.г., № 747 я не преминул приступить к изучению всеми доступными мне средствами интересующего Вас вопроса и путем ознакомления с обширным материалом, каковой мне удалось получить от здешних административных и военных властей, равно как и беседы с компетентными представителями различных ведомств, пришел к выводу, что вопрос о распространении натуральной повинности на всех туземцев Туркестанского края подвергся здесь самому тщательному рассмотрению и был всесторонне продуман, как в 1910 г., когда он по инициативе Государственной думы был вновь предложен Министерством внутренних дел к обсуждению на месте в Туркестане, так и в самое последнее время, когда наши законодательные учреждения высказали пожелание о привлечении теперь же к защите родины инородческого населения наших окраин, в том числе и Туркестанского края.

---

[54] На документе резолюция В.О. фон Клемма: «Очень обстоятельно. Прошу дать мне предыдущую переписку. 19.I.16» и «Интересно справиться, приняла ли Азиатская часть Главного штаба участие в разрешении этого вопроса. Если нет, то мы могли бы весьма доверительно и частным образом сообщить им копию с настоящего письма».

[55] *Чиркин Сергей Виссарионович* (1879–1943) – дипломат, в 1915 г. был назначен послом в Бухару с последующим переводом на должность дипломатического представителя Российской империи в Ташкенте.

[56] *Клемм фон Василий (Вильгельм) Оскарович* (1861–1938) – первый российский консул на территории Индии. В 1888 г. был секретарем и драгоманом при российском политическом агенте в Бухаре. В 1893 г. назначен дипломатическим чиновником для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области генерал-лейтенанте А.Н. Куропаткине. В 1908 г. стал чиновником для особых поручений при министре иностранных дел; с начала Первой мировой войны возглавил Третий (Среднеазиатский) отдел Министерства иностранных дел.

[57] *Ташкент* – один из древнейших городов Средней Азии. С 1865 г. административный центр Туркестанской области, с 1867 г. – Сырдарьинской области и всего Туркестанского генерал-губернаторства.

Как Ваше Превосходительство изволите знать, в 1910 г. здешняя высшая власть отнеслась отрицательно к идее использования инородцев Туркестана в качестве военного материала на началах всеобщей воинской повинности и главный начальник края[58] в отзыве своем на имя министра внутренних дел от 13 ноября 1910 г., № 1576, представляя подробные соображения военных губернаторов и начальника Закаспийской области, между прочим, говорил:

«Не подлежит сомнению, что при лояльности общей массы туземного населения в нем, однако, заметно отражается общее пробуждение народов Азии, поставившее своим девизом “Азия для азиатов”. Агитация, идущая непрерывно от турецких эмиссаров, революционные организации, образовавшиеся за последние годы в пограничной с нами Персии в связи со стремлением к полному освобождению азиатских народов от опеки Европы и России, завладевая умами туземцев, воспитывают в них идеи панисламизма.

Хотя подпольная работа и не дает в настоящее время осязательных результатов, несмотря на все усилия “Научного Бухарского общества” при комитете “Единение и Прогресс”, основанном в Константинополе, но при неблагоприятном для нас стечении обстоятельств это может привести к нежелательным последствиям, а сообщение туземцам военных сведений и навык во время их службы в рядах наших войск может повлечь за собой опасность для христианского населения как в случае войны с мусульманскими странами, так и особенно во время внутренних замешательств, если бы таковые, к несчастью, случились. В этом отношении особенное опасение внушают сарты, у которых сильно развит религиозный фанатизм при общей склонности их пассивно повиноваться приказу стоящих во главе мулл[59] и ишанов[60], как это доказало Андижанское восстание.

Поэтому считаю долгом настаивать на уже высказанном мною во всеподданнейшем моем докладе за 1909 г. мнения о том, что туземное оседлое население по самому характеру своему не может

---

[58] Речь идет о генерале от кавалерии *Александре Васильевиче Самсонове*, генерал-губернаторе Туркестана в 1909–1914 гг.

[59] *Мулла* – знаток мусульманского ритуала. В Российской империи мулла фактически был приравнен к священнику и обычно состоял при конкретной мечети.

[60] *Ишан* – глава и наставник мусульманской общины, обычно принадлежавшей к одному из мистических (суфийских) орденов.

дать пригодного для военной службы контингента; что же касается до кочевого населения, преимущественно киргиз, то они могли бы быть привлечены к несению военной службы; однако отнюдь не на общем основании, путем распространения на них всеобщей воинской повинности, но посредством образования из них лишь части иррегулярной кавалерии по типу Туркменского конного дивизиона. Киргизы – природные наездники, несомненно, храбрые и притом питающие вражду к китайцам, могут образовать кадры войсковых частей, которыми в случае мобилизации наша боевая готовность на китайской границе будет значительно усилена весьма хорошим по качественному составу элементом.

На основании всего вышеизложенного я считаю введение для туземного населения Туркестанского края личной воинской повинности несвоевременным и не отвечающим главной задаче управления краем – упрочения здесь русского владычества. Пока же, впредь до увеличения в крае русского населения, признаю необходимым взамен названной повинности обложить инородцев денежным налогом и привлечь их некоторым образом к отбыванию военной службы на особых основаниях в виде иррегулярной кавалерии»[61].

Небезынтересны мнения по данному делу отдельных губернаторов края, каковые сводятся к следующему:

Военный губернатор Сырдарьинской[62] области в принципе не отрицает целесообразности введения воинской повинности среди инородцев, но разрешение этого вопроса полагает необходимым отсрочить лет на двадцать-тридцать. Необходимость такой отсрочки вызывается, по его мнению, тем, что с развитием русской колонизации в крае и с уменьшением вследствие этого количества поливных земель началось заметное неудовольствие среди туземцев на почве стеснения условий их экономической жизни, а слухи о привлечении инородцев к отбыванию воинской повинности, приникая в их среду, вызывали и усиленные разговоры в отрицательном смысле. Все это при недостаточно еще прочном русском влиянии в крае, среди населения во много раз превосходящего в численности ту-

---

[61] Подчеркнуто в документе.

[62] Имеется в виду генерал-лейтенант *Александр Семенович Галкин*, военный губернатор Сырдарьинской в 1911–1917 гг.

земцев над русскими, в связи с панисламистским движением и стремлением к национальному самоопределению делает вопрос о введении воинской повинности несвоевременным. Вместе с тем военный губернатор полагает, что военная выучка инородцев может повлечь за собой и опасность для христианского населения в случае войны с христианскими странами. Запасные, особенно сарты, у которых сильно развит религиозный фанатизм, могут уклониться от пополнения наших войск и оказать помощь неприятелю, да и вообще запасными иноверцами могут воспользоваться для своих целей фанатики проповедники.

Во всяком случае, если вопрос о воинской повинности будет разрешен в утвердительном смысле, необходимо на первых порах уменьшить процент призыва инородцев, но распространить эту повинность одновременно и на кочевников, и на оседлое население, так как введение ее лишь для оседлого населения затормозило бы переход кочевников к оседлости.

Военный губернатор Ферганской области[63] высказывается против введения воинской повинности среди инородцев на основании аналогичных с предыдущим военным губернатором соображений, но, кроме того признает сартов по их личным качествам совершенно неподходящим элементом для комплектования русской армии, а годным элементом для комплектования войск считает лишь киргиз. Полагая же невозможным представлять льготы отдельным народностям, он находит более целесообразным обложить всех инородцев денежным налогом взамен отбывания ими личной воинской повинности.

Военный губернатор Самаркандской области[64] признает своевременным введение воинской повинности среди туземцев, так как в инородцах в достаточной степени окрепло сознание неразделенности их со всею массой русских подданных и неотъемлемости их из состава таковых же. Слухи об этой повинности уже проникли в среду туземцев и вызвали вполне естественный страх в них. Поэтому по его мнению желательно начать призыв с меньшего против

---

[63] Имеется в виду генерал-лейтенант *Александр Иванович Гиппиус*, военный губернатор Ферганской области в 1911–1917 гг.

[64] Имеется в виду генерал-майор *Нил Сергеевич Лыкошин*, военный губернатор Самаркандской области в 1914–1917 гг.

нормального процента, дабы постепенно приучить население к новой, несомненно, сначала тяжелой для него повинности. При этом высказывает уверенность, что запасные по окончании своей службы в войсках явятся надежными проводниками в массу соплеменников своих идей русофильства и быстро рассеют в представлении туземцев те превратные понятия о России и всем русском, которые препятствуют отчасти скорейшему обрусению края. Фанатизм же и отсутствие веротерпимости при посредстве тех же запасных из туземцев утратят, несомненно, свою остроту, чем и будет устранено главное препятствие к сближению туземцев с русскими.

Военный губернатор Семиреченской области[65] признает своевременным привлечение инородцев к отбыванию лично воинской повинности, но в видах политических полагает необходимым прежде разрешить вопрос о землеустройстве кочевого населения. Руководствуясь теми же соображениями, что и Самаркандский губернатор, он полагает более правильным брать сначала небольшой процент по племенному составу призываемых от населения области. При этом считает необходимым во избежание необходимости переписки с китайским правительством, предварить инородческое население, что в случае откочевок за границу в Китай ушедшие не будут приняты обратно в русские пределы даже и тогда, если они будут удалены с китайской территории.

Начальник Закаспийской области[66] находит введение воинской повинности среди туземцев в том виде, как она существует в России, преждевременным и невозможным, вследствие полной неподготовленности к ней населения области. В случае же если будет принято решение создавать туземные части, то эти части необходимо формировать, согласуясь с племенными и родовыми подразделениями туркмен и киргиз, и призыв на службу должен быть основан на началах вербовки, а не воинской повинности.

Материалы эти своевременно поступили на рассмотрение Главного управления Генерального штаба, который, соглашаясь, видимо, со взглядом генерал-губернатора о несвоевременности

---

[65] Имеется в виду генерал-лейтенант *Михаил Александрович Фольбаум*, военный губернатор Семиреченской области в 1908–1917 гг.

[66] Имеется в виду генерал-лейтенант *Леонид Васильевич Леш*, начальник Закаспийской области 1913–1916 гг.

введения натуральной воинской повинности для инородцев Туркестана, высказался в предвидении возможности обострения местного национального вопроса, против формирования иррегулярных туземных войск, но признавая желательным использование для военных целей подходящего туземного элемента более надежным образом, предложил в мае месяце 1911 г. главному начальнику края рассмотреть, при каких условиях мог бы быть осуществлен призыв к военной службе некоторых племен Туркестана – в туземные иррегулярные войска и на общем основании.

Для обсуждения сего по детальной, разработанной Главным управлением Генерального штаба программе, состоялось 21 июля 1911 г. совещание особой комиссии под председательством военного губернатора Сырдарьинской области генерал-лейтенанта Галкина, высказавшейся по мотивам, аналогичным с указанными в выше приведенном ответе генерал-губернатора министру внутренних дел, в таком смысле:

1) Нежелательно и невозможно привлекать оседлое и кочевое население туркестанских областей к отбыванию воинской повинности по общим основаниям.

2) Нежелательно и невозможно в настоящее время привлекать к какой бы то ни было службе в войсках оседлого населения края.

3) Нежелательно и невозможно принудительно приписывать оседлое и кочевое население Туркестана к Семиреченскому казачьему войску, первое по неблагонадежности, а второе по свойственному ему кочевому образу жизни.

4) Полезно в виде опыта открыть киргизскому населению по мере возможности доступ в наше Семиреченское войско.

5) Полезно сформировать в Туркестане небольшие киргизские части по штатам Туркменского дивизиона, состоящего на службе в Закаспийской области.

6) Ввиду отрицательного решения о введении воинской повинности для туземного населения Туркестанского края, не обсуждать тех детальных вопросов по этому делу, которые указаны в отношении Главного управления Генерального штаба от 30 мая 1911 г. за № 984.

Что касается обложения туземного населения денежным налогом взамен отбывания воинской повинности натурою, то комиссия

находит, что введение такого налога было бы актом справедливости к прочему населению империи...

Как явствует из секретной телеграммы начальника Главного штаба на имя генерал-губернатора от 14 августа 1915 г., вопрос о привлечении к воинской повинности инородцев и русского населения Туркестана обсуждался до настоящей войны междуведомственной комиссией по пересмотру устава о воинской повинности, причем комиссия, приняв во внимание заключение по этому предмету Туркестанского генерал-губернатора и военных губернаторов края, постановила привлечь к сей повинности на общем основании русское население, а также дунган и таранчей. Применение же этой меры ко всем инородцам края отложить на неопределенное время.

Составленный в этом смысле законопроект не получил вследствие войны дальнейшего движения. Ныне ввиду пожеланий членов законодательных палат вопрос возник вновь и генерал-губернатору было предложено представить по телеграфу соображения: является ли при настоящих условиях в принципе возможным и желательным привлечь теперь же все вообще население Туркестана на военную службу, не считая к сему препятствием отсутствие регистрации населения и применив порядок призыва, установленный для новобранцев 1917 г. именным Высочайшим указом 10 июля 1915 г., с установлением таковой меры лишь на время текущей войны, и не предрешая этим разрешение после войны в законодательном порядке общего вопроса об отношении к воинской повинности инородцев, в том числе и туркестанских. В частности, полагалось бы привлечь на военную службу те же возрасты, которые были привлечены в качестве новобранцев из прочего населения в течение войны, то есть родившихся, начиная с 1896 по 1893 г. включительно. Если бы оказалось затруднительным привлечь инородцев к воинской повинности на общем основании, то не представилось ли возможным призвать в войска некоторых из них и каких именно на особых условиях, считаясь с бытовым их укладом.

В ответ на этот запрос генерал-губернатор[67] 20 августа минувшего года представил по телеграфу начальнику Главного штаба следу-

---

[67] Имеется в виду генерал от инфантерии *Федор Владимирович фон Мартсон,* генерал-губернатор Туркестана с августа 1914 по июнь 1916 г.

ющее свое заключение, основанное на вновь полученных отзывах военных губернаторов края[68] и начальника Закаспийской области:

«Все причины для признания невозможности привлечения к воинской повинности туземного оседлого населения, приведенные в заключениях генерал-губернатора и военных губернаторов в 1910 г., повторяются военными губернаторами и ныне с добавлением, что призыв туземцев в ряды армии, даже как временная мера, в настоящую войну при религиозном единстве их с народностями, настроенными к нам враждебно, может вызвать крупное брожение и создать благоприятную обстановку для выступления Афганистана и Персии. Привлечение киргиз, таранчей и дунган в течение войны в ряды регулярных или казачьих войск по обязательной повинности, кроме непреодолимости затруднений, вытекающих из отсутствия учета населения и условий кочевого образа жизни, может дать отрицательные результаты по неприспособленности их к климатическим и русским бытовым условиям. Возможно было бы сформирование из них специальных инородческих частей, но создать кадры для них не удастся без заблаговременной подготовки. Взыскиваемый уже военный налог противоречит установлению теперь же натуральной воинской повинности[69]. К привлечению четырех возрастов русских, пользующихся освобождением от воинской повинности согласно ст. 4 и 42 Устава, препятствий не вижу, причем за переселенцами полагаю сохранить льготу, указанную ст. 26 Правил переселения по продолжению 1912 г.».

Этой секретной телеграммой переписка с генерал-губернатором по делу о привлечении туземного населения края к отбыванию воинской повинности на общем основании была закончена, и из находящихся в моем распоряжении документов не видно, чтобы от главного начальника края были затребованы какие-либо дополнительные соображения по трактуемому вопросу. Путем частных бесед мне удалось установить, что такового обращения к генерал-губернатору ни со стороны Министерства внутренних дел, ни военного ведомства, по крайней мере, по сей поры не последовало, с другой же стороны узнать, что даже мысль о призыве в настоящее время русского населения Туркестана отклонена

---

[68] Ныне и военные губернаторы Самаркандской и Семиреченской областей представили соображения более или менее солидарные с мнениями прочих *(Прим. автора)*.

[69] Подчеркнуто в документе.

в Петрограде[70] и в начале минувшего года получила одобрение лишь идея допущения киргизов на службу в ряды нашей армии, но и то только в военное время в качестве добровольцев для комплектования Туркменского конного полка в числе, не превышающем 1/3 штатного состава туркмен этой части, так как распространение положения о воинской повинности на все киргизское население края, хотя и наиболее подходящее для военных целей, по ранее приведенным мотивам было признано нежелательным. Имеются, правда, слухи, исходящие от приезжих из Петрограда офицеров, что в Государственном совете прошел будто бы вопрос о призыве к отбыванию воинской повинности нескольких тысяч киргизов из всего 2,5-миллионного состава этой народности, но никакого документального, ни даже словесного из компетентного источника подтверждения этого известия здесь нет.

В самое последнее время военный губернатор Семиреченской области возбудил ходатайство перед главным начальником края о разрешении ему сформировать несколько киргизских сотен для усиления расположенных в Семиречье войск. Генерал-губернатор не встретил со своей стороны препятствий к осуществлению этой мысли, при условии снабжения сотен офицерским и урядническим составом из отставных чинов Семиреченского казачьего войска, но получит ли этот план одобрение в Петрограде – дело будущего, идее же общего призыва к отбыванию воинской повинности всего туземного населения края, как подтвердил мне сам генерал Мартсон, он не сочувствует.

Из вышеизложенного Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что отношение здешней высшей власти к интересующему Вас вопросу категорически отрицательное, и будет определяться в этом деле какие-либо новые данные, я приложу старание к своевременному Вас осведомлению.

С отличным почтением и совершенной преданностью имею честь быть,

Милостивый государь Вашего Превосходительства

Покорнейший слуга *С. Чиркин*

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 340б. Л. 9–16.

---

[70] Генерал-губернатор все же предполагает настаивать на проведении этой меры *(Прим. автора).*

№ 11

Доклад начальника Азиатской части Главного штаба генерал-лейтенанта М.М. Манакина[71] о назначении военных губернаторов Туркестанского края начальнику Главного штаба генералу от инфантерии Н.П. Михневичу[72]

14 февраля 1916 г.

Для выбора лиц при назначении на должность военных губернаторов в Туркестанском крае каких-либо определенных инструкций не имеется, точно так же не ведется для сего каких-либо кандидатских списков. Однако, как традиция установила взгляд, что к замещению освободившихся вакансий должны быть назначаемы лица, хорошо ознакомленные на практике со службой в крае и непосредственно здесь служившие.

Такому именно условию отвечают из пятерых военных губернаторов только трое, а именно: Сырдарьинский губернатор генерал-лейтенант Галкин, проведя первоначальную службу в Азиатской части Главного штаба, в течение более двадцати лет служил в Туркестане, последовательно занимая должности Амударьинского начальника отдела, Самаркандского и, наконец, около десяти лет Сырдарьинского военного губернатора.

Самаркандский военный губернатор генерал-майор Лыкошин всю службу провел в Туркестане, занимая по администрации должность помощника начальника уезда в Черняеве, начальника уезда в Ходженте[73], начальника Амударьинского отдела, откуда около полутора лет назад назначен на настоящую должность. Не имея специального и высшего образования, генерал Лыкошин серьезно знает местные туземные наречия.

---

[71] *Манакин Михаил Михайлович* (1862–1932) – генерал-лейтенант, с 3 января 1914 г. по 1917 г. начальник Азиатской части Главного штаба.

[72] *Михневич Николай Петрович* (1849–1927) – генерал от инфантерии, военный писатель, в 1911–1917 гг. начальник Главного штаба.

[73] *Ходжент* – один из древнейших городов Средней Азии. В 1866 г. город был занят русской армией. Центр одноименного уезда Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства. Ныне город Худжанд Согдийской области Таджикистана.

Ферганский военный губернатор генерал-лейтенант Гиппиус окончил курс Артиллерийской академии и восточных языков, ранее был нештатным консулом в Малой Азии (около Трапезунда), затем в распоряжении начальника Главного штаба, откуда около 10 лет назад назначен на занимаемую должность. Знает английский, турецкий, персидский языки, а также частично и местные. Человек отвлеченного мышления, изучает Коран и историю цивилизации Англии в подлинниках.

Семиреченский военный губернатор Фольбаум[74] в крае не служил, занимал должность градоначальника в Баку, оттуда и назначен на нынешнюю занимаемую должность около шести лет тому назад. С началом военных действий был в действующей армии, но возвратился обратно по состоянию здоровья. Очень популярен и очень хорошо знает свою область.

Временно исполняющий дела начальника Закаспийской области, генерал-майор Колмаков[75], старый туркестанец, последовательно занимал должности помощника начальника Закаспийской области и за отсутствием генерала Леша временно исполняет обязанности начальника Закаспийской области. Местных языков не знает.

Из числа помощников военных губернаторов: генерал Геппенер[76] (Сырдарьинская область), генерал Папенгут[77] (Самаркандская область) и генерал Осташкин[78] (Семиреченская область) – посто-

---

[74] *Фольбаум Михаил Александрович* (1866–1916) – генерал-лейтенант, военный губернатор и командующий войсками Семиреченской области, наказной атаман Семиреченского казачьего войска в 1908–1914 гг. С началом Первой мировой войны направлен на фронт, но в сентябре 1915 г. вновь возвращен на службу в Семиречье. В сентябре 1916 г. с Высочайшего разрешения сменил фамилию на *Соколов-Соколинский*. Умер в г. Верный.

[75] *Колмаков Николай Клавдиевич* (1858–?) – генерал-майор, помощник начальника Закаспийской области, уволен от службы 20 мая 1917 г. В 1903–1907 гг. – начальник Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области, в 1907–1911 гг. – градоначальник Ташкента, в 1911–1913 гг. – помощник военного губернатора Ферганской области. В 1913–1917 гг. – помощник начальника Закаспийской области. В 1916–1917 гг. периодически временно исполнял обязанности начальника Закаспийской области.

[76] *Геппенер Сергей Андреевич* (1863–1937) – генерал-майор, с 1890 г. состоял в распоряжении военного губернатора Ферганской области, с 1908 г. помощник военного губернатора Сырдарьинской области. Уволен со службы по болезни в октябре 1916 г.

[77] *Папенгут Петр Оскарович* (1856–1917) – действительный статский советник, помощник военного губернатора Самаркандской области. В 1905 г. был назначен старшим чиновником для особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе, успешно выполнял различные поручения генерал-губернаторов *Н.Н. Тевяшева*, *Д.И. Субботича* и *Н.И. Гродекова*. В 1907–1916 гг. – помощник военного губернатора Самаркандской области. С марта 1916 г. по март 1917 г. помощник военного губернатора Ферганской области.

[78] *Осташкин Павел Петрович* – действительный статский советник, вице-губернатор Семиреченской области с 1894 по 1917 г.

янные, а двое – действительный статский советник Дуплицкий (Закаспийская область) и статский советник Лейбин (Ферганская область) назначены для временного исполнения должности.

Генерал Геппенер свидетельствовался на предмет увольнения в отставку. Генерал Папенгут предполагается к устранению от должности. В отношении деятельности военных губернаторов и их помощников генерал Мартсон дает вполне удовлетворительную аттестацию, хотя и выражает некоторое неудовольствие против генерала Галкина.

В заключении обязуюсь доложить, что, ознакомившись лично со многими уездными начальниками и начальником г. Ташкента, у меня осталось о таковых самое отличное, выгодное впечатление.

Только проявляемые этими лицами особая энергия и опыт могут объяснить выполнение ими таких многотрудных работ, которые выпадают на их долю с прибытием в край беженцев.

При этом обязуюсь доложить о крайней желательности поддержать их просьбу об усилении низшего персонала служащих областей – полицейскими чиновниками, письмоводителями из числа эвакуированных из занятых неприятелем наших губерний.

генерал-майор Манакин

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4535. Л. 58–60.

№ 12

Секретная телеграмма посланника в Пекине В.Н. Крупенского[79] в Урумчи[80], Кашгар и Кульджу[81]

[79] *Крупенский Василий Николаевич* (1868–1945) – действительный статский советник, первый секретарь российской миссии в Пекине (1899–1902). Посланник в Пекине (1913–1916).

[80] *Урумчи* (уйгурское название, китайское – *Дихуа*) – город в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. С 1884 г. столица Восточного (Китайского) Туркестана.

[81] *Кульджа* – городской уезд в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. С распространением российского влияния в Семиречье в середине XIX в. Кульджа становится важным центром торговли между Россией и Китаем. В 1871 г. Кульджа и весь Илийский край были заняты российскими войсками. Территория возвращена Китаю в 1881 г., после чего мусульманское население (уйгуры и дунгане) переселились в российские владения (нынешний Казахстан и Киргизия).

№ 114 *9 марта 1916 г.*

По секретным сведениям, немцами отправлена экспедиция для враждебной нам деятельности в Туркестане и поднятия против нас и англичан местного мусульманского населения. В составе его по слухам входит несколько немцев, из них один офицер, один врач, четыре афганца, снабженные паспортами немцами, и несколько турецких подданных, между прочим, родственник эмира Бухарского Хамза-эфенди. Ему 50 лет, 5,5 футов ростом, худой, с маленькими глазами. Германская миссия выдала ему мандат. Маршрут экспедиции – Хотан[82], Ганьсу[83], Синьцзян[84] и, в частности, Кашгар. По дороге она получит оружие для раздачи. 5 февраля часть ее приехала в Ланьчжоу[85], направляясь в Сучжоу[86]. По телеграмме два немца были замечены уже в Ланьчжоу, двигаясь двойными переходами на Синьцзян.

Благоволите проверить эти сведения и в случае подтверждения принять меры противодействия. О посылке соответствующих инструкций китайским властям делаются сношения с китайским правительством. Копии сообщаются в Ташкент и Омск.

Крупенский

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 486. Л. 1.

---

[82] *Хотан* – городской уезд на юго-востоке Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, южнее пустыни Такла-Макан, к юго-востоку от Яркенда. История города связана с функционированием Великого шелкового пути. Китайцы окончательно утвердились в мусульманском Хотане в середине XVIII в. В 1862–1878 гг. город был одним из центров Дунганского восстания и признавал власть Якуб-бека Кашгарского.

[83] *Ганьсу* – провинция на севере центральной части Китая. Именно здесь начинается Великая китайская стена и через эту провинцию проходил Великий шелковый путь. В XIX в. провинцию охватило Дунганское восстание.

[84] *Синьцзян* (от кит. *«Новая граница»* или *«Новые рубежи»*) – регион на северо-западе Китая, населенный приемущественно тюркоязычными народами, исповедующими ислам. Исторический топоним – Уйгурстан. В настоящее время самая большая по площади территориально-административная единица КНР – Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР).

[85] *Ланьчжоу* – городской округ в провинции Ганьсу Китая. Один из крупнейших городов северо-западного Китая.

[86] *Сучжоу* – городской округ в провинции Цзянсу Китая, расположенный в низовьях реки Янцзы близ озера Тайху. Исторически один из важнейших центров производства шелка.

№ 13

Телеграмма советника Третьего политического отдела Министерства иностранных дел В.О. фон Клемма политическому агенту МИД в Бухаре А.К. Беляеву[87]

№ 1242 *12 марта 1916 г.*
г. Петроград *Шифром*

Посланник из Пекина телеграфирует, что германцами отправлено в Восточный Туркестан несколько лиц в целях антирусской агитации. Среди этих лиц находится некто Хамза-эфенди, турецкоподданный, родственник будто бы эмира Бухарского, снабженный германским паспортом. Хамза ныне уже арестован и доставлен в Ханькоу, где передан германскому консулу. Благоволите выяснить негласным путем, известен ли Сейид Хамза в Бухаре и есть ли у него действительно отношение к эмиру.

Клемм

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 486. Л. 2.

---

[87] *Беляев Алексей Константинович* (1870–1960) – русский дипломат. В 1895 г. секретарь консульства в Ускюбе. В 1897 г. секретарь и драгоман генерального консульства в Эрзеруме. В 1899 г. вице-консул в Призрене. С 1906 г. – генеральный консул в Смирне, а затем в Салониках (1910 г.). В 1913–1916 гг. Российский Императорский политический агент в Бухаре.

[88] *Новая Бухара (Каган)* – город на территории Бухарского эмирата, основанный в 1888 г. как русское поселение «Новая Бухара» (так город назывался до 1935) при Закаспийской железной дороге. В городе находилась железнодорожная станция Бухара-1, обслуживающая город Бухару («Старую Бухару»), расположенная в 12 км от Кагана. В Кагане так же находилось Русское Императорское политическое агентство в Бухаре.

[89] *Рубах Н.Б.* – полковник, начальник Ходжентского уезда, начальник Ходжентского гарнизона, председатель Особого уездного по воинской повинности присутствия Самаркандской области.

[90] Подпись неразборчиво.

№ 14

Телеграмма политического агента МИД в Бухаре А.К. Беляева советнику Третьего политического отдела Министерства иностранных дел В.О. фон Клемму

18 марта 1916 г.
г. Новая Бухара[88] *Секретно*

Телеграмма за № 1242 получена. Сейид Хамза в Бухаре совершенно неизвестен.

Беляев

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 486. Л. 3.

№ 15

Предписание особого уездного по воинской повинности присутствия Самаркандской области Н.Б. Рубаха[89] приставу г. Ходжента

№ 1491 *29 июня – 1 июля 1916 г.*
г. Ходжент *По военным обстоятельствам*

Предписываю приказать старшинам немедленно удалить из своих районов всех посторонних, прибывших с целью уклониться от набора в состав рабочих, а своим не позволять отлучаться без особых ваших удостоверений.

За исполнением этого следите непрерывно.

Председатель присутствия полковник *Рубах*

И. д. делопроизводителя

Копия с копии верно: Пристав г. Ходжента штабс-капитан[90]

ЦГА РТ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 16. Л. 53.

№ 16

Телеграмма военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина генерал-губернатору Туркестанского края

№ 1355 *4 июля 1916 г.*
г. Самарканд[91]

Возвратясь из Ташкента, распорядился вызвать уездных начальников на совещание 5 июля о порядке реквизиции. Сегодня в три часа дня получил от Ходжентского уездного начальника депешу следующего содержания: сегодня в канцелярии пристава собралась огромная толпа туземцев, недовольная реквизицией труда, буйствовали, напали на полицейских. Предварительное ознакомление, уговоры не действовали, четыре нижних чина дежурной части по собственной инициативе прибыли на помощь полиции, и после того как у одного из них туземцы осмелились отбирать ружье, был произведен выстрел, вслед за которым остальные дежурные части команды произвели пятнадцать выстрелов в толпу; убито два, ранен один. Толпа разошлась, приняты все меры водворения порядка. Сообщил прокурору и командировал помощника моего для производства расследования и принятия соответствующих мер.

Лыкошин

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 340 б. Л. 34.

---

[91] *Самарканд* – один из древнейших городов Средней Азии. В 1868 г. был занят русскими войсками. С 1887 г. административный центр Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства.

[92] Речь идет о полунезависимом от Бухарского ханства Гиссарском бекстве – территория северной часть долины Сурхандарьи и северной часть бассейна Кафирнигана. В настоящее время частично в составе Сурхандарьинской области Узбекистана и частично на территории Таджикистана.

[93] Речь идет о *Шахрисябском бекстве*, правители которого принадлежали к враждебному бухарским правителям племени кенегес. Бухарские эмиры постоянно стремились удержать в подчинении шахрисябских беков, однако это им редко удавалось. Только в 1868 г. Шахрисябское бекство окончательно было передано бухарскому эмиру русским правительством. В настоящее время территория Узбекистана.

№ 17

Телеграмма военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина генерал-губернатору Туркестанского края

№ 375 *7 июля 1916 г.*
г. Самарканд

Сегодня из селения Дагбит Самаркандского уезда толпа произвела беспорядки по поводу набора рабочих. Отобрали у волостного старшины списки и ранили его, убили писаря. Послан уездный начальник с полусотней казаков для водворения порядка.

Лыкошин

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 340 б. Л. 34.

№ 18

Телеграмма военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина генерал-губернатору Туркестанского края

№ 376 *7 июля 1916 г.*
г. Самарканд

Самаркандским уездным начальником получены сведения агентурные, что самаркандцы послали письмо в Гиссар[92] и Шахрисябз[93], а также в Афганистан. Спрашивают, будет ли поддержано оттуда восстание мусульман, если его поднимут здесь; кроме того, посланы письма и в значительные города Туркестана для выяснения к бунту. Испрашиваю распоряжения для принятия мер в Бухаре против мятежных действий, также с перлюстрацией писем и наблюдения за перепиской самаркандцев с другими городами.

Лыкошин

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 340 б. Л. 34 об.

№ 19

Секретная телеграмма управляющего Политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульги[94] Туркестанскому генерал-губернатору

№ 318 *5 июля 1916 г.*
г. Новая Бухара *Секретно*

Телеграфирую в Ташкент:

Проникшие третьего дня в Бухару смутные слухи о предстоящем отправлении из областей края туземцев-рабочих на тыловые работы вчера были подтверждены прибывшими из Самарканда туземцами евреями[95], рассказавшими о вывешенных губернатором объявлениях. Как приезжие из Самарканда, так и бухарцы на основании сказанных объявлений твердо убеждены, что дело идет о введении воинской повинности. В связи с этим весь город обсуждает эту новость, причем возникает ряд фантастических слухов о якобы недостаточности русских сил, будто бы имевших место крупных неудачах, вследствие чего необходимо призывать жителей Туркестана, о наложении нашими властями на некоторые волости крупных штрафов за отказ идти в солдаты и т. п.

Вчера среди некоторых групп мулла-бачей[96] высказывались предположения, что Россия потребует набора и в Бухаре и что де лучше тогда умереть здесь, чем ехать умирать на войну. Из Самарканда приезжает много туземных евреев, бегущим, по агентурным сведениям, в Афганистан и своими рассказами усиливающих тревожное настроение. Со своей стороны, разъяснил бухарским вла-

---

[94] *Шульга Николай Андреевич* (1883–?) – дипломат, направлен на службу в Бухару в 1909 г. С 1911 г. драгоман Политического агентства в Бухаре, с 1914 г. – первый драгоман, с 1916 г. – исполняющий обязанности первого секретаря посольства в Бухаре. С 21 мая 1916 г. временно управлял Русским Императорским политическим агентством в Бухаре. В октябре 1917 г. назначен секретарем Третьего политического (Среднеазиатского) отдела МИДа.

[95] Речь идет о *бухарских (среднеазиатских или туземных)* евреях (термин, введенный российскими путешественниками и исследователями еще в конце XVIII в.). Этнолингвистическая подгруппа еврейской диаспоры, жившая в городах Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханства.

[96] *Мулла-бачи* – учащиеся медресе.

стям истинное значение высочайшего повеления, просил кушбеги[97] принять меры к пресечению вздорных слухов, предложил полиции (этих) поселений усилить надзор за лицами, распространяющими тревожные известия.

Опасаюсь, что появление в Афганистане бегущих из края евреев создаст и распространение ими фанатических слухов и ныне крайне нежелательное для нас тревожное настроение.

Шульга

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 185. Л. 66а, 66б.

№ 20

Донесение управляющего Политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульги управляющему Третьего политического отдела МИД В.О. фон Клемму

№ 336 *12 июля 1916 г.*
г. Новая Бухара *Совершенно секретно*

Милостивый государь Василий Оскарович!

Временно исполняющий обязанности Туркестанского генерал-губернатора 2 сего июля созвать совещание по вопросу о привлечении в реквизиционном порядке на время настоящей войны туземцев Туркестанского края в силу Высочайшего повеления от 25 июня сего года.

Во время сего совещания, обсуждавшего главным образом порядок выполнения Высочайшей воли, возник вопрос и относительно осуществления сего в русских поселениях Бухарского ханства. Спрошенный по сему поводу, я не преминул доложить Его Высокопревосходительству о совершенно ничтожном числе русско-подданных инородцев, случайно проживающих в сказанных поселениях, и указал на невозможность по мнению моему осуществить призыв их в русских поселениях ханства. Его Высокопревосходительство вполне с этим

[97] *Кушбеги* – главный визирь (премьер-министр), высшее должностное лицо в Бухарском эмирате, которому подчинялись все управленческие структуры власти.

согласился, тем более что и самый предположенный порядок призыва (путем распределения сил совещанием количества подлежащих призыву людей между областями края, губернаторами – между уездами, и наконец, уездными начальниками – между волостями) предполагает наличность организованной туземной власти. Таким образом, администрации русских поселений ханства остается лишь озаботиться наблюдением за возможным появлением в русских поселках русско-подданных мусульман, скрывающихся от предположенного набора.

В конце совещания генерал-майором Лыкошиным был затронут вопрос о необходимости, по мнению его, предложить эмиру Бухарскому и хану Хивинскому, не пожелают ли они набрать какой-либо рабочий отряд и отправить таковой для тыловых работ армии, что, по мнению некоторых членов совещания, явилось бы весьма важным новым доказательством преданности нам этих вассальных правителей. По сему вопросу я не преминул доложить совещанию, что, будучи твердо уверен в полной готовности Его Высочества эмира[98] всеми зависящими от него средствами прийти нам на помощь, я все же полагал бы поставку бухарским правительством определенного количества рабочих до некоторой степени нежелательной. Во-первых, нельзя, казалось бы, не принять во внимание недостаточность вообще населения в ханстве и крайний недостаток рабочих рук для хлопковых плантаций, на необходимость бережного отношения к каковой культуре особо указывается в телеграмме министра внутренних дел на имя Туркестанского генерал-губернатора, и, во-вторых, следует иметь в виду крайнюю опасность положения, каково создалось бы в случае отказа населения выполнить требование своего правительства.

Вообще во всех суждениях совещанием, по мнению моему, чрезвычайно мало было уделено внимания политической стороне сего мероприятия и необходимости исполнения высочайшей воли с крайней предусмотрительностью. Между прочим, Самаркандским губернатором было сообщено совещанию, что им уже расклеены на дверях мечетей особые объявления с подробными разъяснениями порядка и цели призыва, но объявления эти, кои рассматривались генерал-майором Лыкошиным как имеющие внести успокоение

---

[98] Речь идет о *Сейид Мир Мухаммед Алим-хане* (1880–1944), последнем эмире Бухары, правившим до захвата ее Красной армией 2 сентября 1920 г., представитель династии Мангыт.

в среду населения, были поняты населением именно как формальный призыв на военную службу, крайне встревожили туземцев и, быть может, послужили поводом к упомянутым в представляемой при сем переписке столкновениям.

Как я уже имел честь донести секретной телеграммой от 5 июля с.г. за № 3319, первое известие было принято населением ханства с некоторой тревогой, но ныне все после пересудов пришли к убеждению, что мероприятие это не может коснуться Бухары и население хотя и продолжает оживленно обсуждать положение в Туркестане, все же остается совершенно спокойным. Во всяком случае беспокойство генерал-майора Лыкошина о возможности «мятежных действий в Бухаре» (представляемая в копии телеграмма № 376) лишено оснований, а все меры предосторожности, как показывают сами факты, надлежит принять, прежде всего, в коренных областях края.

В заключение считаю долгом донести Вашему превосходительству, что даже в случае каких-либо серьезных осложнений в Туркестанском крае я надеюсь на сохранение в Бухарском ханстве полного спокойствия, при условии надлежащей с нашей стороны осторожности как в земельном вопросе, так и при проведении каких-либо других мероприятий, непосредственно касающихся местного населения. Прекрасное знание местного населения нынешним кушбеги, побывавшим за свою многолетнюю службу в разных местах ханства, его осторожность, несомненная его нам преданность, равно как и преданность других чинов высшей бухарской администрации, являются, по мнению моему, полной гарантией спокойствия ханства при соблюдении вышеуказанных условий.

В силу сего я со своей стороны полагал бы более предпочтительным в целях сохранения спокойствия не настаивать перед бухарским правительством на непременной поставке рабочих, заменив таковое требование хотя бы привлечением Его Высочества эмира к каким-либо новым денежным пожертвованиям на организацию рабочей дружины.

Донося об изложенном на благоусмотрение, с чувством глубочайшего уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Шульга

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 31–33.

№ 21

Секретная телеграмма управляющего Политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульги в Третий политический отдел МИД

№ 339 *14 июля 1916 г.*
г. Новая Бухара *Срочная*

Дополнение к моей телеграмме за № 318.

Только что посетивший меня местный жандармский ротмистр обратился с просьбой об охране казачьим конвоем станции Каган. Сам ротмистр получил приказание немедленно выехать с особым поездом по направлению к Самарканду со всеми жандармами Бухарской железной дороги[99] и 2-го участка Среднеазиатской[100]. По его сведениям, станция Джизак[101] горит, происходят волнения в Катта-Кургане[102] и на ближайшей к Бухаре станции Джума[103], населением местами разобраны рельсы, телеграф прерван, беспорядки

---

[99] *Бухарская железная дорога* – решение о строительстве дороги было принято в апреле 1910 г. Советом министров России с согласия эмира Абдул-Ахада хана. Соглашение о строительстве дороги заключили в июне 1912 г. В 1913 г. было основано Общество Бухарской железной дороги, а строительные работы начались в 1914 г. Строительство продолжалось в годы Первой мировой войны.

[100] *Среднеазиатская железная дорога* образовалась в результате соединения Закаспийской военной железной дороги и Самарканд-Андижанской железнодорожной линии, открытой в мае 1899 г. Она относилась к разряду казенных и ее строительство велось за счет государственной казны.

[101] *Джизак* – один из древнейших городов Средней Азии. К началу 1860-е гг. Джизак представлял собой административный центр Джизакского бекства в составе Бухарского эмирата. 11 октября 1866 г. Джизак был взят русскими войсками. С 1887 г. уездный центр Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства. Крупный железнодорожный узел. Ныне центр Джизакской области Узбекистана.

[102] *Катта-Курган* (*тюрк. «Большая крепость»* или *«Большой холм»*) – основан в последней четверти XVII в. После военной операции против Бухарского эмирата Катта-Курган вошел в состав Российской империи в статусе уездного города Самаркандской области. Ныне город в Самаркандской области Узбекистана.

[103] *Джума* – железнодорожная станция в 30 км к северо-западу от Самарканда. Ныне территория Самаркандской области Узбекистана.

[104] *Кушка* – поселение, возникло в 1890 г. как русская крепость. Ныне город Серхетабад в Туркмении.

[105] *Востросаблин Александр Павлович* (1857–1921) – генерал-лейтенант, с 1910 г. комендант крепости Кушка.

[106] *Ерофеев Михаил Романович* (1857–1941) – генерал от инфантерии, в 1916 г. участвовал в подавлении восстания в Туркестане.

[107] *Мюрид* – последователь, ученик ишана.

распространяются по всему Туркестану. Одновременно с этим я получил телеграмму из Кушки[104] от генерала Востросаблина[105], передавшего мне приказание генерала Ерофеева[106] сноситься с ним через Кушку, откуда мои телеграммы будут передаваться в Ташкент по искровому телефону.

Пока в ханстве все спокойно.

Шульга

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 185. Л. 73.

№ 22

Секретная телеграмма управляющего Политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульги в Третий политический отдел МИД

№ 334 *15 июля 1916 г.*
г. Новая Бухара

Телеграфирую в Кушку.

Прошу Ваше Превосходительство донести генерал-губернатору: По получении сведений о волнениях в Самаркандской области кушбеги даны срочные предписания бекам строжайше наблюдать за приезжающими из областей Туркестанского края. Со своей стороны, дал такие же указания чинам русской администрации. Населению разъясняется, что призыв не имеет отношения к Бухаре, в пограничные с Самаркандской областью бекства командированы гонцы с приказанием не пропускать в ханство самаркандцев, в случае массовых попыток перехода границы. В Старой Бухаре кушбеги предложено четырем главным ишанам отпустить своих мюридов[107], среди коих много русско-подданных, дав им наставление беспрекословно повиноваться русским властям. Установлено в Старой Бухаре наблюдение русской и туземной полиции за приезжающими русско-подданными мусульманами. До сего времени приезд ничтожен. Для охраны линии водопровода станции Каган в Старой Бухаре назначены патрули, объезжающие город.

По получении сегодня телеграммы от наших чинов в Карши, Термеза, Чарджуя, по сообщениям агентурным и сведениям из бухарских источников у населения бекств спокойствие. В Старой Бухаре оживленно обсуждается положение в Самаркандской области, носятся самые сенсационные слухи об общем соглашении против русских всех жителей коренных областей, передают об обязательстве эмира поставить 40 000 солдат в российские войска, добавляя, что бухарцы должны в случае набора также воспротивиться, но общее настроение продолжает пока быть вполне спокойным. Помимо сих мер, считаю необходимым:

1. Ограничиться в Старой Бухаре и других городах ханства надзором за приезжающими, подлежащими призыву мусульманами и выдворении тотчас туркмен по прибытии, никоим образом не прибегая в настоящий момент в Старой Бухаре к общему розыску, легко может вызвать столкновения.

2. Выслать в Новую Бухару по крайней мере одну роту, приход которой подействовал бы успокоительно на взволнованное слухами русское население и оказало бы известное впечатление в старом городе, где в случае осложнений придется занять привокзальный район и охранять банки, почту, наиболее крупные части Бухары.

В наличии имеется 50 человек караульной команды, 20 казаков конвоя политического агента.

Нынешнее благоприятное положение, опасаюсь, может измениться в случае проникновения в ханство бунтующих масс из Самаркандской области.

Телеграфное сообщение с Ташкентом не восстановлено, поезда идут только до Самарканда. Носятся упорные слухи о сожжении нескольких станций, появлении вооруженных банд между Катта-Курганом и Джума.

Шульга

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 185. Л. 74, 75.

---

[108] *Секретарев Петр Петрович* (?–1922) – дипломат, бывший российский консул в Каире, был временно исполняющим должность дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе в 1916–1917 гг.

№ 23

Телеграмма управляющего Третьим политическим отделом В.О. фон Клемма политическому агенту в Бухаре А.К. Беляеву

№ 3293 *16 июля 1916 г.*
г. Петроград *Личная*
Шифром

Телеграммы за № 318 и 339 получены.

Для Вашего личного сведения. Призыв туземцев Туркестана и других окраин на рабочую повинность состоялся без участия и даже ведома Министерства иностранных дел, Главного штаба и Туркестанского генерал-губернатора. Однако изменить теперь принятое решение невозможно. Примите все зависящие меры сохранить спокойствие в Бухаре путем широкого оповещения, что население ханства призыву не подлежит.

Клемм

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 185. Л. 264.

№ 24

Телеграмма управляющего Третьим политическим отделом МИД В.О. фон Клемма временно исполняющему обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретареву[108]

№ ? *17 июля 1916 г.*
г. Петроград *Шифром*

Телеграммы за № 318 и 339 получены.

Для Вашего личного сведения.

Повинность была введена помимо МИД и даже без ведома Азиатской части Главного штаба. Начальник штаба Верховного

главнокомандующего генерал Алексеев относится к этой мере неодобрительно.

Клемм

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 247. Л. 17.

№ 25

Секретная телеграмма управляющего Политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульги временно исполняющему обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретареву

№ 351 *17 июля 1916 г.*
г. Новя Бухара *Секретно*
Копия в Петроград

Телеграфирую в Ташкент:

Вернувшись из поездки в Зирабулак[109], Введенский[110] сообщает о полнейшем спокойствии в районе Хатырчи Зия-дин[111]. Распространившаяся среди служащих тревога не имела никаких оснований. Диван-беги[112], коего я просил выехать на границу с Самаркандской областью, были вызваны старшины – главные лица вышесказанного района, отобрано от них письменное ручательство за сохранение полного порядка. В Старой Бухаре и бекствах пока полное спокойствие. Попыток перехода границы пока не наблюдалось. Агентурные сведения из разных источников настойчиво говорят об отправлении 7 июля из Самарканда делегации в Афганистан с просьбой о помощи.

Шульга

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 185. Л. 76.

---

[109] *Зирабулак* – ныне железнодорожная станция, расположенная в пределах г. Акташа Самаркандской области Узбекистана, в долине реки Зеравшан.

[110] *Введенский Павел Петрович* (1880–1938) – вице-консул в Тавризе и Урмии в 1906–1917 гг., управляющий вице-консул в Хое. В 1915 г. был прикомандирован к Политическому агентству в Бухарском ханстве.

[111] *Хатырчи* – город на территории Навоийской области Узбекистана.

[112] *Диван-беги* – министр, приближенный советник эмира Бухарского.

№ 26

Секретная телеграмма временно исполняющего обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретарева в Третий политический отдел МИД

№ 714 *18 июля 1916 г.*
г. Ташкент *Секретно*

Телеграмма за № 3308 получена.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 707.

Сегодня отправлена из Катта-Кургана в Новую Бухару одна рота в распоряжение политического агента. Помимо того, туда же отправлены два офицера при 62-х нижних чинах для охраны станций Новая Бухара и Эмир-Абад[113] и управления Бухарской железной дороги. В Туркестанском крае внешне спокойствие, но сопротивление сбору рабочих не сломлено. Карательный отряд продолжает преследовать в Джизакском уезде туземцев, разрушивших часть железнодорожного пути и убивших несколько наших чиновников. Туземцы тысячами бегут в горы.

Розыска и высылки из Бухары осевших там туземцев Туркестанского края и не предполагалось.

Рабочая повинность введена здесь без предварительного запроса к туркестанским властям и являлась для последних неожиданностью.

Секретарев

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 247. Л. 18.

---

[113] *Эмир-Абад* – железнодорожная станция Бухарской железной дороги (территория Бухарского эмирата), расположена на территории Туркмении.

№ 27

Телеграмма временно исполняющего обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретарева управляющему Политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульге

19 июля 1916 г.

г. Ташкент *Секретно*

Генерал-губернатор одобряет Вашу мысль использовать ишана Сияха путем обращения им воззвания к мусульманам Ферганы и прочих областей края. Можно дать понять ишану, что лояльное его отношение к нашим государственным интересам не останется неотмеченным.

Секретарев

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 247. Л. 19.

№ 28

Адрес депутатов Государственной думы в Ставку Верховного главнокомандующего, начальнику Штаба Верховного главнокомандующего, военному министру

Подано 21 июля 1916 г.

Полученные нами сведения относительно результатов быстрого проведения призыва рабочих инородцев в областях Туркестана указывают на несомненную опасность в экономическом и политическом отношениях. Отсутствие надлежащего осведомления населения о целях призыва со стороны местной администрации создает среди населения волнение, особенно обостряемое теперь, что русское население Туркестана по закону свободно от воинской повинности.

Экономически изъятие части рабочих, волнения среди остальных в период хлопковой кампании грозит гибелью значительной части урожая хлопка, столь необходимого для государства. Убедительно просим отсрочить проведение призыва до окончания хлопковой кампании, то есть до первого ноября. Срочность положения требует чрезвычайной срочности мероприятия.

Члены Государственной думы *Ржевский*[114], *Некрасов*[115], *Виноградов*[116], *Тевкелев*[117].

ЦГА РУз. И-1. Оп. 31. Д. 1. Л. 51.

№ 29

Телеграмма начальника Штаба Туркестанского военного округа М.Н. Михайловского[118] военному губернатору Самаркандской области Н.С. Лыкошину

№ 5300 *23 июля 1916 г.*

22 июля собранные военным губернатором Семиреченской области волостные и почетные лица от туземцев Верненского уезда свыше тысячи человек для выяснения подробностей призыва рабочих единогласно просили верить, что кривотолки стали им понятными и что если государю угодно, то все киргизы Верненского уезда пойдут на работы и даже в войска. Весьма приподнятое настроение

[114] *Ржевский Владимир Алексеевич* (1865–?) – депутат Государственной думы IV созыва от Московской губернии. Входил во фракцию прогрессистов.

[115] *Некрасов Николай Виссарионович* (1879–1940) – российский политический деятель левого крыла партии кадетов. Депутат Государственной думы III и IV созывов. Министр путей сообщения и министр финансов Временного правительства.

[116] *Виноградов Владимир Александрович* (1874 – после 1923) – российский политический деятель, член партии кадетов. Депутат Государственной думы III и IV созывов. Был товарищем министра путей сообщения Временного правительства.

[117] *Тевкелев Кутлугмухаммад Батыргиреевич* (1850 – после 1917) – общественный деятель, депутат I–IV Государственных дум. Председатель мусульманской фракции Думы III–IV созывов. Летом 1916 г. в качестве члена думской комиссии посетил ряд городов Туркестанского края.

[118] *Михайловский Михаил Николаевич* (01.11.1858–?) – генерал-майор, с 1905 г. старший адъютант штаба Туркестанского военного округа, в 1914–1916 гг. – Самаркандский уездный воинский начальник. В декабре 1916 г. был назначен окружным дежурным генералом штаба Туркестанского военного округа.

толпы выразилось выходом вперед муллы для молитвы за царя и воодушевленном «Ура!» в честь государя императора и доблестной армии, а растроганные старики говорили, что все будет исполнено, как им приказано.

Изложенное по распоряжению командующего войсками сообщается для сведения.

Подлинную подписал *Михайловский*

Копия за надлежащей подписью.

С копии верно: и. д. делопроизводителя *Петров*

ЦГА РТ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 16. Л. 8.

№ 30

Телеграмма военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина начальнику Ходжентского уезда Н.Б. Рубаху

№ 14800 *23 июля 1916 г.*
г. Самарканд

Вчера представители азиатской части города Ташкента высказали свое возмущение против безумцев, позволивших протестовать против набора рабочих и допустивших беспорядки, выразили на словах и письменно готовность назначенное число рабочих полностью. Широко оповестите население.

Лыкошин

С подлинным верно:
и. д. делопроизводителя *Петров*

По военным обстоятельствам

Полицейскому приставу г. Ходжента
Для самого широкого оповещения среди туземного населения.
Вр. и. д. начальника уезда, полковник *Рубах*
Копия с копии верно:
Полицейский пристав г. Ходжента штабс-капитан[119]

ЦГА РТ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 16. Л. 55.

№ 31

Телеграмма командующего войсками Туркестанского военного округа М.Р. Ерофеева начальнику Ходжентского уезда Н.Б. Рубаху

№ 5348 *23 июля 1916 г.*
г. Ташкент

Примеру Ташкента последовал Андижан. Сегодня представители этого города в числе 900 человек от лица населения изъявили полную готовность дать наряд рабочих, затем они совершили краткую молитву за Белого Царя. Об этом оповестите население.

Ерофеев

С подлинным верно:
и. д. делопроизводителя *Петров*

По военным обстоятельствам

Полицейскому приставу г. Ходжента
Для самого широкого оповещения среди туземного населения.
Начальник гарнизона, полковник *Рубах*
Копия с копии верно:
Полицейский пристав г. Ходжента штабс-капитан[120]

ЦГА РТ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 16. Л. 54.

№ 32

Телеграмма командующего войсками Туркестанского военного округа М.Р. Ерофеева начальнику Ходжентского уезда Н.Б. Рубаху

№ 5575 *28 июля 1916 г.*
г. Ташкент

[119–120] Подпись неразборчива.

В Черняеве Сырдарьинской области уездный съезд единогласно выразил готовность выставить потребное число рабочих. В Аулие-Ата той же области представители сартов и киргизов тоже заявили от имени населения полную готовность поставить рабочих. Об этом объявите туземному населению.

Ерофеев

Начальника уезда, полковник *Рубах*

Копия с копии верно:

Полицейский пристав г. Ходжента штабс-капитан[121]

По военным обстоятельствам

Спешно

Старшему аксакалу г. Ходжента

Для немедленного объявления населению.

Полицейский пристав г. Ходжента штабс-капитан[122]

ЦГА РТ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 16. Л. 57.

№ 33

Телеграмма командующего войсками Туркестанского военного округа М.Р. Ерофеева начальнику Ходжентского уезда Н.Б. Рубаху

№ 5576 *28 июля 1916 г.*

г. Ташкент

Начальник Кокандского уезда донес, что 24 июля более двух тысяч туземных жителей Коканда, пользующихся авторитетом и влиянием в городе и уезде, выслушали мое объявление, разъясняющее Высочайшее повеление о призыве инородцев, сообщение о согласии жителей Ташкента и Андижана дать нужное количество рабочих и личное разъяснение начальника уезда, письменно и устно готовность выставить полностью назначенное число рабочих. Собравшимся была прочитана публично молитва за царя

[121–122] Подпись неразборчива.

и за победу русских войск. Считаю безусловно необходимым всем начальствующим лицам широко следовать указанному примеру благоприятного воздействия на население.

Ерофеев

Копия с копии верно:

Полицейский пристав г. Ходжента штабс-капитан[123]

ЦГА РТ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 16. Л. 59.

№ 34

Телеграмма Уратюбинского участкового пристава начальнику Ходжентского уезда Н.Б. Рубаху

№ 3711 *2 августа 1916 г.*

г. Ура-Тюбе[124]

По примеру города Ура-Тюбе Дальянская волость сегодня изъявила покорность, согласились добровольно выставить наряд рабочих. Заявление подтвердили приговорами. Желательно знать время отправки рабочих. Колонна из Шахристана[125] прибыла в Ура-Тюбе, дальнейшее следование не известно.

Хусаинов

Полицейский пристав г. Ходжента штабс-капитан[126]

По военным обстоятельствам

Старшему аксакалу г. Ходжента

Снять копии и широко оповестить население г. Ходжента.

Пристав г. Ходжента штабс-капитан[127]

ЦГА РТ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 16. Л. 62.

---

[123] Подпись неразборчива.

[124] Ура-Тюбе – город на севере Таджикистана, в 78 км от Ходжента. В 2000 г. был переименован в Истаравшан. Ныне расположен в Согдийской области Таджикистана, административный центр Истаравшанского района.

[125] *Шахристан* – перевал через Туркестанский хребет, расположенный в районе Ура-Тюбе.

[126–127] Подпись неразборчива.

№ 35

Отношение товарища министра внутренних дел России В.М. Волконского[128] товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову[129]

№ 23218 *2 августа 1916 г.*
г. Петроград

Милостивый государь Анатолий Анатольевич!

Государь император 30 июля сего года во внимании к нуждам туземного населения империи и верноподданейшим ходатайствам всемилостивейше соизволил начало привлечения инородцев к работам в тылу действующей армии на основании высочайшего повеления 25 июня сего года (Собр. указ. 1526) отсрочить повсеместно до 15 сентября текущего года с тем, что начиная с 15 сентября реквизиция будет производиться в каждой местности постепенно на протяжении в общем нескольких месяцев. Инородцы, еще посаженные на железную дорогу, но собранные уже на приемных либо сборных пунктах, подлежат немедленному роспуску по домам.

О таковом высочайшем повелении долгом считаю уведомить Ваше Превосходительство вследствие письма от 19-го минувшего июля, за № 3465 на имя Военного министра.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в истинном моем уважении и преданности.

Волконский

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 340 б. Л. 37.

---

[128] *Волконский Владимир Михайлович* (1868–1953) – князь, русский общественный и политический деятель, член Государственной думы III и IV созывов. Товарищ председателя Государственной думы. 14 июля 1915 г. назначен товарищем министра внутренних дел. В декабре 1916 г. вышел в отставку в знак протеста против политики, проводимой министром внутренних дел А.Д. Протопоповым.

[129] *Нератов Анатолий Анатольевич* (1863–1938) – русский дипломат, член Государственного совета, гофмейстер. В ноябре-декабре 1916 г. – временно исполняющий обязанности министра иностранных дел. С 1916 г. и до Февральской революции 1917 г. – товарищ министра иностранных дел Н.Н. Покровского. С 27 февраля по 2 марта 1917 г. – управляющий Министерством иностранных дел.

№ 36

Телеграмма от и. д. Туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеева министру внутренних дел А.А. Хвостову[130]

№ 00319 *5 августа 1916 г.*
г. Ташкент *Шифром*

Дополнение к телеграмме № 5929. В общем положении перемен не произошло. Подготовительные работы по набору рабочих продолжаются.

Ерофеев

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 252. Л. 21.

№ 37

Телеграмма от и. д. Туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеева министру внутренних дел А.А. Хвостову

№ 00506 *6 августа 1916 г.*
г. Ташкент *Секретно*

Дополнение к телеграмме № 5974. Урочище Асы[131] Верненского уезда. Две волости оказали вооруженное сопротивление помощнику уездного начальника, прибывшему в Асы для составления списков рабочих. Бунтовщики укрылись в урочище Таучилик[132]. Приняты меры к усмирению бунтовщиков и воспрепятствованию им уйти в Китай. В остальных местах спокойствие не нарушалось.

---

[130] *Хвостов Александр Алексеевич* (1857–1922) – государственный деятель, министр юстиции Российской империи (6 июля 1915 г. – 7 июля 1916 г.) и министр внутренних дел (7 июля – 16 сентября 1916 г.).

[131] *Урочище Асы* расположено на территории Алматинской области Казахстана, в Тургеньском ущелье Заилийского Алатау на высоте 2600 м над уровнем моря.

[132] *Урочище Таучилик* расположено на территории Алматинской области Казахстана, образуется одноименной рекой, протекающей по территории Заилийского Алатау.

В Джизакском уезде арестованы приставом еще три главаря мятежников и доставлены в отряд.

Ерофеев

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 252. Л. 10.

№ 38

Телеграмма от и. д. Туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеева министру внутренних дел А.А. Хвостову

№ 00551 *7 августа 1916 г.*
г. Ташкент *Секретно*

Дополнение к телеграмме № 6008. Изменений в положении нет.

Ерофеев

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 252. Л. 11.

№ 39

Телеграмма от и. д. Туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеева министру внутренних дел А.А. Хвостову

№ 00338 *8 августа 1916 г.*
г. Ташкент *Секретно*

Дополнение к телеграмме № 6024. Семиреченский губернатор донес 6 августа вечером, что скопища киргиз Верненского уезда в районе станции Самс оказали явное неповиновение Отрарскому приставу и проявили враждебность, испортив телеграф и нарушив правильность почтового движения. Были случаи ограбления киргизами крестьянских лошадей. Уведена крестьянка с двумя детьми, застигнутая в поле, а также ограблены почтовые лошади, на которых ехал чиновник Ефисенко. Причем последний и его попутчица

уведены в степь. Случай этот по донесению генерала Фольбаума показывает, что все заверения киргиз Верненского уезда в покорности лживы. Ввиду недостаточности в Семиреченской области войск генерал Фольбаум просит экстренного разрешения сформировать казачьи сотни не только запасного разряда, но и ополчения, о чем много было возбуждено ходатайств перед начальником Главного штаба, телеграммами № 4409 и 5851.

Ерофеев

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 130. Ч. 1. Т. 2. Л. 151.

№ 40

Телеграмма заведующего розыскного пункта в г. Верный[133] ротмистра В.Ф. Железнякова[134] директору Департамента полиции Е.К. Климовичу[135]

№ 760 *7 августа 1916 г.*
г. Верный *Шифром*

В Семиречье вооруженное восстание, телеграф с Ташкентом прерван, восстали киргизы рода Чапрашты[136]; командирую один из отрядов.

Железняков

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 252. Л. 22.

---

[133] *Верный* – военное укрепление, основанное русским правительством в 1854 г. Вскоре превратилось в крупную казачью станицу, куда активно прибывали поселенцы из центральных регионов России. В 1867 г. Верный стал административным центром Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. Ныне город Алматы, Казахстан.

[134] *Железняков Владимир Федорович* (1881–?) – ротмистр, в 1915 г. прикомандирован к жандармскому полицейскому управлению Среднеазиатской железной дороги, заведующий розыскного пункта в г. Верный.

[135] *Климович Евгений Константинович* (1871–1932) – государственный деятель. С 1909 г. заведующий Особым отделом в Департаменте полиции. С февраля по сентябрь 1916 г. – директор Департамента полиции.

[136] *Шапрашты (Чапрашты)* – один из казахских родов Старшего жуза. Основными местами расселения были предгорья Заилийского Алатау, вблизи современного города Алматы (Верный).

№ 41

Телеграмма заведующего розыскного пункта в г. Верный ротмистра В.Ф. Железнякова директору Департамента полиции Е.К. Климовичу

№ 841 *7 августа 1916 г.*
г. Верный *Шифром*

В Семиречье вооруженное восстание. Телеграф с Ташкентом прерван. У станции Самс, где с воинской командой в 40 человек под моим начальством пробыл в осаде 2 тыс. киргиз ночь. Вернулся с поврежденной ногой. Переводчик Токсомбаев избит, но этим выручил воинскую команду. Убито до 20 киргиз. В войсках убитых нет. Двинулся большой отряд из Верного с пулеметом. Подробности почтой.

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 252. Л. 14.

---

[137] На подлинной телеграмме резолюция Г. Директора: «III. Перевести 2000 р. авансом в подотчетное перед Д.П. распоряжение на мероприятия по розыску для ликвидации вооруженного восстания и потребовать указания предмета расхода. 15/VIII». *(Прим. автора).*

[138] *Пржевальск* – город был заложен в 1869 г. как военно-административный центр на караванной дороге из Чуйской долины в Кашгар и первоначально назывался Каракол. Город несколько раз менял свое название. В 1889 г. Каракол был переименован в Пржевальск, в память о Н.М. Пржевальском, который умер здесь от брюшного тифа. Центр одноименного уезда Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. Ныне город Каракол – административный центр Иссык-Кульской области Кыргызстана.

[139] *Куропаткин Алексей Николаевич* (1848–1925) – генерал от инфантерии, военный министр, член Государственного совета. Участник туркестанских походов. Участвовал в штурме Самарканда, в бою на Зербулакских высотах, повторном взятии Самарканда, в Кокандском походе 1876 г. и других боях. В мае 1876 г. отправлен во главе посольства к Якуб-беку Кашгарскому для установления границ с Ферганой. Участник Ахал-Текинской экспедиции 1880 г. и штурма Геок-Тепе в 1881 г. В 1890–1898 гг. начальник Закаспийской области. За время его управления областью были достигнуты крупные результаты. С 22 июля 1916 г. – последний Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа.

[140] *Аулие-Ата* – первое упоминание в исторических источниках относится к 568 г. В средневековье город назывался Тараз. В период с 1465 по 1718 г. – один из городов Казахского ханства. В XVIII–XIX вв. входил в состав Кокандского ханства. В 1856 г. город был переименован в Аулие-Ата (каз. – «святой дед»). Это название он получил в честь Карахана – основателя династии Караханидов. В 1864 г. русские войска захватили крепость Аулие-Ата. Центр одноименного уезда Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства. В советское время город был переименован в Джамбул. Ныне город Тараз, административный центр Жамбылской области Казахстана.

№ 42

Телеграмма заведующего розыскного пункта в г. Верный ротмистра В.Ф. Железнякова директору Департамента полиции генерал-майора Е.К. Климовичу[137]

№ 1837 *15 августа 1916 г.*
г. Верный *Шифром*

Мятеж разрастается; несколько вооруженных столкновений с войсками, есть убитые и раненые; киргизы жгут хлеба на корню; два русских поселка Пржевальского уезда[138] уничтожены; почтовое сообщение с Ташкентом прервано с шестого августа. В непродолжительном времени возможен окончательный перерыв телеграфа. Убедительно, настойчиво прошу для обеспечения пункта приказать перевести немедленно мне пять тысяч; денег нет, достать негде.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 130. Ч. 1. Т. 2. Л. 206.

№ 43

Телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина[139] министру внутренних дел А.А. Хвостову

№ 6071 *9 августа 1916 г.*
г. Ташкент

Дополнение телеграммы 6049.
По полученным донесениям беспорядки в Семиреченской области среди киргиз усиливаются, от Курдая до Верного почтовые станции разгромлены, скопище киргиз несколько тысяч частью вооруженных надвигаются [к] станции Сюгаты. Некоторые русские селения окружены и находятся под угрозой разгрома, есть убитые и раненые, были случаи захвата нескольких русских семей, угона лошадей и другого скота. На усиление войск Семиреченской области отправлена рота из Аулие-Ата[140],

на подводах высылаю [из] Ташкента отряд из трех родов оружия. [В] Прочих местах края спокойствие не нарушалось. Подписал:

Куропаткин

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 130. Ч. 1. Т. 2. Л. 163.

№ 44

Секретная телеграмма временно исполняющего обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретарева в Третий политический отдел МИД

№ 792
г. Ташкент

9 августа 1916 г.
Секретно
Копия в Бухару

Сегодня генерал-адъютант А.Н. Куропаткин принял на официальной аудиенции экстренное посольство от Его Высочества эмира Бухарского в составе диван-беги Назам-уд-Дин бий и Барат-бек бия Удайчи, специально прибывших приветствовать нового начальника края от имени Его Высочества. Во время продолжительной беседы за дастарханом генерал-адъютант Куропаткин просил диван-беги передать по телеграфу эмиру свою благодарность за оказанное внимание и отметил лояльность отношений Бухарского правительства к своей покровительнице – России за время недавних беспорядков в Самаркандской области.

Секретарев

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 185. Л. 99.

№ 45

Секретная телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина в Третий политический отдел МИД

№ 6175 *11 августа 1916 г.*
г. Ташкент *Секретно*

Сообщаю копию телеграммы моей наместнику Е.И.В. на Кавказе.

Беспорядки, подавленные в районах с оседлым местным населением, перекинулись в Семиреченскую область, захватив обширный район. Телеграфное сообщение между Ташкентом и Верным прервано, несколько станций разрушено, русскому населению Семиреченской области угрожает серьезная опасность.

Со стороны китайской границы донесения принимают тревожный характер: есть указания, что китайцы снабжают киргизов оружием.

Спешно высылаю подкрепление из малочисленных войск Семиреченской области в числе четырех колонн, общей численностью 12 рот пехоты, 24 взвода, 3 сотни и 14 орудий. В числе рот шесть сформированы из запасных полков. Часть пехоты пойдет на подводах. Расстояния огромны. С афганской границы тоже начинают поступать тревожные известия. Брат эмира Афганиста[141] – Насрулла[142] по этим сведениям стоит во главе воинствующей партии, добивающейся против нас выступления. По сведениям охранного отделения, в Северном Афганистане идет сосредоточение и наблюдается повышенное настроение.

По донесению нашего генерального консула в Мешеде с отходом наших войск замечается падение сочувственных к нам отношений персидских властей. Имеются сведения, что в некоторых местностях Астрабадской провинции[143] заготовляются запасы оружия, которое закупается туркменами, готовящимися выступить против нас. Консул в Астрабаде Григорьев[144] по соглашению с начальником

---

[141] Речь идет о *Хабибулла-хане* (1872–1919) – старшем сыне в семье эмира *Абдур-Рахмана*. Эмир Афганистана с 1901 по 1919 г.

[142] *Насрулла-хан* (1874–1920) был вторым из трех сыновей Абдур-Рахмана, в 1919 г. в течение недели был эмиром Афганистана.

[143] *Астрабадская провинция Персии* располагалась к юго-востоку от Каспийского моря. На севере она примыкает к Закаспийской области Российской империи, на востоке и юге – к Хоросану и Шахрудо-Бастамской провинции, а на западе – к Мазандерану.

[144] *Григорьев Николай Николаевич* (1881–1933) – дипломат, секретарь и драгоман консульства в Исфагане (1905); драгоман генерального консульства в Бушире (1909); секретарь и драгоман, управляющий генеральным консульством в Мешхеде (1909–1913); консул в Астрабаде (1915); управляющий консульством в Гиляне (1917).

Астрабадской морской станции и начальником Астабадского отряда просит быстро подкрепить отряд. В самом Астрабаде мы имеем 80 казаков. Эти лица признают, что в Мазендаранской провинции[145] и Туркменской степи в связи с действиями турецких войск в Персии началось брожение и даже вооружение населения.

Признаю возможным из войск, расположенных в Закаспийской области, направить в Астрабадский район, особенно для занятия важного узла путей – Шахруда[146] четыре роты запасного полка, четыре пулемета, одну батарею и один взвод сапер под начальством энергичного полковника Габаева[147].

Испрашиваю согласия Вашего императорского высочества на проведение этой меры в исполнение.

Войска перевезут до Красноводска[148] по железной дороге и морем в Астрабадский залив.

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 247. Л. 28, 29.

№ 46

Донесение начальника Туркестанского районного охранного отделения[149] М.Н. Волкова[150] директору Департамента полиции Е.К. Климовичу

№ 3338 *8 августа 1916 г.*
г. Ташкент *Секретно*

[145] *Мазендаранская провинция (Мазендеран)* – одна из останов (провинций) Ирана, расположенная на севере страны. С севера омывается Каспийским морем.

[146] *Шахруд (Имамшехр, Имамшахр)* – город в Иране, в остане (провинции) Семнан.

[147] *Габаев Георгий Соломонович* (1877–1956) – гвардии полковник, участник Брусиловского прорыва. После революции 1917 г. занимался разработкой теории архивно-музейного дела в сфере военной истории.

[148] *Красноводск* – город на восточном побережье Каспийского моря. Первое военное укрепление здесь было основано еще в 1716 г. князем А. Бековичем-Черкасским во время военного похода в Хивинское ханство (1714–1717). В 1869 г. в этом районе побережья укрепление было повторно основано полковником Н.Г. Столетовым. Форт использовался как стратегическая база для операций против кочевников (туркмен) и походов на Бухарское и Хивинское ханства. До 1881 г. Красноводск был административным центром Закаспийской области. После строительства Закаспийской железной дороги город превратился в важный транспортный и экономический центр. Ныне город Туркменбаши, Туркменистан.

В начале июня сего года настроение населения Туркестанского края было совершенно спокойное. Среди русского населения замечался подъем патриотических чувств, как результат сведений об успехах нашего оружия на Кавказском и Западном фронтах и единственно все растущая дороговизна на предметы первой необходимости и продукты вызывала неудовольствие русского населения, приписывающего это явление недостаточной заботливости о нуждах его со стороны представителей правительственной власти в крае.

Среди туземного населения края агентурой отмечались единичные случаи выражения неудовольствия русской властью и сочувствия своим единоверцам туркам и даже денежные сборы среди туземцев в пользу Турции. Это сочувствие своим единоверцам выражалось иногда в форме передачи слухов об успехах турецких армий, о поражениях союзников в Малой Азии и на Галлипольском полуострове и будто бы в русских газетах эти сведения замалчиваются в целях поднятия духа русских армий.

Кроме того, высказывались надежды на выступление Афганистана против России, для поддержки Турции и что в этом случае возможно изгнание русских из Туркестанского края и возвращение этого края под владычество ислама. Такими ярыми сторонниками мусульманских государств являются преимущественно люди пожилые – ишаны, муллы, мударрисы[151] и отчасти казии, молодежь же везде и всегда указывала на преимущества русского порядка

---

[149] *Туркестанское районное охранное отделение* – районные охранные отделения в Российской империи, созданы 14 декабря 1906 г. на основании специального «Положения о Районных охранных отделениях». Они создавались в целях борьбы с революционным и национально-освободительным движением. В июне 1907 г. в Туркестанский край был командирован для руководства политическим розыском чиновник Министерства внутренних дел, возглавивший образованный тогда же Особый отдел при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. В конце 1907 г. вместо особого отдела было создано Туркестанское районное охранное отделение, во главе которого стоял жандармский полковник. Охранное отделение ведало политическим сыском в крае. Его деятельность распространилась на Закаспийскую, Самаркандскую, Семиреченскую, Сырдарьинскую и Ферганскую области. Ему были подчинены отделения жандармских полицейских управлений Среднеазиатской железной дороги и Ташкентской железной дороги. Туркестанское районное охранное отделение было упразднено приказом генерал-губернатора в марте 1917 г.

[150] *Волков Михаил Николаевич* (1868–1918(?) – полковник, служил в Отдельном корпусе жандармов с 1900 г. Начальник Туркестанского районного охранного отделения в 1916–1917 гг. Расстрелян большевиками в Ташкенте.

[151] *Мударрис* – наставник, преподаватель в высшем мусульманском конфессиональном учебном заведении (медресе).

управления и приводила как примеры мятежи в Бухаре[152] и восстание йомудов[153] с Джунаид-ханом[154] во главе в Хиве, где мечтой населения, исстрадавшегося в бесправии и от поборов всякого рода сборщиков податей, является полное присоединение этих ханств к государству Российскому. Успокаивающим для русских слухом в отношении надежды старомусульман на выступление Афганистана явились сведения, что мирная политика эмира Афганского возобладала над политикой непримиримости к России его брата, принца Насруллы-хана, и что чрезвычайное немецкое посольство, сопровождавшееся несколькими турками, имевшее миссию во чтобы то ни стало вовлечь Афганистан в войну с Россией, потерпело неудачу и вынуждено покинуть Афганистан.

Наиболее резкое разделение мусульман на людей приверженцев старого порядка и молодежь, стоящую за преимущества русского порядка управления, замечается в Ферганской и юго-восточной части Самаркандской областях.

Сторонники старого порядка везде имеют еще единомышленников в лице женщин, ныне вовсе не столь далеких от вопросов внутренней жизни среди туземцев – сартов и евреев, как это наблюдалось еще в недавнее время.

Было получено несколько безымянных заявлений, что ташкентские казии и их мингбаши[155] вошли в тайные письменные сношения с Афганистаном и убеждают афганское правительство выступить против России, так как момент благоприятствует и местное туземное население поддержит выступление афганцев. Заявления были голословны и ввиду чрезвычайной замкнутости внутреннего

---

[152] В январе 1910 г. в Бухаре произошли кровавые события, поводом для которых явились многочисленные злоупотребления правительства эмира.

[153] Речь идет о восстании против Хивинского хана в 1916 г.

[154] *Джунаид-хан* (настоящее имя Мухаммет-курбан-сердар) (1857–1938) – выходец из племени йомудов, предводитель туркмен в ходе восстания против Хивинского хана в 1916 г. После подавления восстания ушел на территорию Афганистана. В течение короткого времени под его руководством собрался отряд из полутора тысяч вооруженных всадников. Поскольку Октябрьские события 1917 г. представляли реальную угрозу для независимости Хивинского ханства, началась консолидация политических сил и в январе 1918 г. он был назначен командующим вооруженными силами ханства. После дворцового переворота в октябре 1918 г. ханом становится *Сейид Абдулла*, но вся реальная власть сосредоточилась в руках *Джунаид-хана*. Оказал активное сопротивление большевикам, являлся одним из лидеров басмаческого движения. В 1931 г. эмигрировал в Афганистан.

[155] *Мингбаши* – «тысяцкий», сельский староста.

быта мусульман, агентура в то время ничем подтвердить эти заявления не была в состоянии.

В таком положении рисуется настроение туземцев к концу июня сего года при все усиливающихся слухах о скором призыве туземцев в войска.

Никаких признаков возможности возникновения крупных беспорядков, в случае если бы даже было объявлено действительно о призыве, не замечалось.

Относительно Самаркандской области я должен оговориться, что в таковой агентурное освещение и до меня было чрезвычайно слабое, так что в действительном настроении в этой области охранное отделение осведомлено вообще весьма поверхностно. Происходит это ввиду очень незначительного денежного отпуска на агентурный розыск в крае, причем этот отпуск еще значительно ослаблен с середины сего года после прекращения выдач, производившихся на эту же надобность в Бухаре, канцелярией генерал-губернатора.

Почти открытая продажа спиртных напитков и разврат в наиболее крупных центрах Ферганской области, как, например, в г. Андижане[156], в преступном попустительстве коих население обвиняет всецело представителей местной полицейской власти, также способствовали тому, что в туземном населении росло недовольство русской властью и скрытая ненависть ко всему русскому. *(Доклад от 8-го июля сего года за № 31 л).*

По сведениям агентуры в возбуждении настроения туземного населения принесли много вреда престижу русской власти в г. Андижане переводчики управления уездного начальника Чанышев[157] и Кельгенбаев, которые в указанном выше смысле истолковывали по чайханам[158] правительственные сообщения и сообщения Штаба

---

[156] *Андижан* – один из древнейших городов Ферганской долины, в 1876 г., после упразднения Кокандского ханства вошел в состав Российской империи. Вскоре в его округе были организованы первые русские поселки: Русское Село (ныне г. Мархамат), г. Зеленск (ныне Асака), железнодорожные станции Федченко и Горчаково и большое количество сел на окраинах Андижанского уезда (ныне территория Джелал-Абадской и Ошской областей Кыргызстана). Центр одноименного уезда Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства. Ныне административный центр Андижанской области Узбекистана.

[157] Вероятно, речь идет об *Ибрагиме Чанышеве*, в 1898 г. арык-аксакале в Ошском уезде Ферганской области, затем переводчике Андижанского уездного начальника.

[158] *Чайхана* – чайная в Иране и Средней Азии. Культурный и общественный центр, где люди собирались для общения и обсуждения последних новостей.

Верховного главнокомандующего; и агентура охранного отделения отмечает еще с 10 мая сего года, что Кельгенбаев рассказывает туземцам о получении в уездном управлении распоряжения «брать на военную службу как туземцев, так и русских уроженцев Туркестанского края и что в полицейском управлении ожидают получения какого-то дополнительного по сему вопросу распоряжения, после чего будет все объявлено во всеобщее сведение». *(Доклад от 23-го июля сего года за № 2547).*

4 июля сего года вспыхнули первые беспорядки туземцев в г. Ходженте Самаркандской области на почве непонимания цели составления списков по набору туземцев для работ в тылу действующих армий. В представлении одной части туземцев рыть окопы значило рыть их в пространстве между находящимися друг против друга враждебными армии, на каковые работы русские не соглашаются идти, другая же часть туземцев верила в слух, что набор для работ – это обман, в действительности же туземцев потом поставят в строй в войска, так как у русских громадные потери на фронте и недостает уже коренного населения.

Подобные слухи росли, беспорядки разрастались, перебрасываясь из одной местности в другую в Самаркандской и Ферганской областях.

Продолжительное необнародование Высочайшего повеления от 25 июня сего года так же внесло свою долю смуты в умы, а когда оно появилось в Ташкенте впервые 7 июля на столбцах утреннего выпуска телеграмм Петроградского телеграфного агентства с опечаткой о наборе «инородческого населения в возрасте от 19 до 43 лет включительно», то среди туземцев даже г. Ташкента началось брожение.

Из содержания высочайшего повеления зажиточный класс населения и туземцы интеллигентных профессий вывели заключение, что и им не избежать набора на непривычные для них работы и начали толковать, нельзя ли будет заменить для них набор денежными взносами. С другой стороны, малоимущая часть населения сочла набор повинностью обязательной для всех и возмущалась пущенным слухом о возможности освобождения за деньги богачей и интеллигентов. Разъяснений в печати не появлялось до 11 июля сего года, настроение нарастало и 11-го того же июля начались

беспорядки в самом Ташкенте, закончившиеся после применения военной силы.

Что беспорядки в Ташкенте могут возникнуть, агентура Отделения[159] отметила еще 5 июля, дав точные указания на странность поведения ташкентских казиев, их мингбашей и еще нескольких других сартов и измену их в пользу Афганистана, причем казии Сибзарской и Кукчинской части[160], Казиев и Абдунабиев передаточно через Старую Бухару сообщают сведения для Афганского правительства о внутреннем положении дел в Туркестанском крае и советуют воспользоваться существующим возбуждением туземцев для начала военных действий против России.

Сведения исходили из источника, не оставлявшего сомнений в достоверности, и поэтому я обратился с просьбой к управляющему Политическим агентством в Бухаре изъять путем обысков посланные казиями 5 июля письма на имя книготорговца Ходжиева для передачи некоему Расуль-Хану и арестовать виновных.

Письма, к сожалению, без соблюдения формальности – составления протокола – были задержаны, оказались зашифрованными и подписаны вышеупомянутыми Казиевым и Абдунабиевым, подписи коих эксперты признали не подлежащими сомнению. Ходжиев, Расуль-Мухамед-Хан и передавший одно письмо последнему Фазли Карим (оба великобританские подданные) были тогда же арестованы управляющим Политическим агентством. После разбора шифра письма оказались вполне подтверждающими изменническую деятельность этих двух казиев и, кроме того, наполнены жалобами на поборы, чинимые с них и вообще с туземцев чинами полиции. *(Доклад от 28-го июля сего года № 3122).*

В тоже время пользующийся особым уважением среди сартов, проживающий в Старой Бухаре ишан Ша-Яхсы[161] разослал послания своим многочисленным почитателям, чтобы мусульмане не давали русским ни солдат, ни рабочих, так как это противно шариату. Эти

---

[159] Речь идет о Туркестанском районном охранном отделении.

[160] Исторические кварталы (махалля) города Ташкента.

[161] *Ша-Яхсы* – религиозный деятель, в 1915–1916 гг. распространял по всей Средней Азии воззвание к мусульманам, в котором говорилось, что Россия объявила войну «защитнице ислама» Германии только ради интересов славян, а после объявления Турцией войны России все мусульмане обязаны помогать друзьям ислама и находиться в состоянии газавата против России.

послания возбудили фанатиков еще более и привели к участию во всех выступлениях туземцев еще и их женщин. Впоследствии Ша-Яхсы отдал свою печать в Политическое агентство для напечатания воззваний от его имени в желательном для нас направлении, но первоначально и как имеются сведения – тайно и в настоящее время – он возбуждает туземцев сопротивляться.

С 10 июля сего года от начальника Кокандского отделения жандармского полицейского управления Среднеазиатской железной дороги стали поступать сведения об угрожающей со стороны туземцев опасности разрешения железнодорожных путей и телеграфного сообщения в пределах Кокандского и Андижанского отделений.

С течением времени сведения получали все более тревожный характер, и 13 июля с усилением мятежного движения в Джизакском уезде Самаркандской области действительно туземцы приступили к разрушению телеграфа и железнодорожного пути на участке между станциями Джизак – Обручево[162] Среднеазиатской железной дороги и к разрушению самих станций.

В это же примерно время толпа сартов убила начальника Джизакского уезда, участкового пристава и нескольких русских.

Убийства туземцами некоторых из представителей туземной администрации в огромном большинстве случаев связываются с недобросовестным отношением их к населению и взяточничеством при определении возраста и состава семьи туземцев, при составлении списков лиц, подлежащих набору на работы.

С 15 июля сего года мятежные вспышки, подавляемые повсеместно военной силой, становятся все реже, хотя по слухам общее восстание туземцев должно было начаться после окончания уразы – 15–25 июля. Страх перед репрессиями постепенно парализовал смуту. Недоразумения с толкованием высочайшего повеления прекратились и к началу августа. В крае появляются добровольцы-рабочие на окопные работы, соблазняющиеся выгодными условиями найма.

Более фанатично настроенная часть населения с середины июля перешла к пассивному сопротивлению и к этому движению прим-

---

[162] Железнодорожная станция *Обручево*, ныне поселок городского типа в Зааминском районе Джизакской области Узбекистана. Железнодорожная станция на линии Каган – Хаваст Среднеазиатской железной дороги. Один из организационных центров переселения и освоения Голодной степи.

кнула значительная часть молодежи. Эта часть населения, преимущественно из сельских местностей, покинула свои жилища и ушла в степь и горы. Особенно резко выраженным это явление наблюдалось в Ферганской и Закаспийской областях и отчасти в Самаркандской области, в коих движение в горы означало движение под защиту Афганистана. Зажиточный класс населения и главным образом евреи стремились скрыться в бухарских владениях, в коих представители власти южных бекств искушались депутациями туземцев и путем писем к ним выступить вместе с Афганистаном на защиту ислама.

Туркмены и текинцы Закаспийской области категорически высказывались за отказ дать рабочих для работ в тылу армий, но ни к каким активным выступлениям не прибегли. В высшей степени благотворным в этом случае оказалось вмешательство Мервской ханши Гюль-Джамал, убедившей представителей мусульман ходатайствовать о Высочайшей милости и вести себя спокойно. Между тем на восстание туркмен и текинцев, видимо, более всего рассчитывала фанатичная часть мусульман, распустившая слух о возвращении в Хивинския владения бунтовщика Джунаид-хана и сведения среди туркмен, что для вооружения их в пограничных с Закаспийской областью персидских таможнях сосредоточены большие запасы оружия и боевых припасов.

В Семиреченской области киргизы отнеслись к набору рабочих в большинстве безразлично, хотя часть их и откочевала в Китай; немногочисленное же в этой области сартовское население ни к каким серьезным выступлениям не было подготовлено и сведения о беспорядках достигли в эту область и распространились, когда мятежные выступления в Ферганской и Самаркандской областях были уже почти везде подавлены.

С обнародованием Высочайшего повеления об отсрочке набора рабочих до 15 сентября сего года всякое возбуждение 1–3 сего августа среди туземцев улеглось, и они выжидают, будет ли набор еще осуществлен.

Однако в виду продолжающихся работ по составлению списков, возникновение беспорядков в отдельных местностях легко возможно, так как население относится с недоверием к туземцам – составителям списков, считая их способными к неправильной записи

за взятки состава семей более зажиточных жителей и к неправильному определению возраста отдельных лиц мужского населения.

Согласно приказания и. д. Туркестанского генерал-губернатора в ночь на 5 августа с.г. все ташкентские казии, мингбаши и прочие лица, упомянутые в моем докладе за № 3122, были обысканы и арестованы и после допроса освобождены 6-го сего августа согласно приказания все, кроме Казиева и Абдунабиева и содержащихся в Старой Бухаре Ходжиева, Расуль-Хана и Фазли Карима.

На допросе все арестованные в г. Ташкенте отрицали предъявленное им обвинение.

Так как вся взятая у них по обыскам переписка на туземном языке, то до перевода ее о результатах обысков судить не представляется возможным, но вероятно таковые безрезультатны в виду несомненного оповещения из Бухары о происходивших еще 8 июля обысках, задержании писем, подписанных двумя казиями, и арестовании вышеупомянутых третьих лиц.

Более детально осветить о происходивших в различных местностях выступлениях туземцев и жертвах мятежа и о деятельности воинских карательных, названных понудительными отрядов, я лишен возможности, так как, несмотря на ряд циркуляров Туркестанских генерал-губернаторов, краевая полиция ни о чем не извещает охранное отделение, о чем докладывалось военным губернаторам генералам Галкину и Гиппиусу, но, видимо, в особенности первый из них является противником упомянутого распоряжения начальника края, ибо таковое никем не исполняется.

К чему это приводит, видно из представляемой копии сношения моего за № 3291 на имя полицмейстера (в сущности пристав, так как на правах полицмейстера – начальник города) туземной части г. Ташкента.

Приложение: копия за № 3291[163].

Начальник Отделения полковник *Волков*

ГАРФ. Ф. 97. Оп. 4. Д. 78. Л. 129–134.

---

[163] Приложение в документе отсутствует.

№ 47

Телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина министру внутренних дел А.А. Хвостову

№ 6388 *16 августа 1916 г.*

Дополнение телеграммы № 6352. Волнение киргиз в Семиречье разрастается. В Пишпекском уезде село Ивановка осаждено большим, все увеличивающимся скопищем киргиз. Село горит, выслано подкрепление. Только Пишпеку[164] грозит такая же осада, принимаются меры. В Джумгальской степи[165] подняли восстание киргизы загорных волостей, где убито много русских, в том числе один техник, женщины взяты в плен.

[В] настоящее время главным очагом восстания, по-видимому, являются Суусамырская[166] и Таласская[167] долины. В Джаркентском[168] уезде киргизы Пржевальскаго и Джаркентскаго уездов обложили селение Каркара, где убито 24 казака, сообщение с Подгорным прервано. В районе Джаланаха убито шесть казаков, двое ранено, вырезано селение Четмерке, состоящее из одиннадцати дворов. С Пржевальском нет сообщения уже неделю. По слухам туда приехал из Кашгарии бывший китайский губернатор Знама с целью поднять восстание дунган. Посылаю новые небольшие

---

[164] *Пишпек* – первоначально Кокандская крепость, основанная в 1825 г., стояла в центре путей кочевников с зимних пастбищ на летние и вдоль дороги на Иссык-Куль и Семиречье. Дважды, в 1860 и 1862 г., крепость была взята русскими войсками. В 1864 г. на ее месте был установлен казачий пикет, затем здесь стал собираться базар. В 1868 г. было основано селение Пишпек. В 1878 г. сюда был перенесен центр Пишпекского уезда. Ныне Бишкек – столица Кыргызской Республики.

[165] *Джумгальская степь* или *Джумгальская котловина* – межгорная котловина на Восточном Тянь-Шане в Киргизии, к западу от озера Иссык-Куль.

[166] *Суусамырская долина* – расположена в Чуйской области Кыргызстана, между хребтами Кыргызский и Таласский Ала-Тоо, на высоте 2000–3200 м, имеет протяженность 155 км.

[167] *Таласская долина* – расположена главным образом в Кыргызстане, между Киргизским хребтом на севере и Таласским Ала-Тоо на юге, лежит на высоте 600–2000 м, имеет протяженность около 250 км.

[168] *Джаркент (каз. Жаркент)* – город был основан в 1881 г., когда в результате Петербургского договора между Россией и Китаем часть земель западной части Илийской долины осталась за Российской империей. На месте старых поселений генералом А.Н. Куропаткиным был основан новый город. Центр одноименного уезда Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. В XX в. несколько раз менял свое название (Яркент, Панфилов, Жаркент). Ныне город Жаркент Алматинской области Казахстана.

отряды в направление на Пишпек и Нарын. В прочих местах края перемен нет.

Подписал *Куропаткин*

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 130. Ч. 1. Т. 2. Л. 218.

№ 48

Секретная телеграмма временно исполняющего обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретарева в Третий политический отдел МИД

№ 807 *12 августа 1916 г.*
г. Ташкент *Секретно*

Беспорядки перекинулись из Самаркандской области, где ныне спокойно, в Семиреченскую. Киргизы убили несколько одиночных русских, вытоптали посевы нескольких русских селений и прервали телеграфное сообщение между Верным и Пржевальском. Причина – реквизиция лошадей и отчасти призыв рабочих. Меры приняты.

Секретарев

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 39.

№ 49

Секретная телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина в Третий политический отдел МИД

№ 6638 *22 августа 1916 г.*
г. Ташкент *Секретно*

Дополнение телеграммы № 6350.

Сообщаю: положение на Афганской границе пока наружно

спокойное, однако следует отметить осторожность афганских торговцев, совершающих сделки только на наличные. В тоже время следует признать наличие в Афганистане непрекращающихся до сих пор мероприятий военного характера по подготовке к войне. Так, в последнее время, как и вообще за время текущей войны, приходят сведения об усилении агитационной деятельности собравшихся выехать из Афганистана немецких агентов, ныне снова вернувшихся в Кабул[169], о возобновлении настойчивых требований к партии Насрулла-хана о выступлении, о разработке Ардованского и Мирзабадского перевалов, об объезде границ немцами и осмотре ими укрепленных пунктов, о проектированной постройке укреплений Чилдух-Тепе, Кара-Тепек и Гулране, о реквизиции лошадей и наборе новобранцев в целях омоложения армии и доведения ее до штатов, о снабжении пограничных районов оружием, боевыми, продовольственными и разного рода боевыми запасами, как подковы, гвозди, палатки, колышки к ним, об отточке холодного и ремонте огнестрельного оружия, о высылке в пограничные гарнизоны орудий, об оборудовании стрельбищ для прохождения курсовой и боевой стрельбы с маневрированием и о производстве маневров под руководством командированных из Кабула инструкторов. Кроме того, поступили сведения о прибытии из Персии в Герат[170] новых агитаторов, забравших в свои руки власть в Герате и занявших там привилегированное положение, об учреждении нового гарнизона в Ходжамалям. Необходимо также отметить об усилении разведывательной и контрразведывательной службы в Афганистане, очевидно, сосредоточенной в руках немцев, насильственное удаление коих эмиром из пределов Афганистана является недоказанным. Брожение в Мазандеране и Астрабадской провинции разрастается в связи с беспорядками в нашем Туркестане на почве реквизиции рабочих, в Хорасане наружно спокойно, но в районе Турбети-шейхи-Джама замечается повышенное настроение, несомненно, вызываемое бежавшим из Асхабада главой племени

---

[169] *Кабул* – столица и самый крупный город Афганистана. Стоит на реке Кабул. Находится на высоте 1800 м над уровнем моря.

[170] *Герат* – город на северо-западе Афганистана в долине реки Герируд. Важный центр караванной торговли на Великом шелковом пути. Один из центров просвещения на Среднем Востоке. В 1863 г. Герат был окончательно присоединен к Афганистану.

тоймури[171], сторонником немцев, ныне находящимся в Афганистане. Настроение пограничной китайской провинции Синьцзянской в общем спокойное, однако нельзя не отметить бессилия, вернее нежелания китайских властей в отношении принятия решительных мер против агитационной деятельности немецких агентов и не признать явного потворства ищущим покровительства Китая киргизам-повстанцам. Установлено причастие к волнениям в Семиречье преступного общества Голаохуй[172], успешно агитирующего и среди китайско-подданных киргиз, имеются такие сведения о выезде из Кашгара в Семиречье с целью поднятия дунган генерала Ма[173], бывшего начальника дунганских войск в Илийском крае[174], ныне занимающего пост Кашгарского титая[175].

Копия военному министру.

Куропаткин

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 247. Л. 188–189.

№ 50

Приложение № 1 к Приказу № 220[176] генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина о призыве туземного населения на тыловые работы

[171] *Тоймури, теймури, тимур* – народ группы чараймаков в пограничных районах Ирана и Афганистана (район озера Намаскар и пустыни Дашти-Наумид). Говорят на диалектах дари и персидского языков. Исповедуют ислам как шиитского, так и суннитского толка. Предполагается, что теймури – выходцы из Средней Азии (получили название от покорившего их в конце XIV в. Тимура). По другой версии, теймури расселились по своей этнической территории после монгольского нашествия XIII в. Для теймури характерен оседлый и полукочевой тип хозяйства.

[172] Вероятно, это тайная антиправительственная организация китайских мусульман дунган, само название которых по-китайски звучало как *хуэй*.

[173] Возможно, речь идет о *Ма Чжунин*, которого также называли «Большой конь». Призывал к религиозной и этнической солидарности во имя достижения независимости Синьцзяна, а может и всей Средней Азии. Считал себя Тамерланом и мечтал завоевать весь мир с помощью Германии, Турции и России. Был представителем влиятельного дунганского клана Ма.

[174] *Илийский край* – территория Китая, входившая в 1871–1881 гг. в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Присоединен к России в результате введения русских войск в регион в ходе уйгуро-дунганского восстания против властей империи Цин в Синьцзяне. Возвращен Китаю согласно договору «Об Илийском крае» 1881 г.

[175] *Титай* – правитель.

23 августа 1916 г.

Порядок организации рабочих партий, их снаряжения, отправления и сношения с родиной.

1. Число рабочих, подлежащих назначению по областям, уездам и волостям, объявляется в прилагаемых к сему особых ведомостях. Указанное число рабочих волостными съездами распределяется между отдельными сельскими и аульными обществами, которые и назначают по приговорам или жребию определенное от них число рабочих. В городских поселениях число рабочих распределяется сходами пятидесятников[177].

2. Каждый рабочий должен иметь при себе:

1) на летнее время: 3 смены белья (рубашки и кальсоны); 2 полотенца или заменяющих их платка; тюбетейку[178] с чалмой[179] (последняя необязательно), сапоги (но не ичиги), портянки, халат, кошму для постели и одеяло.

2) На зиму: стеганые штаны, пайпаки (кошемные чулки) и теплый на вате (шерсти или меху) халат или шубу или бешмет (полушубок). Белье и постель те же, что и для лета.

Желательно, чтобы каждый рабочий имел два куска мыла. Инструменты (кетмени и тиши) желающие могут брать свои.

Из посуды необходимо взять чашки (пиалы), чайники для нескольких человек, ложки и ножи. Портные, сапожники, цирюльники, хлебопеки и т. п. мастера должны взять свои инструменты.

3. Медицинский осмотр рабочих должен производиться постепенно, по мере наряда их, а не перед самым отправлением. В ограждение чувства стыда мусульман медицинский осмотр желательно производить не публично, а осматривая каждого отдельно в закрытом помещении.

4. Рабочие партии должны составляться из десятков, сотен и тысяч. Каждый поезд будет перевозить одну тысячу рабочих.

---

[176] Текст приказа и приложение № 2 см.: Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / Под ред. *А.В. Пясковского*. М., 1960. С. 48–54.

[177] *Пятидесятник (эллик-баши)* – должностное лицо в низовой администрации Туркестанского края, назначавшееся из числа представителей коренного населения.

[178] *Тюбетейка* – круглая или квадратная, островерхая или плоская мужская или женская легкая шапка.

[179] *Чалма* – мужской и женский головной убор в странах арабо-мусульманского Востока.

Каждая сотня должна иметь наименование по названию той волости или того общества, из которого она составлена; если же сотня будет составлена из рабочих нескольких волостей или обществ, то по названию всех их; если из данной волости или общества будет составлено несколько сотен, то к названию таких сотен прибавляется порядковый номер.

В каждой сотне должны быть сверх ста рабочих еще 1 сотский (юзбаши), 1 мирза, 1 переводчик и 1 повар (итого 104 человека).

Из каждых десяти рабочих избирается старший, который именуется десятским (онбаши); от работ он не освобождается.

Сотский получает два рубля в день, кроме продовольствия, и от работы освобождается; он наблюдает за рабочими своей сотни и руководит ими.

Мирза и переводчик, получая плату, как рабочие, сами не работают.

Хлебопеки (нанваи), мясники (кассабы) и цирюльники (сартраши) освобождаются от работ только на время исполнения своих обязанностей.

На каждый эшелон или на тысячу рабочих избирается один почетный старшина – тысяцкий (минбаши) и мулла (имам) и, кроме того, назначается письменный переводчик.

Тысяцкий и письменный переводчик получают по 3 руб. в день, а муллы (имамы) по 2 руб., все с казенным довольствием.

Плата рабочим определяется 1 руб. в день, не считая казенного продовольствия; эта плата может быть увеличиваема или уменьшаема в зависимости от усердия рабочих.

5. Отправка рабочих производится особыми поездами, состав которых опрделяется в 40 вагонов, считая по 30 человек на вагон.

Из указанного числа вагонов:

1 – классный,

1 – санитарный,

1 – изоляционный,

1 – для чинов конвоя,

1 – вагон-кухня,

2 – для продовольственных продуктов, а остальные 33 вагона назначаются для рабочих.

6. Довольствие рабочих на сборных пунктах и в пути в пределах Туркестанского края производится согласно пп. 5 и 6, утвежденного вр. командующим войсками округа, генералом от инфантерии Ерофеевым, протокола комиссии генерал-майора Запольского[180]. Протокол этот губернаторам и начальнику Закаспийской области разослан.

Для довольствия рабочих в пути, до пунктов назначения в каждом поезде будет следовать вагон-кухня и для запаса продовольствия – 2 вагона.

В пути в пределах Туркестанского военного округа рабочие будут получать пшеничный хлеб на продовольственных пунктах, для довольствия же за пределами округа примерно в течение 10 дней эшелоны рабочих должны быть снабжены с места отправления лепешками за счет кормового отпуска распоряжением местной администрации.

Довольствие на местах работ должно производиться по возможности привычною для туземцев пищею; мясники и хлебопеки будут назначаться из числа туземцев рабочих.

7. Для установления регулярных сношений с родиной и облегчения таковых должны быть заготовлены открытые письма с печатным адресом местности, откуда рабочий взят. Такие открытые письма могут посылаться рабочими бесплатно, на общем основании, если они будут работать в местностях, входящих в состав театра войны.

Все письма отправителями должны сдаваться своему сотскому, которым они заделываются в один общий пакет и направляются через соответствующее почтовое учреждение в соответствующий порайонный комитет, если таковой есть в данном районе; в противном случае – уездному начальнику, который уже и рассылает письма адресатам.

С родины письма могут посылаться таким же порядком через порайонные комитеты общими пакетами на имя сотского подлежащей сотни.

8. Рабочим предоставляется право на отпуск с бесплатным проездом на основаниях, установленных для нижних чинов действующей армии.

---

[180] *Запольский Михаил Федорович* (1866–?) – генерал-майор, командир бригады 4-й Туркестанской стрелковой дивизии.

9. Лечение заболевших рабочих, равно как и отправление на родину негодных для работ по болезни, будет производиться за казенный счет.

10. В пути и на местах работ рабочим будет предоставлено отправление их религиозных требований.

11. Почетным туземцам, которые пожелали бы ознакомиться на местах с условиями работы и жизнью рабочих, предоставляется возможность отправляться туда с первыми отходящими эшелонами бесплатно, но с проездом обратно за свой счет, причем в каждый эшелон может быть взято не более двух человек.

12. Рабочим должно быть объяснено, что особо усердные из них будут представляться к награждению медалями.

13. Каждый туземец рабочий должен быть снабжен расчетною книжкой. Книжки изготовляются распоряжением администрации.

14. Каждый рабочий должен быть снабжен особым знаком в виде жестяной бляхи для ношения на груди или повязкой на рукаве. На бляхе должно быть указано наименование и номер сотни, к которой рабочий принадлежит.

Должностные лица (десятский, сотский, тысяцкий, переводчик) должны иметь такие же знаки для ношения их на шее, на бляхах должностных лиц означаются наименования должности: «десятский», «сотский», «мулла» и т. п.

15. Для проведения в население требований правительства по делам реквизиции рабочих, для разъяснения цели и назначения этой меры и порядка приведения в исполнение, для осведомления администрации с нуждами народа рабочих в связи с нарядами, для забот о нуждах семейств рабочих, отправляемых на тыловые работы, предоставляется образовывать особые порайонные комитеты, учреждаемые в каждом уезде, приставском участке и городе на следующих основаниях:

Волостной съезд пятидесятников избирает в каждой волости пользующееся уважением населения лицо, которое и входит в качестве члена в участковый комитет; члены участкового комитета избирают из своей среды или из состава населения, но обязательно своего участка председателя комитета.

От каждого участкового комитета избирается один, а в тех уездах, где только два приставских участка, два члена в уездный

комитет. Члены уездного комитета избирают из своей среды или из состава населения, но обязательно своего уезда председателя.

В городских поселениях, где несколько частей, от каждой части избираются два, а где одна часть – четыре члена в городской комитет таким же порядком, как это указано в отношении участковых комитетов. Порядок избрания председателя остается такой же, как и в участковых комитетах. Никаких других дел или вопросов, не связанных с поставкой рабочих, к обсуждению в этих комитетах не допускается.

16. Если каким-либо сельским, аульным или городским обществом будут отпущены на нужды рабочих или их семейств какие-либо средства, то об этом должен быть составлен общественный приговор с точным указанием назначенной суммы и цели назначения.

Собираемые согласно приговоров деньги должны немедленно сдаваться подлежащему участковому приставу или уездному начальнику под особые квитанции, талоны которых получающими деньги должностными лицами (участковый пристав, уездный начальник) отсылаются тотчас же в подлежащий порайонный комитет для учета прихода по особой книге, а сами деньги немедленно сдаются в казначейство, в депозит уездного начальника.

На случай поступления денежных пожертвований в пользу рабочих и их семейств порайонные комитеты должны иметь квитанционные книги; квитанции в прием пожертвований должны выдаваться немедленно, а самые деньги сдаваться участковому приставу и уездному начальнику по принадлежности; последние поступают с ними, как указано выше.

В отношении пожертвований вещами соблюдается тот же порядок, но с тем, что вещи хранятся в приставских или уездных управлениях.

Расходование денег и вещей производится только по постановлениям порайонных комитетов, сообщаемых уездному начальнику для соответствующих распоряжений.

Денежные и вещевые книги и отчетность по ним поверяются ежемесячно участковым приставом и уездным начальником по принадлежности.

В городских поселениях уездных начальников заменяют подлежащие начальники полиции.

генерал-адъютант Куропаткин

ЦГА КР. Ф. И-54. Оп. 3. Д. 77. Л. 52–52 об.

№ 51

Донесение агента Туркестанского районного охранного отделения

Агентура: *сотрудник «Назым»*
Дата поступления агентурных сведений: *23 августа 1916 г.*
Кто принял сведения от агентуры: *подполковник Розалион-Сошальский*[181]

Проживающий в г. Старой Бухаре ишан Ша-Яхсы[182] уже давно известен, он русский подданный, уроженец Ферганской области. Лет 16–18 тому назад он в течение короткого времени проживал в г. Коканде и являлся помощником какого-то великого ишана, ныне умершего (фамилия сего ишана неизвестна). В виду изложенного многие жители Ферганской области и поныне ишана Ша-Яхсы именуют ишаном Коканликом, то есть Кокандским.

Названный ишан имеет громадное количество мюридов (поклонников) как в пределах Бухарских владений, так и в Ферганской и Самаркандской областях, которые считают его святым человеком и по первому его приказанию готовы и в огонь и в воду. С наиболее влиятельными из поклонников, как-то: казиями, ишанами и муллами он находится в переписке, при этом до настоящего времени никто из них не говорил о получении от ишана Ша-Яхсы письменного или словесного распоряжения

[181] *Розалион-Сошальский Георгий Федорович* (1865-?) – подполковник. С 27 октября 1904 г. на службе в Отдельном корпусе жандармов. В 1908 г. получил назначение на службу в Туркестанское районное охранное отделение. 26 ноября 1915 г. был уволен по состоянию здоровья с должности начальника Аральского жандармского полицейского отделения. (ГА ОО. Ф. 22. Оп. 5а. Д. 142). Однако согласно документам ТРОО лета-осени 1916 г. он фигурирует как действующий сотрудник.

[182] Подчеркнуто в документе.

о послушании русским властям и беспрекословном исполнении ими распоряжения о поставке мардекеров[183] для работ в тылу действующих армий, а если бы ишан Ша-Яхсы, что-либо подобное написал, то все было бы тихо и выступлений не происходило.

Напротив, говорят, что ишан Ша-Яхсы всегда неблагоприятно отзывается о существовании русского владычества в крае и проводит ту идею, что мусульмане должны объединиться в одно мусульманское государство, но как человек хитрый действует весьма осторожно.

В Ферганскую область на днях ожидается прибытие членов Государственной думы Тевкелева и Керенского[184], вызванных туземным населением края для защиты мусульман от русских властей и избавления от призыва в рабочие команды для работы в тылу действующей армии. В целях приглашения членов Государственной думы посетить Туркестанский край из г. Андижана был послан в г. Петроград частный поверенный Убайдулла Ходжаев[185], которому от населения Ферганской области для сказанной надобности была собрана значительная сумма денег[186].

В г. Коканде на сбор денег для вызова членов Государственной думы агитировал присяжный поверенный Сарибай Акаев[187], он

---

[183] *Мардекор (мардикер)* – наемный работник-поденщик.

[184] *Керенский Александр Федорович* (1881–1970) – российский политический и общественный деятель; министр, затем министр – председатель Временного правительства (1917). Детство и юность провел в Ташкенте, поэтому в составе Думы IV созыва считался знатоком Туркестанского края. Летом 1916 г. в качестве члена думской комиссии посетил ряд городов края..

[185] *Ходжаев Убайдулла Ассадуллаевич* родился в Ташкенте в 1880 г. (по другим данным – 1886), в махалле (квартале) Корегди в семье садовода. Окончил русско-туземную школу и работал в конторе мирового судьи переводчиком. После перевода в Саратов последний забрал Убайдуллу с собой. Вскоре Ходжаев поступил на юридический факультет Саратовского университета, увлекся идеями эсеров и даже написал в 1909 г. письмо Л.Н. Толстому. Вернувшись в Ташкент, он поступает на работу в Ташкентский окружной суд. После Февральской революции Ходжаев избирался в президиумы I, II, III, IV съездов мусульман Туркестана и являлся одним из авторов так называемой программы Туркестанской (Кокандской) автономии. Он был управляющим отделом народной милиции и общественной безопасности и военным министром автономии в первом кабинете, возглавляемом М. Тынышпаевым. В 1920–1930-х гг. Ходжаев неоднократно подвергался арестам, был в ссылке. Он вернулся домой весной 1937 г., но зимой 1938 г. был вновь арестован. Вскоре пришло сообщение о его смерти (по другим данным, он умер в 1942). Подчеркнуто в документе.

[186] На полях документа от руки сделана пометка: «9 сентября за №№ 3951 и 3952 Турк. Ген.-губ. И Дир. Деп. пол.».

[187] *Акаев Сарибай (Сарекбай) Джумагулович* – частный поверенный, секретарь Кокандского комитета по набору на тыловые работы.

же рекомендовал деньгами откупиться от призыва в рабочие команды.

Относительно существования в г. Коканде мактаба[188] «Иттигат-ва-Таракки» удалось установить, что в квартале Гузар-шейх-уль-ислам действительно существовал новометодный мактаб[189] под названием «Усули Таракки»[190], который весною сего года был закрыт. Учителем сего мактаба состоял татарин Мухаммед-Шакир Ахмедов, который и ныне живет в г. Коканде.

По слухам афганцы захватили некоторые пограничные города, принадлежавшие Бухаре, а именно: Кара-Тегин[191], Пангазы[192] и Челякан[193].

Вечером 22 сего августа в г. Коканде, в квартале Иска-Чарси в чайхане собралось человек 11 сартов, которые пили чай и вели между собою разговоры. Один из присутствовавших, кокандский сарт Мад-Умар-Мад-Газиев, говоря о текущих событиях и войне, между прочим, упомянул, что сарты дураки и не замечают, что русские потери в войне весьма велики и теперь нечем пополнять, почему русские прибегли к последнему ресурсу, а именно к призыву инородцев, которых ранее никогда не трогали.

Затем у русских нет денег, чем и было вызвано при подписке на последний военный заем давление со стороны администрации на туземное население, в смысле покупки последним облигаций военного займа[194].

Кроме того, идут разговоры, что одним набором рабочих население не отделается, возьмут теперь рабочих, а месяца через

---

[188] *Мактаб* – конфессиональная начальная мусульманская школа.

[189] *Новометодный мактаб* – в начале XX в. прогрессивная туркестанская и бухарская интеллигенция примкнула к общероссийскому социально-реформистскому движению «джадидов» («сторонники нового метода»). Они начали создавать на свои средства «новометодные школы», где наряду с богословскими предметами преподавались светские науки. Однако в Бухарском эмирате они были вскоре закрыты местными властями. В Туркестанском крае не было препятствий для создания таких школ. За короткое время они были открыты во многих городах края.

[190] *«Усули Таракки» – (тюрк.)* «Новый Прогресс».

[191] *Кара-Тегин (Каратегин)* – историческая область, расположенная сейчас на территории Таджикистане. В XIX в. Каратегин был особым бекством в составе Бухарского ханства.

[192] *Пангазы* – сельский населенный пункт, расположенный Аштском районе Согдийской области современного Таджикистана.

[193] *Челякан (Челякен)* – ныне город Хазар, расположенный на территории современного Туркменистана.

[194] *Последний военный заем* – имеется в виду внутренний военный 5,5-процентный краткосрочный займ, проведенный в Российской империи в 1916 г.

два скажут, давай еще на пополнение убитых и умерших, почему говорят, лучше сразу отказаться от дачи рабочих, пусть убивают на своей земле.

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2118. Л. 75–76.

№ 52

Докладная записка начальника Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкова Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину

№ 3705 *27 августа 1916 г.*
Секретно

Член Государственной думы Кутлугмухаммед Батыргареевич Тевкелев, как об этом уже было доложено 19 августа за № 3565, совместно с сопровождающими его помощником присяжного поверенного Шакиром Зарифовичем Мухамедьяровым[195] и окончившим Петербургский университет Мустафой Чокаевым[196], еще 17 сего августа выехали в гор. Самарканд.

---

[195] *Мухамедьяров Шакир Зарифович* (1884–1967) – участник революции 1905 г., в 1906 г. выслан из Казани. В 1917 г. член исполкома Всероссийского мусульманского совета, член Особого совещания по разработке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Участник Государственного демократического совещаний, член Предпарламента. Участник заседания Учредительного собрания 5 января 1918 г.

[184] *Чокаев (Шокаев, Шокай) Мустафа* (1890–1941) – в будущем один из руководителей Туркестанской автономии, был выходцем из известной в Туркестане аристократической семьи. Получив прекрасное домашнее образование, он блестяще, с наградой первой степени окончил ташкентскую гимназию. По окончании ее поступил в Петербургский университет на юридический факультет. После февральских событий было создано Временное центральное бюро российских мусульман, на него была возложена задача подготовки и созыва I Мусульманского съезда теперь уже демократической России. Туркестан в этом бюро представлял Мустафа Чокаев. Вскоре он принимает решение вернуться на родину для активной политической деятельности. Он включается в работу по подготовке и проведению выборов в Учредительное собрание. После захвата власти большевиками Чокаев и его единомышленники приходят к решению создать независимую от большевистской России автономию – Кокандскую (Туркестанскую) автономию. Чокаев избирается одним из руководителей правительства. После разгрома автономии он через Кавказ и Турцию прибывает в Париж. В эмиграции он продолжил активную политическую и историко-публицистическую деятельность. Умер в Берлине в 1941 г.

Затем вечером 22 сего августа, прибывший 20 сего августа в г. Ташкент член Государственной думы Александр Федорович Керенский почтовым поездом № 4, в сопровождении наблюдения выбыл из Ташкента, взявши билет до г. Джизака Самаркандской области, куда прибыл утром 23 сего августа и на вокзале был встречен Чокаевым, который на извозчике повез его в квартиру податного инспектора Джизакского уезда, где уже ожидал их член Государственной думы Тевкелев.

Из г. Джизака поездом в 3 часа дня того же числа Керенский и Тевкелев направились в г. Самарканд. В 10 часов 30 минут вечера того же числа оба выбыли в г. Андижан, причем дорогою на ст. Джизак к ним в вагон сели оставшиеся в Джизаке Чокаев и Мухамедьяров.

24 сего августа в 4 часа дня все прибыли в г. Андижан, где пробыли до 4 часов утра 26 сего августа, когда все названные лица из г. Андижана выбыли в гор. Коканд, взявши билеты до гор. Ташкента, причем Тевкелев, Керенский и Мухамедьяров того же числа в 9 часов утра остановились в г. Коканде, а Чокаев прямо направился в г. Ташкент.

Из Коканда упоминаемые лица выбыли вечером того же числа и прибыли в гор. Ташкент утром 27 сего августа, где проживают и по настоящее время.

В г[ородах] Андижане и Коканде вокруг депутатов Керенского и Тевкелева собирались толпы туземцев и последние обращались к туземцам с речами, причем приближавшихся к месту сборищ чинов полиции собравшиеся по указаниям г[оспод] членов Государственной думы приглашали удалиться и таким образом осуществлялись собрания без присутствия полиции.

Принимая во внимание, что член Государственной думы Керенский – председатель трудовой фракции, таким путем может пропагандировать среди туземцев идеи, противные задачам государственного управления, и вселять среди туземцев надежды на осуществление их мечтаний националистического характера, я, не имея сведений о разрешении местной властью собраний туземцев г[осподам] членам Государственной думы без присутствия полиции, почитаю должным о сем доложить Вашему Высокопревосходительству.

полковник Волков

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1139. Л. 1–1 об.

№ 53

Письмо Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина члену Государственной думы А.Ф. Керенскому

№ 1022 *30 августа 1916 г.*

Милостивый государь Александр Федорович!

В работе о выполнении Высочайшего повеления о наряде от туземного населения края рабочих в тыл нашей действующей армии я охотно пошел навстречу Вашему пожеланию посетить лично некоторые местности Туркестанского края, рассчитывая, что знакомый с положением дел Вы мне попутно даже поможете, разъясняя при случае всю важность и необходимость выполнения воли государя, открывающей возможность нашим мусульманам принять посильное участие в облегчении тяготы, лежащей на Русском государстве.

Между тем, сегодня мне пришлось узнать, что местная пресса («Туркестанский голос»[197] № 46 от 27 августа) приписывает Вам при общении с местным туземным обществом разговоры на общеполитические темы, могущие, по моему мнению, лишь подлить масла в огонь при переживаемом в данный момент общем повышенном настроении.

Исходя из того положения, что положительно недопустимы Ваши повадки, могущие внести в среду населения волнение, грозящее нарушить то спокойствие, при котором только и лежит ответ выполнения лежащей на мне задачи – привести край к пониманию необходимости выполнения гражданского долга перед Родиной, я нахожу себя вынужденным обратиться к Вам, мил[остивый] гос[ударь], с призывом воздержаться при Вашем общении с местным населением от всяких разговоров на общеполитические темы, в чем, я не сомневаюсь, Вы мне не откажите.

---

[197] *«Туркестанский голос»* – общественно-политическая краевая газета, издававшаяся в г. Андижане в 1916 г., ее редактором и издателем являлся А.А. Чайкин.

Прошу Вас принять уверение в совершенном уважении. Готовый к услугам Вашим

Куропаткин

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1139. Л. 10–10 об.

№ 54

Телеграмма начальника Штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева[198] Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину[199]

№ 3683 *19 сентября 1916 г.*
По месту нахождения

Сообщаю телеграмму, полученную от члена Государственной думы Керенского: «Лично объехал Туркестан и, ознакомившись с положением Степных областей, считаю своим долгом довести до вашего сведения следующее: вопреки Высочайшему повелению набор инородцев на тыловые работы начал производиться без издания инструкции министра внутренних дел. Населению первоначально было предъявлено требование набора 25 возрастов без всяких разъяснений цели и порядка. Несогласованностью действий местной власти, исключительного злоупотребления низших агентов власти нарушили жизнь мирного населения этих областей. При подобном положении предстоящий 15 сентября набор грозит полным разрушением хозяйственной жизни этих областей, снабжавших армию и страну скотом, хлебом, хлопком.

Результатом моих наблюдений является глубочайшее убеждение о необходимости во имя интересов государства немедленно приостановить всякие действия по набору и впредь, до выработки общей инструкции, рассмотрение этой меры законодательными

---

[198] *Алексеев Михаил Васильевич* (1857–1918) – генерал-адъютант, в годы Первой мировой войны – начальник штаба армии Юго-Западного фронта, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, начальник штаба Верховного главнокомандующего (с августа 1915).

[199] Отметка на документе: «Копия генералу Ерофееву доставлена».

учреждениями. В случае надобности могу лично подробно сообщить Вам все виданное. Член Государственной думы Александр Керенский».

Алексеев

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1158. Л. 222–223.

№ 55

Докладная записка начальника Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкова Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину

№ 4157 *23 сентября 1916 г.*

Секретно

В дополнение к представлению моему от 9 сентября за № 3951 имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что по вновь полученным совершенно негласным и формальным непроверенным порядком сведениям член Государственной думы Александр Федорович Керенский, в бытность в г. Андижане, утром 25-го минувшего августа посетил мечеть Джами[200], где между прочим говорил, что он постарается устроить для сартов все, о чем они просят, что теперь в России повсеместно беспорядки, вызываемые неправильными действиями правительственных властей, и что по окончании войны в России обязательно вспыхнет революция, которая низвергнет существующее правительство и заменит таковое новым на выборных началах, уже без царя во главе.

Для того, чтобы не было свидетелей, Керенский удалил из мечети как русскую, так и туземную полицию, а сарты этого отнюдь не подтвердят.

полковник Волков

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1139. Л. 9.

---

[200] *Мечеть Джами* – соборная мечеть.

№ 56

Телеграмма начальника Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкова директору Департамента полиции Е.К. Климовичу

№ 4438 *10 октября 1916 г.*
г. Ташкент *Секретно*

В дополнение к телеграмме от 7 сего октября за № 4371 имею честь донести, что в пределах Закаспийской области, в связи с делом набора рабочих для отправления в тыл действующих армий, за последние дни возникли вооруженные нападения туркмен на воинские команды и линию железной дороги, так, например:

2 сего октября возле селения Серахса[201] туркмены в количестве около сорока вооруженных винтовками человек произвели нападение на команду пограничной стражи, причем был убит один нижний чин пограничной стражи, прочие открыли огонь и отбили нападение.

Ночью 4 сего октября отряд вооруженных туркмен произвел нападение на станцию Среднеазиатской железной дороги Теджент[202], причем туркменами убито три нижних чина из числа караульной команды, сторож, девушка, ранены один стрелок и девочка.

По требованию начальника Тедженского уезда из г. Асхабада 6-го сего октября была послана рота стрелков. Арестовано шесть туркмен, которые привлечены к следствию в качестве обвиняемых и заключены под стражу в местную тюрьму. При осмотре прилегающей к станции местности в кустах был обнаружен раненый туркмен и конь, а также ножи и железнодорожный молот в крови.

Волков

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 130. Ч. 1. Т. 2. Л. 162.

---

[201] *Серахс* – поселок, основанный в 1884 г. как русское военное поселение. В конце XIX в. был городом, центром Тедженского уезда Закаспийской области и железнодорожной станцией на железной дороге Теджен – Мешхед. Расположен на правом берегу реки Теджен (Герируд), по которой в районе поселка проходит граница с Ираном. Ныне административный центр в Ахалском велаяте Туркмении.

[202] *Теджен* – железнодорожная станция Закаспийской железной дороги, одного из участков Среднеазиатской железной дороги.

№ 57

Донесение агента Туркестанского районного охранного отделения

Агентура: *осведомитель «Шахрисабский»*
Дата поступления агентурных сведений: *14 октября 1916 г.*
Кто принял сведения от агентуры: *подполковник Розалион-Сошальский*

Еще до прибытия генерал-губернатора в города Старой Бухары несколько мударисов сговорились между собою подать генерал-губернатору жалобу на притеснения, чинимые бухарским правительственными властями, с просьбой защитить их от насилий. Об этом узнал кушбеги и по его распоряжению раис[203] арестовал всех участников предполагаемой подачи прошения, наказал плетьми и посадил в тюрьму, чем и была предотвращена подача прошения.

Приобретший ныне известность в г. Ташкенте и Ферганской области, как видный общественный деятель по набору рабочих для работы в тылу действующих армий, частный поверенный Убайдулла Ходжаев, человек сомнительной нравственности и честности, примером чему может служить следующий случай. В 1914 г. он состоял редактором газеты «Садои Туркестан»[204], которая испытывала затруднения в материальном отношении, почему группа мусульманской молодежи, организовавшая любительскую труппу, совершила поездку по городам Туркестанского края и в каждом городе давала спектакли. В результате было выручено чистого сбора около 12 тысяч рублей, каковая сумма и была вручена Убайдулле Ходжаеву. Вскоре газета «Садои Туркестан» была закрыта, а деньги так и остались у Ходжаева, который до настоящего времени никакого отчета в них не дал.

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2144. Л. 126–126 об.

---

[203] *Раис* – одна из полицейских должностей, человек, надзирающий за поведением мусульман.

[204] *«Садои Туркестан» («Голос Туркестана»)* – газета леволиберального направления, издается У. Ходжаевым с 1914 г. После ее закрытия «по причине ее антиправительственной направленности» Ходжаев уехал в Андижан, где активно сотрудничал с русскоязычным изданием аналогичного направления «Туркестанский голос».

№ 58

Телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина министру внутренних дел А.А. Хвостову

№ 6495 *19 августа 1916 г.*

Дополнение телеграммы № 6416: [в] Семиреченской области беспорядки продолжаются. [В] Пишпекском уезде станица Самсоновская и селение Михайловское от разгрома спасены. Восставшие киргизы заняли горы малую и большую Кекен, где хорошо укрепились, они [в] значительном количестве вооружены берданками и имеют много патронов из захваченного артиллерийского транспорта, отправленного в июле [в] Пржевальск для вооружения отделения конского запаса. Все дороги из Токмака[205] на Пишпек закрыты большими шайками киргиз, в селе Ивановка сожжен большой мост, который теперь восстанавливается инженером из партии по орошению реки Чу, телеграфная линия на Пржевальск пока не восстановлена. [В] Копальском[206] уезде по частным сведениям в район Алтын-Емеля[207] пять волостей провозгласили ханом Ходоярхана Тезекова, сына бывшего султана большой орды. Общие потери с начала восстания Семиреченской области убиты два офицера, 41 нижних чинов, умерли от ран пять нижних чинов, ранено 31 нижних чина […][208].

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 130. Ч. 1. Т. 1. Л. 18.

---

[205] *Токмак* – поселение, было основано как кокандская крепость в начале XIX в. В 1862 г. крепость была взята русскими войсками. Позднее на месте бывшей кокандской крепости 13 мая 1864 г. заложил русское укрепление Токмак. В 1867 г. Токмак получил статус города и стал центром одноименного Токмакского уезда Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. Уездный центр в 1878 г. был перенесен в город Пишпек. После этого Токмак был лишен статуса города. Ныне административный центр Чуйской области Кыргызстана.

[206] *Копал (Капал)* – поселение, основанное в 1847 г. как небольшое укрепление. В 1848 г. получило статус станицы Копальской, в которой был расквартирован штаб 10-го полка Семиреченского казачьего войска. В 1854 г. получает статус города. В 1867 г. становится уездным городом Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. Ныне село в Алматинской области Республики Казахстан.

[207] *Алтын-Емеля (Алтын-Эмель)* – ныне Государственный национальный природный парк «Алтын-Эмель» Республики Казахстан. Расположен на территории Кербулакского и Панфиловского районов Алматинской области.

[208] Нет окончания документа.

№ 59

Телеграмма заведующего розыскного пункта в г. Верный ротмистра В.Ф. Железнякова директору Департамента полиции Е.К. Климовичу

№ 2169 *19 августа 1916 г.*
г. Верный *Шифром*

Мятеж охватывает постепенно всю область. Нападают [на] русские селения, угоняют скот, лошадей, несколько русских после истязаний убиты; при столкновениях [с] войсками пока убито около тысячи киргиз […][209]. Пржевальским уездом прерваны. Джаркентский уездный начальник телеграфирует губернатору, что по слухам из Кашгара в Пржевальский уезд приехал молодой китайский генерал с целью содействовать мятежу. Полагаю, теперь идет вопрос о существовании русского дела в Семиречье. Району донесено.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 130. Ч. 1. Т. 1. Л. 4.

№ 60

Телеграмма заведующего розыскного пункта в г. Верный ротмистра В.Ф. Железнякова директору Департамента полиции Е.К. Климовичу

№ 2831 *23 августа 1916 г.*
г. Верный *Шифром*

Высланный к селению Токмак отряд пулеметов осажден тысячами киргиз, вооруженных отчасти винтовками. В Пржевальском уезде выжжены некоторые русские села, поселки; судьба Пржевальска неизвестна. Войск недостаточно. Некоторые волости Верненского

[209] Нет окончания документа.

уезда приносят покорность, которой лично мало верю, поступать полагаю [в] зависимости [от] успеха мятежников.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 130. Ч. 1. Т. 1. Л. 36.

№ 61

Телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина министру внутренних дел А.А. Хвостову

№ 6645 *23 августа 1916 г.*

Дополнение телеграммы № 6610.

[В] Пржевальском уезде левый берег Нарына занят бунтующими киргизами, грозит опасность поселку Атаик, где сосредоточено население окрестных хуторов и Титовки, укрепление Нарын отрезано.

[В] Верховьях Нарына, Караходжуре[210], Сонкуле[211] и на всем Суусамыре восстание. По слухам Атбашинский[212] участковый начальник убит, пропали без вести прапорщик Григорьев с двумя солдатами, ранено четыре казака. [В] Пишпекском уезде Курдайский отряд рассеял скопища киргиз и отбил тридцать верблюдов с разграбленным крестьянским имуществом. [В] Лепсинском уезде, как и в некоторых других местах Семиреченской области, были случаи умышленного со стороны киргиз вытравления их посевов табунами. С прибытием войск, высланных из Ташкента [в] Токмак, Пишпек положение этих городов следует считать обеспеченным.

Подписал: *Куропаткин*

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 130. Ч. 1. Т. 1. Л. 53.

---

[210] Реки на территории современного Кыргызстана.

[211] *Сонкуль (Сон-Куль)* – крупное высокогорное озеро в горах Тянь-Шаня. Расположено на высоте 3016 м выше уровня моря, в северо-западной части Нарынской области Кыргызстана.

[212] *Атбаши (Ат-Баши)* – населенный пункт, ныне центр одноименного района, расположен в южной части Нарынской области Республики Кыргызстан. Граничит на западе с Ошской, на востоке – с Иссык-Кульской областями Кыргызстана, на юге – с Китаем.

№ 62

Телеграмма начальника Ташкентской железной дороги полковника И.В. Татаринова[213] директору Департамента полиции Е.К. Климовичу

№ 114 *31 августа 1916 г.*
Шифром

Семиреченской области восстание киргиз разрастается; в районе Пишпек, Мерке[214] правительственные и железнодорожные телеграфные провода порваны; в окрестности Мерке киргизы жгут поселки; войск на месте мало.

ГА РФ. Ф. 102. Д. 4. Оп. 125. Д. 130. Ч. 1. Т. 1. Л. 85.

№ 63

Телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина министру внутренних дел А.А. Хвостову

4 сентября 1916 г.

По только что полученному донесению из Верного со слов офицера и чиновника, прибывших из Пржевальска, двинуты 23 августа из Джаланаша[215] два небольших отряда сотника Волкова и подпоручика Бейка, после удачных стычек с киргизами [они] вступили 27 августа [в] Пржевальск, сохраненный [в] полной неприкосновенности; много русских поселков и Иссык-Кульский

---

[213] *Татаринов Иван Васильевич* (1860–?) – полковник, начальник жандармского полицейского управления Ташкентской железной дороги в 1913–1917 гг.

[214] *Мерке* – населенный пункт на территории Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. Ныне расположен на территории Жамбыльской области Казахстана.

[215] *Джаланаш* – населенный пункт Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. Ныне расположен на территории Алматинской области Казахстана.

монастырь[216] разорены, но большая часть русского населения спаслась в Пржевальске и Преображенском. По донесению генерала Фольбаума приказ мой краю № 220 о порядке призыва рабочих произвел на киргиз самое лучшее впечатление, размер оплаты труда, не известный им ранее, заставил повеселеть все киргизские лица. Не придавая полной веры успокоению, генерал Фольбаум полагает, что шансы на замирение повысились.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 130. Ч. 1. Т. 1. Л. 143.

№ 64

В Туркестанском крае

«Туркестанский голос» сообщает: по распоряжению Самаркандского военного губернатора родители убитых в Джизакском уезде Гизерского, Хлебникова, Заргаранца и др., работавших в отряде, производившем сельскохозяйственную перепись, получили казенное пособие в размере 500 руб. на похороны покойных. Некоторыми родителями возбуждено ходатайство о выдаче им из казны вознаграждения за убитых сыновей. Одним из родителей даже предъявлен иск в размере 35 000 руб.

По распоряжению генерал-губернатора А.Н. Куропаткина, ташкентскому туземному комитету по призыву туземцев из средств казны ассигновано 20 000 руб. на заготовление обмундирования призываемых на тыловые работы.

Ассигнованная в распоряжение комитета сумма будет возвращена последним сейчас же, как только она будет собрана с туземного населения.

Газета «Оренбургское слово». 14 сентября 1916 г.

---

[216] *Иссык-Кульский мужской Свято-Троицкий монастырь* был основан в 1881 г. для ведения миссионерской и просветительной деятельности среди местного мусульманского населения. В 1889 г. монастырь был разрушен сильнейшим землетрясением, в обители осталось всего три монаха, остальные насельники вернулись в Россию. В 1898 г. при монастыре была открыта школа для киргизских и русских детей. Только планируемая изначально миссионерская деятельность так и не началась. Для ее проведения епархия совершенно не располагала подготовленными кадрами. Монастырь очень сильно пострадал во время восстания 1916 г.

№ 65

Телеграмма заведующего розыскного пункта в г. Верный ротмистра В.Ф. Железнякова директору Департамента полиции Е.К. Климовичу

№ 291 *15 сентября 1916 г.*
г. Токмак *Шифром*

В южной части Семиречья, за исключением Пржевальска, Нарына, Преображенского, оставшихся целыми русские поселки разграблены; в плену киргиз тридцать пять русских, главным образом женщин; 9 августа между Токмаком и Пржевальском киргизами ограблен транспорт оружия: 178 винтовок берданок, свыше 30 тыс. патронов; конвой убит, руководитель ограбления Мокуш Шабданов, там же и тогда же разграблена почта. 875 тыс. новых кредитных билетов, шедших из Ташкента в Пржевальское казначейство. Сопровождавшие пять почтальонов убиты, руководитель ограбления Тавалды Суранчин. Пржевальск, Нарын заняты русскими войсками.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 130. Ч. 1. Т. 1. Л. 201.

№ 66

Протокол допроса очевидца

г. Пишпек *30 сентября 1916 г.*

Я, околодочный надзиратель Пишпекской городской полиции, Никанов по поручению Пишпекского уездного начальника, подполковника Путинцева[217] опрашивал бывшего переводчика уездного управления Найзабека Тулина, явившегося сего числа из загорных волостей, который показал:

---

[217] *Путинцев Григорий Федорович* – подполковник, с 1910 г. начальник Пишпекского уезда.

– Я происхожу из киргиз Нурмамбетовской волости. С мая месяца сего года находился в городе Верном как доверенный по разделу Нурмамбетовской волости на две. Получив удовлетворение, вернулся в половине июня в Пишпек, где пробыл до 8 августа. 8 августа с.г. получил предписание из уездного управления на имя Токмакского участкового пристава о производстве выборов по вновь разделенной Тогузской волости, поехал в Токмак и дорогой заехал в свой аул, а пакет, полученный из уездного управления с джигитом своим, отправил приставу. 10 или 11 августа из села Ивановского приехали крестьяне Гаврила Чивцов, Василий Каранукин и др. в село Юрьевское (Санташ), где собрались почетные киргизы Нурмамбетовской и Байсеитовской волости. Крестьяне села Юрьевского возбуждали вопрос о том, что будто бы киргизы рода Сарбагиш[218] хотят ограбить села Ивановское и Юрьевское и в случае нападения как киргизы, так и русские карауливали друг друга, чтобы не бегали, о чем писали донесения Токмакскому участковому приставу. Несмотря на все это, части крестьян села Юрьевского бросились бежать в разные стороны, которые в Пишпек, которые в Ивановку, осталась только часть или даже меньше, которых я со своими окарауливал. Ночь прошла благополучно. На другой же день бросились бежать остальные крестьяне в г. Пишпек, из коих знаю Николая Денисенко (лавочник), Петра Иванова (мельник), Осипа. У меня осталась солдатка Мария (с пятью детьми) и рогатым скотом, после киргизы стали укочевывать в горы, а затем видно было, что киргизы Байсеитовской и Загорных волостей бросились в селение Юрьевское (за вещами) грабить, после чего я по просьбе Марии посылал своего брата Юсупа Тулина с Марией в село Юрьевское за вещами, вещи приведены. После чего из Ивановки приехали крестьяне в числе 40 человек в село Юрьевское, из них двое от меня взяли детей Марии и уехали.

По отъезде крестьян приехал джигит, командированный мною в Токмак, и заявил, что он в Токмак не мог проехать. Тогда я в этот же день с пакетом поехал в Токмак к приставу, чтобы доложить о том,

---

[218] *Сарбагиш (Сарыбагыш)* – второй по численности кыргызский род после бугу. Возвратившись позже других кыргызских племен в Северный Кыргызстан из Ферганской долины, манапы-сарыбагыши вели активную политику по захвату пастбищ, скота и пленных. В итоге они заняли восточное побережье озера Иссык-Куль, вытеснив оттуда бугинцев.

что киргизы берут и грабят брошенные селения крестьянами. Не доезжая, меня встретили три киргиза, которые взяли меня и повели на урочище Кегеты[219], где стоял Канат Абукин[220]. Тот спросил меня, куда я поехал, я ответил, что я поехал к господину приставу с пакетом относительно выборов. Тогда Канат отобрал [у меня] пакет, находящийся в портфеле, и все бумаги. Канат Абукин говорил, что он избран ханом и кто его слушаться не будет, тому голову снимет, говорил, что он имеет сообщение с Китаем, Турцией, афганцами и что от них придут войска, совместно с которыми возьмут Россию и что Россия больше существовать не будет. После чего Канат несколько раз делал наступление на Токмак. Людей у него было много, около 5000. Люди были от волостей Абаильдинской, Темирбулатовской, Шамурзинской, Кочкарской, Джумагальской, Курмаходжинской, Шамсинской, Нурмамбетовской, Байсеитовской и Исыгатинской.

Канат с киргизами обращался очень грубо: гонял, заставлял идти против русского войска, кто не слушался, наказывал своим судом, то есть срубал голову. Так, например, киргизы говорили, что Канат Абукин одному киргизу Темирбулатовской волости срубил голову за то, что он не пошел против русских, после чего киргизы Темирбулатовской волости ушли, то есть убежали за горы. Тогда Канат двинул свой отряд за горы за бежавшими киргизами (темирбулатовцами). На Кочкарской долине опять собрал бежавших киргиз, часть киргиз отправил со своим братом Байдалой Абукиным опять в Токмак, а часть киргиз сам Канат погнал на Карагау (село Столыпинское), где несколько дней окружал Столыпинское. Потом на Карагау пришло русское войско из Нарына. Увидя это, киргизы укочевали на суек, то есть бросились бежать. Канат опять собрал всех киргиз и заставил перекочевать на Каракольскую долину, где его медресе. В то время пришло еще около двухсот человек казаков. Увидя это, все киргизы стали бежать по разным горам, киргизы говорили, что Каната убили, больше которые говорили, что он убежал. Этим случаем воспользовались мы и убежали, то есть нурмамбетовцы, исыгатинцы и байсеитовцы, которые теперь сидят на Суусамыре. Прошу опросить крестьян, указанных в сем протоколе, которые

---

[219] *Ущелье Кегеты* – находится на северных склонах горного хребта Кыргызский Ала-Тоо.

[220] *Канат Абукин* – один из наиболее известных руководителей восставших в Пишпекском уезде.

могут подтвердить, что я с 19 кибитками с родственниками не кочевал. Они были взяты против воли и я их видел на Кочкоре, где я и прибыл к ним, вместе с другими киргизами одной со мной волости бежали на Суусамыр, где в настоящее время находятся. Крестьяне, которых я карауливал, обещали обо мне доложить по начальству. Даю честное слово, что я кушал русский хлеб и не думал идти против правительства. Конечно, один в поле не воин, был взят Канатом, поэтому прошу признать меня невиновным.

30 августа 1916 г. Город Пишпек.

Отставной губернский секретарь *Найзабек Тулин*

Добавляю, что мне пришлось оставить 7 человек малолетних детей с женой на Суусамыре, которые голодуют.

Н. Тулин

Показания отбирал околодочный надзиратель *Никонов*

ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 22. Л. 45–47.

№ 67

Донесение начальника 243-й Самарской пешей дружины Государственного ополчения Токмакскому участковому приставу

№ 3941 *Сентябрь 1916 г.*

г. Токмак, Семиреченская область

Препровождая при сем трех киргиз Тынаевской волости, братьев Кулмухамеда, Юнуса и Касыма, как более виновных по заявлению Тынаевского волостного управителя в киргизском мятеже, прошу их отправить в Пишпекскую тюрьму.

Начальник отряда подполковник *Городецкий*[221]

ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 25. Л. 8 об.

---

[221] *Городецкий Владимир Михайлович* – начальник 243-й Самарской пешей дружины Государственного ополчения.

№ 68

Протокол допроса очевидца

г. Нарын *17 октября 1916 г.*

Мировой судья 5-го участка Пржевальского уезда, округа Верненского Окружного суда допрашивал в Нарыне нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст[ановлений]. Угол[овного]. судопроизводства, и допрашиваемый показал:

Канат Абукин, киргиз 5 аула Абаильдинской волости, в которой и живу, 57 лет, неграмотный, магометанин, не судился, посторонний.

Когда был объявлен высочайший указ о призыве киргиз на тыловые работы и когда местная администрация стала говорить о составлении приговоров, я в числе других был вызван в Пишпек для переговоров о выдаче приговоров. Это было приблизительно 6–7 августа настоящего года. Находясь в Пишпеке, я 8 августа узнал о восстании киргиз Сарыбагишевской и Атекинской волостей и о нападении их на станицу Самсоновскую. Тут я немедленно поспешил в свою волость.

Прибыв в волость, я узнал, что киргизы нашей волости уже осведомлены о нападении на Самсоновку и сообщили мне еще новость, что волости, окружающие селение Столыпино, напали на это селение, выбили крестьян и заняли его. Тут я увидел, что затеянное киргизами дело непростое, решил принять участие в восстании и немедленно поднять на ноги всех киргиз своей волости. Кроме этого, я посоветовал и другим ближайшим волостям принять участие в восстании. Всего нас собралось восемь волостей: Абаильдинская, Тынаевская, Кочкорская, Темирбулатовская, Шамурзинская, Шамсинская, Булекпаевская и Нурмамбетовская. Начальниками была выбраны в Абаильдинской волости – я, Талканбай Карасаев, Кудайберген Уркучин, Джакуп и его сын, Байсаба Тюрегельдин, Алыбай-аджи Сасыков, Мулла Яркамбай Кыдыков, Кутем Адылбеков, Кайадим Кулмамбетов и Иманалы Медетов; в Тынаевской волости – Танабай, Альджанбай, Бексултан Салдабаев и Осмоналы

Саурамбаев; в Кочкорской волости – Сарбай Дикамбаев, Тюлек Турдыев, Осман Тюменбаев и Самса-ажы Чокоев; в Темирбулатовской – Токтосун Бектенов, Мураталы Батырханов, Шамбеталы Батырханов, Тюле и Сувамбек; в Шамурзинской волости: Осмоналы Байгазин, Кангельды Кульджин и Мураталы Ельтаев с сыном Автабачей; в Шамсинской волости: Мамбеталы Мураталин, Муса Мураталин, Масым ходжа Тоголак Ходжиев и Берик и в Булекбаевской волости Сулейман Орчин и его сын Исмаилбек Сулейманов; в Нурмамбетовской волости: Чал Бургин, Кондубай Утегенов, Муса Утегенов и Муса Тулин. Кроме этих восьми волостей была еще Иссыгатинская волость, начальники в ней: Изак – отец волостного, Мамут Абаильдин и волостной управитель.

Отдельного особого командования над всеми этими волостями никому не вручалось.

Собравшись все и вооруженные главным образом пиками, мы направились на Токмак, ружей у нас было немного – в моей волости было всего только семь ружей. Подойдя к Токмаку и окружив его, мы стали вести наступление, желая вырезать в Токмаке все решительно русское население. Когда же мы увидели, что в Токмаке есть русские войска и что взять Токмак нам будет очень трудно, мы сознали, что сделали ошибку. Тут некоторые стали говорить, что нужно послать в Токмак человека с посланием, в котором просить население прекратить войну и помириться; некоторые же говорили, что нужно драться до конца, и если посылать посла, то требовать сдачи нам Токмака. Вскоре послание было написано, писал его киргиз Булекбаевоской волости Исмаилбек Сулейманов. С содержанием этого послания я не знакомился, считая, что в нем именно говорится о примирении и приложил печать свою. Послание было послано с киргизом Сваном, который шел в Токмак к больному сыну. На следующий день из Токмака перебежал к нам какой-то киргиз, служивший работником у кого-то из русских, и сообщил, что посла нашего повесили. Тут-то я только узнал, что в Токмак посылали посла не с посланием о примирении, а с посланием к сдаче. После этого мы во что бы то ни стало хотели взять Токмак до прихода русских войск из Ташкента, о движении которых нам было известно. Тут мы стали поджигать клевера, подожгли два селения, стоящие вблизи Токмака, Соловьевку и Покровку, но Токмака

нам взять не удалось. Вскоре пришли русские войска с пушками, и мы убежали в горы, откуда пришли на Кочкорскую долину, где и расположились. В Кочкоркской долине находились пржевальские киргизы с Кубегенем Шигаевым и Тезекпаем Тюлькиным во главе. Ханом меня тут не избирали и главнокомандующим также не назначали. Все мы по-прежнему управляли каждый своей волостью.

Вскоре на Кочкорку пришли русские войска и разогнали нас. Пржевальские киргизы частью ушли вверх на Семизбель[222] и далее, а частью на Сонкуль и отттуда пошли в Китай. Наши же Пишпекские волости пошли на свои места и расположились на местностях Каракол. Тут нас опять погнали казаки и разбили нас, после этого киргизы меня бросили и разбежались. До восстания киргиз мне о предполагающемся восстании ничего известно не было. Узнал я об этом уже после того, как советами […][223] Сарыбагыши и Атекинцы[224].

Цель восстания была, с одной стороны, призыв киргиз на тыловые работы, а с другой – притиснения со стороны крестьян. Я не знаю, почему все говорят, что я был главнокомандующим над киргизами, наступавшими на Токмак. Таковым я не был и никто меня не избирал, я просто командовал, как и все другие, только киргизами своей волости. На селение Столыпино я не нападал, селение это было разграблено и разбито, как мне пришлось слышать уже потом киргизами Пржевальского уезда, а именно волостями Джуван-Арыкской, Семизбельской, Барукчинской и Ниязбековской. Неграмотный.

Мировой судья *П. Делягин*

ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 15. Л. 18 об. – 21 об.

---

[222] *Семизбель (Семиз-Бель)* – сельский округ на территории Нарынской области Кыргызстана.

[223] Пропуск в документе.

[224] Речь идет о киргизах Сарыбагышской и Атекинской волостей.

№ 69

Протокол допроса очевидца

28 октября 1916 г.

Мировой судья 6 участка Пишпекского уезда допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей с соблюдением 443 ст. Уст[ановлений] Угол[овного] судопроизводства и допрошенные показали:

Дюра Саурамбаев, 52 лет, Тынаевский волостной управитель, живу в своей волости, магометанин, не судился, грамотный.

Первого августа с.г. на местности Красная речка, в 18 верстах от Токмака происходило собрание почетных лиц Тынаевской волости для обсуждения вопроса о способах и мерах составления списка рабочих, коих необходимо было поставить для работ в тылу действующей армии. На этом собрании решено было выбирать рабочих по посемейному списку и кроме этого просить Васильевскую партию[225], нельзя ли рабочих от Тынаевской волости разместить на работы в названной партии, работающей по орошению долины реки Чу. Для переговоров с Васильевской партией мы назначили Сыраксетдина Кендиебаева и Юнсалы Джамангулова. Эти посланцы принесли от какого-то инженера, работавшего в Ивановке, весть, что для поступления на работы в эту партию нужно составить наперед списки, которые будут представлены на утверждение соответствующего начальства. Третьего августа опять состоялось собрание киргиз моей волости на урочище Кара-Дюбе[226], в саду Джиртана Дикамбаева. Тут 10 аулов указали лиц, предназначенных к работам в армии. Шесть аулов, а именно 9, 10, 3, 7, 14 и 13, заявили, что они выберут рабочих 6 августа. Седьмого августа собрание волости было устроено в моем саду, верст семь от Токмака. На этом собрании 9 и 13 аулы пообещали представить списки рабочих к 8 августа. Остальные четыре аула просили еще два дня отсрочки. Никто из киргиз на собраниях не протестовал против необходимости дачи рабочих на работы в армию и не возбуждал

[225] Вероятно, речь идет о землеустроительной партии переселенческого управления.
[226] Кара-Дюбе расположено в Чуйской области Кыргызстана.

других к протесту. Только Касым Мурзабаев позволил себе вопрос: «Чего будет, если не дадим приговора о рабочих?»

До собрания в моем саду, а именно 5 августа вечером, киргизы Турсуналов, Байзаков и Джелкач Кальчин, мой джигит донесли мне, что на местности «окторхой», верст за 30-ти от Токмака собралась молодежь под предводительством Джунуса Мурзабаева и решила отобрать у старшин и пятидесятников волости именные печати, дабы не могли состояться приговоры о рабочих. Я немедленно часов в 7–8 утра прибыл со своей зимовки в Токмак к приставу и заявил о начале беспорядков.

Мировой судья *Волков*

ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 25. Л. 1 об. – 3.

№ 70

Протокол допроса очевидца

10 января 1917 г.

Мировой судья 6-го участка Пишпекского уезда допрашивал поименованных в качестве свидетелей с соблюдением 443 ст. Уст[ановлений] Угол[овного] судопроизводства и допрошенные показали:

Ахмет Тюлькубаев, 40 лет, киргиз Нарынской волости, где и живу, магометанин, грамотный, не судился, посторонний.

Каима Танабаева я раньше не знал. Когда он был водворен в Нарынском участке, то я с ним познакомился, и он у меня иногда бывал. О причастности его к восстанию я ничего не знал. Я держу почтовую станцию Сары-Булак[227]. К Вам меня доставили солдаты, наверно, из-за знакомства моего с Танабаевым. Лошадь и красный товар солдаты нашли у какого-то киргиза, бывшего раньше Тынаевской волости; в востании киргиз под Токмаком и Орловским я участвовать не мог, тем более что из Нарынского участка в Пишпек-

[227] *Сары-Булак (Сарыбулак)* – железнодорожная станция Среднеазиатской железной дороги, расположена на территории Республики Казахстан.

ский уезд три дня езды. Больше показать ничего не имею. Прочитано (подпись по-киргизски).

Переводил *Джалекенов*

Мировой судья *Волков*

ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 25. Л. 32 об.

№ 71

Справка, составленная из расспросов жителей Аулиеатинского уезда для военного губернатора Сырдарьинской области А.С. Галкина

30 сентября 1916 г.

Из расспросов жителей Аулиеатинского уезда, из сличения массы фактов положение дела в Аулиеатинском уезде представляется в следующем виде:

Слухи о призыве туземного населения к «окопным» работам с быстротой молнии распространились среди киргизов Аулиеатинского уезда. Первоначально казалось, что призываются поголовно все туземцы 19–43 лет, и так как эти пределы соответствуют летам как раз призываемых нижних чинов, то слухи, что туземцы привлекаются в армию, как будто находили подтверждение этих слухов, опровергать было некому. Кроме того, с самого начала стало известно, что туземцы призываются на окопные работы. Окопы киргизы представляли себе схематически, в виде одной передовой линии укреплений. Рассеять эти страхи было некому. По словам киргизов, крестьяне поселков, с которыми они были в дружбе, советовали уходить в степи, пески и не составлять списков рабочих; крестьяне обещали им всякую поддержку, так как, по словам киргизам, крестьяне в случае привлечения киргизов на «окопные» работы ждали, что очередь призыва дойдет и до них.

Под впечатлением этих рассказов и слухов, передаваемых из уст в уста, некоторые аулы около Мерке и к северу от Аулие-Ата, бросив

зимовки и разное имущества, откочевали к Чу. Как раз в это время (в начале августа) стали получаться тревожные слухи из Пишпекского уезда; под впечатлением рассказов о нападениях пишпекских киргизов на крестьян власть стала вооружать крестьян. К этому времени относится начало прохода первых отрядов в Пишпекский уезд. Так как отряды шли туда при чрезвычайных обстоятельствах и условиях, то крестьяне, по рассказам киргизов, во время этой суматохи начали грабить киргизов, оставшихся на местах и давших уже списки рабочих, лошади и прочий скот отбирались, имущество расхищалось, грозили им оружием и т. д.

После этого из-за страха перед совершающимися на их глазах событиями за ушедшими стали откочевывать и «мирные» киргизы; уход этот в иной раз превращался в паническое бегство с гибелью стариков, старух и детей. Ушедшие киргизы с течением времени стали нуждаться во многом, возвращаться же назад они боялись. Рассказывали, что пристав в Белых Водах Пишпекского уезда вызвал около пятисот человек ушедших для объяснений киргизов, будто бы обещая не трогать их, и все они по прибытии в Белые Воды были убиты крестьянами этого поселка.

Получилось невозможное положение: ушедшие киргизы, сознавая свою ошибку, желали вернуться, но боялись подобной выше кары; власть хотела вернуть их, но каким путем – не знала. По словам киргизов Мерканского участка, пристав Лундин послал несколько благонамеренных киргизов к ушедшим для переговоров, и когда посредники вели переговоры, сам с десятью нижними чинами и несколькими вооруженными крестьянами достиг откочевавших киргизов с другой стороны, потребовал, чтобы киргизы вернулись, и на угрозы пристава киргизы ответили нападением. Между прочим, отмечают такой факт, что когда один уважаемый киргиз стал расспрашивать пристава, последний прервал его и отдал приказ об аресте его на семь суток. Последний бежал по одной дороге, пристав отступил по другой. Это обстоятельство положило начало нападениям меркенцев на ближайшие поселки, на порчу телеграфной линии.

Под впечатлением этих событий в Аулие-Ате было приказано рыть окопы и вооружить часть русского населения для охраны города. Окопы, по словам туземного населения города (преимуще-

ственно сартов), стоили жителям около 10 тыс. руб. – они рылись на средства туземцев. Город превратился в укрепленный лагерь; подвоз пшеницы, угля и прочего стал прекращаться, поэтому приостановилась и торговля.

В это время в Чуйском приставстве лесообъездчик Карач или Лаврухин донес, что его ограбили семнадцать киргизов Кучейской волости около села Шаповалоки (Аулиеатинский район). По словам киргизов, лесообъездчики издавна занимаются продажей пшеницы, и перед этим сторож кордона по распоряжению лесообъездчика раздал пшеницу. Объездчик будто бы донес, что киргизами попорчен портрет государя. Семнадцать человек, среди которых есть совершенно посторонние, не получавшие пшеницы от сторожа, были арестованы.

Киргизы, видя, что по малейшему и необоснованному доносу их арестовывают, стали откочевывать на север в пески. Нельзя не отметить характерных фактов: 1) большая часть ушедших киргизов перед тем представили списки; 2) до кордона (считая от Аулие-Ата) киргизы не тронулись с места, за кордоном все ушли. Под влиянием этих суматох начинаются форменные грабежи в местах со смешанным населением (показания некоторых киргизов, представленные в течение каких-нибудь двух часов, отобраны подполковником Тризной[228]); и события, происшедшие к северу от Аулие-Ата, возникли главным образом из-за доноса лесообъезчиков.

Около 10 сентября из Аулие-Ата выступил пристав Урбанек с семьюдесятью нижними чинами. Поездка его при наличности военной силы не достигла цели, как и следовало ожидать. Нечто подобное было и в начале августа в Черняевском уезде. Подполковник Тризна выехал к возбужденным киргизам один с переводчиком. Киргизы, встретившие его вначале не совсем дружелюбно, остались очень довольны его объяснениями и дали слово прекратить все разговоры среди них; с тех пор там действительно спокойно.

---

[228] *Тризна Борис Петрович* (1867–?) – вел пропаганду идей народовольцев. После убийства царя в марте 1881 г. был сослан солдатом в Ташкент в 3-й Туркестанский стрелковый батальон. В 1892 г. был переведен в офицеры в 8-й линейный батальон в Катта-Курган. Благодаря помощнику губернатора *П.И. Хомутову* получил место Черняевского уездного начальника. В апреле 1917 г. был назначен Сырдарьинским областным комиссаром. В июне 1918 г. – краевой комиссар военной народной охраны Туркестанских путей сообщения. С 1924 г. работал в Туркомстарисе, с 1925 до 1936 г. – директор Аксу-Джабаглинского заповедника. Был оклеветан, снят с работы и таинственно исчез в 1936 г.

В середине сентября выехал и Асинский пристав с 25 солдатами и 25 крестьянами к киргизам, уже представившим списки; узнав о приближении отряда, мирно сидящие киргизы бежали, оставив скот, имущество и даже приготовленную пищу для еды в котлах. Крестьяне ограбили аул, после чего пристав вернулся в Аулие-Ата.

Горный участок, населенный киргизами, был страшно перепуган событиями и участью сородичей, живущих по другую сторону Александровского хребет. Благодаря этому, а также совету благонамеренных людей в Аулие-Ата эти каракиргизы воздержались от бегства. Кроме того, благодаря смеси жителей поселков, состоящих частью из крестьян, частью из немцев-колонистов, не было побудительных причин и благодаря отдаленности участка от тракта не было и суматохи. Несмотря на эти весьма благоприятные условия, нельзя отрицать массового ропота на пристава Кубашева, парализовавшего мои старания объясниться с киргизами, выслушать их и объяснить им сущность и порядок производства набора рабочих. Более детально по этому участку, вероятно, доложит подполковник Тризна.

При этих условиях создалось такое положение, что население Аулиеатинского уезда взаимно боялось друг друга, что, однако, не мешало крестьянам продолжать заниматься грабежом и вымогательством, что подтверждается многочисленными рассказами пострадавших совершенно безвинно и заявлениями официальных и неофициальных лиц. Меркенцы передавали мне, что местный священник, видя невероятные грабежи и распущенность крестьян, пробовал говорить в церкви соответствующую проповедь, но был остановлен прихожанами, обвинившими его в «бусурманстве»[229].

Все были перепуганы, а темные лица, пользуясь общей растерянностью и суматохой, предались открытому грабежу.

Из всего сказанного прихожу к заключению, что в Аулиеатинском уезде вовсе не было такого активного движения, как в Пишпекском и Пржевальском уездах, и вынужденные действия киргизов были вызваны: 1) не объяснением вовремя властями сущности Высочайшего указа; 2) растерянностью власти; 3) неумелыми шагами приставов; 4) грабежами крестьян. Мероприятия

[229] Мусульманстве.

подполковника Тризны встречены неподдельной радостью всех, как киргизов, так и горожан. При нашем отъезде чуйские киргизы почти полностью пришли на свои места в какие-нибудь два-три дня и сообщались с г. Аулие-Ата непрерывно днем и ночью.

Как было уже упомянуто, власти не совсем правильно толковали правила производства набора, по этому поводу подполковником Тризной и мной давались неоднократные и подробные объяснения. В результате этих переговоров, когда мы уезжали из Аулие-Аты, часть киргизов (Аулиеатинского района) уже вернулась на места, часть возвращается постепенно (Меркенский район).

О вышеизложенном имею честь просить доложить его Высокопревосходительству господину Туркестанскому генерал-губернатору.

Инженер[230]

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1134. Л. 234–235 об.

№ 72

Прошение на имя Туркестанского генерал-губернатора от киргиза Ашинской волости Аулиеатинского уезда Куллабая Амалыкова и киргиза Кубагатиской волости, того же уезда Али Эсимбекова

г. Аулие-Ата *30 октября 1916 г.*

В печальных событиях последнего времени, неожиданно достигших Туркестанский край, непростительно велика была вина киргиз, дерзнувших силой сопротивляться мероприятиям правительства, подняв при этом оружие против русских войск и против мирных русских жителей. Не надо разбирать, отчего это произошло, главным образом от безумия ли некоторых фанатиков, от подстрекательства ли злонамеренных агитаторов, нашедших

[229] Фамилия написана неразборчиво.

себе удобную почву в темноте и дикости народной массы, или еще от каких-либо других причин. Ужасное преступление было совершено и заслуживает примерного наказания. Так было, насколько нам известно, в Самаркандской области. Несколько иную картину представлял собой Аулиеатинский уезд Сырдарьинской области, тоже затронутый прискорбными волнениями, хотя и в значительно меньшей степени.

Здесь не было оказано активного сопротивления правительственным органам, не было нападений на войска и не было в начале посягательств на жизнь и имущество русских жителей края. Киргизы ограничились тем, что в некоторых местах не составляли требуемых списков рабочих. Несомненно, это поведение незаконное и заслуживающее наказания, но до насилия, убийства было еще очень далеко и, вероятно, никогда бы не дошло, если бы не действия некоторых крестьян, очевидно, возбужденных тем, что происходило по соседству в Семиречье и перенесших справедливое по отношению к семиреченским киргизам негодование на их аулиатинских сородичей, не заслуживавших его. При таком настроении крестьян достаточно было незначительного толчка для того, чтобы настроение выразилось в действии, и этот толчок, по-видимому, было дан самими же киргизами совершенно случайно.

Как известно, крупным злом киргизской жизни является деление на партии и происходящая от этого партийная вражда. Ашинская волость Меркенского уезда не была исключением из этого общего правила. Поэтому когда у крестьян селения Степного было украдено несколько лошадей и коров, то ашинские киргизы, принадлежавшие к одной партии, указали как на виновников кражи на киргиз враждебной им партии. Возмущенные крестьяне прибыли с оружием на базар в селение Ново-Троицкое и там на базарной площади открыли стрельбу в мирно настроенных и не ожидавших ничего подобного киргиз. В стрельбе принимали участие и жители селения Ново-Троицкого. В результате было убито шесть киргиз Ашинской волости, а именно Тлеумбет Сабиев, Сагимбек Элеуев, Тастань Койториев, Семизбаей Джалманбетов, Абдраман Джайшибетов и Закишь Курабаев. Это произошло 29 августа.

Нападение крестьян вызвало в киргизах озлобление и жажду мести. Ашинские киргизы соединились с курагатинскими и собрались верстах в тридцати от Мерке для обсуждения положения, но пока никаких выступлений против крестьян не предпринимали. Там до них дошел слух, что на них идут жители селения Мерке. Действительно, показался вдали небольшой отряд, состоявший, как потом выяснилось, из нескольких солдат и человек двадцати крестьян под начальством меркенского пристава.

Когда киргизы стали приближаться с разных сторон к отряду, то солдаты дали залп, коим был убит один киргиз, остальные убежали. После этого киргизы совершили нападение на расположенное рядом с Мерке селение Кузьминку, где сожгли несколько домов, затем сожгли скирды и сараи возле Мерке и Кузьминки и, наконец, дня через два убили человек шестьдесят-семьдесят жителей селения Ново-Троицкого. После этого киргизы ушли в пески, откуда вернулись через некоторое время, выдали зачинщиков и поставили в назначенное число рабочих.

Мы, конечно, далеки от того, чтобы оправдывать поведение киргиз, выразившееся в столь преступных формах, мы старались лишь почтительнейше обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на то обстоятельство, что преступные деяния киргиз были направлены не против правительства и его органов, а против частных лиц и что они были вызваны поступками самих крестьян. Это не оправдывает подлежащих наказанию преступников, но все-таки несколько иначе освещает их поведение.

Уверенные, что расследование, особенно негласное подтвердит вышеизложенные обстоятельства, мы осмеливаемся всепокорнейше просить Ваше Высокопревосходительство не отказать милостиво принять их во внимание при обсуждении поведения киргиз наших волостей.

К доложенному выше считаем необходимым присовокупить, что в то же самое время во многих местах произошел целый ряд выступлений крестьян против киргиз, причем пострадали тысячи совершенно мирных и ни в чем неповинных людей, погибших иногда очень жестокой смертью. Так, например, крестьянами селения Ново-Троицкого было убито около четырехсот киргиз Ашинской волости, а крестьяне селения Чаодовар, которые совершенно не

пострадали от киргиз, набросились на юрты мирных киргиз Аспаринской волости и перебили более двухсот человек[231].

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1134. Л. 232–233.

№ 73

Донесение начальника Андижанского уезда Ферганской области И.А. Бржезицкого[232] начальнику Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкову

№ 5090 *17 октября 1916 г.*
Совершенно секретно

Сообщаю, что мои агентурные сведения об образовании в городе Андижане партии «Таракки парвар» вполне тождественны с теми, которые изложены в докладе Вашем за № 4499 от 14 октября сего года на имя военного губернатора Ферганской области. Список туземцев, задавшихся целью разогнать из Туркестанского края всех тех чинов русской администрации, которые, не жалея своей жизни, добились приведения в исполнение высочайшей воли (Указ 25 июня сего года) о наборе рабочих, может быть пополнен еще следующими лицами: Акбарали Байтурсунов – переводчик мирового судьи 1-го участка Андижанского уезда, Ташбалта Абдувахабова (сын народного судьи), у этих двух собираются агенты Убайдуллы Асадулла Ходжаева, выступающего главным защитником попранных якобы прав туземного населения. Далее следуют Саидали-ходжа Мусса Ходжаев – занимается подпольной адвокатурой; Батыр-ходжа Хал Тураходжаевым – собиратель фантастических обвинений по адресу чинов полиции и уездной администрации; местный богач Ахметбек

---

[231] В конце документа имеются две подписи, выполненные арабской графикой.

[232] *Бржезицкий Иулиан Александрович* (05.02.1869 –?) – полковник, в 90-е гг. XIX в. служил на Памире. Хорошо знал местные языки и быт коренного населения. Во время Андижанского восстания 1898 г. штабс-капитан Бржезицкий был Ассакинским участковым приставом. С 1912 до начала 1917 г. – Андижанский уездный начальник. Последним местом его многолетней службы будет Ошский уезд, начальником которого он станет в начале 1917 г.

Темирбеков и его приближенный Падша-ходжа Умарходжаев, пользующийся большим влиянием. Без их участия не проходят какие бы то ни было выборы должностных лиц туземной администрации. Объединителями этих лиц являются А.А. Чайкин[233] и Убайдулла Асадулла Ходжаев. Последний до писания своих гнусных и ложных доносов имеет специальную канцелярию в городе Андижане, в доме Иванова № 17, где писцом служит Александр Иванович Часовский. После того, как по доносам этих лиц без предварительных расследований обстоятельств в возбужденных ими делах был отчислен от службы целый ряд лиц русской и туземной администрации, лица эти открыто говорят, что «они могут убрать со службы кого угодно и когда угодно, так как Куропаткин им верит». В разговор на эти темы они не считают даже нужным называть чин генерал-губернатора, а говорят просто: «Куропаткин».

Оставшись безнаказанными за свои доносы на темы о том, что чины полиции и уездной администрации берут взятки, наживаются на продаже водки, сахара и проч., они не стесняются чернить в своих доносах этих чинов самым наглым образом. В настоящее время эти чины настолько скомпрометированы в глазах не только туземного населения, но даже и русского, что они лишены даже возможности защищаться. Служебная этика не позволяет высказываться на эту тему подробнее. Могу сказать еще только следующее: на стороне этой группы стоят члены Государственной думы Тевкелев и Керенский, последние при посещении Андижана были окружены тесным кольцом в лице представителей местного кружка «Таракки парвар», то есть «Общество равенства» или «Единение и Прогресс», но народ называет их «падаркуш» («отцеубийца») и вынес весьма превратное понятие, как о происшедших в июле месяце событиях, а равно и о деятельности чинов местной администрации, которых они открыто называли здесь «сатрапами». Эти депутаты, конечно, сочли своим долгом вывезенную ими из Туркестана «грязь» внести и в Думу, а пока указанная выше компания Чайкина и Ходжаева не будет выселена из края и их газета «Туркестанский

---

[233] *Чайкин Анастасий Афанасьевич* – уроженец Курской губернии, эсер, общественный и политический деятель Туркестанского края начала XX в., редактор и издатель общественно-политической краевой газеты «Туркестанский голос», издававшейся в г. Андижане в 1916 г.

голос» не будет закрыта, до тех пор будет бессильна наша борьба с их вредной деятельностью.

Кратко о положении этого дела я доносил уже военному губернатору 13 сентября сего года рапортом за № 3054, копия которого была послана мною и Вашему Высокоблагородию. Рапортом этим я просил выселить из края в спешном порядке Чайкина, Ходжаева, Темирбекова и Падша-ходжа Умарходжаева[234] и я остаюсь при своем при том мнении. Что если эти лица не будут выселены, то в непродолжительном времени на обязанности чинов русской администрации останется только одна работа – это писание возражений на помещаемые в «Туркестанском голосе» заведомо неверные сведения и представление объяснений начальству по поводу ложных доносов Ходжаева и Ко, а что будет потом, не беру на себя смелости предсказывать о грядущих событиях.

Подлинное подписал:

начальник Андижанского уезда полковник *Бржезицкий*

За начальника отделения подполковник *Розалион-Сошальский*

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1116а. Л. 2–3 об.

№ 74

Доклад и. д. военного губернатора Ферганской области П.П. Иванова Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину

№ 58 *12 декабря 1916 г.*

Секретно

Из представляемого обширного производства о деятельности подпольной партии «Таракки парвар» вытекают следующие данные: в г. Андижане главным действующим лицом местной партии

[234] Вероятно, речь идет о *Темирбеке Ахметбекове Падше-ходжи*, т. е. о тех же самых лицах, что в рапорте начальника Андижанского уезда *И.А. Бржезицкого* военному губернатору Ферганской области *А.И. Гиппиусу* о работе съезда, созванного в связи с набором населения на тыловые работы от 23 июля 1916 г. // Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. документов. М., 1960. С. 211.

«Таракки парвар», прикрывающейся панисламистскими идеями, но в действительности преследующей цель наживы путем шантажа, гнусных кляуз, подкупа, интриг и лжи, является письменный переводчик Андижанского уездного управления Сулейман Кенгельбаев, при участии переводчиков мировых судей Андижанского уезда 1-го участка Акбара Байтурсунова и 5-го участка Мадамина Байтурсунова.

Из имеющихся в деле показаний видно, что деятельность этих трех лиц началась и организовалась в чрезвычайно тонко разработанную систему на пространстве последних восьми лет. Объектами хищнической деятельности преступного сообщества являются туземные должностные лица и состоятельные туземцы. Выражается деятельность в том, что Сулейман Кенгельбаев возбуждает заинтересованных лиц к подаче жалоб на туземное должностное лицо, обещая убрать его с должности, за что и получает вперед мзду от заинтересованных лиц. Изучив делопроизводство уездного управления, а также областного правления, Кенгельбаев путем искусного составления кляуз и подтасовки свидетельских показаний добивается назначения следствия в отношении своей жертвы и устранения от должности. После сего пострадавший должностной туземец, потерявший должность и находящийся под угрозой следствия, которое находится в руках сообщников Кенгельбаева, братьев Байтурсуновых, волей-неволей идет к Кенгельбаеву, вносит ему значительную сумму, и тогда Байтурсуновы, фигурируя в качестве переводчиков следователей, направляют следствие к прекращению. Затем, получив снова мзду, Кенгельбаев возбуждает от имени своей жертвы ходатайство о восстановлении в должности на основании данных следствия, не подтвердившего виновность, что обыкновенно и удается. Таким путем Ярбашинский волостной управитель Садыкали Ходжашадман Ходжаев был восстановлен и смещен с должности четыре раза, уплатив шайке в общей сложности 2000 руб.

Подобные дела Кенгельбаев имел с Аимским народным судьей Пахретдин-ходжа Нуретдинходжаевым, который прислал Кенгельбаеву 300 руб. через своего писаря Касымбека Нишанбекова за направление следствия в желательную сторону.

Бывший Сайский народный судья Мулла-тюря Кульходжи Джан-баба Суфиев за время службы также был несколько раз устранен и восстановлен в должности при благосклонном содействии

Кенгельбаева, причем каждый из этих случаев ему обошелся не менее 1000 руб.

Кокан-Кишлакский народный судья Искандер Пассатходжи Пансатов, будучи обвиняем в совершении подложного акта, вызывался несколько раз в камеру мирового судьи для допроса, но допрос каждый раз откладывался, о чем объявлял Пансатову Кенгельбаев и вместо показаний следователю Пансатов вынужден был давать Кенгельбаеву 100–150 руб. Дело таким образом тянулось, пока Кенгельбаев получил с народного судьи в общей сложности 500 руб.

В отношении богатых туземцев деятельность шайки выражается в том, что жертва по наговору наученных попавшихся в грабеже, разбое или убийстве преступников привлекается по обвинению в соучастии, после чего Кенгельбаев и его шайка, добившись, как, например, в деле Ашур-Али Ходжи Сатимбаева предварительного заключения своей жертвы под стражу, потом начинают ее выкручивать также за мзду. Сатимбаев в вознаграждение за это, чтобы он был оправдан по делу в ложном обвинении его в найме преступников для убийства жителя селения Бута-Кара, некоего Адильбая, уплатил Кенгельбаеву первоначально 6000 руб., а затем израсходовал на это дело еще 6000 руб., из коих львиная доля досталась Кенгельбаеву.

Харабадский сельский старшина Тюлякбай Касым Инаков и его отец Касым Инак Рузыбаев, будучи привлечены к ответственности и арестованы за убийство и ограбление односельчанина Тюлякбая, отдали Кенгельбаеву принадлежавший им участок земли по Михайловской улице в городе Андижане за то, что якобы по протекции Кенгельбаева были отданы на поруки. Этот участок позднее Кенгельбаев продал за 17 000 руб.

Арестованный приставом и переданный в распоряжение следователя житель города Андижана Рустамбек Юсупбеков был освобожден из-под стражи лишь после того, как уплатил Кенгельбаеву 100 руб., хотя по делу абсолютно не был виновен, так как даже не являлся свидетелем поранения его конюхом гостя последнего, а был арестован лишь как хозяин дома, в котором произошла драка с серьезными поранениями.

Состоя переводчиком Андижанского уездного управления, Кенгельбаев считает своим долгом стяжать с каждого туземца, являющегося с той или другой просьбой к уездному начальнику.

Летом текущего года помощник Андижанского уездного начальника, подполковник Полюдов, уезжая в командировку в Семиреченскую область в связи с беспорядками, взял с собой Кенгельбаева, который, возвратясь оттуда, пригнал около тысячи голов баранов и продал их на базаре в селении Джелалабад за сравнительно низкую цену (30 руб. за штуку).

Указанная деятельность Кенгельбаева и его соучастников принесла им невероятное обогащение и сделала всесильными и страшными людьми в глазах туземцев настолько, что совершенно независимые и сами по себе влиятельные богачи-сарты приходят в ужас при одной возможности навлечь на себя гнев шайки (рапорт пригородного участкового пристава Андижанского уезда от 25 ноября с.г. за № 742).

В 1915 г. в Андижане появляется подпольный адвокат Убайдулла Асадулла Ходжаев, который 9 марта того же года подает по доверенности туземцев Базар-Курганского сельского общества жалобу на Базар-Курганского участкового пристава капитана Новгородцева, обвиняя его в злоупотреблениях при постройке на общественные суммы волостного суда, причем настойчиво требует якобы для успеха производства дознания немедленного устранения от должности участкового пристава и сельского старшины. Как видно из журнала общего присутствия Ферганского областного правления от 27 апреля 1916 г. за № 165 и приложенного к нему дознания, произведенного старшим чиновником для поручений при военном губернаторе Ферганской области, оказывается: 1) что Убайдулла Ходжаев подложно выступил доверенным от имени Базар-Курганского общества, так как общество не только не уполномочило его на подачу жалобы, но выступило против Ходжаева само настолько энергично, что Ходжаев, опасаясь самосуда, искал защиты у самого чиновника, производившего дознание; 2) что поводом подачи жалобы на участкового пристава и сельского старшину при участии Саидходжа Абдумалик Ходжаева, как видно из доклада, производившего дознание чиновника для поручений, послужило стремление спасти от высылки по приговору общества за порочное поведение родственника Убайдуллы Ходжаева, Абдумалик Ходжаева, жителя Базар-Курганского сельского общества; 3) в просьбе о немедленном устранении от должностей пристава и старшины, якобы для успеш-

ного производства дознания, изложенной в трех жалобах Ходжаева, и заключается главное средство достижения цели, а именно: у учителя создается предвзятое впечатление о необычной угнетенности просителей и, кроме того, достигнув смещения пристава и влиятельного старшины, настоявших перед обществом о выдворении порочного родственника автора жалобы, Ходжаев легко добился бы отказа терроризованного общества от своего первоначального приговора о выдворении, устранил бы с дороги пристава, на которого было бы возложено расследование обстоятельств приговора и сразу поднял бы свое значение в глазах невежественной массы как адвоката до таких же страшных размеров, до каких дошло влияние Кенгельбаева и его шайки; 4) дознание не только не подтверждает, но и опровергает обвинения, возведенные Ходжаевым на пристава Новгородцева; 5) дознание, произведенное чиновником для поручений, не внушает какого-либо недоверия уже по одному тому, что присутствовать при дознании был приглашен на все время сам Ходжаев, который не особенно, видимо, интересуется конечным обвинением пристава Новгородцева, добивался лишь устранения его от должности и, видя, что жалоба его опровергается, то есть домогательства его становятся безнадежными, выходит из себя, чтобы доказать губернатору в подаваемых одна за другой жалобах необходимость смещения пристава и старшины; 6) наконец, Ходжаев, не без основания опасаясь за свою неприкосновенность со стороны возбужденного против него Базар-Курганского общества, скрывается из Базар-Кургана и, чтобы выйти из положения, пишет губернатору, что он отказывается от дальнейшего участия в деле, так как его основная жалоба не удовлетворена – пристав и старшина не устранены. Не ограничиваясь этим, Ходжаев помещает корреспонденцию в местной газете, что ни за ложный донос, ни за клевету он отвечать не будет вследствие особенности существующего на этот счет законодательства, которое делает почти невозможной успешность привлечения за означенное преступление. А за диффамацию[235] административная власть никогда привлекать не будет из понуждений чисто этического свойства.

Личность Ходжаева и его попытка занять положение, подобное Кенгельбаеву и Ко, выясняется из всего приведенного выше. Но по-

---

[235] *Диффамацию* – распространение порочащих сведений.

пытка не удается и Ходжаев продолжает пребывать в положении влачащего жалкое существование подпольного адвоката, сотрудничающего между делом и в местных газетах с прогрессивным направлением.

Перед беспорядками Ходжаев создает себе марку панисламиста. После беспорядков едет в Петроград, проникает благодаря газетным связям в думские круги, освещает тенденциозно положение вещей в крае и везет в Туркестан Керенского и Тевкелева, с которыми появляется везде, распуская в народе сведения о том, что он нашел влиятельных защитников туземному населению в Петрограде. Желая использовать момент для приобретения влияния на население, Ходжаев не бросает той игры, которую он затеял в деле с капитаном Новгородцевым, и с целью приобрести значение человека, имеющего решающее влияние добиться удаления от должности начальника Андижанского уезда, в жалобе, поданной на имя Вашего Высокопревосходительства в городе Андижане перед лицом целой толпы туземцев.

Если Кенгельбаев и его шайка сумели терроризировать своим влиянием население путем смещения туземных должностных лиц, то Ходжаев совершенно правильно рассчитал приобрести еще большее влияние, добившись устранения уездного начальника. Расчет Ходжаева заключается в том, чтобы громогласно подать жалобу на уездную администрацию в то время, когда по моему поручению уже производится дознание, и ее действиях, когда два пристава, изобличенные в злоупотреблениях, мною уже были смещены с тем, что ожидаемое устранение уездного начальника приписать в глазах народных исключительно себе. Жалоба Ходжаева никаких конкретных обвинений почти не содержит, а заключается в перечне так называемых базарных слухов. Это обстоятельство свидетельствует о том, что Ходжаев хотел создать вокруг себя лишь шумиху. Во всяком случае, деятельность Ходжаева совместно с Керенским и Тевкелевым, выступление его в громогласных жалобах против уездной администрации в Андижане и усердное рекламирование газеты «Туркестанский голос», печатавшей то о появлении Ходжаева на смотре рабочих перед Вашим Высокопревосходительством, как председателя районного комитета, то о речи, сказанной «г. Ход-

жаевым»[236] в Ташкентском отделении Русского географического общества после отповеди Вашим Высокопревосходительством безграмотного доклада некоего Кузнецова, причем читатели «Туркестанского голоса» оповещаются, что после отъезда Вашего Высокопревосходительства из заседания г. Ходжаев обрушился на русскую народность, заявляя, что русские научили туземцев только воровать, сделали свое дело.

Ходжаев занял два номера в лучшей ташкентской гостинице, держит номер в другой, где и производит приемы туземцев со всего края. В приезд в Ташкент я лично был свидетелем приемов Ходжаевым целой толпы сартов, наполнявшей всю лестницу отеля «Националь». Из нищего подпольного адвоката Ходжаев в глазах туземцев стал сановником, получает возможность проживать огромные деньги, и туземцы свои прошения начинают адресовать прямо Ходжаеву, как лицу, по их мнению, облеченному громадной властью.

Для распространения своего влияния в крае Ходжаев входит в союз с шайкой Кенгельбаева в Андижане, воспользовавшись готовой организацией. Шайка, еще в 1915 г. относившаяся с пренебрежением к нищему начинающему, ныне видит в нем силу, дающую возможность направлять дела не как это делалось раньше, [к] приставу, уездному начальнику или по большей мере губернатору, а прямо к высшей власти в крае через уверившего в своем значении Ходжаева. Появляясь всегда в приемные дни у Вашего Высокопревосходительства со своими клиентами, Ходжаев уверял последних, что он является докладчиком Вашим по туземным делам. К шайке Кенгельбаева в союзе с Ходжаевым примыкает редактор газеты «Туркестанский голос», личный почетный гражданин Анатолий Афанасьевич Чайкин вместе со своим сотрудником, личным гражданином Ильей Яковлевичем, евреем Шапиро. Добиваясь приобретения значения в глазах народной массы, Чайкин предпринимает ту же систему действий, которой характеризуется деятельность Кенгельбаева, Ходжаева и всей шайки партии «Таракки парвар», а именно делает попытку смещения крупного должностного лица. Подходящей жертвой оказался старший аксакал города Андижана Ширмет-мирза

[236] Так в документе.

Алимкулов. Чайкин телеграфировал Вашему Высокопревосходительству о том, что Алимкулов противодействует назначенному Вами дознанию.

Телеграмму эту, рассчитывая на смещение, благодаря серьезности обвинения опубликовывает в своей газете, а в следующем номере опубликовывает о состоявшемся смещении (прилагается номер газеты «Туркестанский голос»). Смещение Алимкулова произвело на население ошеломляющее впечатление, как человека, пользующегося огромным влиянием и знатного происхождения, Ширмет Мирза, сын Кашгарского регента Алимкулова, очень богат и занимается земледелием. Согласился занять должность старшего аксакала перед беспорядками. Много сделал, по свидетельству начальника уезда, в водворении спокойствия и порядка в городе Андижане. После смещения Алимкулова значение шайки Кенгельбаева, Ходжаева и газеты «Туркестанский голос» поднялось в глазах туземцев до весьма значительной высоты. Тираж газеты «Туркестанский голос» увеличился в несколько раз. Газета начала раскупаться туземцами, что при оппозиционном направлении «Туркестанского голоса» едва ли желательно. Связь между Чайкиным и Шапиро, с одной стороны, и шайкой Кенгельбаева – с другой, установлена свидетельскими показаниями.

Как видно из доложенного, отмечается вредная деятельность следующих лиц:

1) переводчиков: Андижанского уездного управления Сулеймана Кенгельбаева, мирового судьи 1-го участка Андижанского уезда, Акбара Байтурсунова, мирового судьи 5-го участка Андижанского уезда, Мадамина Байтурсунова и ташкентского сарта Убайдуллы Ассадуллы Ходжаева, которые образовали между собой тайное сообщество, прикрытое панисламистскими идеями, но направленное исключительно для приобретения в глазах народной массы решающего значения путем дискредитирования русской местной власти с целью наживы применением самых гнусных средств; виновность указанных четырех лиц я полагаю совершенно доказанной, почему и ходатайствую о водворении их из края.

2) А.А. Чайкина и его сотрудника Шапиро в том, что они с целью поднять тираж своей газеты в личных выгодах вошли в согла-

шение с указанными выше лицами и для приобретения значения в глазах народной массы в отношении старшего аксакала Алимкулова применили основной прием указанной выше шайки. Кроме того, Чайкин и Шапиро проводят среди туземцев узкопартийный, оппозиционный взгляд своей газеты. Полагаю, что с разгромом партии «Таракки парвар» личная вредная деятельность Чайкина и Шапиро должна прекратиться. Нахожу обоих лишь второстепенными персонажами во всем деле. Вследствие изложенного, а также и потому, что материал, собранный против Чайкина и Шапиро, не достаточно меня убеждает в их безусловной виновности, я нахожу преждевременным ходатайствовать о наложении на указанных лиц административного взыскания.

3) Кроме того, выясняется прикосновенность к делу сотрудника газеты «Туркестанский голос» биржевого маклера Окунь и состоящего при мне переводчика Батырхана Миербекова. Вредную деятельность маклера Окунь я считаю мало доказанной, а в сообщничестве моего переводчика с Кенгельбаевым не сомневаюсь, поэтому в недалеком будущем отстраню его от должности.

Прилагаю дело на 162 листах, которое по миновании надобности прошу распоряжения Вашего Высокопревосходительства мне возвратить.

Подлинный подписал:

И. д. военного губернатора Ферганской области полковник

Иванов

С подлинным верно:

Начальник Туркестанского районного охранного отделения

полковник *Волков*

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1902а. Л. 61–65 об.

№ 75

Донесение агента Туркестанского районного охранного отделения

Агентура: *осведомитель «Шахрисабский»*
Дата поступления агентурных сведений: *30 октября 1916 г.*
Кто принял сведения от агентуры: *подполковник Розалион-Сошальский*

Жители Зататинской, Той-Тюбинской и Канджи-Галынской волостей Ташкентского уезда жалуются, что волостные управители за последнее время стали еженедельно собирать с населения по 200–400 руб., говоря, что эти сборы производятся ими для содержания воинских команд, расквартированных по волостям с июля месяца с.г., для подавления могущих возникнуть беспорядков, в количестве 20–30 человек в каждой волости. Население сомневается в действительности существования подобного распоряжения, но боится заявлять жалобу, чтобы их не признали за бунтовщиков.

В г. Ташкенте пятидесятники продолжают взыскивать с каждого двора от 200 до 500 руб., заявляя, что эти деньги идут на наем, обмундирование и содержание рабочих, отправляемых в тыл действующей армии, что тяжелым бременем ложится на население.

Собираемые деньги идут в туземный комитет к председателю такового Убайдулле Ходжаеву, по слухам большая часть денег идет не по назначению, а просто прикарманивается Ходжаевым и другими членами комитета якобы на различные надобности, вызываемые возложенными на них обязанностями.

Личность Убайдуллы Ходжаева далеко не безупречна, он уроженец города Ташкента, окончил курс русско-туземной школы, потом служил переводчиком у мирового судьи, кажется, 1-го участка города Ташкента, который впоследствии был переведен в город Саратов, куда взял с собой и Ходжаева.

Проживая в городе Саратове, Ходжаев жил на квартире у какой-то богатой вдовы и вступил с последней в сожительство. Пользуясь близостью к сей особе, он украл у нее письма, изобличающие ее в измене покойному мужу, и на этой почве стал ее шантажи-

ровать, вымогая деньги под угрозой разоблачить это дело и тем лишить наследства малолетнюю дочь последней, которая якобы была прижита от любовника.

В городе Ташкенте эта особа жила вместе с Ходжаевым в 1913 и 1914 г. по Хорошенской улице, дом сарта, № 4 или 8.

Около того же времени Ходжаев выдержал экзамен на звание частного поверенного и занялся адвокатурой.

В 1913 г. в городе Ташкенте у Ходжаева на квартире жил лишенный прав на практику адвокат Чарковский (Романовская улица, за городской управой, бывшая редакция газеты «Садои Туркестан»), который руководил деятельностью Ходжаева и вообще работал за его спиной и под его именем. Благодаря знаниям Чарковского и удачным делам, совершенным Ходжаевым по его указке, престиж Ходжаева как адвоката в глазах населения сильно поднялся и с того времени он стал иметь хорошую практику.

За напечатание какой-то статьи в газете «Садои Туркестан» Ходжаев даже был предан суду, результаты коего неизвестны.

Последнее время проживал в г. Андижане, где брал на себя защиту всяких грязных дел и был замешан в дело о краже или подделке каких-то векселей на сумму около 2000 руб., каковое дело должно быть хорошо известно присяжному поверенному Лещину (житель города Андижана).

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2144. Л. 127–128.

№ 76

Донесение агента Туркестанского районного охранного отделения

Агентура: *осведомитель «Шахрисабский»*
Дата поступления агентурных сведений: *11 ноября 1916 г.*
Кто принял сведения от агентуры: *подполковник Розалион-Сошальский*

Проживающие в городе Ташкенте сарты прогрессивного направления весьма обрадованы разнесшимися слухами о том, что гене-

рал-губернатором объявлено Убайдулле Асадуллаевичу Ходжаеву о воспрещении ему жительства в пределах Туркестанского края, причем Ходжаев обязан оставить пределы края тотчас по ликвидации вопроса об отправке рабочих сартов в тыл действующих армий.

Вообще туземное население города Ташкента наконец убедилось, что названный Ходжаев представляет из себя не защитника интересов сартов, а лицо, стремящееся побольше набить собственный карман за счет слепо доверяющих ему сартов, в чем ему удалось достигнуть весьма благоприятных результатов, под предлогом расходов, сопряженных с отправкой рабочих команд.

Туземное население города Ташкента обеспокоено растущей дороговизной жизни, причем многие торговцы-сарты сами стали заниматься спекуляцией и припрятывать вырабатываемые ими сельскохозяйственные продукты в целях поднять цены на таковые.

В бухарских владениях, по-видимому, тихо, хотя продовольственный вопрос несколько волнует население.

Начальник полиции города Старой Бухары Вельман, человек еще молодой и любитель вина и женщин. Весною сего года он действительно устраивал совместно с банковскими заправилами пикники с дамами, кажется, легкого поведения, но сведений о том, чтобы на этих пикниках произносились тосты за здоровье германского императора не поступало.

Чины полиции недовольны Вельманом и в конце сентября подавали на него жалобу, говорят, что и население приносило на него жалобы, но кто именно и по какому случаю – неизвестно.

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2144. Л. 129–129 об.

№ 77

Секретная телеграмма политического агента в Бухаре А.Я. Миллера[237] временно исполняющему обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретареву

№ 596 *5 декабря 1916 г.*

По имеющимся здесь сведениям, восставшие туркмены сносятся тайно с афганскими и бухарскими туркменами. Мною приняты меры к обнаружению переписки.

Испросите телеграфного распоряжения генерал-губернатора нашей пограничной страже и таможне, в особенности в Келифе[238], Чушке[239], Гузаре[240] и Керки[241], обыскивать всех туркмен, едущих в Афганистан и оттуда приезжающих.

Миллер

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 185. Л. 188.

№ 78

Директивное указание начальника Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкова о деятельности агентуры Османской империи в Туркестане

№ 5527 *23 декабря 1916 г.*
г. Ташкент, Жуковская, 40 *Совершенно секретно*

По имеющимся агентурным сведениям турецкое правительство командировало в Туркестанский край 15 эмиссаров персов из Азербайджана для ведения в крае панисламисткой пропаганды,

---

[237] *Миллер Александр Яковлевич* (1868–1940) – русский дипломат, востоковед, действительный статский советник. В 1894–1899 гг. – драгоман политического агентства в Бухаре, в 1906 г. – 1-й драгоман миссии в Тегеране, в 1908–1910 гг. вернулся в Персию, служил консулом в Астрабаде, в 1910–1913 гг. – генеральный консул в Тавризе, с марта 1916 г. – резидент в Бухарском эмирате, с октября 1916 г. – политический агент в Бухарском эмирате. В марте 1917 г. – руководитель проекта реформ в Бухарском эмирате. Умер в эмиграции.

[238] *Келиф* – село, расположенное на берегу реки Амударьи в Туркмении, на границе с Афганистаном. Здесь же находится железнодорожной станции Келиф. В конце XIX в. Келиф входил в состав Бухарского эмирата и управлялся беком. В 1916 г. через Келиф прошла железная дорога Бухара – Термез.

[239] *Кушка (Чушка)* – населенный пунк на реке Кушка, вошел в состав Российской империи в результате боя на Кушке (1885). В 1890 г. здесь была построена крепость. В 1900 г. к Кушке была подведена железнодорожная ветка. Ныне город Серхетабад Туркмении.

[240] *Гузар* – город в Кашкадарьинской области Узбекистана. В городе расположена одноименная железнодорожная станция.

[241] *Керки* – город расположен на востоке Туркмении, на левом (западном) берегу Амударьи. В 1999 г. переименован в Атамурат.

об оказании помощи Турции и объединении всех мусульман под владычеством Турции как главы ислама.

Названные эмиссары уже появились в пределах края, разъезжают по городам, поселкам и кишлакам и ведут агитацию среди туземного населения края, выдавая себя за докторов (хакимов)[242] или отчитывателей корана (азаим-ханов)[243]. В случае надобности они предъявляют персидские паспорта, и полиция их оставляет в покое.

Из числа эмиссаров агентура отмечает следующих:

1) Абдул-Гафур, который был в с.с. Пскент, Ханабад и Той-Той-Тюбе Ташкентского уезда, а недели две тому назад выехал в г. Туркестан с намерением проследовать далее в киргизские волости;

2) Аббас-Али, который ныне находится в районе с. Кауфманская-Чиназ[244];

3) Абдуль-Хуссейн, находящийся ныне где-то в Семиреченской области.

Сообщая об изложенном, прошу распоряжения об обращении особого внимания чинов полиции на деятельность лиц, пребывающих с персидскими паспортами, и в случае подозрительности поведения кого-либо из подобных лиц прошу таковых подвергать обыску и аресту в порядке Военного положения на предмет обследования самоличности и преступной деятельности, с уведомлением меня о каждом в отдельности случае задержания.

Полковник *Волков*

ЦГА КР. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 14. Л. 67.

---

[242] Так в документе. Вероятно ошибка, вместо «хакимов» должно быть «табибов» (лекарей).

[243] Так в документе. Вероятно, это ошибка, вместо «азаим-ханов» должно быть «азанчи» (чтецов азана).

[244] Ч*иназ* – железнодорожная станция и город (с 1972) в 63 км юго-западнее Ташкента. Расположен на слиянии двух рек Чирчик и Сырдарьи и известен как «рыбный город». Возникновение укрепленного города относится к эпохе раннего Средневековья.

[245] На документ наложена неразборчивая резолюция.

№ 79

Донесение агента Туркестанского районного охранного отделения[245]

Агентура: *осведомитель «Назим»*
Дата поступления агентурных сведений: *10 января 1917 г.*
Кто принял сведения от агентуры: *подполковник Розалион-Сошальский*

В средних числах декабря месяца истекшего месяца в город Коканд прибыл и проживал несколько дней член мусульманской фракции Государственной думы Ахтямов[246], друг и приятель проживающего в городе Коканде помощника присяжного поверенного Шагиахметова[247].

Ахтямов за время пребывания в городе Коканде жил у кокандского сарта Ташматбая Ирмухамедова, причем Ахтямова посещали следующие лица: помощник присяжного поверенного Шагиахметов, частный поверенный Акаев и председатель Кокандского комитета по набору сартов Сеид Ходжаев.

Разговоры с Ахтямовым велись, между прочим, по поводу ряда прошедших и предстоящих приговоров, по делам об учинении сартами ряда выступлений против властей и убийств должностных лиц. По этому поводу Ахтямов обещал употребить все свое влияние на неутверждение смертных приговоров и вообще пообещал повлиять на благоприятный результат всех приговоров по отношению облегчения участия всех осужденных, для чего он якобы намерен лично обратиться с просьбой к государю императору.

По словам Ташматбая Ирмухамедова, Ахтямову от имени кокандских сартов было дано на расходы 7000 руб. денег.

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 1.

---

[246] *Ахтямов Абуссугуд Абдельхаликович* (1843–1920) – депутат Государственной думы, кадет. Присяжный поверенный, судебный следователь и чиновник особых поручений при Уфимском губернаторе.

[247] *Шагиахметов Шоислам Султанович* – руководитель просветительского мусульманского общества «Гайрат» («Усердие») в г. Коканде. Общество было создано в г. Джизаке, вероятно, в 1915 г.

№ 80

Донесение начальника Туркестанского районного охранного отделения М.Н. Волкова директору Департамента полиции по Особому отделу А.Т. Васильеву[248]

№ 175 *15 января 1917 г.*
Совершенно секретно

По агентурным сведениям, полученным от сотрудников «Назима» и «Встречнова»[249], в средних числах истекшего декабря месяца в город Коканд приезжали: член мусульманской фракции Государственной думы Ахтямов и присяжный поверенный Владимир Беренштам[250], которые из города Коканда проехали в город Наманган, где выступали в качестве защитников в военно-окружном суде по делу о туземцах Наманганского уезда, преданных суду за участие в июле месяце прошлого года восстания, сопряженного с убийствами должностных лиц.

По разработке эти сведения вполне подтвердились, причем установлено, что на обратном пути Ахтямов заезжал в город Ташкент, где виделся с частным поверенным Убайдуллой Асадуллаевым Ходжаевым, а затем выбыл в Петроград.

В дальнейшем агентура района отметила, что Ахтямов состоит другом и приятелем с проживающим в городе Коканде помощником присяжного поверенного Шахисламом Султановым Шагиахметовым. При посещении города Коканда Ахтямов остановился в доме у кокандского сарта Ташматбая Ирмухамедова, где его посещали упоминаемые выше Шагиахметов и секретарь Кокандского комитета по набору сартов, частный поверенный Сарекбай Джумагулов Акаев.

---

[248] *Васильев Алексей Тихонович* (1869–1930) – юрист. С 1906 г. – чиновник особых поручений при Департаменте полиции, заведующий Особым отделом Департамента полиции, с 1913 г. – чиновник особых поручений при министре внутренних дел; вице-директор Департамента полиции; в сентябре 1916 – феврале 1917 г. – директор Департамента полиции.

[249] Подчеркнуто в документе.

[250] *Беренштам Владимир Вильямович* (1870–1931) – адвокат, публицист. Участник группы политических защитников. Выступал в качестве адвоката на известных политических процессах, в том числе по делу эсера И.П. Каляева в 1905 г.

При этих посещениях велись разговоры, касающиеся главным образом вопроса о ликвидации дела восстания туземного населения края, бывшего в июле месяце прошлого года, и принятии мер к благоприятному исходу для подсудимых, возбужденных против них дел. Шагиахметов и Акаев просили Ахтямова употребить свое влияние, как члена Государственной думы, на разрешение всех возникших в крае по этому поводу дел в благоприятном для обвиняемых смысле, без применения смертной казни. Ахтямов по этому поводу высказал свою полную солидарность и обещал возбудить об этом ходатайство как перед Туркестанским генерал-губернатором, так и в Государственной думе и даже высказал намерение обратиться по этому делу с просьбой к государю императору.

На расходы по проведению в жизнь означенного намерения Ахтямов получил от кокандских сартов 7000 руб.

Обращаясь затем к ряду приговоров, вынесенных Туркестанским военно-окружным судом, по возникшим в большом количестве повсеместно в пределах края делам о восстании сартов и убийстве должностных лиц, учиненных в июле месяце прошлого года, о чем подробно было донесено Вашему превосходительству 31 октября прошлого года за № 4727, приходится констатировать тот факт, что суд в большинстве случаев вынес обвинительные приговоры с осуждением целого ряда туземцев к смертной казни, но в конечном результате все приговоры на основании существующих на сей предмет правил были представлены командующему войсками генерал-адъютанту Куропаткину на конфирмацию и в большинстве случаев смертная казнь была заменена иными, более легкими наказаниями, до ареста включительно.

Чтобы не быть голословным, считаю не лишним представить Вашему превосходительству имеющиеся у меня сведения о конфирмации генерал-адъютантом Куропаткиным некоторых из разобранных военным судом дел, каковой список не является исчерпывающим данный вопрос, а именно:

1) 8 туземцев с. Той-Тюбе Ташкентского уезда по конфирмации командующего войсками Туркестанского военного округа, генерал-адъютанта Куропаткина смертная казнь была заменена: двум четырехлетней каторгой и шести – двухмесячной тюрьмой, с зачетом двух месяцев предварительного заключения;

2) 7 туземцев Каризской волости Ташкентского уезда были приговорены военным судом к каторжным работам, но по конфирмации генерал-адъютанта Куропаткина они были совершенно освобождены от наказания, так как по мнению его Высокопревосходительства время предварительного заключения являлось для осужденных достаточным наказанием;

3) из числа 17 туземцев, привлеченных в качестве обвиняемых по делу беспорядков в с. Дальверзин Андижанского уезда, сопровождавшихся убийством Алтынкульского волостного управителя, трое были приговорены к смертной казни, 5 оправданы, 5 приговорены к каторжным работам сроком на 15 лет, один к заключению в исправительные арестантские отделения и один к тюремному заключению. По конфирмации генерал-адъютанта Куропаткина одному из осужденных казнь утверждена, двум заменена каторгой на 15 лет. Пяти осужденным на 15 лет каторги приговор изменен заключением в арестантские отделения сроком на пять лет. Двум остальным арестантские отделения заменены годом тюрьмы;

4) осужденным по Андижанскому городскому делу приговор изменен по отношению всех приговоренных в арестантские отделения и тюрьму, коим это наказание заменено трехмесячной тюрьмой;

5) из числа 32 туземцев, приговоренных судом к смертной казни по делу о вооруженном восстании в г. Джизаке Самаркандской области, завершившимся убийством уездного начальника полковника Рукина[251] и пристава Зотоглова[252], приговор был утвержден лишь по отношению четырех, а оставшимся 28 смертная казнь была заменена каторгой на 10 лет каждому;

6) по делу о беспорядках в Джизакском уезде, завершившихся убийством пристава и нескольких русских дачников и железнодорожных служащих, из числа 34 приговоренных к смертной казни приговор утвержден по отношению трех, из числа остальных четырех смертная казнь заменена двенадцатилетней каторгой и 27 – четырехлетней каторгой;

---

[251] *Рукин П.И.* – полковник, в 1902–1904 гг. Андижанский участковый пристав, в 1916 г. – Джизакский уездный начальник.

[252] *Зотоглов П.Д.* – штабс-капитан, в 1916 г. Джизакский уездный пристав.

7) по Катта-Курганскому делу из шести человек, приговоренных судом к каторге на двадцать лет, наказание двум заменено десятилетней каторгой и четырем – шестилетней каторгой. Из числа прочих 17 осужденных на 15 лет в каторжные работы двум пятнадцатилетняя каторга заменена шестилетней каторгой, а 15 туземцам вместо трех лет арестантских отделений – один год тюрьмы;

8) из числа 35 туземцев, привлеченных по делу о беспорядках в г. Ташкенте, пять были приговорены к смертной казни, девять – к каторжным работам на 20 лет, пять – в арестантские отделения сроком на три года каждый, один – на два года в тюрьму и 11 человек оправданы.

По конфирмациям[253] генерал-адъютанта Куропаткина приговор к смертной казни утвержден лишь по отношению к двум, двум другим смертная казнь заменена каторжными работами на пять лет, а одному – двумя годами тюрьмы. Девяти туземцам двадцатилетняя каторга заменена двумя месяцами ареста, шести лицам три года арестантских отделений и два года тюрьмы заменены одним месяцем ареста.

Таким образом, в конечном результате оказалось, что многие главари, бывшего летом прошлого года восстания, уже ныне находятся на свободе, причем население при освобождении их из-под стражи и возвращении домой встречало их весьма торжественно, что не только отмечено агентурой, но даже чины полиции обращают на это внимание, о чем 3-го сего января за № 17 было донесение Вашему Превосходительству.

Возвращение подобных лиц в среду косного[254] туземного населения Туркестанского края, враждебно настроенного против русских вообще и, в частности, против[255] русского владычества в крае, является весьма нежелательным и опасным[256], тем более подобные лица рассматриваются туземным населением как герои, борцы за свободу народа, и население, несомненно, вновь может подпасть под их влияние и совершить новые попытки к выходу из повиновения.

---

[253] *Конфирмация* – утверждение принятого решения (судебного приговора и т. п.).

[254] Словосочетание «среду косного» в документе зачеркнуто и заменено на «туркестанскую среду».

[255] Словосочетание «против русских вообще и в частности против» в документе зачеркнуто и заменено на «еще и до суда против русских и».

[256] Словосочетание «является весьма нежелательным и опасным» в документе зачеркнуто и заменено на «может вызвать новые осложнения».

Признаки возможности новых беспорядков в Фергане налицо. Население упорно продолжает думать, что туземцы, отправленные в тыл действующих армий в качестве рабочих, должны возвратиться домой через три месяца, а так как со дня отправки некоторых эшелонов рабочих уже прошло более трех месяцев, то в Ферганской области были случаи, когда женщины с детьми являлись к чинам полиции и предъявляли требования о возвращении мужей с работ, грозя побросать своих детей, которых якобы они не в состоянии прокормить. При этом некоторые демонстративно оставляли грудных детей у ног чинов полиции.

Туземцы-рабочие в письмах, посылаемых ими из Центральных губерний России, между прочим, упоминают, что русские не выполняют данных обещаний, заставляют работать в праздники, не дают ни баранины, ни риса, ни белого хлеба, к которым они привыкли дома, и часто они не имеют возможности совершать свои религиозные обряды благодаря отсутствию мулл, которые имеются лишь по одному на каждую тысячу рабочих.

Затем на железных дорогах замечен большой наплыв туземцев, проезжающих для поклонения различным мусульманским святыням края. В предыдущие годы подобное паломничество совершалось лишь осенью, тотчас после уборки хлебов, а в текущем году паломничество усилилось только в настоящее время.

Все вышеизложенное в связи с непрекращающимся разговорами в туземной мусульманской среде о слабости России, неудачах на войне, отсутствии материальных средств, следствием чего внутренние займы следуют один за другим, роняет престиж власти в глазах населения и может явиться возбуждением для учинения туземцами новых выступлений.

Неутверждение смертных приговоров рассматривается туземным населением как страх перед ними и объясняется боязнью их раздражать. По мнению туземцев, хотя в пределах края войска имеются как бы в достаточном количестве, но правительство на таковые не надеется и, кроме того, часть нижних чинов в запасных полках без оружия.

В бытность мною 10-го сего января в г. Скобелев[257] мною были доложены военному губернатору Ферганской области все означенные выше сведения в части, относящейся к Ферганской об-

ласти, в связи со сведениями о неспокойном настроении киргиз соседней Семиреченской области, дабы обратить внимание губернатора на Ошский уезд[258], населенный кочевыми киргизами, имеющими сношения с киргизами Семиреченской области.

В изложенном имею честь донести Вашему Превосходительству.

Полковник *Волков*

Верно: полковник[259]

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 2–4 об.

№ 81

Восстание сартов в Туркестане (дневник П. Аношкина)[260]

В первых числах июля 1916 г. началось в Туркестане восстание сартов. Это было сильное и грозное восстание против русских. Сарты озлоблены были и били как русского переселенца-крестьянина, так чиновника, купца или солдата, они ненавидели вообще русских, как поработителей их.

У туземцев в Туркестане сложилось мнение, что пришли в Туркестан русские, покорили их и вот теперь обложили их разными налогами, поборами и тянут, тянут без конца с них как монетой, так и сырьем (хлопок, виноград, скот и т. д.). Этот сбор дани вот уже продолжается несколько десятков лет и конца ему они не

---

[257] *Скобелев* – город, основан русскими властями в 1876 г. Первоначальное название – Новый Маргилан. С 1907 г. переименован в Скобелев в честь инициатора создания города, генерала Михаила Дмитриевича Скобелева. Административный центр Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства. С 1924 г. по настоящее время – Фергана, административный центр одноименной области Республики Узбекистан.

[258] *Ош* – один из древнейших город Средней Азии, являлся точкой пересечения караванных путей из Индии и Китая в Европу. После ликвидации независимого Кокандского ханства в 1876 г. – это административный центр Ошского уезда Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства. Ныне административный центр Ошской области Республики Кыргызстан.

[259] Подпись неразборчива.

[260] *Аношкин Петр* – инженер, работавший в Туркестане. После эмиграции жил в Чехословакии. Сотрудник Русского зарубежного исторического архива в Праге. Рукопись дневника, очевидно, относится к 1925 г.

видят. Как говорили некоторые из главарей, что «[мы] платили бы и терпели бы все законные и беззаконные поборы, если бы русские вносили к нам культуру и обучали бы их, но нет, русские берут от нас все, а нам ничего не дают».

Особенно выводило туземцев из равновесия и заставляло волноваться – это административные чиновники, особенно уездные исправники, Пристава[261], арык аксакалы (урядник) и т. д. Так, из Европейской России приезжал какой-либо вновь назначенный Пристав или чиновник бедным, но лишь бы по долгу службы часто соприкасался с туземцами, как года через два-три он покупал себе добрый кусок земли, строил себе «домик» (особняк) по последнему слову техники; причем при помощи полицейских с базара сгонял к себе сартов или киргизов и заставлял их день работать на своей постройке или в поле бесплатно, на следующий день утром продолжалась так же история на базаре над другими туземцами.

Участки у Приставов были большие. На объезд его он тратил не меньше двух месяцев. Объезжал обыкновенно он его раз в год и возвращался домой «полным». По делам службы, после объезда Пристав обыкновенно далеко не ездил по своему участку; своему участку он объявлял какое-либо новое предписание так: он посылал своего джигита (туземца) (у каждого Пристава их было по нескольку десятков, они исполняли функции рассыльных) по участку с новым распоряжением, причем кроме официальной бумаги (с печатью обязательно) он вручал джигиту свою форменную фуражку, так что джигит, читая в степи своим соплеменникам новое распоряжение, показывал им в достоверность сообщаемого фуражку Пристава, и тогда ни у кого не могло быть сомнения в не подлинности объявленного.

Фуражка Пристава заменяла совершенного его самого в степи. При объезде Пристав старался обходиться с «ордой»[262] своего участка как можно строже, для того чтобы навести страх одной своей поездкой на целый год на туземцев. Так, по малейшему поводу он порол, штрафовал и т. д. Этого они вполне добивались,

---

[261] Так в документе. Сохранено авторское написание, является собирательным образом.

[262] Под словом «орда» в данном случае подразумевается население участка.

так как только Пристав выезжал в объезд по участку, как все кочующие киргизы старались забиваться в глушь, в аулах оставались старики и женщины, остальное население исчезало куда-то на время пребывания поблизости начальства. Так относилась администрация к туземному населению.

Ген[ерал] Куропаткин, принимая Туркестан осенью 1916 г., учел этот недостаток полицейской администрации и им лично Приставов было уволено от службы, а некоторые преданы суду. Губернатор Семиреченской области при приближении генерала Куропаткина (осматривавшего Туркестанский край) чувствовал, что не может замести следы и скрыть все свои злоупотребления по службе, и во избежание неприятностей покончил с собой самоубийством[263].

Теперь я постараюсь изложить из своих наблюдений об отношении крестьянства, переселившегося из Европейской России к туземцам.

Крестьяне, которые живут далеко от киргизов и между русскими поселками, живут середняками – ни бедно, ни богато. Так, те крестьяне, которые живут в глубине Туркестана и их земля соприкасается непосредственно с землями туземцев, эти живут хорошо, богато. Приезжают из Европейской России сюда они с «медным пятаком» в кармане (так показывали туземцы на допросах), но, несмотря на это, через год или два у них заводились свои табуны и гурты скота. Такой крестьянин раньше работал на поле сам, теперь же он в поле не работает – не может, он уже имеет работников из туземцев и эксплуатирует их чуть ли только не за хлеб.

Я знаю много крестьян, которые имели по два, по три джигита для посылки их по личным делам, например, позвать кума или свата в гости, развести пастухам продукты и т. д. Эти крестьяне богатели не столько своими трудами, сколько опять-таки за счет того же туземца, сарта или киргиза. Так, за малейшую потраву своим скотом туземцем у крестьянина он дорого платил крестьянину, лишь бы последний не доводил дело до полиции, которую особенно боялись туземцы.

---

[263] Речь идет о генерал-лейтенанте *М.А. Фольбауме*. По официальной версии 22 октября 1916 г. генерал Фольбаум скоропостижно скончался в г. Верном во время тяжелого сердечного приступа.

Как крестьяне, так и городское население, и администрация относились к туземцам с пренебрежением и называли их не иначе как «орда». Это также было одним из поводов у туземцев быть недовольными русскими.

Главным поводом к восстанию сартов, а потом и киргизов это был приказ о мобилизации их на фронт рыть окопы или исполнять в тылу разные работы. Приказ этот был опубликован им в конце июня 1916 г. Он вызвал особенно сильное негодование у сартов. Они базировались на том, что ранее они не служили, то есть не подлежали отбыванию воинской повинности, да и теперь считают, что защищать русских и помогать им в войне не нужно. Кроме того, они указывали, что как по национальности, вероисповеданию и жизненному укладу они с русскими ничего общего не имеют. Недовольство и глухой ропот против русских у сартов день ото дня увеличивались. Среди них появились агитаторы (как предполагали тогда, это были турецкие шпионы), которые разъезжали от аула к аула и всюду будировали сартовскую массу с призывом к восстанию против русских поработителей правоверных.

Агитаторы распространяли слухи и уверяли туземцев, что русская армия слаба сейчас, так как часть ее перебили немцы, а большая часть взята ими в плен. Теперь в Туркестане очень мало войск русских и их быстро можно уничтожить. Из России выслать поддержку не могут, так как не имеет свободных войск. Некоторые из слушателей возражали, что они видели на стациях и в городах много русских войск. Агитаторы и тут изворачивались и заявляли, чтобы не верили всему тому, что видят. Так, среди одетых в военную форму, можно встретить много женщин. Это русские для того делают, чтобы обмануть туземцев и показать им, что, мол, у нас войска еще много.

Этой лжи верили доверчивые степняки и укреплялись в мысли, что пора начать восстание против русских, а главное, нужно воспользоваться удобным моментом, пока русские слабы и сбросить их.

День ото дня ропот и волнения ширились. Ходили слухи, что где-то туземцами уже выбран хан, который осаждает и сжигает русские поселки. Все это подтвердилось. Так, в первых числах июля вспыхнуло сильное Сартовское восстание. Десятки тысяч сартовской конницы появились у г. Джизака (близь Ташкента), разбили

его до основания и сожгли, перебив все население, причем они зверски расправлялись с русскими. Потом, окончив с Джизаком, они продвинулись дальше и разбили три станции следующих за Джизаком. С полотна железной дороги были растянуты рельсы, больше чем за сто верст в степи. Против сартов были брошены несколько сибирских запасных стрелковых полков, два или три […][264] дружины и с германского фронта был снят и доставлен в Туркестан 4-й Оренбургский казачий конный полк.

Как начались первые бои с сартами, я не знаю, но из рассказов других слышал, что с ними расправлялись жестоко русские: сжигали сартские аулы, уничтожая население, которые при движении войск в глубь их аулов спешило укочевывать в степь. Русские побеждали сартов превосходством технического вооружения, стойкостью и стройностью боевого маневрирования.

Через небольшой промежуток от начала восстания я получил назначение срочно отправиться в особый отряд полковника Вархотова, который действовал против сартов, на юг от ст. Милютинской[265]. Вечером того же дня я там, на ст. Милютинской и был, где и обратился к начальнику станции за справкой о месте расположения отряда. Начальник станции, узнав, что я назначен в этот отряд, обрадовался и сообщил, что два дня ждет команда, которая будет сопровождать меня в отряд. Затем он пригласил меня к себе переночевать и отдохнуть. В его доме я познакомился с женой инженера, убитого сартами несколько дней тому назад. Одета она была во все военное и на поясе у нее висели кружка и нож. За чаем она мне рассказала о том кошмаре, который ей пришлось пережить несколько дней тому назад.

Жила она со своим мужем и двумя детьми – девочкой шести лет и мальчиком четырех лет – близ сартовского аула, находящегося отсюда верстах в тридцати пяти. Весной этого года она пригласила в гости старика отца и своего брата из Харьковской губернии. Вдруг в первых числах июля произошло восстание. Сарты со степей и из ближайших аулов набросились на дом инженера. Инженер и все

---

[264] Неразборчиво.

[265] *Милютинская* – железнодорожная станция Среднеазиатской железной дороги, ныне станция Галляарал, находится в 233 км от Ташкента.

остальные в его доме отбивались от сартов из ружей и револьверов около восьми часов. Но восставшие все-таки ворвались в дом и на глазах у нее убили мужа, отца и брата, но детей особенно долго мучили. Когда со всеми было кончено, принялись и за нее: ее обливали холодной водой, били плетьми, ставили на раскаленные угли босыми ногами. Она переносила все без крика и слез, так как ее слишком убило горе. Такое терпение во время пыток, как видно, понравилось главарю этой шайки, и он приказал приостановить ее пытать, так как берет ее себе в жены.

Сейчас же ее заставили принять магометанство, и новый муж отправил ее к себе в дом, находящийся верстах в пятнадцати отсюда. Там она немного оправилась. Одна из жен этого главаря быстро сошлась с пленницей и особенно усердно ухаживала за ней. Когда русская дней через пять поправилась, то та предложила ей свою помощь – убежать к русским. Потом переодела ее в сартовский женский костюм и провела к станции Милютинской. Так спаслась от дальнейших мук жена инженера. Нервы ее были слишком расстроены произошедшим. Рассказывая мне о себе и о тех муках и издевательствах сартов над русскими, она под конец начала выкрикивать фразы, плакать, потом стала просить меня, чтобы я взял ее в отряд, так как я буду проезжать мимо ее разбитого дома, где она похоронит мужа, детей, отца и брата, а потом поедет дальше с нами в отряде и постарается быть полезной в отряде, при случае будет облегчать участь пострадавших от сартов. Я молчал, так как боялся взять ее с собой, так как она была слишком измучена. Тогда она упала на колени, и с нею начался припадок истерики. После того как начальник станции и его жена успокоили ее, я дал ей слово взять с собой. Как рада она была!

Утром следующего дня ко мне явился старший из ожидавшей меня команды и справился о времени отъезда. Перед самым отъездом пришел из Ташкента поезд на станцию. Вышло из поезда несколько человек, среди которых я заметил фельдфебеля 1-го Сибирского запасного стрелкового полка, который быстро спросил что-то у начальника станции и после чего они подошли ко мне. Приехавший фельдфебель заявил мне, что он бывший лесообъездчик, сейчас получил из полка отпуск для выяснения судьбы

своего семейства, находящегося близ Пишгара[266] (как раз в районе восстания).

Фельдфебель просил меня взять его с собою в отряд, так как один он сейчас не может добраться ни до отряда, ни до своего дома. В отряде он обещал быть полезным своей разведкой, так как он хорошо знает ту местность. Я взял и его с собой. Мы достали новому нашему спутнику верховую лошадь и тронулись в путь. До места стоянки отряда было около 160 верст.

Верст через пятнадцать мы проезжали разбитый и сожженный отрядом при продвижении вперед, к югу сартовский аул. На улице и во дворах лежали разлагающиеся трупы убитых сартов. В одном пустом дворе была брошенная одинокая собака. Жутко было смотреть на этот разбитый аул. Мы поспешили поскорее миновать его. Верст через десять мы въехали в полуразбитый аул, где встретили несколько сартовских уцелевших семей, которые вышли нас встретить с белыми флагами. Белые флаги держали в руках как взрослые, так и дети, на их лицах был выражен страх перед нами. Из этого можно было вывести заключение, каким сильным террором расплатились русские за сартовское восстание. Мы остановились здесь передохнуть, подкрепиться и накормить коней. Сарты принесли нам фруктов, хлеба и овса для лошадей.

Во время обеда они прислуживали нам и рассказывали о тех жестокостях в расправе над ними русскими и говорили, что данный аул не так уж и виновен. Из этого аула только несколько человек, которые сейчас находятся среди восставших и жаловались, что через этих нескольких человек пострадал весь аул, от которого целыми (живыми) осталось не больше как 1/4 населения, остальные побиты. Горько и жалко было смотреть на них, прибитых и приниженных. Глядя на их рабочие, мозолистые руки и согнутые спины, трудно было представить себе в лице этих порабощенных тружеников внутреннего врага Российской империи.

Часа через полтора мы двинулись дальше на юг к отряду. Все время мы ехали широкой, цветущей долиной. По сторонам от дороги стоял созревший хлеб и заброшенные виноградники, и сады. Рожь осыпалась. В некоторых местах хлеб был сожжен и среди черных

---

[266] *Пишгар* – населенный пункт, расположенный недалеко от Джизака.

пятен сожженного хлеба лежали трупы убитых сартов – здесь также расправлялись русские за восстание.

Через час пути мы добрались до небольшого разбитого аула, в стороне от которого был дом убитого инженера. Дом и постройки были сожжены. Все имущество инженера было разграблено. Трупы убитых мы найти не могли, так как они, видимо, были брошены в горящий дом. По двору и около дома валялись порванные книги и учебники. Как плакала здесь жена инженера, наша спутница! Она рылась в пепле и прятала по своим карманам разные разбитые вещицы. Мы торопились дальше, так как впереди до ночевки было еще далеко. Спутницу мы едва не силой посадили на лошадь и снова тронулись в путь.

Вечером мы добрались до аула, в котором был расположен русский пост, состоявший из полуроты дружины при одном офицере. Здесь мы расположились на ночевку. Офицер жаловался мне на то, что здесь ему трудно, так как не проходит ни одной ночи, чтобы не было тревоги. «Каждую ночь воюем, отбиваемся от нападающих сартов». Он просил меня, чтобы я при приезде в отряд попросил полковника Вархотова прислать ему еще взвод, так как у него имеются сведения, что сарты собираются в большом количестве напасть и уничтожить этот пост, как тыл отряда, а потом уже и приняться за отряд. Я посоветовал ему написать об этом рапорт полковнику Вархотову, а сам обещал доложить обо всем подробно при передаче рапорта.

Часов в одиннадцать ночи мы проверили посты и едва успели вернуться, как началась стрельба, началась тревога. Солдаты выскакивали из юрт с винтовками, бегали и занимали уже заранее намеченные места. Я рассыпал сопровождавшую меня команду вдоль стены двора. Сарты стреляли, мы били по отблескам их выстрелов. Так продолжалось с час, а может быть, и больше. Тогда я, видя, что если продолжать так, то эта перестрелка затянется до утра, предложил начальнику поста покончить было разом, то есть оставить взвод здесь, а остальным двинуться на сартов потихоньку, пользуясь темнотой, и разом спугнуть и угнать нападающих. Так и сделали.

Рассыпались мы цепью и тихо, без выстрелов двинулись в ту сторону, откуда стреляли нападающие. Так прошли мы шагов пятьсот. Уже близко стреляли сарты и видно было, как они мелькали,

перебегая. Мы остановились и дали по ним несколько залпов. С их стороны раздался пронзительный крик, а потом стоны, видимо, раненого, а затем топот убегающих сартов. Не ожидали они такого приема. Возвратясь назад, ночь мы провели более или менее спокойно, только на некоторых постах изредка отстреливались. Утром с рассветом мы двинулись дальше. Опять проезжали разбитые аулы, сожженные поля и уже вечером поздно добрались до отряда. Я явился к полковнику Вархотову.

Я доложил ему о двух моих новых спутниках и передал просьбу нач[альника] поста о высылке ему подкрепления. Полковник Вархотов радушно принял меня и рассказал кратко общее положение, а после ужина он попросил скорее меня идти спать, так как завтра утром я должен принять под свою команду одну роту, конную разведку и сотню 4-го Оренбургского конного полка, так как бывшие в отряде два офицера заболели и отправлены в госпиталь. Перед отдыхом я снова напомнил полковнику просьбу начальника поста, сказав, что как начальник поста, так и солдаты там переутомлены и изнервничались от частых нападений на них. Полковник обещал облегчить положение поста.

Утром рано я поспешил осмотреть лагерь отряда. Отряд стоял в двух больших огороженных дворах в разбитом ауле Катта-Кара-Шах.

Солдаты и казаки жили в юртах, спали на коврах и одевались коврами. В одном дворе помещалась сотня и конная разведка, в другом – штаб роты и обоз. В изгороди были проделаны бойницы, так что оба двора при осаде могли первое время служить как бы крепостью. В сотне и конной разведке было много запасных лошадей, как после выяснил я, что это необходимо, так как после каждой разведки необходимо менять их ввиду того, что по горам и камням кони быстро разбивают копыта и ноги. Казаки жили хлопотливой жизнью: они были то на разведке, то заняты объездом новых, диких лошадей, то прилаживали или исправляли сбрую, а некоторые в свободное время даже ловили рыбу в ближайшей маленькой речке. Солдаты из роты несли только караульную службу по ночам, а днем вели редкое наблюдение за местностью. Целыми днями они спали, это была так сильно обленившаяся масса, что трудно себе представить. Так, у них шли бесконечные споры о том, кому пришла очередь идти за водой для питья, а вода была

в пятидесяти шагах от них; или спорили об очереди, кому идти с баком за обедом на кухню.

Близ штаба стояли три юрты, в которых помещались джигиты-сарты, служившие главными разведчиками и для связи проводниками при продвижении отряда. Это была горсть сартов, верных русским. Джигиты не сочувствовали восстанию своих соплеменников и открыто работали против их. Некоторые джигиты имели при отряде свои семьи из-за боязни, что за их службу у русских восставшие могут отомстить их семьям. Я хотел идти дальше осмотреть аул, но меня вдруг позвали к начальнику отряда.

Полковник вызвал к себе писарей команд, двух вахмистров и фельдфебеля, и я занялся приемкой команд. Полковник указал мне на распущенность роты и просил, чтобы я обратил внимание на нее и привел ее в порядок.

Потом он рассказывал мне о восстании, рассказывал о тех жестокостях сартов над русскими, и что удивило меня – он был противником применения таких же мер русскими против восставших. Особенно возмущал его расстрел пленных без суда, взятых в плен главарей он старался при удобном случае отправлять на стан[цию] Милютинскую, а оттуда в Ташкент. Он поделился со мной, что правительство не умело объявленным приказом и неправильно проводившимся администрацией колонизаторским планом вызвало против себя негодование туземцев, и вот сейчас было дошло до печального конца – восстания и усмирения.

Полк[овник] Вархотов прожил в Туркестане уже лет двадцать – двадцать пять. Местные условия и туземцев он знает хорошо, поэтому его взгляд на восстание я ценил, да и по первому впечатлению я почувствовал, что он добрейший человек.

Через некоторое время я отправился поближе познакомиться с принятыми мною командами. Настроение сотни было доброе, и они были уверены, что скоро с сартами они справятся и снова будут отправлены на германский фронт. Рота же действительно была распущена. Когда я передавал приказание фельдфебелю с завтрашнего дня начать обучение стрелять, то увидел, какое недовольство выразилось на из бесхитростных лицах. При разговоре с солдатами у них проскальзывала мысль о скорейшем возвращении домой, об окончании войны здесь и с немцами.

Часов в одиннадцать меня снова позвали к полковнику, который сообщил мне, что явились джигиты и сообщили, что в аул N (название не помню) собирается большое количество восставших и что не сегодня, так завтра мы будем ими осаждены.

Чтобы пресечь это, необходимо сейчас же отправиться с командой туда и постараться разогнать восставших, пока туда их не собралось больше. Ввиду этого я должен отправиться к аулу, взять с собой конную разведку (35 чел.), взять казаков и пять джигитов как проводников и для связи. Сборы были коротки: я получил карту, команда запаслась патронами, которыми заполнили даже некоторые кобуры. После обеда мы были готовы к отъезду.

Выстроив команду, я отправился доложить полковнику. Он вышел к команде и просил не принимать слишком крутых мер над восставшими и пленными, а главное, настаивал в случае неудачи, чтобы мы поддерживали порядок, так как если будем отступать в беспорядке и по одиночке, то в степях здесь нас всех переловят, а сарты расправляются с нами известно как, говорил, что чем суровее будем мы с ними, тем на большее время затянется восстание. Суровость к восставшим была уже проявлена достаточно, и каждый, наверное, помнит первую неделю усмирения, когда били всех сартов в восставших регионах, не щадя ни женщин, ни детей, сжигая подряд их аулы со всем добром. Теперь необходимо применять другие меры: разогнать бродящие еще шайки и не трогать усмиренных, возвратившихся в аулы к мирному труду. «Добром мы скорее доберемся до желанного нам конца – водворения мира в нашем Отечестве!» – так закончил свою речь полковник и, пожелав нам благополучного возвращения, простился с нами.

Мы тронулись из аула. День был ясный, на небе не было ни облачка. Солнце ярко светило. Через полчаса пути кони и мы были мокры от пота. Направление держали мы на юго-запад от места стоянки отряда. Сперва ехали мы долиной, потом стали переваливать через горы на запад. Горы чем дальше, тем были беспрерывные, хребет за хребтом. Далеко от нас появились на хребтах одиночки всадники (сарты) и, понаблюдав за нами минут десять – пятнадцать, скрылись за перевал.

До указанного аула было около 45 верст. Ехали мы не спеша. Перед вечером добрались до горного маленького аула, и я решил

здесь переночевать, а утром добраться до цели поездки. В ауле мы встретили только две сартовских семьи, остальные были в восставших отрядах, а семьи их кочевали где-то в горах. Оставшиеся встретили нас все с белыми флажками. Я задержал всех взрослых мужчин и, расположившись в саду, начал производить допрос через переводчика джигита. Задержанные подтвердили, что и они слышали, что в том ауле, куда едем мы, собираются восставшие с целью дать бой отряду. О приблизительном количестве собравшихся они не знают, но думают, что там еще немного собралось. Они называли мне имя главаря, который командует восставшими (я сейчас не помню этого имени), затем я отпустил задержанных.

Ночью я выставил усиленную охрану. Провели мы ее спокойно. Рано утром мы тронулись дальше. До требуемого аула оставалось верст двенадцать, двигались мы с предосторожностью. Впереди отряда шла разведка из трех джигитов, за ними шла казачья разведка, а затем уже отряд. Разведка противника стала появляться все чаще и чаще, но она держалась на дальних хребтах и появлялась не одиночками, как вчера, а уже группами от трех до восьми всадников. Мы начали последний перевал к требуемому аулу.

Разведка джигитов и казаков уже добралась до вершины и остановилась, наблюдая за открывшейся небольшой долиной и аулом. Через некоторое время от разведки отделился казак и поскакал к нам. Он доложил, что внизу видно небольшое количество конных, приблизительно человек тридцать – сорок, которые стоят у самого аула. Аул расположен приблизительно в полуверсте от горы.

Я принял эти сведения и отослал разведчика, приказав продолжать наблюдение дальше. Начали переваливать хребет и мы. С горы я также увидел у аула группу всадников, но уже человек шестьдесят-семьдесят, от которых время от времени отделялись одиночки и скакали в разных направлениях. Мы уже почти спустились в долину, как вдруг справа и слева от нас из бугров и аула выскочила вдруг в большом количестве кавалерия сартов и с трех сторон мчались на нас. Так это было неожиданно, так быстро, что я в первую минуту ничего не мог предпринять, у меня быстро промелькнула мысль, что отступать в горы мы не можем. Стоять здесь и отстреливаться [мы] также не можем, так как место неудобное. Броситься лавой на сартов нам трудно, так

как нападавших было приблизительно девяносто всадников, они нас сбили бы своей массой. Я быстро принял решение занять левый бугор, как более удобный, с которого на нас мчались сарты, и там, спешившись, отстреливаться до более удобного момента. Я быстро приказал вахмистру конной разведки бить залпами по наступавшим с правого бугра и из аула, а сам со взводом казаков начал бить залпами по наступавшим с левого бугра.

После нескольких залпов сарты замедлили стремительность атаки. Левая же их группа, как менее численная приостановилась. Тогда я приказал вахмистру конной разведки продолжать отстреливаться, а после того, как я займу с казаками левый бугор и открою огонь по наступающим, двигаться ко мне. После этого я рассыпал левый взвод казаков, мы с пиками на перевес с гиком кинулись на приостановившихся сартов. Левая группа сартов дрогнула и поскакала к аулу на соединение с их лобовой группой. Так через несколько минут мы заняли левый бугор.

Мы быстро спешились и открыли огонь по лобовой группе сартов, которая медленно, но настойчиво наступала на конную разведку. Под прикрытием нашего огня разведка, ведя лошадей в руках и отстреливаясь от наседавших справа, присоединялась медленно к нам. Минут через пятнадцать-двадцать мы были уже вместе. Коней поставили за бугор, чтобы не были перебиты, а сами рассыпались в цепь полукругом от горы к аулу. Наступающие так же из трех групп соединились в одну и приостановили наступление, немного отступив от нас. С нашей стороны раздавались редкие выстрелы – это хорошие стрелки брали на мушку. Сарты стреляли также мало, отсюда я заключил, что у них огнестрельного оружия мало. Вооружены они были больше шашками, кинжалами и пиками (длинный шест, на конце которого был насажен или кусок заостренного железа, или топор). Перестрелка продолжалась минут двадцать, потом шум у сартов стал усиливаться и через некоторое время они с визгом бросились все на нас. Я дал взводу казаков один прицел, а конной разведке – другой. Чтобы не ошибиться, мы стали бить по наступающим беспрерывными залпами (то разведка, то казаки по очереди).

Результат был достигнут: минуты через три стремительность атаки противника была приостановлена, продвигались они к нам

уже на рысях. Впереди наступавших скакало несколько человек, которые часто оборачивались назад, кричали что-то, размахивая руками в нашу сторону. Залпы наши учащались и становились нервными, но вот задние ряды противника дрогнули и поскакали мимо аула назад, затем и вся масса дрогнула и помчалась в разные стороны. Одна группа, особенно тесная, человек в семьдесят, кинулась наутек последней по долине назад, мимо аула. Мы быстро кинулись к коням и галопом стали преследовать убегающих. Тех, кого мы настигли, постигла несчастная участь – они были зарублены казаками. Потом убегающие от нас стали рассыпаться в горы, человек же двадцать продолжали скакать прямо. Мы их почти настигли, как они вдруг стали спрыгивать с коней и пешими бросались на крутую гору к ущелью.

Подскакав к этому месту, мы также быстро спешились и бросились за ними вслед. Завернув за ущелье, мы не увидели убегавших от нас, впереди их не было, внизу также, а забраться на гору они не могли, так как слишком она была отвесна. Ясно было, что они где-то спрятались здесь близко. Через некоторое время мы нашли отверстие пещеры. Не было никакого сомнения в том, что они укрылись от нас здесь. Мы дали два залпа в пещеру, а потом вошли в нее с зажженным фонарем. В углу пещеры мы увидели сартов, некоторые из них лежали на полу от страха. Казаки начали связывать им руки и выводить из пещеры, при этом был ранен один казак кинжалом в руку. Затем мы спустились с пленниками вниз, преследовать дальше было некого, ускакали все. Затем я отправил конную разведку назад занять аул, задержать там жителей, а тех, которые укочевывают, постараться вернуть, сам же с пленными я возвращался также к аулу.

Казаки просили меня разрешить сейчас же расправиться с пленными. Я решительно запретил им, мне необходимо было провести допросы. Мои предположения о том, что в этой группе пленных есть главари, потом оправдались. Аул был занят конной разведкой, жители задержаны и некоторые уже были выпороты за попытку укрыться.

Пока кормили коней в ауле, я стал допрашивать пленных, кругом меня стояла команда. На просьбу указать главарей, пленные ничего не отвечали, несмотря на угрозы. Тогда казаки вывели вперед

двух из пленных, которые были одеты лучше других, на них были парчовые халаты, сафьяновые ичиги и шитые золотом тюбетейки. На вопрос, кто они, оба отвечали: «Пастухи». Кругом рассмеялись казаки, слыша такой ответ. Когда им сказали, что этому верить нельзя, так как пастухи не так одеты и у пастухов более загорелые руки.

Оба они потупились и покраснели, на дальнейшие вопросы они ничего не отвечали. Так и пришлось их оставить, а начать допрашивать следующих.

Один из допрашиваемых указал на первых двух и заявил, что они действительно главари, потом уже остальные пленные и жители аула подтвердили это. Тогда мы поняли, что они действительно «пастухи». На вопрос, почему они восстали, отвечали, что другие аулы восстали, «мы должны были поддержать».

После допроса я заявил жителям через переводчика, чтобы они передали другим о том, что пора бросать воевать в нужно возвращаться им в аулы. Пока они не перестанут нападать на русских, до тех пор мы будем карать их. Указал на то, что чем больше они будут сопротивляться, тем больше из России пришлют сюда войск, тем сильнее с ними расправятся.

В бою у меня было ранено два человека, сартов пострадало больше. Так, в поле убитых было около сорока человек. Часа через два мы возвращались в отряд, везя с собой пленных. В отряд мы прибыли на другой день, где встретил нас начальник отряда и поздравил с благополучным возвращением. Распустив команду, я отправился к полковнику с докладом. Расспрашивал он меня обо всем подробно, интересовался он особенно пленными и после моего ухода он начал их допрашивать.

Утром следующего дня, часов около шести ко мне пришел фельдфебель роты и доложил, что на горе против расположения отряда часовым замечена группа сартов, которые, немного спустившись с хребта, залегли и наблюдали за отрядом. Немедленно я послал десять человек солдат на разведку в горы. Солдаты шли среди ржи, нагнувшись, и дошли до горы, а там маленькими овражками добрались до хребта, затем свернули вправо по хребту и очутились в тылу у сартов разведчиков. Сартов было пять человек, они продолжали наблюдать за отрядом. Солдаты крикнули, чтобы сарты подошли к ним, не ожидавшие в тылу русских, сарты бросились бежать.

Раздался залп, и четыре сарта упали убитыми. Один продолжал бежать, но и он был ранен и принесен в отряд.

При допросе раненого выяснили, что у аула Пишигар собралась большая группа восставших, которые думают напасть на отряд или на пост, размещенный между ст. Милютинской и отрядом.

Утром следующего дня по распоряжению начальника отряда я выступил с полусотней казаков, пятью джигитами к Пишигару. С нами был и фельдфебель Дудко, который поехал выяснить судьбу своего семейства, так как мы должны проезжать мимо того места, где был его домик. В этот же день был отправлен из отряда взвод пехоты на подкрепление.

Шли мы на юго-восток через горные места, переваливая перевал за перевалом, далеко от нас маячили разведчики сарты. Так мы продвинулись почти до аула Джиты-Кичу. Здесь попросил меня Дудко дать ему несколько казаков для поездки к дому, который был в двух верстах от аула. Я отправил с ним взвод и направился к аулу. За аулом мы увидели сарта, убежавшего в горы. Казаки догнали его и привели в аул. Сарт нес на руках двух детей, мальчика лет трех-четырех и девочку двух лет. При допросе выяснили, что он работник Дудко.

Когда сарты накинулись на дом его хозяина и стали разбивать все и мучить жену Дудко, то он взял двух детей хозяина и скрывался с ними до настоящего дня. Дети были с оборванных платьицах, грязные и на вопрос: «Как их имя?», отвечали: «Ванька и Лиза». Я спросил: «Где их мама?», мальчик ответил: «Мамку убили, а папа на войне».

Через некоторое время взвод подъезжал с Дудко к нам, которого я позвал к себе. Когда казаки расступились, то он увидел своих детей, зашатался и со слезами бросился к ним. После обеда я отправил его с девятью казаками и работником-сартом обратно в отряд, так как тяжело было вести их с собой. Мы двинулись из Джиты-Кичу на Пишигар.

Перед вечером мы добрались до Пишигара. Навстречу к нам выехали из аула несколько конных с белыми флагами. Они смело подъехали в нам и заявили, что рады принять нас, что из Пишигара только несколько человек среди восставших, остальные занимаются мирным трудом. Они сказали, что вчера действительно были в Пишигаре отряды восставших и перед вечером они быстро снялись

и направились на юг. В Пишигаре мы расположились в саду, сарты принесли нам кошмы, ковры, одеяла и т. д. на ночь, принесли виноград и лепешки. Сарты были преувеличенно любезны с нами, и мы стали опасаться их предательства ночью. Во избежание этого, я взял несколько стариков-сартов заложниками до утра. Ночь прошла спокойно.

Утром мне сообщили джигиты, что в поселок возвратилось несколько человек восставших, из них есть несколько человек, настаивавших на том, чтобы восстал весь поселок, и грозили за отказ после расправы с русскими наказать и не желавших восставать. Я приказал арестовать их и привести на допрос. На допросе арестованные отказались от предъявленного им обвинения, но при личной ставке с несколькими односельчанами они во всем сознались. Они говорили, что восстали, потому что не хотели идти на службу в русскую армию, что они и без того несут много повинностей; уйдя же на службу, им нечего было бы оставить на жизнь своим семьям. Я хотел забрать их с собою в отряд, но жители аула просили меня наказать арестованных здесь и оставить, так как знают их за добрых людей. Я и сам вначале подумывал отпустить их, но за то, что они набедокурили, а потом трусливо отказывались и их пришлось уличить только личной ставкой, я решил наказать их. Казаки, присутствовавшие при допросе, потом выпороли их и передали родственникам. На допросе я выяснил, что верстах в десяти отсюда есть две русские семьи, живы ли они, никто не знает, туда мы и двинулись дальше.

Немного не доезжая до указанного места, на нас вдруг накинулась из-за бугра справа, почти в упор группа сартов, человек в пятьдесят и дали по нам залп, был убит у нас казак и двое ранено. Мы первое время смешались, но, быстро оправившись, набросились на сартов, которые, не выдержав, поскакали в разные стороны. Преследовали их мы версты три. Некоторые были настигнуты и порублены, несколько же человек были сбиты из винтовок и взяты в плен. Из допроса их выяснилось, что с русскими семьями покончил с неделю назад какой-то бродивший тут отряд восставивших, а эта группа, также бродившая по степи, шла на юг на соединение с большим отрядом на юге. Сейчас она издалека увидела нас и надеялась сбить.

Пленных связали, посадили на их же коней, и мы двинулись к аулу, где были русские семьи, до которого оставалось версты две. Там мы застали три сартовские семьи, не успевшие укочевать в степь, но мужчины сарты при нашем приближении кинулись к коням и поскакали в степь, но были настигнуты и приведены к отряду казаками. Мы добрались до места, где стояли домики русских. Русские жили здесь, видимо, хорошо, так как за домами их были хорошие сады, а над арыком была поставлена купальня, на дворе их было много разбитых построек и хлевов. В саду мы нашли три трупа и обрывки окровавленного белья. В доме на сломанной постели лежал труп женщины. У купальни мы также нашли два трупа.

Казаки, озлобленные за убитых и раненых станичников, и видом замученных русских, беспрерывно просили меня разрешить покончить с пленными. Я не разрешал, говоря, что суд разберет дело и виновных накажет. Пока я продолжал осмотр разбитых домов, как вдруг раздался крик: «Лови, лови, ускачат!» Я выбежал и увидел, что некоторые пленные скакали в степь, а казаки, нагоняя, рубили их. Потом были разбиты и юрты захваченных здесь сартовских семей, затем мы возвратились назад. Меня все время беспокоила мысль, добрался ли до отряда Дудко с детьми и казаками.

Переночевали мы в Джиты-Кичу, а утром тронулись к отряду. Не доезжая до отряда версты четыре, мы приостановились у ручья отдохнуть. К нам подъехал разведчик джигит и сказал, что недалеко от нас впереди увидели лошадь Дудко с распоротым животом, без седла и уздечки, кроме этого ничего обнаружено не было. Это сообщение поразило нас как гром, мы молча сели на коней и тронулись вперед. На дороге лежала лошадь Дудко с распоротым животом.

Молча все мы слезли с коней, сняли фуражки, перекрестились. Постояв несколько минут над павшей лошадью, начали осматривать кругом это место, траву и камни, ища следы убитых, за мной последовали казаки и мы все продолжали минут двадцать без каких-либо признаков. Смех, шутки и песни прекратились, все понурили головы, так тихо и невесело мы возвратились в отряд. Я распустил казаков и с тяжелым чувством направился к полковнику с докладом. Полковник перед концом доклада спросил, почему я так печален, тогда я рассказал о случившемся, но он успокоил меня, сказав, что Дудко с детьми и остальными благополучно добрались до отряда.

Оказалось, что, не доезжая до отряда, пала у Дудко лошадь, но так как она была казенная, то на другой день ветеринарный фельдшер произвел вскрытие и составил протокол. На другой день утром джигиты подтвердили, что они имеют сведения о том, что южнее нас собирается большая группа восставших. Начальник отряда решил продвинуться туда со всеми своими силами.

Через день мы все выступили на юг. Верст через восемь мы остановились на горке у места, где были замучены сартами захваченные в плен перед моим приездом в отряд два казака. Только через день нашли их станичники и узнали по кускам погон и гимнастерок. Над их останками был насыпан холмик и поставлен маленький крест. Здесь полковник произнес речь, и затем мы двинулись дальше.

До аула, в котором должны быть восставшие, мы добрались вечером. Близ самого аула были задержаны разведкой два сарта, как оказалось потом мулла и его сын, разместились на лугу. Утром на допросе выяснилось, что неподалеку от аула есть дом русского лесообъездчика, но уже разбитый. Жена лесообъездчика, дочь, гимназистка пятого класса ташкентской женской гимназии, и дочь ташкентского купца, приехавшая сюда на лето, побиты, сам же лесообъездчик скрылся. Я с командой отправился к этому дому. Проехав версты три по маленькому ручью, джигиты задержали двух сартов, спрятавшихся в кустах, а неподалеку от них были найдены в кустах их кони. Задержанные ни на какие наши вопросы не отвечали. Мы их забрали с собой и двинулись дальше.

Через некоторое время мы увидели на бугре большой разбитый дом, перед домом валялась разбитая ванна, кухонная и другая мебель. При въезде во двор мы увидели два скелета. В доме было все побито, на полу валялись потоптанные иконы, разные фотографические снимки, книги и тетради гимназистки. На дворе в хлеву я нашел третий скелет. Окончив осмотр, я приказал принести помятую ванну и заставил пленных сложить в нее кости убитых, потом пленные вырыли могилку, и мы похоронили замученных. Пленных с горя и за их жестокость тут же выпороли, с трудом я оттянул от них казаков – едва их не убили у могилы. Потом мы возвратились в отряд. По приезде меня позвали к начальнику отряда, который тревожно просил меня, что делать с муллой и его сыном, и рассказал, что во время моего отъезда он произво-

дил допрос над муллой с сыном. Во время допроса муллу сзади подтолкнул в спину солдат, чтобы он стоял лучше и быстрее, и громче отвечал, мулла вышел из себя и высказался начистую.

Он сознался, что действительно благословлял и уговаривал на восстание против русских, и находил, что так и нужно было поступить, и не восставать им было нельзя, так как «русские скоро будут их есть живых». «Мы подданные русского Белого Царя, – кричал он. – Мы должны пользоваться с вами одними правами, что же мы видим? Русские ненавидят нас, начиная от крестьян до тюря (барина), не впускают в свой дом как паршивых собак. Администрация понуждала нести налоги и в то же время налагают сами налоги и в свою пользу. Наши дети большей частью безграмотны, так как послать учиться отец их не может, на это нужно иметь средства. Содержать ребенка, выгоднее для отца, он с семи лет отдает сына в пастухи, чтобы сын заработал отцу несчастные гроши, которые последний и передаст в бездонный карман Пристава или какому-либо другому русскому. Правительство заботится о нас, но где же и в чем это выражено, укажите мне?» – спрашивал мулла и продолжал: «Не тем ли, что, проведя железную дорогу, русские эксплуатируют нас, вывозя все из нашего края за бесценок. Смотрите, сколько столетий мы живем здесь, работаем из года в год и никак не можем разбогатеть, так как приезжающий из Европейской России с одним чемоданчиком и женой под ручкой новый русский чиновник через год-два уже имеет и свои косяки[267], и землю, и дом-дворец, и наш же народ работает у него из-за куска хлеба, как раб, презираемый хозяином. Терпели много, теперь довольно! И мы желаем жить как люди!» – так кричал мулла.

При переводе толмачом последних слов муллы стоявший сзади солдат кинулся на него и зажал ему рот рукою. Полковник приказал оставить в покое муллу и продолжал слушать его. Последний, подняв руку, вверх продолжал:

«Верите ли вы в Аллаха? Нет, вы не верите. Вы, русские, как звери, если бы вы верили, то никогда бы не поступали так с нами. Наш народ гибнет под вашим гнетом, он вымирает. За все это Аллах покарает вас, будет и вам, проклятым русским, плохо. Придет и на вас тяжелое время!»

---

[267] Вероятно, имеются в виду стада домашних животных.

(При этих словах поморщился полковник, но слушать продолжал.)

«Теперь вы хотите, чтобы мы пошли помогать вам на фронте. За что? Чтобы, окончив удачно войну, вы продолжали мучить, грабить нас среди белого дня и постепенно сживать нас со света! Так мы постепенно погибнем от вас в рабской неволе, а восстав, мы выиграем и заживем вольно или же в борьбе против вас погибнем все. Мало чего здесь потеряем мы. Дай Аллах крепость и силу в борьбе моим соплеменникам!»

Дальше мулла продолжил в полголоса читать молитвы, положив руки на голову своего сына. Минут через пять полковник опомнился от слов муллы и приказал их вывести и лучше стеречь.

Через полчаса после допроса на пленных набросились солдаты и начали избивать их. Начальник отряда с револьвером в руках разогнал озверевших солдат. Мулла с сыном были сильно избиты, у них изо рта, ушей, носа текла кровь, полковник приказал развязать их и стеречь.

Выслушав полковника, я стал просить сберечь и отправить с верными людьми муллу с сыном в Ташкент, советовал поставить караул из обозников, так как при обозе были более спокойные солдаты. Начальник отряда сказал, что он подумает и вечером даст мне распоряжение.

Но не суждено было жить пленным до вечера. После сильных побоев они были в глубоком обмороке. Через час приблизительно мулла пришел в себя, дернул сына за руку, потом соскочил и побежал бессознательно, сам не зная куда. Его сын побежал за ним, но, пробежав несколько шагов, упал и был затоптан бежавшими за ним солдатами. Мулла же перепрыгнул изгородь, бросился через ручей и перебежал его, но навстречу бежавшему шел казак, который, видя такую картину, выхватил шашку и быстро покончил с муллой. Все это произошло так быстро, что мы ничего не могли предпринять. Полковник, побагровев от зла, стал кричать на солдат, потом выяснил, кто из них первыми набросились на связанных пленных, наказал их и с полчаса читал нотацию остальным.

Ночью был поставлен сильный караул кругом отряда, так как имелись сведения, что где-то близко есть повстанцы-сарты. В середине ночи меня разбудил солдат, докладывая, что кругом горит степь. Поднявшись, я увидел почти кругом зарево и сильный свет.

Горела степь, подожженная повстанцами, небо над нами было темное, было жутко. Отряд весь был на ногах. Огонь приближался к нам, потянуло гарью. Необходимо было отходить в ту сторону, где пока еще не была подожжена степь. Было отдано распоряжение, и отряд спешно собирался к отходу. Огонь продвигался к нам быстрее. Люди начали нервничать, но вот поднялись и с обозом тронулись тихо назад, без крика и шума. Впереди всех ехали джигиты. Пройдя версты три или четыре, джигиты наткнулись на продвигавшуюся в нашу сторону кавалерию сартов и начали перекликаться с ними на сартовском языке[268].

Наступавшие вдруг открыли стрельбу, и джигиты, поскакав к нам, крикнули: «Готовьтесь, сарты наступают!» В отряде (роте и обозе) началась паника: рота лезла на обоз, обоз – на роту и т. д. Я быстро спешил часть казаков, и мы немного продвинулись вперед и залегли, затем я послал в отряд к полковнику связь с сообщением, что у меня все в порядке и с просьбой подходить отряду к нам тихо.

Вот впереди в темноте замелькали фигуры всадников, и мы открыли по ним залповый огонь. Сарты с визгом отскочили от нас, а мы прекратили стрельбу. Через некоторое время к нам тихо подошел весь отряд. Впереди и справа мы опять увидели нападавших на нас сартов. Мы опять дали несколько залпов, опять они с визгом отскочили назад. Ко мне подъехал полковник, я обратился к нему с вопросом: «Что будем делать дальше? Сзади огонь приближается, впереди, как видно, большое количество наступающих, так как это заметно по тому, насколько дерзко они лезут на нас». Полковник приказал понемногу продвигаться вперед. Рота была рассыпана в цепь справа и слева, в середине нас был обоз, который охраняла конная разведка. В таком порядке мы двигались вперед, перебрались через ручей и к рассвету выбрались на бугор, где и залегли цепями. Пока добирались до бугра, то раза два отбивали сартов, рота работала хорошо. Пожар в степи ослабевал.

Утром мы перед собой увидели группу сартов, человек шестьсот конных. Полковник приказал немедленно идти в наступление. Была рассыпана цепью рота, сотня – на правом фланге, конная же

---

[268] *Сартовский язык – сарт тилли.* Считается продолжением или разновидностью чагатайского языка тюркской группы алтайской языковой группы.

разведка охраняла двигавшийся за цепью обоз. Вот в таком порядке быстрым шагом мы начали наступление на сартов. Рота продвигалась, изредка постреливая. Наступать нам было легко, так как перевес в силе был на нашей стороне. У сартов началось волнение, и они немного продвинулись к нам. Как только пехота открыла частый огонь, сарты стремительно бросились назад, преследовали их немного казаки, но скоро вернулись назад, так как кони и мы были измучены за ночь.

Покончив с сартами, мы спокойно отдыхали, а перед обедом снялись и направились к прежней стоянке в аул Катта-Кара-Шах-Шах. Это был последний бой с сартами, после этого силы их таяли, восставшие возвращались в свои аулы и брались за мирный труд. Не смирившиеся небольшие отряды отошли в горы к Фергане, их не преследовали и они мало кого тревожили.

В Катта-Кара-Шах-Шах мы простояли спокойно около девяти дней и были отозваны в Ташкент. Так закончилось восстание сартов.

Петр Аношкин

В случае напечатания при существовании коммунистической власти в России фамилия не подлежит огласке.

ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 227. Л. 1–37.

№ 82

Дневник событий, последовавших после объявления мобилизации киргиз управляющего Нарынской таможенной заставой Доценко

8 августа. Поврежден телеграф.

8 августа. Телеграф восстановлен.

9 августа. Телеграф поврежден, по частным сведениям разгромлены станции Кумбель-Ата[269], Сары-Булак. Комендант Атбашинского

[269] *Кумбель-Ата* – железнодорожная станция Среднеазиатской железной дороги, расположена на территории Республики Кыргызстан.

участка объявил управляющему заставой о получении сведений, что киргизами производится порча телеграфа и нападение на русский поселок Столыпино, есть убитые и раненые, и предупредил быть готовым ко всяким случайностям. Заставой приняты меры к охране казенного имущества и жизни чинов (донесение заставы 10 августа 1916 г. № 22). Выехал в Столыпино начальник караульной команды с двадцатью казаками Атбашинский участковый начальник и надсмотрщик почтово-телеграфного отд[еления].

10 августа. Разгромлена станция Караункурт[270], приостановлена отправка почты. Получено от коменданта словесно сообщение, что Нарыну грозит опасность нападения киргиз.

12 августа. По уполномочению коменданта заведующим водворением переселенцев организована вольная дружина, вооруженная винтовками от Нарынского гарнизона, и вошедшие в нее служащие заставы с оружием от заставы. Казенное и частное имущество з[аста]вы перевезено в крепость, туда же перешли и семьи служащих заставы и большинство жителей села Нарына. Комендантом предложено снять таможенные посты (прил.: 2 копии записки коменданта от 12 августа с.г. и записка управляющего заставой на имя стражника Атбашинского таможенного поста Михайлова от 12 августа).

Прибыли в Нарын четыре раненых казака, защитивших почтовую станцию Онарчи, которую киргизы обложили кругом толпою тысячи две человек и атаковали в течение ночи станцию пять раз.

13 августа. По словесному распоряжению коменданта начальство над вольной дружиной принято управляющим таможенной заставой Доценко, по просьбе которого комендант словесно разрешил казенное и частное имущество и семьи заставы, эвакуированные в крепость, водворить обратно. Установлено в них ночное дежурство, при управлении заставой из таможенных двух стражников, помощника управляющего, управляющего заставой и из трех местных объездчиков Атбашинского лесничества, принявших на себя эти обязанности добровольно, старосты почтовой станции Караункурт Ив. Каверина – сына призванного по мобилизации таможенного стражника заставы Каверина.

---

[270] Почтовая станция была расположена в одноименном ущелье Караункурт (Кара-Ункур), в пределах Кыргызского хребта, примерно в 70 км от киргизского города Нарын.

Ив. Каверин – очевидец разгрома киргизами станции Караункурт и отступивший от данной станции вместе с защищавшими ее четырьмя казаками до станции Онарчи. Онарчи, как сообщает Ив. Каверин, разгромлены и защищавшиеся казаки вернулись в Нарын. Отряд из конных солдат и казаков, человек 20, посланный вверх по Нарыну на разведку, встретил в верстах в 18 от Нарына и разогнал ружейным огнем партию человек в сто киргиз.

По соглашению коменданта и управляющего заставой постам заставы приказано быть на местах постоянной службы (записка управ[ляющего]. заставой на имя Атбашинского поста от 13 авг.).

14 августа. Стражник Атбашинского таможенного поста доносит, что в селении Атбаши и между киргизами, зимующими по Атбашинской долине, пока спокойно (приложение: копия донесения старшего Атбашинского таможенного пост 14 августа с.г.).

15 августа. Управляющий заставой Доценко отказался руководить дружинниками. Отряд в человек 20, пройдя вверх по Нарыну около 12 верст, встретил скопище киргиз человек 300 и вступил с ними в перестрелку. Киргизы, не выдержав огня, разбежались по горам. После чего стали осматривать, откуда киргизы оказывали сопротивление. Казаки обнаружили на земле много крови, что заставляет думать, что между противником были раненые, а может быть и убитые, последних киргизы стараются увезти с собой. К вечеру отряд вернулся в Нарын (приложение: копия отношения управляющего заставой от 15 августа № 676).

Телеграф все дни с 8 августа бездействует, сведений об участи Нарынской караульной команды Атбашинского участка, нач[альника]. телеграфа и надсмотрщика, а также уехавших с ними двух мировых судей дней уже пять в Нарын не поступало. Числа с 8–10 августа отмечено как служащими заставы, так и др. лицами, что киргизы, имевшие жительство вблизи русских, оставляют свои места и, спешно бросая часто некоторое имущество, уходят в дальние горы. Посещения ежедневные Нарына приблизительно с начала августа совершенно прекратилось, изредка лишь показывались одиночки. Киргизы доставляли жителям Нарына дрова, но и они числа 12 августа перестали навещать село. По рассказам очевидца, на почтовой станции Караункурт киргизы для порчи

телеграфной линии поднимали два телеграфных столба, которые, падая, рвали проволоку.

16 августа. Часов в 8 утра отряд казаков человек 15 прошли вверх по долине реке Нарын, не встретив ничего подозрительного. На всем пройденном пути киргизы побросали на корню уже собранный ячмень. В одной лишь зимовке была киргизка-старуха, заявлявшая, что прошлой ночью по направлению к Нарыну проехала толпа киргизов, при дальнейшем расспросе старуха назвала несколько главарей бунтовщиков – киргизы Шаркратминской волости.

Сведений об участи начальника Нарынской караульной и др. в Нарын не поступало. Телеграф бездействует, почтового движения нет. Держится слух, что со стороны Андижана, куда после порчи Нарынской телеграфной линии послан был комендантом человек с необходимым донесением, идет гарнизону в Нарын помощь в две-три сотни казаков. Связь между Нарыном и Рыбачьем[271] с 10 августа прервана.

17 августа. Телеграф и почта не восстановлены. Сведений о начальнике Нарынской караульной команды и др. в Нарын не поступало.

18 августа. Те же сведения, что и 17 августа. Была разведка нескольких казаков вверх по Нарыну, ничего не обнаружившая. Слух о движении военного отряда из Андижана в Нарын крепнет.

19 августа. Телеграф и почта не работают, сведений о Нарынской караульной команды и др. в Нарын не поступило. Разведками частных лиц установлено: скот, отданный на выпас некоторыми жителями, как русскими, так и сартами или татарами, ближайшим к Нарыну кочующим киргизам, угнан киргизами, которые и сами снялись и ушли в дальние горы. Старший Атбашинского таможенного поста доносит, что наши таможенные посты Ташрабатский и Акбеитский, предупрежденные киргизами о грозящей им опасности, соединились с Атбашинским таможенным постом. Сделано управ[ляющим] з[аста]вой поручение о выяснении по-

---

[271] *Рыбачье* – населенный пункт на пути между городами Пишпеком и Караколом, основанный в 1871 г. В середине 1880-х гг. Михаил Бачин организовал здесь рыболовную артель. К 1907 г. селение стало именоваться Бачино, а в 1909 г. было переименовано в Рыбачье – в составе Пржевальского уезда Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. В 1993 г. переименован в Балыкчи (кирг. балыкчы – «рыбак»). Ныне город в Иссык-Кульской области Республики Кыргызстан.

ложения Босогинского поста. Получена записка коменданта на имя управ[ляющего] з[аста]вой, чтобы в Атбашах из собравшихся таможенных постов образовать надзор за выпуском в Кашгар[272]. Жителям сел Атбаши и всем внушить оставаться дома и ничего не бояться (Приложение: копия рапорта старшего Атбашинского поста № 19 с копией на нем на имя коменданта. Предписание № 681 старшему Атбашинского тамож[енного] поста и записка коменданта на имя упр. заставой Доценко).

Комендант словесно просил управляющего заставой съездить в с. Атбаши собрать там жителей и управителей ближайших к Атбаши киргизских волостей и объявить им ничего не бояться, находится на своих местах и заниматься мирным трудом. Управляющий заставой выехал в Атбащи в 5 часов вечера.

20 августа. В Атбашах жителям села и киргизам ближайших к селу волостей, которые собрались в Атбашах в количестве 20–30 человек, объявлено управ[ляющим] заставой, чтобы все жители как селений, так и волостей, не уходили бы за границу, жили бы спокойно, мирно занимались бы делами, ожидая прибытия войск, которые не дадут в обиду население. В самом селении пока спокойно, но чувствуется напряженное нервозное состояние жителей. По сообщению Атбашинского старосты Чештюбинская и Исангуловская волости держат себя спокойно, из Шатановской волости ушло за границу юрт двести с волостным управителем во главе. Чериковская волость также уходит вся и часть Шаркратминской волости. По словам того же старосты в Атбашах наблюдались одновременно усиленный наплыв киргиз, спешно ковавших у кузнеца своих лошадей, а также проявивших спрос к торговцам на порох. Оставшиеся в стороне волнений киргизы отбивают скот у бегущих за границу своих сородичей, который угоняют овец и лошадей.

Также староста сообщает, что он имел сведения от бежавших из поселка Столыпино кашгарцев о судьбе отрезанных от Нарына нач[альника] караульной команды и др. лиц вместе с русским населением. Последних будто бы киргизы вырезали с оставшимся в поселке солдатами и казаками, начальствующее лицо и два-три нижних чина ночью сумели бежать незамеченными на станцию Ры-

[272] До 1918 г. в Кашгаре располагалось почтовое отделение Российской империи.

бачье. Приведенному сообщению верить трудно, так как был слух, что всем осажденным в Столыпино удалось отступить в Рыбачье. Нет также сведений об участи прапорщика и нескольких нижних чинов, снятых по приказанию коменданта с постов, располагавшихся на перевалах по плоскогорью Ак-Сай. Постам этим дано было распоряжение идти в Нарын. Поступают сведения и в Атбаши, и в Нарын о нападении на русские поселки в местности Джумгал вблизи границы Ферганской области, предпринятые киргизами Пишпекского уезда и отбитые крестьянами при содействии будто бы киргиз Саяковской и Очуринской волостей, несочувствующих восставшим.

Из Атбаши ушел разъезд рано утром 19 августа в составе пятерых таможенных стражников на пост Босого. Выезжая из Атбаши в Нарын, управ[ляющий] з[аста]вой встретил стражника Тимофея Широбокова, сообщившего, что разъезд из пяти таможенных стражников, в числе которых был и он, дошел до Босого 19-го благополучно и узнал на Босого, что стражник Гридунов пропал без вести. Сегодня же были в Нарыне с соответствующим донесением. Из Нарына разъезд пошел опять через Босого в составе четырех человек, а пятый Т. Широбоков направился в Атбаши с целью захватить там управ[ляющий] з[аста]вой и сообщить об исчезновении Гридунова.

Управ[ляющий] заставой приказано словесно Т. Широбокову передать старшему Атбашинскогого поста распоряжение объявить всем волостным управителям и населению о потерявшемся стражнике и его розыске. В заставу управляющий возвратился поздно вечером сегодня. В Нарынском лестничестве в пяти местах горит лес, зажженный киргизами.

21 августа. В час ночи тревога: все служащие заняли свои места для обороны, слышны были выстрелы из винтовок и пулемета со стороны крепости и поста, расположенного вблизи моста через реку Нарын. Утром выяснилось, что киргизы, в каком количестве заметить было трудно, благодаря темной ночи вышли из гор, пройдя северной стороной Нарына, пытаясь произвести разведку поста и самой крепости, открыв редкий ружейный огонь главным образом по казачьей коновязи, где находились лошади. Киргизы были прогнаны огнем гарнизонного секрета возле моста, который они хотели поджечь, но не успели выполнить свое намерение, по-

бросав сухое сено невдалеке от моста. Утром тоже слышны были со стороны крепости несколько одиночных выстрелов, как потом оказалось по киргизам, имевшие склонность показывать себя против крепости. Посланный вскоре разъезд из нескольких казаков за рекой Нарын в том месте обнаружил следы от многих лошадей, а также наши доставили коменданту две киргизские шапки, одну пику, много записок, очевидно потерянных кем-то из киргизов, и окровавленный пояс, поймав при этом заседланную лошадь. Последние два вещественных доказательства убеждают, что между нападавшими был ранен, а может быть, и убит огнем крепости человек.

Телефон и почта не восстановлены, об участи отряда в Столыпино, прапорщика и стражника Гридунова сведений нет.

22 августа. Ночь 21 на 22 августа прошла спокойно, в течение дня никаких достойных сообщений не было, за исключением рассказа учителя из города Пржевальска Ходосова, командированного для переписи скота в Пржевальском уезде, который, возвращаясь с работы в г. Пржевальске, был задержан восставшими киргизами Онарчинской волости Атбашинского участка на местности Султан-Сары. Обращались киргизы с учителем не грубо, присутствия его между ними как будто не замечали, но сторожили. Продержав пленника в юрте с неделю, киргизы предложили ему написать от них записки коменданту в Нарын с предложением отпустить учителя, если комендантом будет отпущен арестованный ихний волостной правитель. Получив в Нарыне записку от учителя, комендант приказал посланцу передать, чтобы пленник был немедленно доставлен невредимым в Нарын, что киргизы и выполнили в точности. Сопровождавшие учителя джигит, переводчик-семинарист при встрече на Султан-Сары с киргизами, оставив учителя, сбежали. Телеграф и почта не работают.

23 августа. Почта и телеграф не восстановлены. Пришла в Нарын сотня оренбургских казаков, на днях ожидается прибытие пехоты, сапер, телеграфной команды и двух орудий. Прибывшие войска шли через перевал Кугарт[273], по всей дороге, не доходя до Нары-

---

[273] *Кугартский перевал* – расположен в пределах Ферганского хребта, связывает Ферганскую долину и Нарынскую область.

на сорока верст, пришедшей сотне киргизы оказывали не совсем охотно содействие. На последней же стоянке за сорок верст до Нарына казакам не было поставлено ни юрт, ни сена для лошадей; за 18 верст от Нарына на правом берегу реки Нарын против русского поселка Рождественского, расположенного на левом берегу той же реки, казаки видели большую толпу киргизов, пытавшихся обстрелять сотню, казаки ответили несколькими залпами, после чего киргизы разбежались.

Получено в гарнизоне сообщение, что сегодняшней ночью киргизы решили напасть на поселок Рождественский, куда сегодня же вышла в поддержку русскому населению группа казаков. По сообщению прибывших по конному пути Андижан – Нарын казаков деревянный мост через реку Атбаши при впадении ее в реку Нарын сожжен киргизами, и сотня перешла реку в брод.

Получено от старшего стражника Атбашинского поста некоторые сведения о потерявшемся стражнике Гридунове. Стражник Босогинского поста сообщает, что прапорщик, занимавший пост на Аксае, ушел с казаками к перевалу Бедель[274]. О розыске Гридунова: управляющим заставой лично опрошен в Нарыне Чештюбинский волостной управляющий. Получены в заставе донесения старших стражников Ташрабат[ского] и Акбеит[ского] об оставлении этих постов стражей и рапорт Атбашинского поста об оставлении стражей Босогинского поста (приложение: копия рапорта стражника Атбашинского поста № 15 с надписью на нем управ[ляющий] з[аста]вой № 688 и рапорт Атабаш[инского] № 14, Акбеит[ского] и Ташр[абадского] № 2 постов).

24 августа. Есть известия о разграблении русских поселков, расположенных вниз по реке Нарын Семиреченской области прибывший 22 августа из поселка Солыпино джигит Атбашинского участкового начальника сообщает, что отряд с русским населением, выдержав атаку киргиз и нанося атакующим чувствительные удары, отступил по направлению станции Рыбачье, дальнейшей судьбы отступивших джигит не знает, так как вынужден был отде-

---

[274] *Бедель* – перевал в горной системе Тянь-Шань, через хребет Какшаал-Тоо. Расположен на границе Киргизии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Исторически перевал служил важной караванной дорогой, находясь на Великом шелковом пути.

литься от них и бежать в Нарын. Остальные джигиты участкового начальника тоже бежали по своей воле и в Нарын не явились.

Учитель Ходосов дополнительно к сообщению, занесенному в наш дневник 22 августа, сообщает, что семинарист, узнав в пути о воинственном настроении киргиз, поспешил снять и спрятать в куржум свой европейский костюм, надев взамен халат и киргизскую шапку, а джигит сорвал с себя плечевые знаки. Когда учитель обратился к ним за советом о дальнейших действиях, то оба туземца перестали с ним разговаривать.

Почта и телеграф не восстановлены.

25 августа. Достоверных сообщений не было. Какие мероприятия приняты для розыска Гридунова. Комендант на отношение управ[ляющего] заставой 23 сего августа за № 688 (дневник 23 авг.) ничего не сообщает. Телеграф и почта не восстановлены.

26 августа. Возвратились казаки с разведки до почтовой станции Онарчи. Станция и пост через реку того же названия разрушены киргизами. Телеграф и почта не восстановлены.

27 августа. Прибыла в Нарын партия, человек в двадцать кашгарских сартов со стороны поселка Столыпино. При опросе выяснено, что поселки, за исключением Занарынского поселка киргизами не тронуты (по сведениям на 19 августа). Заявляют, что они были заняты переселенческим управлением работами вблизи Токмака Пишпекского уезда по проведению арыка в русские поселки. Приблизительно дней двенадцать тому назад к месту их работы явилась большая толпа киргиз и велели всем кашгарцам уходить за границу через перевал Шамси[275] в обход Токмока на поселок Столыпино в Кашгар, а часть разошлась по ближайшим населенным местам Пишпекского уезда. Упоминаемая выше толпа киргиз была вооружена только пиками и никаких враждебных действий против русского населения в то время не предпринимала, русские же крестьяне при появлении киргиз стремились соединиться из нескольких поселков в один. Русский поселок Столыпино, по словам кашгарцев, сожжен, что же стало с жителями этого села и бывшим там отрядом кашгарцы, отговариваются незнанием, несмотря на

---

[275] *Перевал Шамси* – расположен в пределах Киргизского хребта, ограничивает Чуйскую долину с юга, протянулся на 454 км в широтном направлении с запада на восток, в 40 км от Бишкека.

то что туземная часть уцелела и в ней сейчас проживают торговцы – кашгарские сарты во главе со своим старостой. Опрошенные кашгарцы прожили в Столыпино два дня.

Телеграф и почта не восстановлены. Невольно возникает вопрос, почему из оставшихся в Столыпино торговцев – кашгарских сартов во главе со своим старостой, официально русскими властями признанным, никто не сообщил до сего времени о разыгравшихся на их глазах событиях в поселке?

28 августа. К вечеру прибыл в Нарын отряд в 700 человек из пехоты, сапер и двух орудий. Из своего состава отряд оставил в русском поселке Отайка вблизи перевала Кугарт на границе Ферганской области 80 человек, где киргизы проявили намерения напасть на крестьян. Куда направит из Нарына свои силы отряд, пока неизвестно.

Почта и телеграф не восстановлены.

29 августа. Сообщено коменданту, что охрана заставы с казенным и частным имуществом, также выход из Шаркратминского ущелья[276] по дороге на село Атбаши собственными силами снимаются ввиду прибытия в гарнизон достаточного количества войск; также сообщением просится известить, пойдет ли на урочище Ак-Сай[277] отряд, к которому имеет намерение присоединиться управ[ляющий] заставой для розыска без вести пропавшего стражника Гридунова. Комендант словесно сообщил: стражник Гридунов убит джигитом Атбашинского участкового начальника Сарыгулом, бежавшим после совершения преступления за границу, убиты также киргизами солдаты и казаки с прапорщиком, занимавшие пост Ак-Сай (дневник 23 августа). Отряд, за исключением казаков, намерен разделиться на двое и разными путями идти на г. Пржевальск. Комендант словесно просит всех стражников пока соединить в Атбаши и посты Босогинский, Ташрабатский, Акбеитский занимать. Когда придет отряд на Ак-Сай, пока не известно (приложение: отношение управ[ляющий], заставы № 690 и его же предписание постам № 691).

---

[276] *Шаркратминское ущелье* – расположено в пределах Киргизского хребта, территория Республики Кыргызстан.

[277] *Урочище Ак-Сай* – расположено в пределах Киргизского хребта, территория Республики Кыргызстан.

30 августа. Почта и телеграф не восстановлены. Сообщают о бесчестии кашгарских китайско-подданных сартов – торговцев села Атбаши. Нужно полагать, что кашгарцам известны дальнейшие намерения киргиз, грозящих, как об этом носятся местные глухие толки, уничтожить Нарын и Атбаши (приложение: рапорт Атбашин[ского] тамож[енного] поста № 16).

31 августа. Для восстановления почтового пути и телеграфа из Нарына выступил отряд сапер, вверх по реке также отправлен отряд. Получено в гарнизоне известие, что отряд, атакованный киргизами в поселке Столыпино, благополучно отступил в Токмак вместе с русским населением поселка.

1 сентября. Почта и телеграф не восстановлены. В Атбаши для охраны населения выступила из Нарына приблизительно полурота пехоты. Начальник почто-телеграфного отделения сообщает, что отряд сапер дошел к почтовой станции Онарчи. Возле самой станции уничтожено киргизами 93 телеграфных столба, оборвана телеграфная проволока, найденная саперами в зимовках киргиз; мост через речку Онарчи и телеграфный мост через речку Онарчи восстанавливаются; из Атбаши сообщают дополнительные сведения, касающиеся погибшего стражника Гридунова, а также о том, что стражники всех постов находятся на Атбашинском посту, с которого предпринимаются разъезды к Ташрабату, Акбеиту и Босого.

2 сентября. Почта и телеграф не восстановлены. Достоверных сообщений не поступало.

3 сентября. Управляющий заставой выехал через Атбаши на розыск исчезнувшего стражника Гридунова. Почтовый чиновник сообщает, что телеграфная линия исправлена на десять верст за станцию Онарчи. Почта не восстановлена. В Атбаши никаких сообщений не было.

4 сентября. По сообщению прочих чиновников телеграф восстановлен на 15 верст за Онарчи. Почтовое движение не открыто. Против станции Караункурт в 20 верстах на восток на местности Караункурт высланный из Нарына отряд пехоты в 140 человек встретил киргиз, собравшихся из пяти-шести волостей, вступивших с отрядом в перестрелку. На помощь пехоте выслано из Нарына сто человек оренбургских казаков.

Выехав из Атбаши рано утром по направлению к Босого, управ[ляющий] заставой вместе с семью таможенными стражниками и добровольно присоединившимися к нему лесничим Атбашинского лесничества и двумя местными объездчиками возле зимовки киргиза Сарыгула – убийцы стражника Гридунова – задержали нескольких киргиз и путем опроса узнали место, куда зарыли Гридунова, которого сегодня же по приказанию управляющего выкопали киргизы и доставили в Нарын. Подробности предпринятой управляющим поездки изложены в его представлении инспектору от 6 сего сентября за № [278] с приложением.

На Караункурте отрядом пехоты разогнаны киргизы. Оставшиеся в добычу войскам много голов круп[ного] рог[атого] скота сегодня же утром выступили из Нарына через Атбаши на Ак-Сай под охраной казаков.

5 сентября. Предано земле тело зверски замученного Гридунова. Комендантом крепости была назначена для отдания почести погибшему при исполнении служебных обязанностей воинская часть, произведшая при опускании праха в могилу салют.

6 сентября. Телеграф восстановлен на протяжении 80 верст от Нарына. Почтовое движение не открыто. Отряд сапер, работающих по направлению телеграфной линии Нарын – Рыбачье, вблизи перевала Долон[279] имел перестрелку с киргизами, высланными от главной их массы на разведку.

7 сентября. В селе Отайка в 250 верстах от Нарына находящийся отряд в 1000 человек дружины, прибывший из Андижана, встречал в дальнейшем своем пути на Нарын сопротивление киргиз, укрепившихся будто бы за местными заграждениями; вернулся отряд пехоты к верховьям реки Нарын; киргизы встречали, очевидно, предупрежденные, они уходили глубже в горы, оставляя в добычу войскам разный скот.

8 сентября. От работающих по восстановлению телеграфа и почтовой дороги сапер известий по телеграфу не поступало; в

---

[278] Так в документе.

[279] *Перевал Долон* – расположен примерно в 70 км к северо-западу от киргизского города Нарын и в 100 км к юго-западу от знаменитого озера Иссык-Куль.

перестрелке с киргизами, как передали саперы, 7 сентября ранен один солдат. Из Атбаши полурота пехоты вернулась в Нарын.

9 сентября. Гарнизоном получено через Андижан от губернатора Семиреченской области телеграмма, в которой сообщается, что из Верного и Токмака посланы большие отряды войск; находящемуся отряду той же телеграммой приказано выступить в Столыпино (Кочкорка) и продвинуться до Рыбачьего; и с последним отрядом намерен добраться до Рыбачьего и дальше до Пржевальска учитель Ходосов (днев. 22 августа). От казаков с Ак-Сая получено донесение, что все здоровы, по имеющимся у них сведениям, на Ак-Сае (не указывается название местности) собралась шайка тысяч десять киргиз.

10 сентября. Возвратился в Нарын отряд казаков с Ак-Сая; отряд прошел дальше таможенного поста Босого к пограничному пер[евалу]. Кугарт и на пути своем мятежников не встретил, хотя в некоторых местностях замечали на горах отдельных всадников, как бы следовавших за отрядом. Отправлений и получений почты и телеграмм не было.

11 сентября. Начальник почтового отделения сообщает, что им получено из отряда задержавшиеся в поселке Отайка около 500 писем, адресованных чинами отряда родным и знакомым в Россию. Очевидно, отряду неизвестно положение Нарына, откуда почта уже второй месяц не в какие места не направляется; между прочим, в открытках есть, например, такие сообщения: «31-го августа приняли боевое крещение, перешли реку Нарын вброд и разогнали скопища киргиз, действуя пулеметами». Надо полагать, что в районе сел. Отайка происходили серьезные события, о которых подробно пока в Нарын сведений не поступало. Тот же начальник конторы говорит, что с 8-го по 11-е включительно сего сентября телеграф с работающими на линии саперами не действовал, хотя им, нач[альник] конторы, получена от его помощника, ушедшего с саперами, записка, составленная 8-го вечером, в которой сообщается, что 9 сентября работающие должны быть в Столыпино. Записку привез солдат, следовавший по своим делам в Нарын. Находится ли восстанавливаемая телеграфная линия в безопасности или ее вновь повредили киргизы, пока об этом в течение четырех дней известий не было.

12 сентября. Вчера ушло человек 20 казаков Нарынского гарнизона в сел[ении] Атбаши, где вновь разговаривали о подозритель-

ном настроении среди киргизов. Положение телеграфной линии не выяснено, так как в течение дня известий по телеграфу от сапер не поступало. Почтовое движение закрыто.

13 сентября. Сообщений по телеграфу не было. Ходят слухи, что исправленный саперами мост через реку Онарчи возле почтовой станции того же названия вновь сожжен киргизами. Атбашинский таможен[ный] пост доносит, что его разъезды на Ак-Сае задержали сарта, бежавшего из Пржевальской тюрьмы. Сарт при побеге был ранен в бок. Почтовое движение закрыто (приложение: копия рапорта Атбашинского поста от 9 сентября № 20).

14 сентября. Прибывшие вчерашнего числа с пер[евала] Корчара нарынские торговцы – кашгарские сарты передают, что четыре дня тому назад они были на китайской территории в местности Тоюн-Тюбе, в 4–5 верстах от пограничного перевала Туругарт[280]. В Тоюн-Тюбе находятся киргизы Шатановской волости со своим волостным управителем в количестве 300 юрт, бежавшие из русских пределов (дневник 20 авг.). В Тоюн-Тюбе выезжали из Кашгара китайские чиновники и заявили киргизам Шатановской волости, что они будут через несколько дней выдворены в русские пределы, так как в китайских владениях проживать им закон не разрешает.

Лесничий Атбашинского участка сообщает, что на его рабочего киргиза, гнавшего из Нарына в Атбаши скот, произведено было нападение верстах в 8–10 от Нарына нескольких киргиз, потребовавших от погонщика скот, но узнав, что следом за погонщиком едет лесничий со стражниками, киргизы скот не тронули, а отобрав у погонщика деньги – пять рублей, скрылись. Киргизы, как заявляет погонщик, все [из] Исангуловской волости, считающейся властями «мирной».

Телеграф и почта не восстановлены.

15 сентября. Почта и телеграф не работают. От учителя Ходосова (днев. 9 сентября) управляющим заставой получена записка (карандашом) сообщается, копия и не очень подробно, о действиях киргиз на Кочкорской долине. Записка в подлиннике прилагается к настоящему дневнику.

---

[280] *Торугартский перевал* – перевал в горной системе Тянь-Шань, на границе Нарынской области Киргизии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

Вчера ушел отряд человек в 20 нижних чинов Нарынского гарнизона в Атбаши, куда их потребовал комендант, находившийся в это число в Атбашах. Позднейшие сообщения говорят, что назначение казаков в Атбаши другое.

Джигит Атбашинского участков[ого] начальника, вернувшийся с поездки в поселок Столыпино, куда был послан комендантом из Нарына 12 сентября по делам, говорит, что мост через р[еку] Онарчи вновь восстановлен, телеграфная линия исправлена саперами до почтовой станции Куш-бель-ата, на 100 верст с небольшим от Нарына, дальше исправление телеграфа приостановлено, так как все имевшиеся запасные, а также бывшие в деле телеграфные столбы предварительно уничтожены киргизами.

Закончены выдачи по подписному листу в пользу семьи погибшего Гридунова (приложение: подписанная записка учителя Ходосова от 14 сентября и копии подписного листа пожертвований в пользу семьи Гридунова).

Копия записки учителя Ходосова: «Уважаемый Василий Иванович! В селе Столыпино (Кочкорка) отряд прибыл 12 сентября вечером, не доходя пяти-шести верст до села, разведчики обнаружили скопища киргиз, тысячи в две. Послав за батареей и пулемет[ом], через полчаса начали бой.

Киргизы расположились по течению реки у моста и начали наступать, вооружены они пиками и ружьями. На расстоянии двух верст приблизительно началась стрельба с пулемета и пушек. Киргизы отвечали выстрелами, но потом в панике бросились убегать. Наперерез пошли казаки, которым не удалось нагнать главные силы, так как все рассеялись по горам, убито ими чел[овек] десять. Село Столыпино сожжено киргизами перед входом в него сапер. Церковь тоже сожжена. Сарты убежали. Только остались кошки и собаки, последние воют день и ночь. Телеграф подвергся порче, и теперь саперы от ст. Сары-Булак до Кочкорки часто делали сражения. Киргиз было до 8 тысяч, по дороге встречаются убитые лошади, трупы киргиз убраны. Из саперов один убит и четыре ранены, что очень печалит. Скажу, что здесь пахнет войной. Вполне возможно, что киргизы теперь убегают, но куда? 1916 года 14 сентября, подпись Ходосов».

16 сентября. Почта и телеграф не восстановлены. Часть киргиз левого берега р[еки] Нарына начинают занимать свои зимовки, но

большая часть киргиз, волнующихся волостей того же берега, находится в пределах Китая.

17 сентября. Почта и телеграф не восстановлены. Достоверных сообщений в течение суток не было.

18 сентября. Получен ответ коменданта на отношение упр[авляющий] з[аста]вой за № 727. Комендант, назвав «верными» часть киргиз Шаркратминской волости, бежавших правда за границу, но бросивших хлеб и начав движение со своих ежегодных летних стойбищ вглубь гор, где имела сбор остальная часть волости, не указывает в своем ответе, какими способами погасить казенные и частные убытки в том случае, когда по «усмиренной волости» не окажется в ней на лицо обязанных долгами киргиз. Мне кажется, что в происходящих событиях слово «верные» нельзя применять к большей или меньшей группе киргиз, за исключением только отдельных личностей, так как эти «верные» целыми аулами недавно лишь начали спускаться к зимовкам, крепко скрывают в своей среде, помимо бежавших в Китай, и убийц таможенного стражника Гридунова (доклад упр[авляющего] з[аста]вой № 711) и прапорщика с 20 казаками и солдатами, и виновников массового угона скота, принадлежавшего русским крестьянам, и повязанных доставкою дров и фуража в казенные учреждения и частным лицам, выдавшим скрывающимся деньги. В подтверждение изложенного мнения служит полное игнорирование «верными» распоряжений даже самого коменданта о розыске и доставки убитых офицеров и нижних чинов. Почему наконец нельзя распорядиться тому же коменданту конфисковать весь запас фуража, дров бежавших за границу киргиз и таковыми удовлетворить претензии правительственных учреждений и частных лиц, а остатки обратить в доход казны (приложение: в копиях отношение упр[авляющего] з[аста]вой № 797 и отношение начальника Нарын[ского] гарнизона № 129).

19 сентября. Комендант в личном разговоре с упр[авляющим] з[аста]вой предложил сено для стражи приобретать в с. Атбаши по 8 коп. за сноп с доставкой, если же в Атбашах киргизы не будут по этой цене продавать фураж, то комендант окажет тогда содействие.

Почта и телеграф не восстанавливаются. Также комендант сообщает, что многие киргизы из вернувшихся к своим зимовкам вынуждены были, как они сами о том заявляют коменданту, стать

в ряды восставших, так как «манапы» и «почетные лица» (доклад № 711) били и гнали их палками в общую толпу против русских.

20 сентября. Телеграф и почта не восстанавливаются. Никаких сообщений в течение дня не было.

21 сентября. Сообщений в течение дня не было. Почта и телеграф не восстанавливаются.

22 сентября. Прибывшие в Нарын с Кочкорки кашгарский сарт Абду Ваид имя Азизов[281] сообщает, что в начале лета он и родной его брат отправились из Кашгара на Сон-Куль с целью променять у киргизов свой товар мату[282] на баранов. Когда на Сон-Куле просочились сведения о движении в Нарын из Андижана войск, то киргизы снялись со своих стойбищ и двинулись на Кочкорку. Кашгарцы также должны были следовать за киргизами. Азизов с киргизами шел дней 25 тому назад и видел – прибывшие туда солдаты стреляли по киргизам. Последние, вооруженные пиками, ружьями, палками, не выдержав огня солдат, бежали, побросав много разного своего имущества и даже некоторые семьи с намерением, как слышал Азизов, уйти на урочище Джанадулыр (верховья реки Атбаши, откуда есть путь в китайские владения через перевалы Кобергенты, Когарт). Селения – туземное Кочкорка и русское Столыпино – киргизы зажгли. Братья-кашгарцы, отпущенные киргизами с Кочкорки, направились пешком по почтовой дороге в Нарын; спускаясь с перевала Долон, братья были задержаны шайкой киргиз человек в 200, отобравших у них баранов; шайкой этой также были задержаны, что видел ночью Азизов, трое киргиз – джигитов Атбашинского участкового начальника, посланные в отряд на Кочкорку из Нарына. Киргизы вместе с задержанными тронулись горами по направлению Кочкорки, причем братья-кашгарцы как пешие очутились позади всех и, пользуясь наступившей ночью, бежали в Нарын. По сообщению Азизова скопищами киргиз руководят Кубегень, Тизякбай, сыновья Шабдана[283] (умер-

---

[281] Подчеркнуто в документе.

[282] *Мата* – бумажная ткань низкого качества.

[283] *Шабдан батыр* (1839–1912) – сын Жантай-хана, манап из рода тынай племени сарыбагыш. Принимал участие в сражениях с русской армией близ Узунагача. За оборону Ташкента Худояр-хан назначил его беком г. Туркестана, но Шабдан батыр перешел на службу к России. В 1876–1877 гг. оказал содействие по присоединению алайских кыргызов к России. За заслуги в службе царской России был приглашен на коронацию Александра III, получил звание воинского старшины (полковника), награжден золотыми часами. В 1884 г. ему была выделена ежегодная пенсия в размере 300 руб.

шего полковника русской службы) и др. волостные «манапы» и «почетные лица».

Обо всем изложенном Азизов доложил коменданту в Нарыне.

23 сентября. В Нарын вернулись начальник караульной команды, Атбашинский участковый начальник, оба судьи, казаки и солдаты, охранявшие поселок Столыпино, из которого они все, выведя русское население, отступили в Токмак (дневн[ик] 9, 20, 24 и 31 августа). Когда будут восстановлены почта и телеграф, неизвестно.

24 сентября. Участник обороны селения Столыпино, ратник ополчения Нарынской караульной команды сообщает, что обороняющиеся вынуждены были оставить Столыпино вследствие недостатка патронов. С большой похвалой отзывается о хладнокровии и распорядительности Атбашинского участкового начальника, который все время осады поселка киргизами руководил обороной и ободрял нижних чинов. Сообщающий эти сведения передает как очевидец, что киргизы не щадили из русского населения никого, всадники хватали ребенка каждый за ногу и вскачь неслись в разные стороны, разрывая надвое невиновную жертву; одну крестьянскую девушку мятежники привязали веревкой (арканами) и, несясь верхом на лошади, волокли ее за собою по земле; девушку эту оборонявшимся удалось отбить. Описанная картина произошла в поле во время уборки хлеба до похода отряда начальника участка. Передающий события был командирован в числе др[угих] 7 челов[ек] нижних чинов из Нарына для охраны поселка.

Весь отряд вечером, выйдя из своего укрепленного места, рассыпался в ночи, обстреливая нападавших киргиз, бросился на них в атаку, мятежники, не ждавшие такого отпора, смешались и побежали, чем воспользовался отряд с крестьянами и начал отступать по направлению к бывшей почтовой станции Кутемалды (Ново-Дмитриевск)[284]. Отступающих киргизы преследовали; переправа через реку Чу по Боомскому ущелью, мост через которую был сожжен

---

[284] В 1876 г, в Прииссыккулье возник первый конный завод, устроенный верненским казаком С.Е. Дмитриевым. Возникший затем там же поселок в несколько дворов назывался Ново-Дмитриевский. В первом десятилетии XX в. Кутмалдинская конно-почтовая станция, небольшие и малонаселенные поселки Ново-Дмитриевский и Бачино (рыбацкое поселение на берегу Иссык-Куля) фактически составляли один населенный пункт, который позднее стали называть Рыбачье. Ныне г. Балыкчи (Рыбачье) Иссык-Кульской области Киргизии.

под обстрелом нападающих киргиз, не обошлась отступающим без жертв, в быстрой речке потонуло несколько крестьянских детишек, в том числе рассказчика двое, и взрослых, были жертвы и в отряде от киргизских пуль.

С Кутемалдов весь отряд дошел до Токмака, где также принимали участие в обороне села от преследовавших киргиз. Сообщающий изложенное дважды ранен ружейной пулей в ногу, защищая Столыпино, и в левую руку пикой, защищая Токмак.

Поселок Столыпино и все движимое имущество крестьян уничтожено киргизами, либо сожжены. Станции Кушбель-Ата, Орто-Токой разрушены. Почтосодержатели на них зверски убиты. Станция Рыбачье и поселок Токмак также разрушены.

Атбашинский участковый начальник, делясь впечатлениями пережитой осады села Столыпино, нового ничего не добавил, за исключением сведений о судьбе русских поселков, расположенных по южному и северному берегу оз[ера] Иссык-Куля, которые сожжены почти все (около 24 поселков), а население большей частью спаслось, соединившись вместе в одном из поселков вблизи города Пржевальска. Больше всех пострадало население южного берега, бежавшее в город и встреченное на пути дунганами недалеко от гор. Пржевальска в сел. Марьинском, было последними вырезано; город Пржевальск не пострадал благодаря лишь настойчивой просьбе населения, обращенной одному из офицеров гарнизона, взять на себя защиту города, так как уездный начальник, он же начальник гарнизона, получая по телеграфу из Рыбачьего и Сазановки донесения о начавшемся мятеже, не хотел верить таким сообщениям, заявляя будто бы, что «его киргизы» не могут поднять восстание, а когда дали знать, что села подожжены и телеграф поврежден, то удалился в свою квартиру и долго не отдавал никаких распоряжений.

Привезены киргизами два разлагающихся трупа, в которых опознали убитых солдат, стоявших на границе на постах (представления № 672, 678): по заявлению киргиз трупы найдены в верховьях р[еки] Нарына, в 60–80 верстах от селения; остальных солдат, казаков и прапорщика киргизы разыскать не могли.

25 сентября. Сообщений не было.

26 сентября. Под конвоем казаков прибыли в Нарын «почетные лица» Шатановской волости, выдворенные китайскими властями

из-за границы в количестве 300 юрт (днев[ник] 14 сентября). При переходе киргизами границы находившиеся на пограничном перевале Туругарт[285] разъездами таможенной стражи установлено, что у выдворяемых ничего пошлинного или запрещенного к ввозу не было.

27 сентября. Сообщают, что управитель Шатановской волости, выдворенный из-за границы вместе со своими киргизами и арестованный в Нарыне Атбашинским участковым начальником, заявил последнему, что он разыщет и предоставит убийц трех крестьян села Сухотиновки, если его – управляющего – освободят из-под ареста. Три крестьянина названного селения, возвращаясь из Нарына домой, были схвачены киргизами Шатановской волости и, как теперь выясняется, убиты. Указанное заявление волостного оправдывает высказанные предположения во второй части представления с.г. за № 711 на имя г. таможенного инспектора Семипалатинского участка.

28 и 29 сентября. Сообщений не было.

30 сентября. Восстановлен телеграф.

1 октября. Открыт прием телеграмм.

2 октября. Сообщений не было.

3 октября. Повешены пять киргиз Шатановской волости, осужденные военно-полевым судом за убийство трех крестьян поселка Сухотиновка. В числе повешенных манап Касым-Алы и его сын, управитель Шатановской волости.

Атабашинским участковым начальником сделано распоряжение о реквизиции сена, ячменя, пшеницы, оставленных мятыми и на корню, бежавшими и до времени невозвращающимися киргизами участка.

4 октября. Сообщений не было.

5 октября. Часть войск Нарынского гарнизона выступила по направлению к перевалу Долон для облегчения задачи окружения не сдающихся киргиз, намеченной отрядом на Кочкорке. По сведениям из разных источников, мятежники скопились на высотах горного кряжа Долон, откуда часть из них уходит в китайские владения через верховья реки Атбаши на перевалы Тарагай – Кугарт.

---

[285] *Торугартский перевал* – перевал в горной системе Тянь-Шань, на границе Нарынской области Киргизии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Пограничный пункт между Россией и Китаем был впервые основан здесь в 1881 г.

6 октября. На четырех подводах прибыла первая почта под военной охраной. Из Нарына почта предполагается к отправке 8 октября.

Заканчивая настоящим числом свой дневник, считаю необходимым ко всему добавить, что объявление мобилизации туземцев, по моему мнению, не служило основной причиной ихнего вооруженного выступления, а было лишь толчком, давшим главарям мятежа «манапам» возможность так легко поднять покорную ими массу киргиз, для поднятия которых толчок этот (мобилизация) оказался очень несложен, а потому и выступление для них явилось как бы необходимым.

Основой же движения не рядовых киргиз, а их управителей, то есть «манапов» и других «влиятельных лиц», служила, я полагаю, настоящая война, в которую втянута и Турция, откуда, безусловно, проникали в край агитаторы и на почве «ислама» вели среди мусульманского населения края, главным образом долинного, то есть Ферганской, Самаркандской областей, пропаганду восстания, участие в которой, понятно, так или иначе приняла в лице своих агентов и Германия, а уже из долин Туркестана через фанатиков сартов пропаганда пошла в горы и принята была все теми же «манапами» и «почетными лицами», в число которых входили все волостные правители или их близкие родственники.

Касаясь некоторых таможенных вопросов, задетых августовскими событиями в Атбашинском участке, то, на мой взгляд, кочевники пользовались до сего времени слишком большими льготами в отношении перехода государственной границы, и события сами показали, что вообще такие послабления бунтовщики стремились использовать возможно лучше. Лично я держусь того мнения, что границу следует закрыть для всех без изъятия, а лишь оставить должны свободный перевал Туругарт и для всех без исключения применить ст. 702 и 1038 Уст[ава] тамож[енного], а затем для более тщательного наблюдения за неприкосновенностью границы усилить таможенную стражу, увеличив число таможенных постов, и выдвинуть их на самую границу.

Подписал и верно:

Управляющий Нарынской таможенной заставой *Доценко*

ЦГА КР Ф. И-46. Оп. 1. Д. 435. Л. 72–85 об.

№ 83

Рапорт благочинного церквей 1-го Пржевальского округа Иннокентию[286], епископу Туркестанскому и Ташкентскому

№ 464 *23 сентября 1916 г.*

По словам заведывающего водворением переселенцев, в переселенческих селениях не достает 3700 человек, кроме того, много убитых как горожан, так и крестьян.

Протоиерей *Михаил Заозерский*

ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 6. Л. 49 об. – 50 об.

№ 84

Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1916 г. епископа Туркестанского и Ташкентского Иннокентия Святейшему Синоду

14 июля 1917 г.

[...]

9. Разные сведения и замечания

Минувшим летом горы и степи Туркестана видели в своих пределах повторение кровавых походов Тамерлана[287]. Начиная с половины июля туземцы, пользуясь ослаблением русского населения, стали нападать на железную дорогу, жечь и грабить русские города и деревни, разрушать телеграф, почтовые станции, церкви, школы, убивать людей, захватывать скот и всякое имущество, оставляя после себя

---

[286] *Иннокентий (*в миру *Александр Дмитриевич Пустынский)* (1868–1937). С 25 июня 1912 г. епископ Туркестанский и Ташкентский (кафедра в г. Верном). В декабре 1916 г. перенес центр кафедры из Верного в Ташкент. С того времени до июня 1923 г. – епископ Туркестанский и Ташкентский.

[287] *Тамерлан (Амир Тимур)* (1336–1405) – среднеазиатский полководец и завоеватель, сыгравший существенную роль в истории Средней, Южной и Западной Азии, а также Кавказа, Поволжья и Руси. Основатель империи Тимуридов (1370) со столицей в Самарканде.

груды пепла и трупов. Седьмого сентября, когда в Верном были получены более или менее верные сведения из пострадавших местностей, я поспешил телеграфировать Святейшему Синоду следующее донесение: «Иссык-Кульский монастырь разграблен туземцами, семь монахов убиты, архимандрит с прочими иноками приютился в соседнем приходе. Десять приходских церквей, двадцать пять селений вокруг озера Иссык-Куль сожжены, несколько тысяч человек убито, остальные вывезены в Пржевальск. Скот уведен в горы, все имущество погибло. Войска восстанавливают помощь беженцам. Почтовое и телеграфное сообщение с Пржевальском прервано».

В настоящее время, когда порядок повсюду уже восстановлен, я имею возможность изложить дело гораздо пространнее, заимствуя материал непосредственно из донесений духовенства. Так, настоятель градо-Джизакской церкви (Сырдарьинская область) Дмитрий Морозов сообщил следующее: «Туземцы г. Джизак и всего Джизакского уезда в июле взбунтовались, восстание это подготовлялось, по-видимому, давно и по всему Туркестану при участии посторонней агитации, и было ускорено в Джизаке призывом рабочих из туземного населения на тыловые военные работы. Впервые восстание началось в г. Джизаке в назначенный день набора рабочих, а именно 13 июля 1916 г. Туземцы, не пожелав дать рабочих, перестав повиноваться русским властям и государственному строю, отделившись от русского государства, объявили Джизакский уезд независимым Джизакским ханством. Учредив свое правительство, избрав себе хана и министров, организовали свое войско, или вернее банды из туземцев, объявив священную войну и тут же убив три человека русских, возвращавшихся из соленого озера Тускана, где они лечились, и пошли войной на русский город Джизак[288]. По пути толпа туземцев повстречалась с начальником Джизакского уезда, который в сопровождении полицейского пристава, двух туземцев – переводчика и полицейского чина, выехал в туземный город Джизак на место возникновения бунта.

Как только они въехали в толпу туземцев, то сейчас же были окружены толпой и все четверо зверски убиты. Сделав начало зло-

[288] С приходом в Туркестан русских все старые города края был разделены на две части – «новый» или «русский» и «старый» или «туземный» город.

деяния, банда туземцев, около четырех тысяч человек, двинулась на русский город с намерением так же расправиться и с русским населением г. Джизака. Но, пройдя немного, толпа повстречалась с отрядом солдат местной караульной команды в количестве 29 человек, который следовал за уездным начальником. С неистовыми криками, вооруженная палками, кетменями, шашками, ножами, приделанными к палкам вроде пик, и другим туземным оружием, толпа стала напирать на команду, стараясь окружить ее. Не желая быть окруженными и подавленными толпой, команда дала залп по толпе и, отстреливаясь, стала отступать к казармам, расположенным в крепости между русскими и сартовскими городами[289].

Возле казармы толпа почти вплотную подошла к команде. На предложения начальника караульной команды разойтись туземцы ответили, что они не разойдутся до тех пор, пока не уничтожат солдат и русских жителей города. Тогда командой было дано несколько залпов по толпе. Толпа, не выдержав огня, или, вернее, порешив расправиться с гарнизоном и русским городом потом, когда к ним прибудет с уезда подкрепление, разделилась на две толпы. Одна направилась на вокзал, зажгла там нефтяной бак, который и послужил сигналом восстания для всего уезда. Избив несколько человек стрелочников, туземцы попортили телеграф и местами путь, намереваясь также поджечь и станцию Джизак. Но это не удалось благодаря находчивости служащих и своевременно принятым мерам начальника караульной команды, который успел послать на станцию несколько человек солдат, пять запасных винтовок и двухсот патронов. Вооружившись винтовками и своими дробовиками, служащие и солдаты сели на паровозы и, маневрируя по путям, стреляя с паровозов по нападавшим сартам, обдавая их контрпаром, чем и спасли станцию от поджога, а женщин и детей от неминуемой резни.

Видя свой неуспех на станции, толпа двинулась вдоль дороги по направлению Ташкента, разрушая и сжигая все по пути; на ближайших казармах, полуказармах и будках, вырезав всех служащих, главным образом женщин и детей. К этой толпе присоединились

---

[289] Имеется в виду старая часть города Джизак. Сартами до 1917 г. называли оседлое, в основном городское население Средней Азии.

также туземцы с ближайших кишлаков, разрушив во многих местах путь, повалив телеграфные столбы, порвав провода. Сожгли станцию Ломакино[290] и Обручево и 18 небольших деревянных мостов. Но служащим станции Ломакино и Обручево удалось спастись на проходившем поезде, который следовал в Джизак, но от станции Джизак, подобрав служащих, поезд пошел задним ходом обратно, так как дальше путь был попорчен, горели мосты. Обратно поезду пришлось двигаться уже по горевшим мостам и пробиваться сквозь сартов, которые усиленно портили путь, желая задержать поезд. Но поезду удалось добраться до станции Черняево[291] благополучно.

Другая толпа от казарм направилась по загородом и, поравнявшись с противоположной стороны в конце города с казармами военнопленных офицеров[292] (которых было около десяти человек), стала спускаться к ним. При военнопленных офицерах караул был усиленный и состоял из 20 человек солдат. Подпустив на пятьдесят шагов толпу, караул открыл по толпе залпами огонь. Толпа, не выдержав и здесь огня, повернула обратно и пошла тоже на путь железной дороги и стала так же портить путь, повалив телеграфные столбы и порвав провода, но не все, убив несколько женщин и детей железнодорожных служащих. Но здесь толпа большего разрушения не успела сделать, благодаря маневрирующим поездам, вооруженным служащими и солдатами, а большой мост окарауливался всегда солдатами из 12 человек, которые также залпами отражали сартов.

Главная цель первой и второй толпы была прервать сообщение с Джизаком, чтобы не дать возможности получить подкрепление со стороны Ташкента и Самарканда. И действительно, с Ташкентом телеграф не работал, и сообщение было прервано, а с Самаркандом, хотя с перерывами телеграф работал, и движение поездов после небольшого исправления пути было восстановлено.

Первая помощь была получена со стороны Самарканда, а имен-

---

[290] Железнодорожная станция Ломакино находилась примерно в 25 км от Джизака, в настоящее время это станция Зарбдар («Ударник») Среднеазиатской железной дороги Зарбдарского района Джизакской области Узбекистана.

[291] *Черняево* – железнодорожная станция Среднеазиатской железной дороги, в южной части Голодной степи, в пустынной степной местности. Узловая станция, от которой отделяется ветвь Черняево – Андижан.

[292] К марту 1916 г. общее число военнопленных австро-венгерской и германской армий в крае достигло двухсот тысяч.

но: ночью с 13-го на 14-е пришла небольшая часть солдат и того же 14-го числа в 11 часов прибыла сотня казаков.

Того же 14-го числа сарты тоже получили большое подкрепление со стороны Богдана из резиденции своего хана.

В 9 часов утра появились новые толпы сартов в конном строю со знаменами (многие из них вооружены были ружьями, винтовками и туземными пиками, по пятнадцати и более тысяч человек). Но все последовательные их нападения на город с успехом отражались войсками и жителями города до прибытия карательного отряда, который прибыл 16-го июля со стороны Самарканда и Ташкента, так как путь на Ташкент был восстановлен. Всего прибыло войска более двух полков разного рода оружия.

В 9 часов утра 13-го июля ко мне прискакал верхом на лошади помощник уездного начальника подполковник Афанасьев, наскоро передав обстоятельства дела, что бунтующая толпа сартов идет на русский город. Тогда я, взяв ключи, открыл церковь, куда жители города, все перепуганные, стали стекаться. Положение было ужасное: женщины и дети плачут, волнуются, а мужчины, окружив церковь, стали вооружаться кто чем мог. Дабы успокоить плачущих женщин и детей в храме, я предложил помолиться Господу Богу, Его Пречистой Матери и Покровителю Джизака святителю Николаю о спасении нас от грядущей опасности. Облачившись, я стал служить молебен. Все присутствующие в храме усердно и со слезами молились, картина была неописуемая – это был общий стон и рыдания.

Помолившись Господу Богу и положившись на волю Божию, все немного успокоились и до 6 часов вечера держали себя спокойно.

В четыре часа дня со станции Милютинской прибыл случайно воинский поезд конского запаса в количестве 60 человек нижних чинов, но без оружия, которые приведены были к церкви. Здесь их вооружили винтовками.

Сорганизовав отряд под командованием помощника уездного начальника, пошли в туземный город на розыски уездного начальника полковника Рукина, полицейского пристава штабс-капитана Зотоглова, переводчика и полицейского чина, которых нашли убитыми в туземной части города, на пустынном месте, в яме неподалеку от базара. Трупы всех четверых были привезены в покойниц-

кую при городской больнице, а 16-го мною отпеты и погребены на Джизакском городском кладбище.

Ввиду того, что толпы сартов весь этот день бродили вокруг города и везде была слышна стрельба и было дознано, что сарты намерены сделать нападение ночью на русский город, начальник гарнизона приказал всем жителям покинуть город и перейти из храма в крепость, в казармы под защиту солдат.

В 6 часов вечера все ушли из города, я остался один в городе, решив по долгу пастыря не оставлять вверенный мне храм до последней минуты своей жизни. Закрыв храм, приготовив запасные Дары[293], Антиминс[294] и Миро[295] на случай, если будет нападение на храм, я намеревался Дары потребить, Антиминс и Миро сжечь, чтобы не достались на поругание фанатикам туземцам, а потом и самому умереть в храме. Но Господь был милостив над своим храмом и мной, грешным. Нападение сартов не состоялось, потому что подкрепление к ним пришло только утром в 9 часов.

Ночь провел я в храме очень тревожно, с минуты на минуту ожидал нападения. Приготовив все необходимое на случай нападения, поднялся на колокольню и до двух часов ночи сидел на колокольне, а потом спустился в храм, зажег лампадки, облачился и до самого утра усердно молился, прочитав акафисты[296] Спасителю, Божией Матери и святителю Николаю, прося их защитить святой храм и меня, грешного.

Утром усталый, измученный, но с облегченной душей открыв храм, сел на паперти, ожидая, авось кто-нибудь появится из жителей города. В 8 часов утра действительно стали появляться жители, от которых я узнал, что ночью прибыла из Самарканда небольшая часть солдат. Услышав эту благую весть, я до слез был тронут.

В 9 часов утра вокруг города появились большие скопища сартов конных и пеших и стали было спускаться с гор в город, но их

---

[293] *Святые Дары* – в хлеб и вино, ритуально приготовленные священником на литургии для причащения верующих.

[294] *Антиминс* – четырехугольный, из шелковой или льняной материи плат со вшитой в него частицей мощей какого-либо православного мученика, лежащий в алтаре на престоле; является необходимой принадлежностью для совершения полной литургии.

[295] *Миро* – в христианстве специально приготовленное и освященное ароматическое масло, используемое в таинстве миропомазания для помазания тела человека. В православии используется также и при освящении вновь построенного храма.

[296] *Акафист* – благодарственное пение, посвященное тому или иному святому.

встретили залпами солдаты и жители. Завязалась перестрелка с обеих сторон, нападение было отбито, но с нашей стороны был убит один солдатик, которого и принесли ко мне в церковь. И так все время продолжалось до прибытия карательного отряда.

16 июля с прибытием артиллерии установили пушки и начали громить туземный город. Всем как-то вздохнулось свободнее.

Из крепости в храм сначала пришли два семейства, а потом более и более. В храме спасающиеся вели себя днем и ночью с должным благоговением, чинно. Днем храм всегда был открыт для спасающихся, так как вокруг города постоянно появлялись толпы сартов, разгоняемые солдатами и казаками.

С 13 по 20 июля я почти беспрерывно находился в храме, утешая прихожан словом и делом. Тут же и отпевал убитых. Во время беспорядков богослужения совершались мною в храме неопустительно[297], чем и поддерживалось душевное настроение прихожан.

С прибытием карательного отряда труд мой увеличился во много раз: напутствие больных, погребение убитых воинских чинов и граждан. Всего убитых было погребено мною и отпето 31 человек, из коих семь человек военных и восемь граждан на Джизакском кладбище и 16 человек граждан отпеты мною заочно, а преданы земле на местах убиения. Всего же убито в городе и Джизакском уезде более ста человек, которые были отпеты другими священниками. Во время беспорядков вверенная мне церковь и церковное имущество не пострадали.

На братской военной могиле, которая находится в туземном городе, с памятника был сорван туземцами русский герб, который мною отыскан и водружен на место. На памятнике имеется надпись и дата: «Здесь погребены русские воины, павшие при взятии города Джизака в 1886 г. 18-го октября». А в 1916 г. 13 июля, ровно через 30 лет, совершилось восстание туземцев и город Джизак пришлось снова завоевать.

Дополняя сообщение своего соседа, настоятель Самсоновской церкви (той же Сырдарьинской области) Алексей Бызов пишет: «Узбеки и сарты Джизакского уезда 13 июля сожгли две железнодорожные станции Ломакино и Обручево. Самый вокзал в Джизаке

---

[297] Так в тексте.

отстояли, но население города пострадало: убит начальник уезда и пристав. Особенную панику на крестьян узбеки нагнали тем, что, не довольствуясь избиением, издеваются над женщинами, детьми, всячески уродуя их… Волнения происходят по всем городам Самаркандской, Ферганской, Сырдарьинской областей, и нигде не обошлось без жертв…»

С запада мятеж туземцев постепенно распространялся к востоку и в начале августа с особой силой вспыхнул около Верного. Здесь было сожжено пять почтовых станций, испорчен телеграф, уведен скот и разграблено несколько селений. Самый город Верный был поставлен в осадное положение: все городские улицы по распоряжению военного начальства были перегорожены несколькими рядами кольев с заостренными верхушками в шахматном порядке, колья были перевиты колючей проволокой. Ведущие в город мосты были разобраны, за проволоками вырыты окопы, деревья, заграждающие горизонт, были уничтожены; в соответствующих местах расставлены пушки, войска выведены на позиции, по окрестностям выведены разведчики, все мужское население города получило оружие и патроны.

7 августа мятежники подошли к селению Пригородному (около 100 верст от Верного), убили трех женщин на поле и одного мужчину в селении. Священник Смоковский собрал население около молитвенного дома, устроил баррикады и организовал оборону, пока не подоспели казаки и не освободили осажденных.

8 августа большие скопища киргиз показались по другую сторону Кастекского перевала[298] и напали на село Быстрицкое. «Рано утром, – пишет местный настоятель Демидовский, – я услышал тревожный звон в набат и поспешил скорее бежать к зданию волостного Правления. Здесь я застал много народу, окружавшего привезенную из гор порезанную киргизами местную крестьянку Величкину, которая была еще в сознании и просила меня исповедать ее и приобщить Святых Христовых Таин, что мною и было сделано.

После этого часа через два стали видны выступавшие из гор большие толпы киргиз, и к этому же времени прибыло несколько

---

[298] *Ущелье Кастек* – находящееся в 100 км западней Алматы. Перевал связывал Илийскую и Кеминскую долины, что значительно сокращало путь на Иссык-Куль.

солдат, сопровождавших казенных лошадей из Пржевальска (из них три солдата были легко ранены, а одного киргизы увели в горы, раздели донага, тяжело ранили и отпустили едва живого), которые сообщили, что невдалеке от поселка на них напали киргизы, отбили и угнали лошадей в горы, а сами двигаются по направлению к поселку. Решено было оставить поселок и двигаться по направлению к Белому Пикету[299], дабы соединиться с тамошними людьми и дружнее отразить нападение.

В Белом Пикете уже никого не было: крестьяне все выехали и остановились возле казенной станции Старый Токмак в большом караван-сарае, обнесенном вокруг саженным дувалом. Сюда заехали и мы.

Все это произошло так неожиданно и произвело такую панику, что никто ничего из имущества не думал спасать, а каждый спасал свою жизнь. Я успел захватить из молитвенного дома два святых Антиминса, Святые Дары и ящик со святым Миром, а освященные сосуды и облачение церковное было оставлено.

На другой день (9 августа) ехали многие крестьяне в село за хлебом, и я поехал с ними забрать остальное церковное имущество, но нашел молитвенный дом ограбленным: святые иконы, кресты, хоругви валялись на земле, престол и жертвенник опрокинуты, одежда с них и священнические облачения похищены, школьный и свечной шкафы разбиты; некоторые дома ограблены. Моя квартира и все имущество также разграблены. Я с семьей нахожусь в крайне тяжелом положении, ибо в квартире, кроме немытого белья ничего не осталось.

Через четыре дня к нам прибыли крестьяне села Орловки, которые, пользуясь ночной темнотой, бежали, так как днем большие скопища киргиз окружали село и невозможно было никому прорваться. Несколько крестьян зверски убиты и некоторые тяжело и легко ранены. Скотину всю угнали киргизы в горы, а все остальное имущество орловцев пограблено, дома сожжены, в числе которых сгорел и молитвенный дом со всем церковным имуществом.

Накануне праздника Успения[300] прибыли к нам беженцы из села Столыпина со своим причтом, которых сопровождали военные вла-

---

[299] Белый Пикет – населенный пункт в Кеминском районе Чуйской области Киргизии.

[300] *Успение Пресвятой Богородицы* – религиозный праздник в православии. Отмечался по старому стилю 15 августа.

сти, по распоряжению которых все мы (то есть быстрореченцы, орловцы, белопикетцы и столыпинцы) под вечер 15 августа переправились с большой опасностью через реку Чу в село Михайловское, в котором находимся и по настоящее время, за исключением столыпинцев, которые эвакуированы в Верненский уезд.

После нашего отступления киргизы подожгли село Белый Пикет, где также сгорел молитвенный дом. Оттуда мной были спасены священные сосуды и священнические облачения, а все остальное сгорело».

Того же 8 августа подвергся нападению восставших киргиз, коих было до двух тыс[яч] человек, приход станицы Самсоновской. «Во время набега восставших, – сообщает священник Шароватов, – население при 8–10 огнестрельных орудиях спасалось и защищалось в школьном здании, находящемся на церковной площади. В защите принимали участие мужчины и женщины и даже подростки – дети.

В таком положении жители находились 11 суток и освободились только по приходе войск.

У станичников часть домов разграблена, а скот почти весь уведен. Окрестности станицы, в особенности пастбища, клевера и сено выжжены. Прилегающие к станице мельницы, пасеки и хутора разграблены и сожжены, а владельцы их частью убиты, частью уведены в плен и частью без вести пропали.

Всех убитых пока насчитывается более 33 человек, из коих 11 станичных жителей, 14 пасечников и 8 из Васильевской партии. Все погибшие погребены в братской могиле на церковной площади. Уведенных в плен и без вести пропавших около 17 человек, из этого числа большая половина женщин и детей. Также было раненых человек 60 (из которых 32 тяжелораненых) и больных приходящих ежедневно до 100–150. Как за ранеными, так и за больными с христианским самоотвержением и любовью ухаживает один лекарский помощник г. Герко, благодаря которому все и раненые, и больные остались живы, а 28 августа благополучно эвакуировались в Токмакскую больницу.

Ко всему изложенному считаю долгом добавить, что за время осады праздничные богослужения, хотя и под опасностью, но совершались недопустительно, причем до четырехсот человек за это время исповедовались и приобщались Святых Таин».

По словам того же священника, вверенный ему Новороссийский приход того же 8-го августа предан разграблению и огню. Пожаром уничтожены все крестьянские строения и все их имущество, а скот уведен. Молитвенный дом со всем его имуществом, церковной утварью, ризницею, свечами и деньгами, которых было около 50 руб., сожжен до основания. Сохранилась только одна звонница с колоколами к ней. Хранившиеся на престоле Святой Антиминс, Святые запасные Дары неизвестно, похищены или сожжены, так как, по словам некоторых крестьян, молитвенный дом после поджога был ограблен. Канцелярия церковная сохранилась вся, за исключением только исповедных росписей и денежных книг.

Жители спасены. Защищались они в одном из крестьянских домов, прилегающих к базарной площади, кругом которой устроены были из бричек и телег баррикады, а внутри ограды наскоро приготовлены окопы. В защите себя принимали участие не только взрослые мужчины, но даже подростки и женщины.

Нападение со стороны киргиз делалось регулярно каждый день, начиная с раннего утра и до вечера. Ночью же оставляли в покое, что давало населению возможность запастись картофелем и водою.

В таком осажденном положении жители находились с 8 по 21 августа. Затем пришедшими из Верного войсками были освобождены и эвакуированы в станицу Самсоновскую, где находятся и по настоящее время и где им переселенческим начальством устроен питательный пункт.

Все эти 13 дней выдержанной осады крестьяне неустанно молились – читали акафисты: Спасителю, Божией Матери и Святителю Николаю Чудотворцу; пели молитвы и некоторые псалмы. Кругом баррикад ежедневно на рассвете обходили с иконами и с пением псалма: «Живый в помощи…»[301]. Всем же этим руководила послушница Верненского женского монастыря[302] Евдокия Самилкина, приехавшая еще зимой в Новороссийское к своим родителям для поправления здоровья. За свое спасение население благодарит Господа Бога.

---

[301] Псалом 90.

[302] *Верненский Иверско-Серафимовский женский монастырь* – основан в 1908 г. по инициативе святителя Димитрия (Абашидзе), пожертвовавшего для ее устройства личные сбережения. Монастырский комплекс поднялся у западного въезда в город возле Центрального кладбища. В конце 1910 г. в нем числилось 98 насельниц. Пострадал от землетрясения 1910 г.

Всех погибших от киргиз насчитывается 15 человек, из числа которых 11 человек убито при осаде, 4 убито за селом, 3 пропавших без вести и 2 человека уведены в плен. Всех раненых около 23 человек, в том числе тяжелораненых 12.

На следующий день, то есть 9 августа, киргизы уже подошли к селению Столыпино Пржевальского уезда и, по описанию священника Зимовнова, напали на жителей, работавших в поле и многих убили. Потом моментально окружили само селение. «Мы, – говорит названный священник, – с 8 солдатами, которые стояли в нашем селении, решили защищаться во дворе почтового отделения, как более удобном, куда старший унтер-офицер Линник приказал немедленно собраться всему населению. Люди вошли во двор, а солдаты, разделившись на две партии, залпами отбивали наступление киргиз, которые немедленно вошли в селение, угнали крестьянский скот, разграбили и с обоих концов зажгли его. До вечера мы отбивались, а вечером прибыли два казака из Нарына и с помощью наших солдат отбили атаку киргиз и не дали киргизам в первый день покончить с нами.

Ночью атак не повторялось, но все время киргизы рыскали толпами по селению, грабили и зажигали еще несожженные дома, мы же все бодрствовали, окарауливая свои семьи и временную крепость.

10 августа лишь только рассвело киргизы возобновили атаку и быстро окружили нас и горевшее селение. Часов в 8 утра на киргиз в тыл напали семь казаков, оставшиеся караулить трупы почтовосодержателя Кумбель-Атинской станицы Баженова с его сыном, казненных киргизами. Киргизы атаковали казаков. Наши солдаты и два казака выручили этих казаков, которые привезли изрезанную жену Баженова с детьми и на время рассеяли толпы киргиз, окружавших и стрелявших в нас. В этой схватке убит старший унтер-офицер Линник.

Киргизы не остановились, а быстро стали собираться и наступать на нас. Часов в 11 утра на киргиз напали казаки под командой прапорщика Букина, пришедшие нам на выручку из Нарына. Помощь себе из Нарына мы вызвали по телеграфу, благодаря тому, что 9-го утром случайно в селении оказался механик Дзюбенко, у которого был с собой карманный аппарат. Посредством этого аппарата

со столба механик передал телеграмму о нашем критическом положении в Нарын Атбашинскому участковому начальнику Хахалеву, который сам прибыл с казаками выручать нас. С ним прибыли два судьи из Нарына, товарищ прокурора Комаринец и почтовый надсмотрщик. Ударив в атаку в тыл киргизам, они рассеяли их и выехали на нашу временную крепость, из которой мы защищались.

Со слезами на глазах мы встретили этих спасителей. Долго кричали им «ура» и бросали шапки вверх. Сейчас же было дано распоряжение военного начальства немедленно выкопать окопы, наложить деревянных брусьев от строящейся в селении церкви, наложить мешков с шерстью, что было и исполнено крестьянами. Народ был расставлен по постам; я как священник остался во дворе крепости, чтобы успокаивать женщин, стариков, детей не кричать, не плакать, а держаться твердо, уповая на Бога. Тут же была мною устроена общая молитва с народом, которая продолжалась почти всю ночь. Усердно молился народ об избавлении от неприятеля, слезы лились у каждого молящегося. Киргизы же толпами ездили и грабили оставшееся имущество крестьян.

11 августа киргизы опять кругом облепили нас. Казаки, солдаты и крестьяне в окопах, каждый на своем месте готовились принять атаку киргиз. Последние не замедлили броситься на нас. В эту минуту был настоящий ад: киргизы лезут к нам, стреляют и кричат во все горло «ур» («ур» – значит «бей»). Залпами наши казаки отбивали их. Падали кучами убитые киргизы, падали и русские и, несмотря на это, лезли обезумевшие киргизы через трупы своих, желая уничтожить русских.

Такое горячее сражение продолжалось до вечера, а вечером киргизы зажгли базар, который был еще целым. Зажгли все лавки, которыми был окружен наш двор, то есть временная крепость. Мы и гарнизон наш оказались в огне. Дым, смрад стал душить каждого из нас. Женщины и дети все плачут. Каждая мать обняла своих детей и горько над ними плакала. Многие просили у меня прощения грехов, как у своего пастыря, а иные подходят и просят благословения мужественно умереть.

Молитва наша была услышана Богом. В самую критическую минуту, когда все уже решили умереть, казаки решили сделать последнюю атаку на киргиз, говоря, что если умрем, то сделаем

и киргизам дело, которое они долго будут помнить. Несколько человек незаметно пробили стену крепости со стороны Нарына и с криком «ура» бросились в атаку. Поднялась ужасная стрельбы, и киргизы, вероятно, подумали, что это еще пришли на помощь нам из Нарына казаки, бросились бежать. В атаку бросились с казаками и некоторые крестьяне. Очевидцы и участники этой атаки говорят, что трупами убитых киргиз были усеяны все улицы базара.

Отбив киргиз от места нашей крепости, военное начальство приказало немедленно запрягать лошадей в брички и забирать только одних людей, имущества и одежды не брать и отступать на Токмак. Ни одежды, ни харчей, – никто ничего не взял. Наш молитвенный дом стоял в стороне от селения и нашей крепости, в сартовских постройках и из него мы взять с собой ничего не могли, так как киргизы нас отрезали от него.

Мы выехали, когда молитвенный дом еще не сгорел, но кругом пылали постройки. Все церковное имущество, документы, два Антиминса, Святые Дары и прочее осталось в молитвенном доме и погибло от огня. Успел я только захватить флакон со Святым Миром, которое недавно было получено от отца благочинного и висело оно на иконе в моей квартире. Взятое мною Святое Миро в первый день наступления киргиз и все время битвы висело у меня на груди. В моей квартире осталось церковно-строительных документов на 7500 руб., остались все книги по постройке церкви, а также все мое имущество. Проникнуть в квартиру было невозможно, да и увести было нельзя: все брички переполнены народом, которого было более пятисот человек. Давка была невозможная. Никому не хотелось остаться и попасть в киргизские руки. С большим трудом мне и псаломщику пришлось поместить свои семейства. Свои же лошади были под казаками. Убрались в 5–10 минут и, охраняемые казаками, выехали из селения.

Всю ночь ехали без нападения, а утром нас встретила на станции Ново-Дмитриевской масса киргиз, которые залпами стреляли в нас. Залпами отбивались и казаки, а мы с обозом бежали впереди, укрываясь в камнях от выстрелов, дабы скорей пройти это опасное место. В этом нападении мы потеряли несколько человек крестьян и одного солдата.

Киргизы долго преследовали нас. Все время нашей езды по Боамскому ущелью то спереди, то сзади нападали на нас шайки киргиз,

которых отбивали казаки. За все это время ни лошади, ни люди ничего не ели, а питались одной водой.

Приехали к мосту через реку Чу, называемому интендантским. Мост сожжен. Пришлось переправляться через реку верхом на лошадях по пояс в воде. Потрудились над переправой народа казаки и солдаты, которые всех перевезли. Некоторые решились поехать через воду на бричках, и большинство бричек вода опрокинула, люди потонули. Утонуло человек семь. По пути почтовые станции, караван-сараи[303] все ограблены или сожжены; жители или убежали, или убиты. Ни души русской нигде не встречалось, полный разгром везде. По дороге валяются брички, разбитые мешки семян, шерсти и проч.

На выезде из щелей нас опять встретила большая партия киргиз. Открыли по нам учащенную стрельбу. Наши отстреливались, делая перебежку, и тем скорее выводили нас на простор. В этом сражении у нас убито семь лошадей, из которых две лошади священника, одна псаломщика, а остальные казачьи.

Из 58 бричек, выехавших из Столыпина, приехали в старый Токмак только восемь бричек. Остальные или были потоплены в реке Чу при переправке, или брошены на дороге ввиду усталости лошадей. Взрослые бежали пешком, а дети ехали. Обувь на людях почти вся по камням побилась, поэтому бежали босые. У многих лилась кровь из ног и многие от боли плакали. Поселились в старом Токмаке совместно с жителями селений Быстрицкого, Орловского и Белопикетского, которые жили в караван-сарае, оставив свои жилища.

Там мы совместно со священником о. Иоанном Демидовским отслужили молебен с акафистом Успению Божией Матери и при большом стечении молящихся возблагодарили Бога за спасение нас.

Прожили два дня, где большинство спасшихся исповедались и причастились Святых Таин[304]. Оттуда нас начальство перевело в село Михайловское, где общество нас и кормило в течение трех дней. В Михайловском мы соборно с о. Иоанном Демидовским и о. Михаилом Колосовым служили две Литургии, на которых причащалось много народа.

---

[303] *Караван-сарай* – постоялый двор в Средней Азии и на Ближнем Востоке.

[304] В православии – причащение Святых Тайн Тела и Крови Христовых.

Из Михайловского взял нас и наших столыпинских прихожан Верненский подрайонный чиновник и перевез в свой подрайон. Прихожан наших разместили по селениям Бургун, Чиен, Кастек и Казанско-Богородском, где им сейчас же оказана продовольственная и материальная помощь. Мы же со своими семьями прибыли в Верный.

Но самый ужасный день для населения Пржевальского уезда был 10 августа. В этот день киргизы напали на селения Преображенское, Бобриково, Михайловское, Валериановку, Лизогубовку, Паленовку, Лепсинское, Иваницкое, Богатырское и другие. Описывая события этого дня, преображенский причт говорит следующее: «Обрушившееся на нас страшное бедствие, начавшееся 10-го минувшего августа, застигло нас неожиданно, а потому и растерянность среди жителей была страшная. Правда, о том, что среди киргиз началось брожение и готовилось всеобщее избиение русских, для чего киргизы готовили всякого рода оружие, ходили слухи еще в первых числах августа, но кто об этом решался доносить начальству, тому грозили тюрьмой и уверяли, что все обстоит благополучно.

10-го августа, около десяти часов утра стало известно, что на заимках и на пашнях русские жители перебиты киргизами и все табуны крестьянского скота угнаны в горы. Набатным звоном церковного колокола все жители Преображенского были собраны к церкви, а через несколько часов сюда же было свезено все более ценное имущество крестьян. Сами же крестьяне от мала до велика, оставив свои жилища, разместились в ближайших к церкви домах, как то: в здании и ограде министерской школы, в причтовых домах, в женской церковной школе, в церковной ограде и сторожке, женщины с малыми детьми заполнили церковь вплоть до иконостаса и проводили там дни и ночи. Богослужение, кроме Литургий[305], совершалось в церковной ограде.

Плач детей, истерические рыдания матерей, крики мужчин, готовившихся отражать врага, все сливалось в общий гул. Картина получалась такая, которую нельзя описать словами.

К вечеру того же дня все улицы, ведущие к церкви, были забаррикадированы телегами, железными боронами, плугами и всем

---

[305] *Литургия* – главное христианское богослужение.

тем, что могло служить преградой готовящихся к нападению врагам. К ночи вокруг села был расставлен усиленный караул, чтобы не дать возможности киргизам зажечь село, что было их главной целью. Наблюдательный пункт был установлен на колокольне, откуда было видно, что Преображенское со всех сторон окружено тысячными скопищами киргиз, среди которых, судя по их движениям, происходили какие-то совещания.

Во время ночных наблюдений видно было, как киргизы жгли заимки, маслобойни и мельницы и при этом в разных местах высоко приподнятыми зажженными фонарями, наклоняя их в ту или другую сторону, делали какие-то условные знаки.

В осадном положении преображенцы были два дня и не теряли времени, усиленно готовились к обороне. За эти два дня были возведены окопы вокруг села. Работали не только мужчины, но и женщины и вообще все, кто мог работать.

12-го августа с самого утра по всему было видно, что киргизы готовятся к нападению, что и подтвердилось.

Часов около 12 дня лавина киргиз, тысяч до четырех, с неистовым криком скатилась с уступа гор с северо-восточной стороны, к реке Тюп, протекающей у самого села.

Наши стрелки, в числе которых было восемь человек солдат, посланных для исправления телеграфа, и до пяти стражников с маковых плантаций, засевшие под обрывом кладбища, дали два-три залпа, остановившие наступление, а выстрелы из самодельной пушки заставили киргиз отступить, и таким образом с Божией помощью первая атака была отражена, что нас несколько ободрило.

Не прошло и трех часов, как киргизы сделали второе наступление с юго-восточной стороны, которое преображенцы встретили более стойко и дали такой отпор, что киргизы обратились в бегство и понесли, как говорят, потери убитыми более двухсот человек, в числе которых был убит видный главарь Раскельды Бериков.

Энергичная защита преображенцев так подействовала на киргиз, что они стали держаться на расстоянии четырех-пяти верст от села.

13-го августа перешли в Преображенское жители станицы Николаевской, и число защитников несколько увеличилось. Но нужно сказать, что, к сожалению, у казаков нашлось лишь три-четыре винтовки, а остальные были вооружены ружьями дробовиками и большей

частью наскоро сделанными пиками. Стали прибывать посылаемые из Пржевальского мелкими частями подкрепления, и положение Преображенского в смысле обороны с каждым днем стало улучшаться.

14-го августа прибыли в Преображенское иноки Иссык-Кульского Свято-Троицкого монастыря во главе с настоятелем оного архимандритом Иринархом[306], спасавшиеся несколько дней вблизи монастыря на острове. Вместе с иноками прибыли застигнутые в монастыре восстанием: священник Сазановской церкви о. Сергий Псарев со всем семейством, судебный следователь С. Кулаков с женой и присяжный поверенный Бутин с семьей. Стали стягиваться в Преображенское оставшиеся в живых жители селений Озерно-Фольбаумского и Александровского, большинство которых оказалось страшно израненными… Для тяжко раненых, числом 80 человек, был организован лазарет в здании министерской школы.

Уход за больными добровольно приняли на себя жена священника Д.И. Величкина, жена учителя О.Н. Нарижная и дочь псаломщика Е.И. Юзефович, на попечении которых больные были до прибытия из Сазановки врача, акушерки-фельдшерицы и фельдшера.

Священники совершали богослужение, напутствовали больных, хоронили умерших, совершали погребение по убиенным, исповедовали говеющих, число коих в иные дни доходило до четырехсот человек, и некоторые участвовали в комитетах по выдаче разных видов пособий беженцам и бедным.

В здании женской церковно-приходской школы был открыт приют для детей, родители коих были убиты. Организацию приюта и присмотр за оным принял на себя священник о. Стефан Якушев.

19-го августа под охраной военного отряда в 100 человек, под начальством урядника Овчинникова были приведены в Преобра-

---

[306] *Архимандрит Иринарх* (в миру *Иван Симонович Шемановский*). Вот какую характеристику архимандриту Иринарху дает епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий: «Утешением для нас стало назначение настоятелем монастыря (Иссык-Кульского. – *Т.К.*) испытанного сибирского миссионера архимандрита *Иринарха*, который в конце отчетного года (1915 г. – *Т.К.*) прибыл к месту службы. Наконец построено новое здание для миссионерской школы, в которой уже ведутся занятия. Но учителей там не хватает (война. – *Т.К.*), а назначать туда учительницу нам неудобно» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2737. Л. 22 об.). Архимандрит Иринарх оставил свои воспоминания о увиденных на Иссык-Куле событиях в «Дневнике настоятеля Иссык-Кульского монастыря о восстании киргизов». Документ сохранился в нескольких экземплярах в архивах Узбекистана (ЦГА РУз), Казахстана (ЦГА РК) и Кыргызстана (ЦГА КР). Оригинал документа хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

женское жители селений Каменки, Григорьевки, Семеновки и Сазановки, которых киргизы держали в осаде в Сазановке в ограде больницы пять дней.

Общее число беженцев достигло 6 тыс. человек, все они радушно были встречены преображенцами и размещены по домам.

28 августа с наблюдательного пункта было замечено громадное облако пыли со сторона села Александровского. Облако это широкою полосою двигалось вдоль почтовой дороги по направлению к Преображенскому.

Посланы были разведчики, которые, возвратившись, сообщили, что к Преображенскому движется громадное скопище киргиз, не менее 10 тыс., со своими семьями и награбленным по всему северному побережью Иссык-Куля скотом и имуществом, занимая все пространство от почтовой дороги до предгорий. В сумерки, не доходя 3–4 верст до селения, это скопище остановилось, выставив сильный заслон.

Находившиеся в Преображенском хорунжие[307] Пермитин и Фон-Берг, имея под командой отряд в 160 человек и несколько взводов местной дружины, ввиду наступившей темной ночи, вступить в открытый бой не решились. Расставив сторожевые посты вдоль киргизского заслона, так провели всю ночь.

На рассвете видно было, как киргизы узкой полосой у самых гор шли поспешно к Сан-Ташу[308]. Нужно полагать, что так шли они в течение всей ночи.

Часов в 5 утра начался бой, продолжавшийся до четырех часов пополудни. Киргизы упорно защищались, но наконец обратились в бегство, бросая на пути не только свое имущество, но детей и жен.

Потери киргиз были 1 тыс. человек. Оставленный киргизами скот (рогатый и овцы) исчисляется сотнями тысяч.

Не обошлось без урона и с нашей стороны: у нас оказались убитыми два казака и один храбрый дружинник из крестьян села Преображенского. Кроме того, мы потеряли одну самодельную пушку.

После этого боя, как установлено разведочными отрядами, киргизы удалились от Преображенского на значительное расстояние.

---

[307] *Хорунжий* – первый офицерский чин в казачьих войсках русской армии.

[308] *Сан-Таш (Санташ)* – перевал в Тянь-Шане, расположен на востоке от озера Иссык-Куль.

5 сентября мы встречали, а 6-го молитвенно проводили отряд войска в 1400 человек под начальством подполковника А.И. Гейца.

Из этого отряда оставлен у нас гарнизон в 224 человека при 2 офицерах, выделены охранные команды для Иссык-Кульского монастыря и селений Сазановки, Семеновки и Григорьевки.

Слабое наше слово не может выразить и малой доли всего того, что пережили мы за последний месяц. Вверенная нам церковь особых убытков не понесла, но от долгого пребывания в церкви сотен женщин, детей и дряхлых стариков, приносивших с собою пищу (жили в церкви четверо суток), полы, стены, иконы и лампады сильно загрязнены; загрязнена и ограда, сторожка и двор вокруг оной».

Бобриковский настоятель, священник Т. Сас пишет, что мятежники окружили его селение около 11 часов утра: «Полтора дня мы отбивались, но не могли устоять и отступили к селению Теплоключинскому. Бобриково было разграблено и сожжено. Убито семь душ крестьян и угнан весь скот. Молитвенный дом ограблен и сожжен до основания; причтовый дом тоже сгорел. При сильном нападении я не мог ничего спасти из церковной утвари, лишь только спас Святой Антиминс и Святые Дары и посуду от Мира с остатками такового, так как Мира было мало… Все метрические и другие книги разграблены и сожжены.

Так как у меня своей подводы не было, то жена и дети бежали на нижнюю улицу и пешие пошли за подводами. Я детей забросил на последнюю подводу и сами с матушкой пошли пешие до села Теплоключинского. Прибыв в село Теплоключинское первым из священников, я застал наступление киргиз. Я бросился с двумя солдатами и крестьянами на киргиз, и атака была отбита, притом убит один киргиз и много киргиз ранено.

Селения Валериановка, Соколовка, Лизогубовка, Паленское и Отрадное были атакованы со всех сторон. Я задумал попытаться спасти атакованные села; взял епитрахиль, отслужил на площади краткий молебен и пошел собирать с солдатами дружину из крестьян, вооруженных разного калибра ружьями. Мне удалось собрать около сорока человек дружины и ударить киргизам в тыл и таким образом спасти села и присоединить к селу Теплоключинскому».

Михайловский настоятель, священник К. Синусов сообщает: «Около двух часов дня 10 августа через мой поселок проехал весто-

вой с криком: “Спасайтесь, киргизы идут!” Большинство крестьян и я тоже были в степи – жали хлеб. Конечно, те, которые были в поселке, страшно перепугались, наскоро запрягли лошадей, посадили женщин и детей (последние полураздеты и босы), и почти ничего не взявши из имущества, помчались в город.

На пашне об опасности я узнал от крестьян, бежавших со степи, на которых напали киргизы и избили их. Когда я приехал в поселок, крестьяне были уже в сборе, и все мы принялись укрепляться на Димитриевской улице, обставили бричками и железными боронами эту часть поселка и забрали в укрепление женщин и детей.

Киргизов не было видно и ночь мы провели в укреплении спокойно, хотя все время пришлось быть настороже и назначить усиленные разъезды.

На другой день 11-го августа утром киргиз нигде не было видно, и все мы разошлись по домам, думая, что днем они не будут наступать.

В 8 часов раздался набат, и все жители собрались в укрепление. Около 12 часов появились разъезды киргиз около села. Крестьяне заняли выгодные пункты для наблюдения за ними. Вскоре на Тюпском хребте[309] зачернело и наши разведчики поехали удостовериться, так как некоторые спорили, что это скот. Оказалось, киргизы, которые и двинулись на поселок сплошной лавиной. Ворвались в село и начали грабить и поджигать дома, а потом бросились к укреплению, но от выстрелов наших защитников отхлынули назад и рассыпались опять по поселку поджигать постройки. Часть их бросилась к молитвенному дому и подожгли сарай около него. Я побежал туда, кто-то из крестьян выстрелил в киргиз, они отхлынули, и я в это время успел забежать в молитвенный дом и взял оттуда святыню: Антиминс, Крест и Евангелие. При выходе моем из молитвенного дома толпы киргиз опять направились к нему, но благодаря выстрелам крестьян рассеялись и двинулись к моему дому. Тогда я опять вернулся в молитвенный дом и взял ризу, епитрахиль и требник.

Когда я вернулся в укрепление, все бросились целовать Святой Крест. Вот когда ярко отразилось, что народ наш русский православный, несмотря ни на какие вредные влияния со стороны врагов

---

[309] *Тюпский хребет* – один из хребтов Тянь-Шаня в Тюпском районе Иссык-Кульской области Киргизии.

Православия, носит в душе великую веру. Вся толпа как один человек вознесли ко Господу Богу молитвенный вопль, все со слезами целовали Святой Крест и громко просили помощи свыше. Только такая вера дает силы легко переносить великие испытания и только они, эти испытания, дают пастырю возможность глубже заглянуть в души своих пасомых и почерпнуть для себя духовное утешение, открыв в них великое сокровище веры, терпения и упования, что в спокойное время как бы и не замечается.

Когда все приложились ко кресту, я опять был во главе защитников. Киргизы в это время, благодаря выстрелам крестьян, выехали из села, забрав предварительно весь скот. Беспорядочные толпы киргиз долго еще стояли около поселка, а потом все скрылись. Молитвенный дом не загорелся, хотя сарай около него совсем сгорел. Ночь в нашем укреплении прошла, как и предыдущая.

12 августа киргизы не нападали, были только разъезды. Мы продолжали укрепляться: окопались кругом и напустили воды в арык. В город послали за снарядами и подкреплением. Всего хуже было то, что у нас не было снарядов, так что своим кузнецам пришлось готовить пули и спешно ковать пики для защитников. Посланные нами не принесли из города ничего утешительного – в помощи было отказано.

13 августа рано утром я сам с двумя вооруженными верховыми пробрался в город просить помощи и разрешения переправить население Михайловского в Пржевальск, так как в поселке оставаться без снарядов было опасно: защитников, способных носить оружие, было человек 50, а нуждающихся в защите женщин и детей человек до 800. Киргизы могли подавить нас своею огромною массою.

Помощь сначала была обещана, а потом опять отменена. Пришлось ехать обратно без снарядов и подкрепления.

Возвращению моему осажденные были так рады, что трудно и выразить. Все думали, что я не вернусь, так как моя семья еще 10-го числа попала в город вместе с другими беженцами.

Не рассчитывая на помощь из города, я решил взять на свою ответственность отправку населения туда. Стали все собираться. Я взял из молитвенного дома сосуды серебряные и медные, икону Михаила Архангела в серебряном окладе, весь архив, богослужебные книги и ризницу. Церковный староста бежал из поселка еще

10-го числа, а потому за неимением ключей с разрешения отца благочинного взломали выручку и взяли деньги и свечи.

Потом прихожане попросили в последний раз позвонить, а затем сняли колокола и закопали их в землю. Сколько было пролито слез при прощании с родным, дорогим для всех храмом Божиим!

Длинный обоз беженцев двинулся в путь. Трудно было переправиться вброд через многоводный Джиргалан[310]. Мост через эту реку был сожжен киргизами еще в ночь с 10 на 11 августа. Путешествие было благополучно, так как главные силы киргиз были направлены к селу Преображенскому. Итак, все мои прихожане, слава Богу, прибыли в город невредимы, нет ни одного ни убитого, ни раненого, но убытки огромны и крестьяне страшно разорены».

Валериановский настоятель доносит следующее: «Десятого августа, часов в 5 вечера, послышался на улице крик: “Киргизы режут людей”. На этот крик я вышел на улицу, и мне представилась следующая картина: народ бежал по улице и кричал: “Киргизы угнали скот, а людей убивают”.

Подозвав церковного сторожа, я велел ему бить в набат, а сам, заперев свою квартиру и двор, с семейством отправился в молитвенный дом. Отслужив краткий молебен Господу Богу, воодушевив народ, женщинам велел с детьми идти ко мне в дом, а с мужчинами начал совещаться, как быть.

Сделав заграждение улиц железными боронами и телегами и вооружившись вилами, косами, топорами и несколькими ружьями-дробовиками, ждали появления киргиз, но киргизы не появлялись в эту ночь.

11-го августа, часов в 7 утра киргизы начали спускаться большими массами с гор по направлению к Валериановскому. Остановившись на гребнях гор на минуту, понеслись к реке Джаргалану.

Сделав нападение на раздольнинцев, едущих в Валериановское, убив двух человек на смерть и семь человек ранив и ускакав опять на гребни гор, начали стрелять вдоль селения. Раненых жителей Раздольного мне пришлось напутствовать Святыми Тайнами под свист киргизских пуль. За день нами отбито четыре яростных киргизских атаки, в коих киргизы потеряли 30 человек убитыми.

---

[310] *Джиргалан* – река, впадающая в озеро Иссык-Куль с востока.

В 9 часов приехал священник села Соколовского отец Григорий Петрович со своими прихожанами.

Ночь с 11 на 12 августа прошла весьма тревожно, было несколько нападений и поджогов.

12 августа с раннего утра киргизы начали нападать на нас большими массами и подожгли в нескольких местах строения, угрожая центру селения. Посему на общем совещании было решено выехать из Валериановского утром 13 августа. Мною было преступлено к вывозу церковных вещей и документов. Антиминс вложил в Евангелие и привязал на груди со Святыми Дарами. Сосуды, Евангелия, кресты, ризы и метрические книги завернул в узлы.

Около четырех часов вечера киргизы отвернули воду и тем заставили нас поспешить с отъездом. К тому же подожгли главную часть селения и навели на нас панику. Запасы пороха и дроби у нас истощились. В 9 часов вечера приехали два солдата из Пржевальска и объявили, что помощи оттуда ждать нечего.

В 11 часов ночи, не взяв с собою ничего, кроме легких узлов, мы покинули свое селение. Ночь темная, хоть глаз коли. Селения Лизогубовское, Соколовское и Раздолинское пылали, как свечи. Скоро запылало и Валериановское, подожженное с четырех сторон. Рев скота, блеяние овец, крики и стоны людей… “Боже спаси, Пресвятая Богородица сохрани”, – слышалось повсюду. Впереди горит Паленовское. Все шли на явную погибель.

Версты через три на моем возу сломилась ось, пришлось оставить все церковное и свое имущество, а семейство разместить где попало по одиночке. Итак, я остался совершенно без ничего, кроме надетого на себя, и без церковного имущества, кроме святого Антиминса и дароносицы со Святыми Дарами.

Ниже селения Графо-Палена на наш обоз напали киргизы, отбив от нашего обоза 9 подвод и убив человек 40 женщин и детей. В 7 часов утра наш обоз приехал в селение Теплоключинское и здесь мы нашли себе приют».

«Того же десятого августа, – пишет настоятель Соколовского прихода, – в 5 или 6 часов вечера на улице послышался душу раздирающий крик: “Киргизы, киргизы!” Шум этот заставил меня выбежать за ворота, и взору моему представилась такая картина: по улице бегут мужчины, женщины, дети с криком: “Киргизы бьют, режут, жгут!”

Подойдя к обезумевшей от страха толпе поближе, я узнал, что огромные полчища киргиз напали на мирно работавших людей в поле. Скот угнали в горы, а безоружных людей принялись избивать. Некоторые убежали, а более 15 человек не возвратились и до настоящего времени. Такое неожиданное событие страшно вскружило всем голову. Все боялись за свою жизнь. Чтобы хоть несколько рассеять мысли о грядущей беде, я приказал сторожу бить в колокола. Народ несколько остепенился и всей гурьбой повалил к молитвенному дому.

После краткого молебствия, воодушевившись моим словом, люди начали совещаться, как быть в случае нападения киргиз на селение. После долгих разговоров и даже споров все пришли к такому убеждению, что спастись бегством нельзя, ибо со всех сторон облегли грозные силы диких кочевников. “Будем биться до последней капли крови здесь, у своей святыни”. Это был голос всего селения. Надеяться на свои силы и оружие нельзя, ибо в селе остались одни старики, женщины и дети. Была одна надежда на помощь Бога. С этой надеждой мы провели всю ночь. О сне не помышлял никто. Каждый, видя пред собою грядущую гибель, проливал слезу в молитве.

Прошла ночь. Появилось утро. У всех людей явилось желание пойти к своим жилищам, взглянуть, быть может, в последний раз на свой долгий и тяжелый труд, надеть чистое белье, исповедаться и быть готовыми к смерти.

В числе других пошел и я. У церкви остался один сторож, чтобы при появлении киргиз на горизонте известить население ударом колокола. Не прошло и часа времени, как раздался условный звук. Киргизы начали наступление с появлением утренней зари. Услышав удар в колокол, я бросился бежать к церкви, чтобы спасти Антиминс. Но, не пройдя и полпути, заметил толпу всадников, вооруженных пиками, быстро скачущих по улице, ведущей к церкви. Страх смерти заставил меня пойти обратно по главной улице к толпе. Все в страхе метались и кричали: “Скорей нужно бежать!”

Ко времени нашего побега подоспели беженцы из селения Лизогубовки, и мы всей толпой двинулись к селению Валериановскому. Спасти что-либо из имущества никому не удалось, так как все беженцы оказались пешими. А тем счастливцам, что оказались с подводами, пришлось навалить целые кучи детей.

Путь от Соколовки до Валериановки прошли без приключений. Погони со стороны туземцев не было, но поджоги и грабежи в селениях начались тотчас же после нашего отступления. Задние части обоза беженцев были еще в селении, как начался пожар молитвенного дома в селе Соколовском. Все деревянные строения сгорели, остались одни землянки.

В село Валериановку беженцы прибыли в 8 часов утра. Там уже были беженцы из села Раздольного, и в течение двух суток нам пришлось общими силами отражать наступления диких кочевников. Вооружение защитников было самое простое: косы, вилы да несколько ружей дробовиков. И несмотря на это, четыре атаки киргиз были отбиты. Причем киргизы потеряли более 20 человек убитыми.

Ободрившись таким успехом, мы решили биться до конца. Но решение это не осуществилось, потому что киргизы отняли у нас воду, перекопав арыки в головных местах. Все селение осталось без воды. Сутки пили воду, оставшуюся в камешках, но когда и той не стало, решили бежать к городу.

13 августа, 12 часов ночи. Время нашего отступления из Валериановки. Не поддается описанию все то, что пришлось пережить людям в эту страшную минуту. Ночь темна, хоть глаз выколи. Все село объято пламенем. Стоны и плач людей, мычание коров, блеяние овец, крик гусей, скрип телег – все слилось в один беспрерывный гул. Все шли на явную погибель, ибо впереди ждала нас смертная опасность.

У селения Паленовского киргизы настигли наш обоз и подвод девять отрезали, людей около 40 человек убили, а имущество разграбили. Остальные прибежали в селение Теплоключинское в 7 часов утра. Здесь нашли себе приют беженцы из семи селений. В числе их было три священника. Большинство из беженцев раздеты и босы и находились в крайне тяжелом и бедственном положении. Большинство беженцев лишились всего своего имущества, в число коих попал и я со своим семейством. Лишился буквально всего. Приближается зима лютая, а у нас нет теплой одежды, нет обуви. Нет даже самовара и вместо чаю приходится пить вареную воду из черного горшка, да и тот чужой».

Настоятель Липинского прихода В. Дерябкин рассказывает, что весть о киргизском бунте он получил того же 10 августа вече-

ром, когда вернулся с поля. «Известие это, – говорит он, – сильно взволновало народ и заставило принять возможные меры предосторожности. Ночью страх усилился, когда увидели пожары со стороны Сазановки и других селений. Утром 11-го числа решили послать 5 человек в город Пржевальск узнать, в чем дело, и просить помощи. Посланные добрались до города, но возвратиться не могли. Были посланы другие 5 человек, но эти подверглись нападению дунган, которые избивали в это время крестьян селения Иваницкого.

Оставшиеся живыми вернулись в деревню и навели на всех панику: кто прятался дома, кто бежал на площадь, кто искал спасения в камышах. Около церкви устроили заграждения из бричек, телег и бревен. Женщины и дети собраны в церкви, а мужчины вооружились вилами, топорами, косами и дробовиками. К вечеру пришли сюда же и крестьяне селения Богатырского. Отслужили молебен и положились на милость Божию.

Все нападения киргиз мы отражали с успехом, а 14 августа, когда силы наши ослабели, вышли по направлению к городу, оставив родные места и святыню на разграбление дикой орды».

11 августа было началом осады большого села Покровского, расположенного в 35 верстах к западу от Пржевальска по южному берегу озера Иссык-Куль. «В этот день, – рассказывает настоятель Покровского прихода священник Евстафий Малаховский[311], – встав в 7 часов утра, я вышел на крыльцо и спросил, почему мне не подали земских лошадей, так как я собирался поехать в Пржевальск за церковными свечами. Мне ответили, что приехал доктор, который забрал лошадей. Как оказалось потом, доктор был зверски убит, не доезжая пяти верст до города Пржевальска. В этом случае я вижу промысл Божий по отношению ко мне лично.

Не прошло после этого и десяти минут, как по улицам села раздались крики, что киргизы набросились на только что выгнанные табуны скота и погнали их в горы. Первым делом у меня мелькнула мысль, что необходимо объединить народ, чтобы общими силами

---

[311] *Евстафий Малаховский* – священник, после 1916 г. служил в станице Надеждинская Верненского уезда Семиреченской области (ныне г. Иссык). Погиб при братоубийственной смуте на Пасху 1918 г. В августе 2000 г. на Юбилейном Архиерейском соборе священник Евстафий Малаховских прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских.

дать отпор неверным, для чего я велел звонить в колокол. На звон его народ быстро стал собираться к церкви.

В это время на прилавках около села появились большие толпы киргиз с флагами, готовившихся к нападению на него. Казалось, дни наши были сочтены, так как в селе были почти одни женщины и дети. Мужчин вообще и ранее было немного, а в рабочее время и те, которые оставались, были на работе. Да и что мог сделать десяток-другой почти безоружных людей против тысяч киргиз?

Видя все это, я решил готовиться к смерти и приготовить к ней своих духовных детей. И вот в церкви мы начали служение акафиста Покрову Пресвятой Богородицы. За общим рыданием не было слышно слов акафиста. Это был общий предсмертно-покаянный плач. Семья моя находилась здесь же, около иконы Богоматери.

Передав чтение второго акафиста диакону Резникову, я начал исповедовать народ, но видя, что поодиночке не в состоянии исповедовать всех, предложил общую исповедь. Народ стал с рыданием каяться в своих прегрешениях. Прочитав затем общую разрешительную молитву, я приступил к причащению всех запасными Святыми Дарами. В большом затруднении я был относительно себя: исповедаться я не мог за отсутствием другого священника. Служить Литургию не было возможности, и я решил исповедать свои грехи пред Святым Престолом Самому Господу и причаститься.

Все это происходило в церкви. Что же в это время было вне ее? А вне ее совершилось дело явной помощи Божией. Киргизы в огромном количестве с диким воем бросились с гор на село. Совершенно случайно в селе оказались три казака, вооруженных винтовками, и один техник с охотничьим ружьем. И вот четыре этих человека при слабой поддержке нескольких мальчиков отбили нападение.

Пусть неверующие люди объясняют это чем угодно, но я и мои прихожане не сомневаются в этом первом заступлении за нас Царицы Небесной. Пока происходило наступление, постепенно стали прибегать с полей и из других мест мужчины. Появилось несколько охотничьих ружей, револьверов, кос, вил и проч. С этим вооружением люди стали на улицах по краям села. Киргизы же, собравшись на прилавках, готовились к новому нападению.

В село стали прибегать люди с печальными известиями о зверствах киргиз над теми, которых они захватили на полях и дорогах. Нервная дрожь пробегала от этих рассказов.

Но вот началось новое наступление. Послышались крики и отдельные выстрелы. Прошло приблизительно с полчаса времени, как вдруг раздался общий крик, что киргизы ворвались в селение. Показалось пламя и стало известно, что они пробежали по главной улице села и зажгли в нескольких местах дома. Поднявшийся сильный ветер еще более усиливал панику. Женщины взяли иконы из церкви и с пением "Заступнице Усердная" и другими песнопениями вышли на площадь около храма.

К этому времени мы совместно с учителем Стародубовым пришли к решению, что более удобное место для защиты будет два больших школьных здания с огороженным глинобитным заплотом, садом и площадью между школой и церковью, почему и стали собирать женщин и детей в школы и сад около них.

Огонь с ветром, между прочим, делал свое разрушительное дело и нам грозила опасность задохнуться в дыму и остаться беззащитными, когда сгорят дома. Но ветер принес нам пользу. Сильными порывами он отнес пламя на ту часть села, где не было людей, а лишь грабили загоревшиеся дома бывшие работники-киргизы, зная, где лежит хозяйское добро. Первый день ожидания страшной насильственной зверски-издевательской и мучительной смерти приходил к концу. Киргизы отхлынули, и лишь огонь пожаров зловеще освещал церковь, площадь, школу и народ. В церкви началось вечернее служение.

Вероятно, никто не спал в эту и в остальные ночи. По крайней мере я в продолжении четырех ночей только по несколько минут тревожно дремал и, что удивительно, не чувствовалось склонности ко сну. Возможно, что это происходило от сильных душевных переживаний. Ночью почему-то киргизы не нападали. Очевидно, обжирались и отдыхали после дневного разбоя. Ночью от страха несколько женщин преждевременно разрешились от бремени.

Стали появляться лица, которым с Божией помощью, удалось избежать насильственной смерти. Некоторые же из них были жестоко изранены. Ужасом веяло от их рассказов. Киргизы не щадили даже маленьких детей. Времена злой татарщины воскресали

в моей памяти, но все, что когда-то читалось об этих временах, бледнело перед действительностью. Грозившая всем нам опасность подвергнуться той же участи заставляла всех еще сильнее просить помощи Божией.

Всю ночь я ходил среди людей, исповедуя и приобщая больных и побуждая мужчин не спать и быть готовыми дать врагу отпор в случае нападения. В это время в наших «мастерских», состоявших из двух кузниц, спешно изготовлялись ружейные патроны, собирали порох, отливали из свинца пули, а впоследствии, когда не хватило свинца, на это пошли самовары. Делали копья, тесаки и прочее вооружение. Явились свои инструктора и мастера. Все работали для общего дела – спасения жизни.

Вечером в этот день я обратился с призывом к людям, кто бы решился на подвиг и пробрался с известием в город Пржевальск. На мой призыв отозвалось четверо мужчин и несколько подростков. Решено было послать ночью часть пешими, а часть на лошадях. Мальчики скоро вернулись обратно, так как вышли рано и были замечены киргизами. Остальные же, как потом узнали, ночью добрались до Пржевальска. Вся трудность в этом деле состояла в том, что по дороге из Покровского в Пржевальск было дунганское селение и мы знали, что это неблагодарное исчадие, когда-то защищенное русскими, злом отплачивало нам.

В это же время у меня мелькнула мысль, принесшая нам впоследствии такую пользу, что без преувеличения можно сказать, что, не приведи мы ее в исполнение, вряд ли бы мы остались живы, а именно: я обратил внимание на то, что киргизы нападают на лошадях и что весь их напор до сего времени сдерживался живой силой. Надолго ли могли его сдерживать каких-либо 100 человек против тысяч? Вот это, повторяю, навело меня на мысль – загородить улицы баррикадами. Чего, кажется, понятнее. Но русский человек и в опасности себе верен – не скоро его раскачаешь. Все нужно показать наглядно. Напрасно я уговаривал заградить улицы. Меня никто не слушал. Оставалось одно – сделать это самому. И вот рано на заре я взял несколько женщин, стал вместе с ними ставить поперек улиц телеги. Приходилось спорить с теми, кто не желал переставить своей телеги на другое место. Но как бы то ни было, а кругом площади мы установили по одному ряду телег.

Следующий день наглядно показал всю пользу подобных заграждений, когда на них наскочило несколько киргиз. После этого крестьяне уже сами стали строить баррикады не только из телег, но и из бревен и борон и не в один, а в три ряда.

В 7-м часу утра началось служение Литургии. Опять многие исповедались и приобщились Святых Тайн. Приобщены были и дети. Только что кончилась Литургия, как с колокольни, служившей для нас наблюдательным пунктом, стали замечать появление из разных горных щелей небольших групп киргиз, которые постепенно стали собираться кучами. Приблизительно часов около одиннадцати, разделившись на две партии, с диким воем под руководством своих предводителей, державших белые и красные флажки и дававших ими особые знаки, орда в количестве нескольких тысяч вновь бросилась на село, но, встретив на своем пути баррикады, за которыми сидело десятка два стрелков с охотничьими ружьями, на время отступила и занялась грабежом и поджогом тех домов, которые находились вне нашей обороны, так как при малочисленности защитников мы не могли оборонять всего села.

Наступления киргиз продолжались часов до четырех вечера. Все это время в церкви непрестанно молились. В этот же день, часов около двух, в Покровское приехали переселенцы из селения Светлой Поляны. Покровцы обрадовались, что нашей силы прибыло, но скоро разочаровались, так как новоселы – народ бывалый и по приезде, прежде всего, устроились под бричками и занялись едой. Затем пошли по амбарам за мукой, попутно забирая все, что попадало на глаза. Скоро пошли жалобы и на пропажу одежды. Странно и непонятно было для меня, что люди, доживая, может быть, последние часы своей жизни земной, решаются воровать.

В 5 часов вечера служили вечерню и утреню, а в 7-м часу утра – Литургию. Днем в продолжении всей осады по несколько раз служили молебны водосвятные и акафисты с крестными ходами. Наконец наступило воскресение 14 августа. Едва кончилась Литургия, как со всех горных щелей стали вылезать отдельные партии киргиз. По всему для нас было видно, что трудно нам придется, если из Пржевальска не дадут помощи, тем более что нам было сообщено прибежавшими из плена, что киргизы решили за нашу упорную защиту не выпустить никого из села живым.

И вот в унылом, близком к отчаянию состоянии духа мы начали в 12 часов дня служить молебен на площади. Слезно молился исстрадавшийся народ Царице Небесной. И о, утешение! Во время молебна прибежал вестовой с извещением, что из Пржевальска идет дружина. Еще усерднее стала молитва, и когда приблизительно через полчаса действительно пришло 65 человек дружинников, весь народ как один человек пал на колени и слышно было сплошное рыдание.

Вообще над Покровским приходом прямо явно для меня и верующих людей вместе с гневом Божиим была видна и помощь Его нам по слезной народной молитве к Заступнице Усердной. Приди помощь позже на час, возможно, что многих из нас уже не было бы. Только что мы успели обойти с крестным ходом занятую народом площадь, как со стороны гор послышался дикий зловещий вой. Шесть волостей киргиз, то есть не менее 6 тысяч орды, летело на полуразоренное село. Три часа беспрерывно сыпались ружейные выстрелы, только к вечеру стихла стрельба. Киргизы отхлынули в горы, готовясь назавтра к нападению на нас еще в большем числе.

Мало кто из нас надеялся, что мы продержимся следующий день. Как бы в ответ на наши мысли дружинники сообщили нам, что на завтра они остаться не могут, и предложили ночью ехать в Пржевальск – другого исхода не было.

Все сознавали, что нужна только особая Помощь Божия, чтобы проехать незамеченными 35 верст обозу в 700 подвод под охраной какой-либо сотни наездников, вооруженных охотничьими ружьями.

Почти уверенные, что не видать нам завтрашнего дня, мы начали служить всенощное бдение Успению Богоматери. Народ уже начинал собираться в путь и в церковь заходили для краткой молитвы. Кончилась всенощная. С особыми, непередаваемым словами, чувством стоял я около Престола. С одной стороны, меня не покидала мысль о том, что, может быть, это была наша последняя всенощная, с другой – мне представлялось, как через несколько часов и на этом месте появятся люди-звери и начнут свои бесчинства.

Но пора была приступать к делу. Отец диакон, задумчивый и безмолвный, стоял около меня. Молча поклонились мы друг другу и пред святым Престолом, после чего я взял святой Антиминс и Дары себе на грудь, сказав ему, что если меня убьют, пусть он снимет

их с меня. Затем отец диакон согласился взять сосуды, Евангелия и кресты серебряные. Больше мы взять ничего не могли, так как у меня была маленькая тележка и одна лошадь. На этой тележке приходилось ехать самому и везти жену, пять человек детей и двух прислуг, а у отца диакона совсем не было лошади и приходилось надеяться на добрых людей, чтобы увезти восемь душ семьи. Церковному старосте я велел взять деньги и предложил стоявшим в церкви взять, кто что может. Взяли несколько икон.

Ехать было решено после полуночи, но в 10 часов уже все лошади были запряжены. На площади было светло от горевших кругом домов, а в церкви светились поставленные перед образами свечи. Посреди церкви лежала икона Успения Богоматери вроде плащаницы. Ожидая отъезда, я зашел в свой дом. Все в нем лежало на своем месте. Какое-то чувство безразличия ко всему на время овладело мною. Но вот приближалось время отъезда, и чем ближе было оно, тем сильнее сжималось сердце…

Минут за двадцать до отъезда я вновь отправился в церковь проститься в последний раз… Попутно велел взять запрестольный крест на переднюю подводу, а икону Божией Матери – на последнюю. Все сели на свои воза в ожидании команды трогать. Проехали вперед десятка полтора конвоиров. Слышно было, как впереди разбирали баррикады и починяли мост. Минут через десять раздалась тихая команда: ”Трогай”. В полутьме видно было, как поднялись руки, творя крестное знамение. Послышались сдавленные рыдания. Я сидел на козлах, а в тележке за мной беззаботно дремали, тесно прижавшись друг к другу, мои дети. Слезы затуманили мне очи, а руки творили над ними образ Креста. Затем, сотворив мысленно молитву Пресвятой Богородице, я благословил весь обоз.

Как в тумане, как помню, ехали по улицам догоравшего села. По выезде из села стали попадаться трупы убитых русских. Стук телег, ржанье лошадей, шум, поднятый 700 подводами, привел меня в отчаяние… С минуты на минуту я ждал, что вот с гор послышится зловещий вой, и содрогался при мысли о той картине, которая тогда получится. Только что проехали верст пять, как на горах показался огонь. ”Сигнальный”, – подумал я и на время прямо остолбенел, затем всем сердцем своим стал молиться. В таком напряженном состоянии духа доехали до селения Иваницкого, то есть 15 верст.

Вдруг обоз остановился и спереди послышались крики. Значит, подстерегли… Слышны рыдания женщин и молитва. Но, благодарение Создателю, того, чего ждали, не случилось. Оказалось, израненные и полуживые остатки жителей села Иваницкого, заслышав шум обоза, выползли к дороге и их стали подбирать на телеги. По всему селу Иваницкому перекликались петухи, но мы знали, что в нем нет ни одной живой души. Обоз наш тронулся дальше.

Впереди предстояло переправиться через речку. Наверное, думал я, здесь нас подстерегают, но проехали благополучно. Вот уже до города верст восемь. На пути стало попадаться много изуродованных убитых русских людей, как взрослых, так и детей. Целую книгу можно написать о зверствах киргиз. Времена Батыя, пожалуй, уступят… Достаточно того, что на дороге попадались трупики десятилетних изнасилованных девочек с вытянутыми и вырезанными внутренностями, детей разбивали о камни, разрывали, насаживали на пики и вертели. Более взрослых клали в ряды и топтали лошадьми. Если вообще страшна смерть, то подобная смерть еще страшнее. Жутко становилось при виде всего этого.

Ехали мы уже около шести часов и стало светать, как вдруг позади раздался крик, что гонятся киргизы. Что произошло далее, легко вообразить. Люди что есть мочи гнали лошадей, сваливались вместе с телегами с мостов, те, у которых что-либо ломалось или распрягались лошади, безумно обращались с просьбой к скачущим о помощи, но все думали только о себе. Вот уже и город. Навстречу бегут с пиками и ружьями дружинники… Мы спасены…

И Литургию в день Успения Богоматери могли слушать в Пржевальске. Над нами явно совершилось чудо. Пояснение одного из бежавших пленных подтверждает это. А именно: когда на завтра в Покровское пришли киргизы, они рвали на себе одежды, драли головы ногтями и вопили, а затем убили своих двадцать человек часовых, которые так крепко спали, что не могли слышать стука и шума обоза, растянувшегося на десять верст. Разве это не явная помощь Царицы Небесной, внявшей молитвам недостойных рабов Своих! Ни один человек, из выехавших из Покровского, не погиб. Наказал нас Господь, но смерти не предал».

Одновременно с покровцами того же 11 августа подверглись нападению киргиз, разрушены, сожжены и вырезаны селения Свет-

лая Поляна, Барскаун, Тарханы, Кольцовка, Гоголевка и другие селения, лежащие на южном берегу Иссык-Куля, а также Григорьевка, Семеновка, Сазоновка, Алексеевское и другие населенные места, расположенные по северному берегу озера, где проходил почтовый тракт из Верного в Пржевальск, причем сгорели церкви, школы, почтовые станции, сельские правления и все проч.

Наконец, мятежники добрались до Иссык-Кульского монастыря и стали окружать его с трех сторон, оставив открытой только сторону озера. Архимандрит Иринарх с братией старались охранить обитель, насколько могли, но, конечно, к пролитию крови не прибегали, а потому скоро вынуждены были отступить и воспользоваться лодками, чтобы переправиться на один из островов и тем спасти свою жизнь. Однако, к великому сожалению, во время свалки и нападения были зверски убиты: иеромонах Рафаил[312] (ему отрубили голову), схимонах Исихий[313], монахи Досифей, Дорофей, Феоктист и послушники Никифор и Михаил, а некоторые другие тяжело ранены. После этого монастырь был ограблен до нитки, а скот уведен в горы. Впрочем, благодарение Богу, оба храма и другие монастырские постройки остались целы.

К числу новомучеников за Святую веру Православную следует отнести также одну убитую учительницу из церковно-приходской школы и походного священника Пржевальского уезда о. Иоанна Ройка. Он был взят 12 августа в плен и уведен в горы вместе со своей семьей: женой Верой и дочерьми, пятилетней Людмилой и грудным младенцем Ольгой. Отец Иоанн был острижен и расстрелян после разных мучений и отказа перейти в мусульманство.

Покончив с районом Иссык-Кульского озера и собрав награбленное добро и стада, мятежные отряды киргиз направились к востоку от Пржевальска и 12 августа напали на русские селения Джар-

---

[312] *Иеромонах Рафаил (Михаил Ливанский)* (1847–?) – 26 мая 1884 г. по прошению переведен в Туркестанскую епархию и временно приписан к архиерейскому дому. 17 июля 1884 г. рукоположен во иеромонаха. В 1884–1887 гг. служил в станицах Софийской, Надеждинской, Любавинской, Зайцевской. В 1887–1894 гг. временно служил в селе Надеждинском Ходженского уезда, затем вновь возвращен в архиерейский дом. 31 октября 1901 г. направлен в село Николаевку Самаркандского уезда с причислением в штат Иссык-Кульского монастыря. 24 января 1902 г. отозван в монастырь.

[313] *Схимонах Исихий (Иван Апринцев)* (1832– ?) – 12 января 1885 г. указом Св. Синода перемещен в Иссык-Кульский монастырь. 2 февраля 1906 г. по его прошению пострижен в Великую схиму с именем Исихий.

кентского уезда: Каркару, Владиславское, Таврическое, Мещанское, Ново-Киевское и Охотничье, составлявшие один переселенческий приход с центром в Мещанском.

Настоятель прихода священник Василий Колмыков[314] рассказывает об этом в следующих словах: «Более двух месяцев было слышно, что местные нации и вообще киргизы, сарты и таранчи хотят громить и избивать русских жителей и что будто бы для этого приготовляют холодное оружие. Так как официальных данных не было, то русские, не придавая особого значения, относились покойно к этим слухам и продолжали спокойно заниматься каждый своими полевыми и домашними работами.

Не подозревая погрома, я с семьей, то есть с женой и ребенком, 11 августа уехал на Каркаралинскую ярмарку[315], находившуюся в 27 верстах от моего прихода, куда и приехал в 3 часа дня. В этот день и весь вечер подозрительного ничего не было заметно, но на другой день утром, в 4–5 часов, я был разбужен словами: “Батюшка, спасайтесь, киргизы окружают нас. Всех убьют и перережут…” Когда я, одевшись, вышел на улицу, то, действительно, увидел массу вооруженных людей на лошадях, с гиканьем и криком спускающихся с окружающих гор (приблизительно 10 тысяч) и окружающих ярмарку. Поднялся страшный переполох: крик и плач женщин и детей, бестолковая беготня и т. п. явления, но благодаря распорядительности начальника, ротмистра Михаила Кравченко, все это успокоилось, и нападение легко было отражено. Сейчас же были приняты энергичные меры к вывозке хлебных продуктов в склады для содержания народа и, таким образом, со стороны г. Кравченко было сделано все, чтобы сохранить народ и облегчить их положение.

Вывоз продуктов с ярмарки и прием оных были возложены на меня, и в силу этого поручения я не мог ранее вечера попросить того же г. Кравченко оказать помощь жителям моего прихода.

---

[314] *Священник Василий Колмыков* после 1916 г. служил в станице Подгорненская Джаркентского уезда Семиреченской области. Погиб в 1918 г. В августе 2000 г. на Юбилейном Архиерейском соборе священник Василий Колмыков прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских.

[315] *Каркара* – ныне село в Райымбекском районе Алматинской области Казахстана. Расположено на границе Казахстана и Кыргызстана. В 1916 г. находилось на территории Семиреченской области Туркестана.

Когда все успокоилось, киргизы были отражены, я стал усиленно просить г. Кравченко отпустить хотя бы 10–15 солдат для поездки в селение Мещанское и, предотвратив погром, спасти святыню. Просьба моя была удовлетворена, и на другой день утром в 6 часов отряд в количестве 30 человек выступил верхами вместе со мной, имея задачу как карательного отряда спасти жителей моего прихода. Начальником карательного отряда был назначен прапорщик Фома Рыскин, и вследствие оказалось, что лишь благодаря Рыскину и Кравченко все жители обязаны спасением своих жизней.

Имея в виду оказать помощь жителям, все расстояние от ярмарки до первого поселка моего прихода (Таврического) пришлось ехать карьером. Около 9 часов утра весь отряд, проскакав 27 верст, прибыл в поселок, где жителей никого не оказалось, а поселок был разграблен и весь объят пламенем. В этом поселке отрядом было убито киргиз-мародеров человек двадцать, и, послав донесение на Каркару о сем, отряд поскакал в следующий поселок (Владиславский), находящийся в шести верстах от Таврического поселка, куда прибыл через 10–15 минут.

Здесь оказались: жители поселков Владиславского и Таврического, соединившись вместе и устроив баррикаду из телег, борон и т. п. хозяйственных орудий, вели перестрелку с нападавшими киргизами. Отразив нападение и убив несколько киргизов, отряд, после отдыха и перемены лошадей, двинулся далее, то есть в поселок Мещанский. По дороге в Мещанское есть поселок Чулак, в котором находится 8–9 дворов баптистов. Но заезжать туда не было нужды, так как жители (со слов одного спасшегося) все поголовно были убиты и все сожжено.

Дорога в селение Мещанское проходит ущельем, а потому во избежание нападения пришлось ехать окружным путем (горами) и лишь спустя 3–4 часа, выехав из гор, увидали, что селение Мещанское горит. От гор до села Мещанского расстояние 12 верст. Дорогой отряду приходилось отвлекаться и задерживаться для отражения киргиз и лишь спустя 2–3 часа (приблизительно около 2 часов дня) отряд стал приближаться к селу. К сожалению, ехать в село не было возможности, так как, увидев приближающихся солдат, киргизы бросились наутек, то есть бежали в горы, отстреливаясь на бегу, и таким образом отряду пришлось сначала их разгонять и преследовать по горам.

Пока отряд преследовал киргиз-разбойников, я поспешил в селение и был окружен жителями со слезами радости. Все от малого до старика спешили ко мне под благословение и плача благодарили за помощь. Поплакав вместе с ними слезами радости и благословив всех, я стал расспрашивать их, и оказалось: все крестьяне, собравшись в один дом (дом Кошева), отстреливались и защищались по силе своей возможности. Но так как ружей, пороху и вообще снарядов у них не было, а что и было, то все использовали, то им оставалось лишь предать себя на волю Божию. Уже дом был окружен со всех сторон, везде и рядом горело, киргизы собрались кинуться на них в последний раз, дети и женщины плакали и молились Богу перед своей смертью, мужчины опускали руки… и в этот момент показался близ села отряд солдат, несшийся полным карьером на выручку. Киргизы наподобие морской волны отхлынули, и жители, ожидавшие смерти, были крайне удивлены. Лишь тогда, когда услышали залпами выстрелы, поняли, что пришла помощь и Господь спас их от лютой смерти.

Действительно, опоздай помощь на 10–15 минут, все было бы кончено. К счастью, убитых оказалось только лишь двое и раненых четверо. Успокоив всех по силе своей возможности, я бросился к молитвенному дому, но… опоздал. Молитвенный дом оказался разграбленным и горящим внутри. Невзирая на пожар, я кинулся вовнутрь, позвал людей и, руководя ими, залил пожар внутри и спас дом от окончательного сгорания. Все, что можно было спасти, я взял с собою, уложил в разбитый сундук и привез в г. Пржевальск.

Окончив дела с молитвенным домом, я пришел к дому моей квартиры. Увы… вместо дома я застал дымящиеся головешки и ничего более. Все личное добро пропало и сгорело. Церковные книги, все документы, все деньги, как частные мои и братской кружки, так и церковные за венчики и молитвы, погибли в огне и расхищены. Остался я с семьей моей лишь в том, что на нас надето. Не только не осталось верхней одежды, но даже и смены белья. Все, что есть, это старый драный подрясник с летней ряской, а у жены рваное платье и пальтишко. Обуви никакой, и жена с ребенком положительно раздета и с драной обувью. Сколько слез и жалоб… Не дай Бог слышать никому».

РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2767. Л. 34 об. – 56.

№ 85

Отношение военного министра Д.С. Шуваева Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину

№ 3787
г. Петроград

3/5 декабря 1916 г.
Спешно
Секретно

Милостивый государь Алексей Николаевич!

Некоторыми членами Государственной думы будут предложены на обсуждение Думы запросы правительству, в лице министров военного, внутренних дел и юстиции о бывших в Туркестане волнениях и беспорядках в связи с призывом инородцев на тыловые работы по высочайшему повелению 25 июня сего года.

Сущность этих запросов и причины, по которым они предъявляют правительству, видны из препровождаемых при сем копий.

На случай, что означенные запросы будут Государственной думой приняты, представление по ним объяснений правительства Совет министров возложил на военного министра.

Вследствие сего прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать сообщить мне по возможности не позднее 1 января 1917 г. Ваше вполне объективное заключение как по самому существу предъявляемых запросов, так и в отношении правильности заключающихся в них фактических данных.

К сему считаю своим долгом присовокупить, что происшедшие в Туркестане события послужили уже в конце минувшего ноября предметом суждения в комиссии Государственной думы по военным и морским делам. При этом членом Думы Керенским, лично посетившим Туркестанский край и ознакомившимся с подробностями происходивших там беспорядков, было, между прочим, высказано: 1) что карательные экспедиции, назначаемые для подавления возмущения туземцев, действовали с крайней жестокостью, истребляя не только мужское население, но также женщин и детей, что те же экспедиции приводили инородческие населенные пункты в состояние столь полного истребления и разрушения, какое

не наблюдается даже на театре войны (так, например, город Джизак совершенно уничтожен), и 3) что местные органы охранной полиции своей провокационной деятельностью способствовали волнениям среди инородческого населения.

По поводу этих заявлений члена Государственной думы Керенского, поддерживаемых представителем мусульманской фракции Думы Тевкелевым, прошу Ваше Высокопревосходительство также не отказать в своем заключении, подкрепив таковое фактическим материалом.

Наконец, для меня было бы весьма желательно получить от Вас: 1) подробное, в хронологическом порядке изложение, описание бывших в Туркестанском крае волнений с указанием принятых против них мер и достигнутых результатов, и 2) сведения о том, сколько рабочих уже дал Туркестан для нужд армии, сколько может дать в будущем и насколько применение реквизиции отразилось на благосостоянии инородческого и русского населения края.

В заключение считаю необходимым добавить, что комиссия Государственной думы по военным и морским делам высказала пожелание о скорейшем привлечении инородцев к воинской повинности. По поводу этой последней меры в отношении применения ее в ближайшем будущем к туркестанским инородцам (не исключая и тех, которые уже высланы в Европейскую Россию на работы) прошу также не отказать сообщить мне Ваши соображения.

Примите уверение в моем совершенном уважении и преданности.

Шуваев

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 6–7.

№ 86

Запрос о Туркестане

В Государственную думу внесен запрос о событиях в Туркестане. Внесли его вначале трудовики. Когда после исключения трудовиков из нескольких заседаний их запрос некому было поддержать, был внесен другой запрос от имени мусульманской фракции, прогресси-

стов и фракции народной свободы. Когда этот вопрос будет обсуждаться в Государственной думе – неизвестно. Точно так же трудно сказать, как отнесется Дума в ее целом к запросу.

Однако для Туркестана важно не столько отношение Думы к тем незакономерным действиям властей, которые были совершены как центральной, так и местной властью, на которые указано в запросе, сколько общее ее отношение к вопросу о ближайшем будущем нашей окраины. Туркестан – край будущего. Это обстоятельство, конечно, учитывается всеми и всюду. Но выводы из этой предпосылки делаются разные. И сейчас идет во всю эксплуатация края, причем она нередко приобретает явно варварские формы. Когда будет закончена война и заключен мир, потрясенная в хозяйственно-экономическом отношении страна будет изыскивать средства для скорейшего излечения ран. Нетрудно понять, что на такую богатую и почти что девственную в смысле разработки природных богатств окраину, как Туркестан, падет тяжесть, быть может, во много раз большая, чем на другие места. Край наш, конечно, много может дать. И дает, это бесспорно. Вопрос лишь в том, при каких условиях будет протекать эксплуатация его богатств.

Давно уже доказано, что формы общественно-правового уклада имеют огромное значение для развития хозяйства. А если это так, то необходимо теперь же пересмотреть самым коренным образом весь общественный строй жизни Туркестана.

Здешняя общественность давно уже выдвинула тот минимум, осуществление которого признается первым шагом на пути к развитию Туркестана. Это возвращение отнятого у Туркестана девять лет назад права посылать в Государственную думу представителей от края, введение земского и городского самоуправления.

Теперь, когда на Туркестан обращено усиленное внимание Думы, важно, чтобы этот минимум был немедленно введен в жизнь, так как только в таком случае наш край сможет начать подготовку к той роли, которую предстоит ему сыграть в послевоенный период.

Широкая самодеятельность туземного и русского населения – без этого Туркестан не может развивать свои силы. И Государственная дума должна помочь Туркестану получить ее.

Газета «Туркестанский голос». 4 декабря 1916 г.

№ 87

Правда о туркестанских событиях[316]

Печальные события в Туркестане, происшедшие при введении трудовой повинности для туземцев края, сопряженные с десятком тысяч невинных жертв, своевременно не могли получить должного освещения, так как мерами старого правительства на русскую печать была наложена печать молчания. Что же касается освещения этого вопроса членами Думы Керенским и Джафаровым, то и оно осталось для общества в неизвестности, так как правительство настояло на том, чтобы вопрос этот обсуждался при закрытых дверях.

Ныне, когда чрезвычайная следственная комиссия для расследования незаконных действий бывших министров фактически приступила к следственному производству для установления степени виновности и незакономерных действий бывших министров при проведении в жизнь повеления бывшего императора от 25 июня 1916 г. о призыве инородцев на работы в тыл действующей армии, а также о предупредительных мерах и шагах, предпринятых своевременно депутатами, считаем небезынтересным привести речи Керенского и Джафарова, произнесенные ими в закрытом заседании Думы от 13 декабря 1916 г., так ярко освещающие эти печальные события:

Джафаров (Бакинская, Елизаветпольская и Эриванская губ.). Господа члены Государственной думы. Прежде чем перейти к изложению своей речи, я должен указать, что мы сегодня обсуждаем важный вопрос при отсутствии представителей тех окраин, которых касается обсуждаемый запрос. Это положение ненормальное, оно дальше терпимо быть не может. Затем я должен сказать, что 27-го числа минувшего месяца я в комиссии по военным и морским делам изложил свой взгляд на этот вопрос в довольно резких выражениях, но сегодня, боясь, что в таких же выражениях я не сумею докончить свою речь, я поставил себя в известные рамки. Я позволю

[316] Стенограмма закрытого заседания Государственной думы 13 декабря 1916 г. // Газета «Каспий». № 214–223. Сентябрь – декабрь 1917 г.

себе от имени мусульманской фракции изложить наш взгляд на эти события и указать на те причины, на те обстоятельства, которые вызвали эти события. Высочайшее повеление, опубликованное 6 июля, открыло целую эру в жизни инородческого населения восточных окраин России – Кавказа, Туркестана, Сибири и Степных областей. В процесс великой мировой войны оказались втянутыми непосредственно сотни тысяч инородческого населения, жившего до сей поры особым экономическим укладом, занимавшего в общегосударственном строе особое положение граждан, ограниченных в правах. Казалось, это должно было заставить правительство отнестись к этому акту поголовного призыва инородцев с особой осторожностью и вдумчивостью. Однако в действительности мы видим обратное: призыв инородцев состоялся в порядке, нарушающем основные законы империи, и воплощен был в жизнь в форме, вызвавшей ничем не оправданные потрясения хозяйственной жизни инородческого населения. Незакономерные действия агентов высшей власти сопровождались безграничным произволом местных властей. Незакономерность как самого акта издания о призыве инородцев, так и незакономерность проведения этого акта в жизнь – прямой результат, выработанной веками и традициями инородческой политики, политики игнорирования как мнения самого населения, так и его жизненных интересов. Здесь я не буду останавливать вашего внимания подробно на юридической стороне этого вопроса; юридическая сторона вопроса подробно изложена в нашем запросе и напечатана и роздана вам. Здесь я укажу только на ст. 71 Основных законов, которая гласит: «Российские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности, согласно постановлениям закона». Статья же 86: «...никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государя императора».

Военный министр, испросивший Высочайшее повеление от 25 июня, нарушил уже приведенные статьи основных законов. В самом деле, этим Высочайшим повелением налагается на местности, в которых живет инородческое население, новая повинность, между тем как сказано в ст. 71 Основных законов, отбывание повинности русскими подданными не может быть установлено ина-

че, как в законодательном порядке, причем в порядке военного законодательства, в порядке ст. 96 не может быть издано распоряжение, которое составляет предмет общих законов. Независимо от сказанного, министр внутренних дел допустил превышение власти, распорядившись самолично, без предварительного соглашения с военным министром о немедленном призыве инородцев, несмотря на требование второго раздела Высочайшего повеления 25 июня о том, что такое распоряжение нуждалось в дополнительном согласовании военного министра и предварительной же выработке подробных правил о призыве. Таким образом, вопреки ясному смыслу закона, на инородческое население возлагается новая повинность, которая могла быть установлена не иначе как законодательным порядком. Мало того, установленная с нарушением Основных законов, повинность осуществляется без соблюдения требований самого акта о призыве.

Но нужно ли считаться с законом, раз дело касается каких-то там киргизов, сартов, туркмен? Для этих инородцев, как говорится, законы не писаны. Превышение власти – это принцип инородческой политики русской власти: призвать на работы, и кончено, а в случае противодействия разве не существует огромный административный механизм, наделенный всею силою полицейской власти? Не учитывая разнообразия экономического бытия отдельных инородческих групп, не предусматривая ущерба, какой может понести как хозяйство отдельных областей, так и хозяйство страны в целом, правительство прямолинейно проводит в жизнь мероприятия, которые следовало бы приспособить к своеобразным условиям жизни отдельных местностей. Перед нами ряд документов, которые поистине являются криком жизни и могут служить ярким свидетельством того, насколько огульный призыв был чреват в смысле экономическом вредными последствиями. Как только был издан указ о призыве инородцев, сейчас же с разных концов империи стали поступать в канцелярию министра внутренних дел и военного хозяйства указания и просьбы о необходимости отсрочек и льгот. В огромном количестве этот материал поступал к нам, в мусульманскую фракцию. Как всем хорошо известно, указ был издан в разгар летней страды. В значительном количестве инородцы в Степных областях были заняты сельскохозяйственными работами, как на

своих землях, так и на землях русского населения. Во многих местах инородцы безвозмездно, из сочувствия к русскому населению исполняли эти работы, и издание повеления произошло в момент крайне неудачный, и членам Государственной думы пришлось в то время предпринять некоторые шаги.

Мы в то время обратились в Военное министерство, в Министерство внутренних дел и указали на дефекты в способе и порядках призыва инородцев на окопные работы. Мы предлагали немедленно выработать подробные условия призыва инородцев на эти работы. Однако же наш голос оказался гласом, вопиющего в пустыне. На могущие быть волнения в Туркестанском крае также было указано в телеграмме членами Думы Ржевским, Некрасовым и другим на имя начальника штаба Верховного главнокомандующего и на имя военного министра… Но не один Туркестан был взволнован открывшейся перед ним перспективой хозяйственных потрясений. Можно сказать, решительно со всех краев России полетели срочные телеграммы. Петроград наводнился депутациями из самых отдаленных местностей. В петроградских канцеляриях появился до сих пор редкий проситель, кинувший далекие степи и приехавший в столицу в надежде найти здесь правду и милость. Но власть привыкла действовать необдуманно и прямолинейно. Я не буду утруждать ваше внимание цитированием имеющихся у нас документов, которые подтверждают нашу мысль, что распоряжение о всеобщем призыве инородцев не учло экономического своеобразия краевых местностей, ни бытовых условий инородцев, ни роли местного хозяйства в благополучном состоянии тыла, а в результате вместо организованной помощи фронту получилась в действительности лишь дезорганизация тыла. Эта дезорганизация на обширных окраинах России, как результат огульного призыва инородцев на окопные работы усиливается еще и одной крайне характерной бытовой особенностью этого краевого населения, на которую я считаю необходимо указать. Эта особенность весьма важная и заключается в том бытовом положении, которое занимает женщина у инородческого населения.

В то время как женщина в русской крестьянской семье является хозяйственной единицей, которая свободно может заменить мужчину, призванного в ряды армии, женщина инородческого

населения этой роли исполнять не может: она связана вековыми традициями, изолирующими ее от соприкосновения с внешним миром. И эта очень важная бытовая особенность также оказалась вне поля зрения центральной власти. Словом, много грехов было сделано актом издания призыва инородцев на окопные работы: тут нарушение основных законов империи, нелогичность мероприятий, вредная прямолинейность и экономическая несостоятельность. Одним словом, целый ряд грехов, которые может допустить только власть, не видящая живой действительности, вскормленная и взлелеянная в тиши бюрократических канцелярий рапортами и прошениями власть, безответственная перед страной, власть, не опирающаяся на живые народные силы. Конечно, ждать государственной мудрости и целесообразности в мероприятиях такой власти трудно. Акт о призыве инородцев – яркий образчик государственной работы такой власти.

Мы не будем больше останавливаться на общей оценке мероприятий центральной власти, перейдем к характеристике осуществления этих мероприятий на местах. Перед нами два огромных района: Туркестан и Степные области. Посмотрим, как заработал административный механизм на местах, как только ему был дан толчок в известном направлении со стороны центрального управления. Остановимся сначала на Туркестане: туркестанские власти, желая как можно скорее произвести набор рабочих, получив акт о призыве инородцев на окопные работы, предписали низшим властям немедленно представить список лиц от 19 до 31 года. Эта краевая власть сочла совершенно излишним широкое предварительное ознакомление туземного населения с характером возложенных на него новых обязанностей. Вот все, что было ею сделано. Но даже и это предписание о представлении списка не отличалось строгой определенностью. В прошении, поданном Туркестанскому генерал-губернатору 15 августа жителями г. Самарканда, покрытом многочисленными подписями, говорится, что согласно распоряжению военного губернатора Лыкошина в течение пяти дней они должны были представить по начальству списки лиц в возрасте от 19 до 31 года. Волостные управители и сельские старшины приступили к этой работе и уже некоторые заканчивали ее наполовину, когда получено было известие из Ташкента, где 21 июня происхо-

дило совещание военных губернаторов о ненужности этих списков. Последующее затем объявление Самаркандского военного губернатора говорило о том, что он, губернатор, совместно с уездными начальниками и полицмейстерами распределил по уездам и городам ту долю военно-рабочих, которая падает на Самаркандскую область, и что каждый город и сельское общество обязаны приговором указать, кого оно отдает военно-рабочим. «Раньше нам говорили, – пишет житель г. Андижана Ферганской области, 50 лет, Ходжоев депутатам Тевкелеву и Керенскому, – что детей ваших в солдаты не возьмут, поэтому вы должны усердно жертвовать лошадьми и всем, чем только можете, когда к вам будет обращаться начальство, и мы по силе возможности жертвовали деньгами и вещами; посылали обрабатывать землю ушедших на войну крестьян – мы обрабатывали…»

Однако необходимо твердо подчеркнуть, что администрация постоянно поддерживала туземцев в этой мысли о свободе от личного участия в войне, в особенности когда им нужно было обращаться к туземцам за добровольными пожертвованиями на нужды настоящей войны. Уверенность самих туземцев в свободе от воинской повинности и в правдивости слов администрации, что «детей ваших в солдаты не возьмут», в глазах населения находила подтверждение в законе 19 апреля 1915 г., на основании которого в целях уравнения и распределения тяжести государственной повинности на освобожденные от несения натуральной воинской повинности части населения возлагается обязанность уплаты добавочного к обычным податям и налогам военного сбора. Наконец, туземное население совершенно не понимало, что именно требуется от него, оно не понимало ни цели, ни характера так неожиданно возложенной на него новой обязанности. Местная печать, вероятно, не без страха перед военной цензурой так же не освещала этого вопроса. Я говорю о русской печати, так как туземной печати в крае не существует, если не считать издающегося в Ташкенте туземного официоза на сартском языке[317].

Впервые только 15 июля, когда имевшие место во многих городах Туркестана эксцессы приходили к концу, когда над мирным на-

---

[317] Речь идет о «Туркестанской туземной газете», главным редактором которой был *Н.П. Остроумов.*

пуганным туземным населением администрация демонстрировала все свое умение и изобретательность создавать и прекращать дело, в официальных «Туркестанских ведомостях» появляется небольшая статья с запоздалым разъяснением. Только тогда, оказывается, ясно утвердили, что туземцы совершенно не представляют себе, что такое тыловые работы, что требуется от рабочих в тылу и в каких условиях протекает жизнь тыловых рабочих. Если рядом с этой статьей поставить другую заметку из тех же «Туркестанских ведомостей», но только появившуюся днем раньше, в которой говорится, что один из военных инженеров во время пребывания там набрал до 10 000 рабочих туземцев и что туземцы очень охотно нанимались на работы в тылу армии и несколько тысяч из них уже отправились на места работы, то с очевидностью станет ясным и понятным, какую роль в деле набора рабочих могло бы сыграть непосредственное и толковое объяснение им той цели, какую преследует Высочайшее повеление.

Между тем переданное по телеграфу из Петрограда Высочайшее повеление в разных местах Туркестана получило различное толкование. Так, Ферганский губернатор генерал-лейтенант Гиппиус, чтобы разъяснить распространившиеся среди туземцев слухи о призыве их в ряды войск, истолковал Высочайшее повеление в смысле привлечения их в качестве рабочих-добровольцев; это, кстати скажу, привело к увольнению Гиппиуса за превратное толкование. В Самаркандской области губернатор распространил по г. Самарканду объявление, что туземцы привлекаются к оборонительным работам, а управитель Кызылкумской волости Богданского участка Джизакского уезда в предписании своем от 6 июля, изданном на основании предписания Богданского пристава, приглашает аульных старшин и почетных лиц своей волости явиться для выслушивания предписания о призыве киргизов в солдаты. Вот в каком виде дошло до населения Туркестанского края Высочайшее повеление 25 июня.

В результате события, которые разыгрались в целом ряде городов. Остановимся на некоторых из них. Жителям города Андижана было объявлено начальником уезда, полковником Бржезицким, чтобы они собрались 9 июля утром в соборную мечеть Джами. Народу собралось немного, так как в это время был мусульманский

пост, и сарты, изнуренные голодом, в жаркие июльские дни неохотно выходят на улицу, проводя время дома или в лавках. Полковник Бржезицкий велел созвать народ со всего базара. Собралась огромная толпа, было много китайских подданных кашгарцев и бухарских подданных таджиков. Слова «набрать», «в районе действующей армии», требования немедленно составить списки лиц от 19 до 31 года ошеломили сартов. Послышались голоса: «…нас обманули, покажите бумагу от царя!» Просили отложить набор до конца мусульманского поста. Не сказав ни слова, полковник Бржезицкий удалился от мечети и через некоторое время возвратился со взводом казаков. Толпа уже мирно расходилась. На базаре уездному начальнику навстречу попалась толпа человек в 150–200. Разговор с ними быстро перешел в стрельбу. Настроенные мирно, безоружные туземцы разбежались в разные стороны. Несколько человек было убито, много раненых. Убит так же китайский подданный кашгарец.

В Ташкенте Высочайшее повеление о привлечении туземцев на тыловые работы было объявлено 7 июля через пятидесятников и имамов. Никаких разъяснений дано не было. На 10 июля пятидесятники и имамы были снова приглашены в управление полицмейстера туземной части города Ташкента. Узнать об этом туда пригласили толпы туземцев, преимущественно женщин, в несколько тысяч человек с целью получить разъяснения и просить об отсрочке призыва. У ворот полицейского управления ее встретили полицейские и не пускали во двор. Видя, что толпа не увеличивается, полицейские вошли в управление и оттуда вышли во главе с исполняющим обязанности полицмейстера Мочаловым[318]. Тот, пуская площадную брань по адресу сартов и находящихся среди них сартских женщин, приказал им немедленно удалиться и тут же приказал стрелять в толпу. Раздались выстрелы. Одна женщина обратилась к Мочалову со словами: «Зачем убиваешь невинных молодых людей? Лучше убей меня!» и была тут же убита[319]. Затем

---

[318] *Мочалов А.* – полицмейстер старогородской («туземной») части города Ташкента.

[319] Этой реакции администрации можно найти объяснение. С 1908 г. в крае, как и в России, нагнеталась истерия про мусульманский заговор, панисламизм, поддержку Турции и т. д. волнений и давно кричали: «Волки, волки!», а их не было, но у страха глаза велики. Кроме того, в крае не было генерал-губернатора. В качестве врио оказался человек, не сумевший правильно оценить обстановку и предотвратить возможные последствия.

было еще несколько выстрелов, в результате свыше десяти убитых, много раненых.

В кишлаке Генчарован Кокандского уезда волостной старшина навлек на себя подозрения в том, что за деньги некоторых туземцев не внес в списки. Туземцы потребовали прочесть составленные уже списки. Волостной управитель сообщил об этом начальнику уезда статскому советнику Мединскому. Последний распорядился прислать с приставом второй части г. Коканда вооруженных солдат, и туземцы, находившиеся во дворе волостного правления, были все связаны, положены в арбы и таким образом их везли по улицам города. По дороге попадавшихся туземцев били нещадно. Туземцы бежали в разные стороны, было много пострадавших, все лавки позакрылись, были вызваны еще казаки и затем на базарную площадь прибыл Кокандский уездный начальник, статский советник Мединский. Обращаясь к терроризованной толпе, сказал им: «Имеете ли вы понятие о котлете, рубленом мясе? Если будите вести себя неспокойно, всех вас превращу в котлету!» Управитель Арованской волости Кокандского уезда, получив распоряжение о производстве набора, приступил 9 июля к составлению списков мужчин, соответствующих возрастов. Обратив внимание на пропуски, которые туземцы объясняли как следствие подкупа и взяток, стали требовать, чтобы им были прочитаны эти списки. В ответ на это послышались бранные слова, при этом волостной управитель, указывая на некоторых из толпы, говорил: «Вот этот годится в солдаты: одной или двумя пулями его, пожалуй, не уложишь». Эти слова волостного управителя дали повод думать, что туземцев берут в солдаты. Этот слух быстро распространился по кишлаку, и толпы туземцев направились к волостному управителю просить не кривить душой и показать им уже составленные списки. Волостной управитель дал им другую бумагу. Обман обнаружился, и на другое утро снова пришли к волостному управителю, требуя списков и угрожая жалобой уездному начальнику. Рассыльный волостного управителя встретил толпу бранными словами, вышедший затем волостной управитель стал кричать и тут же выстрелом из револьвера убил туземца, который кричал, указывая на несправедливость при составлении списков.

Тогда толпа набросилась на волостного управителя и убила его. Так же были убиты рассыльный и писарь, которые вместе с упра-

вителем тоже ругали и угрожали револьвером. Вся толпа, приблизительно в триста человек, была арестована.

Как не грустны эти факты, но они бледнеют перед той кровавой историей, которая разыгралась в связи с призывом на работы в г. Джизаке и его уезде Самаркандской области. Возможность откупиться от призыва путем поставки вместо себя другого породила массу недоразумений между имущими и неимущими классами населения. Именно здесь нужно искать первую вспышку того, что потом кровавым потоком разошлось по всему Джизакскому уезду. Жители разрушенного Джизака передавали, что откупившиеся богачи говорили беднякам, вынужденным оставить свои семьи и идти на фронт, что в то время, когда бедняки будут расплачиваться своей кровью и своей жизнью, богачи откупятся лишь деньгами. В мозгу туземцев зародилась мысль, что начальство на стороне богатых людей, и потому всякий, кто имел над ними хоть какую-нибудь власть, кто имел отношение к делу набора рабочих, будь то русский или мусульманин, в их глазах является виновником того, что они должны отправиться в район действующей армии. В воздухе висела угроза расправиться с поработителями-богачами и теми, кто их поддерживал, то есть с начальством. Распространились слухи, что они по закону свободные от отбывания воинской повинности, могут отказаться идти на работы, если не будут взяты вместе с ними и богачи, и что если не хотят их слушать, то в этом виновата местная власть, прикрывающая богатых в своих корыстных интересах. Это показалось слишком убедительным, и толпа на окраине города убила волостного управителя туземца, не пожелавшего немедленно представить список, правильность которого возбуждала у населения не лишенное оснований сомнение. После этого 13 июля 1916 г. был убит начальник Джизакского уезда полковник Рукин, полицейский пристав Затоглов со своими спутниками, выехавшие на место убийства волостного управителя, сознание отступило на задний план. То здесь, то там убиваются ни в чем не повинные люди. Когда весть о Джизакской истории дошла до Ташкента, была снаряжена карательная экспедиция во главе с полковником Ивановым; через некоторое время полковника Иванова сменил полковник Красноярцев, который приказом от 3 августа под угрозой беспощадного изгнания из Джизака и окрестностей,

кишлаков и садов требует выдачи всех участников и подстрекателей к бунту. По истечению трехдневного срока населению Джизака приказано было выйти на площадь и перед выстроенными рядами солдат от него потребовали немедленно указать виновников происшедшего события. «Была ужасная картина, – говорил местный священник отец Морозов. – Вид вооруженных солдат, готовых по первому приказу начальника карательного отряда Красноярцева расстрелять всех, внушал джизакцам неописуемый страх. Виновники должны были во что бы то ни стало найтись именно среди этих несчастных. Промедление в выдаче виновных грозило пролитием крови многих сотен, а может быть, и тысяч жизней. Плачь и стон оглашали небо, и несчастные джизакцы так неожиданно, непонятным образом очутившиеся в положении каких-то изменников, должны были принести в жертву несколько, может быть, ни в чем неповинных жизней. С закрытыми глазами они стали выталкивать из своей среды то того, то другого. Некоторые из таких выдаваемых падали на колени и клялись в своей непричастности к эксцессам, умоляли оставить их. Виновные таким образом были выданы и их увели в тюрьму, а населению предложили оставить город, который должен был быть предан разрушению. Развалины туземного г. Джизака, который насчитывал 20 тыс. населения, сами говорят за себя. Ни одного целого здания! Только мечеть, стоявшая на краю города, случайно избегла разрушения. Два пушечных снаряда пробили ее минарет. Город сравнен с землей. Город был предан перед разрушением разграблению. Карательная экспедиция заходила далеко вглубь Джизакского уезда и она не разбирала, кто причастен, кто нет и расправлялась со всеми теми, кто носил туземный халат. Загнанные в соседние горы джизакцы в течение двух-трех недель не смели показаться на открытом месте. За ними охотились, как за зайцами, и попадавшимся на глаза оцепившему город карательному отряду грозила неминуемая смерть. Так погибли многие, мучимые голодом, оставившие свои горные убежища. Жители окрестных кишлаков с ужасом передают картину виденных ими убийств. Женщины и дети прятались в реках, ямах, прикрывались травой и листьями деревьев, ибо карательная экспедиция не щадила и их. Нет возможности передать, что представлял из себя Джизак и окрестные кишлаки».

Указанные нами события – прямой результат краевой политики и отсутствия разумных мер со стороны краевой администрации. Высшая администрация успокоилась на определении числа подлежащих набору рабочих от каждого города и на требовании немедленного составления списка привлекаемых на работу. Низшая же администрация нашла в этом богатейший источник для поборов и взяток. С одной стороны, состоятельные лица оказались зачастую невнесенными в списки, с другой стороны, лета многих подгонялись под требования инструкции. Отсутствие метрических записей у туземцев давало администрации полную возможность определять по своему усмотрению возраст того или другого лица. Ловкие люди начали ловить рыбу в мутной воде краевых неурядиц. Население требовало внесения в списки лиц соответствующих возрастов и исправления неправильностей в определении возраста.

Когда в тех или других случаях население грозило обратиться с жалобами к начальству, это истолковывалось в смысле противодействия власти, и в результате возмущение против волостных правителей, закончившееся убийствами. Во всех этих случаях высшая администрация сейчас же принимала сторону низшей и справедливые жалобы населения не только оставались без уважения, но, напротив, вызывали крайне репрессивные меры. Право ли было население в своем протесте и раздражении, можно судить хотя бы из следующих примеров. Остановимся на способе исчисления нужного количества рабочих по городам. Исчисление делалось по числу номеров окладного листа, то есть по количеству дворов в каждом городе, затем в каждом квартале независимо от числа жителей в них. Это обстоятельство часто создавало прямо-таки невыносимое положение, выхода из которого не мог найти никто.

Случалось, что требуемое количество рабочих с квартала превосходило число лиц мужского пола в возрасте от 19 до 43 лет. Например, в квартале Уркути в Самарканде всего 100 дворов, требовалось рабочих 90. Мужчин в возрасте от 19 до 43 лет было 30. Далее бывали случаи, когда одно и то же лицо, владелец нескольких домов в городе или в разных городах, должно было согласно вышеприведенному распределению выставить нескольких рабочих. В списки домовладельцев попадали и бездетные женщины, и вдовы. Туземная низшая администрация аккуратно вносила все дома в списки

и требовала выставить рабочих. Введенные откупа, то есть замена себя другими лицами путем найма по взаимному соглашению, еще более вносили беспорядок. В результате открытой спекуляции рабочими цены были взвинчены до крайности: те, которые раньше соглашались идти за кого-нибудь за 75–100 руб., теперь стали требовать 200–300 руб. Бывали случаи, что и за деньги не находили рабочих, их просто не хватало. Бездетные вдовы, все имущество которых состояло из жалкого двора, вынуждались продавать этот двор, чтобы выполнить рабочую повинность. В Ташкенте, Самарканде, Андижане можно было видеть женщин, которые падали ниц, со слезами на глазах умоляя довести до сведения белого царя о безвыходном их положении: «Мы знаем, нас здесь обманывают, ибо царь никогда не издаст такого повеления, чтобы мы так страдали!» И в то же время в рабочие записывали больных, разбитых параличом, ссылаясь на то, что «потом доктор разберет». Только при помощи денег такой больной мог спокойно доживать остаток своей жизни.

Деньги должны были платить не только те, которые нанимали вместо себя другого, но и те, кому это и не надо было. Дворовладельцы, которые фактически не выставляли рабочих, должны были платить тем семьям, из которых уходили рабочие. Например, на село Мархамат той же волости Скобелевского уезда по разверстке пришлось 90 рабочих. Дворовладельцы, фактически не выставляющие рабочих, должны были давать этим 90 рабочим по 100 руб. на первое обзаведение и по 100 руб. семье каждого рабочего в течение трех – шести месяцев. Так же было в селе Найман. Таким же образом в Кулинской волости собрано было 12 тыс. руб., в селе Ассаке той же волости 74 тыс. руб. Эти денежные сборы заставляли постоянно прибегать к закладу всего, что у них имеется, отражаясь самым разорительным образом на их хозяйственном благополучии. Таким образом, выходило, что вследствие отсутствия подробных правил о порядке набора рабочих население отбывало двойную повинность – рабочую и денежную. Однако, отдавая деньги, население не было уверено, что они будут находиться в целости и употреблены полностью по назначению. Необходимо отметить, что нанятыми за деньги становились кашгарцы, китайские подданные, каратегинские таджики и бухарские подданные. Администрация

их записывала без надлежащей проверки документов, удостоверяющих их личность.

Констатируя возбужденное состояние туземного населения, высшая краевая власть до приезда Куропаткина сгущала атмосферу самыми изнурительными мероприятиями из цикла «тащить, не пущать и гнуть в бараний рог». При первых возбуждениях среди населения туркестанские власти издают распоряжения, коими всем туземцам запрещается ездить по железной дороге без особого разрешения администрации. Каждый раз когда кому-либо из туземцев необходимо было по личным, семейным или торговым делам проехать несколько верст по железной дороге, он должен был испрашивать особое разрешение. Одно такое мероприятие в состоянии самого смирнейшего человека привести в ярость. Что это за власть, которая каждого туземца готова заподозрить в самых преступных замыслах и на основании этого лишить основного, необходимого права для мирной жизни, права свободного перемещения и росчерком пера многолюдный край с кипучей промышленностью в городах обращается в сплошную тюрьму? Но этого мало! В этой тюрьме каждого русского человека делают тюремщиком и владыкой, если не над жизнью, то над кошельком туземца. Был издан приказ об обязательном приветствии всех офицеров и чиновников всех ведомств и всех рангов вставанием и поклонами.

Вдумайтесь, господа, только в смысл этого приказа! Какое унижение человеческого достоинства даже для нашей русской действительности, где личность обывателя не ограждена от произвола и насилия полицейских властей! Этим приказом думали поднять престиж русской власти. Но этот престиж они втоптали в грязь и имя русского чиновника превратили в угнетателя и поработителя. Вот какую услугу этому краю оказала русская бюрократия.

Я не буду подробно останавливаться на том, какие последствия имели бы в жизни края указанные мною распоряжения, если бы их не отменил новый Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин. Скажу лишь, что приказ об обязательном приветствовании служил во многих городах и поселках Туркестана поводом к крайне возмутительным сценам насилия и издевательств над туземным населением. Этот указ стал грозным орудием в руках всех чиновников, которые сразу оказались облеченными правительственной

властью, и давал им возможность и право подвергать туземцев за непочтение и ослушание распоряжению власти наказаниями, нигде не предусмотренными, побоями. Наказания эти снимались за определенную сумму, смотря по общественному положению провинившегося. Некоторые чиновники и сами искали случая, как бы напомнить туземцам об их новых обязанностях.

Можно было наблюдать картину, как почтенный туземец, глубокий старик, силится скорее слезть с лошади, чтобы, скрестивши руки на груди, приветствовать какого-нибудь канцелярского чиновника с кокардой и ведомственными пуговицами. Многие интеллигентные туземцы, не желая подвергаться унижениям, избегали выхода на улицу и целые дни были вынуждены просиживать дома. Сарта били за то, что он не заметил ехавшего сзади полицмейстера, не свернул с дороги, не слез с лошади и не поклонился ему, били его за то, что он, занятый отпуском товаров покупателю, не вышел из-за прилавка и не поклонился проходившему в то время по другой стороне улицы чиновнику. Нужно ли говорить и распространяться о том, что полицейские чины ходили по базару, искали встречи с состоятельными туземцами, устраивая своего рода облавы?

Многих трудов и сил материальных стоило туземцам получить разрешение на проезд по железным дорогам. Заручившись разрешением администрации, он все же не был уверен, что поедет в нужное ему время. Бывали случаи, когда туземец даже с железнодорожным билетом попадал вместо вагона в арестный дом, ибо второпях не поклонился какому-то ретивому чиновнику.

Беспримерный административный мартиролог сейчас же по приезде генерал-губернатора Куропаткина в Туркестан может служить яркой иллюстрацией вакханалии хищничества, злоупотреблений, насилий, поборов краевой администрации. В течение нескольких недель Куропаткин уволил десятки должностных лиц, начиная с мелких административных сошек до губернатора включительно. В Сырдарьинской области он уволил губернатора Гиппиуса, полицмейстера русской части Ташкента Кочана[320], туземной части Колесникова[321], начальника Кокандского уезда Мединского.

---

[320] Ошибка, *Кочан С.О.* был начальником г. Ташкента.

[321] *Колесников Н.Е.* – подполковник, полицмейстер старогородской («туземной») части г. Ташкента.

Из четырех приставов Коканда уволено трое; уволен полицмейстер г. Самарканда Игнациус, полицейский пристав Самарканда Алексеев, начальник Наманганского уезда Кашкарев, Катта-Курганский Самаркандского уезда пристав Судоргин и т. д. и т. п.

Мы не обольщаемся миссией генерал-губернатора Куропаткина в Туркестане, мы не думаем, что указанная нами чистка администрации была результатом особой симпатии Куропаткина к туземцам в Туркестане или возвещала бы какую-нибудь новую эру в жизни этого злополучного края. Мы думаем, что это просто акт элементарной справедливости. Куропаткин так же высоко держит знамя престижа русской власти края, как его предшественник.

Во имя этого престижа Куропаткин не остановился перед принятием мер, нарушающих ту справедливость, которую он обнаружил в деле чистки краевой администрации. Куропаткин в видах возмездия за убийство русских людей приказал кроме той кары, которую виновные понесут по суду, конфисковать те земли, где пролита русская кровь. При этом туземцам, проживающим на этих землях, разрешено убрать свой посев и взять другое имущество, оставив неприкосновенными насаждения. Конечно, несчастным жителям, подвергнутым ужасам карательной экспедиции, взять нечего – хлеба, посевы, имущество разграблены, уничтожены. Теперь же они лишаются последнего права на землю. Не страшно ли – русская краевая власть в момент великой войны занимается экспроприацией имущества своих собственных граждан. Какая ирония! Для власти оказывается недостаточным ни действия карательной экспедиции, ни работа военных судов, ей нужно для поддержания своего престижа прибегнуть к экстраординарным мерам – провозглашать принцип конфискации земель, где пролита русская кровь. И вот власть в лице своего наиболее справедливого и благожелательного представителя не считает нужным задуматься над тем, не падет ли суровая экспроприация земли на долю всех, кто ни в коем случае не причастен к пролитию крови, кто только имел несчастье жить вблизи тех мест, где разыгрались кровавые события. Так, жители селения и дачи Заамин[322], где конфисковано 400 десятин земли, 29 августа сего года обратились к Туркестанскому генерал-губерна-

[322] *Заамин* – ныне поселок городского типа в Джизакской области Узбекистана.

тору Куропаткину «предписать произвести дознание, и когда будет выяснено, как не причастны жители Заамина к тяжелым преступным событиям, так и в немедленном выполнении ими требований власти, приказать освободить их от наложенной на них кары». Вот все, господа, что мы считали нужным сказать вам о Туркестане.

Теперь я позволю себе изложить перед вами события, происходившие в Степных областях. И здесь такая необычная мера, как призыв на работы сразу 23 возрастов, не могла не вызвать среди киргиз Степного края волнений. И здесь местная администрация как будто бы с умыслом принимала шаги, которые не только не могли водворить спокойствие, но наоборот. Прежде всего, призыв начинает проводиться в жизнь с чрезвычайной поспешностью.

В Кустанае Высочайшее повеление объявлено 6 июля, в тот же день губернатор предписал всем крестьянским начальникам немедленно приступить к осуществлению Высочайшего повеления. Этими крестьянскими начальниками первым днем приема для всего уезда было назначено 15 июля. Крестьянский начальник первого участка Уральской области для представления списков назначил три дня срока. Эта поспешность сопровождается полной неизвестностью, как будет производиться набор, какими правилами будут руководствоваться лица, призванные проводить Высочайшее повеление в жизнь. Отсутствие ясно выработанных правил значило для встревоженных киргиз, что судьба их будет зависеть от усмотрения низших чинов администрации, а как усмотрение последних могло бы отразиться на них, с этим киргизы были очень хорошо знакомы в их повседневной жизни. В это же время попытка выяснить некоторые вопросы, связанные с призывом, не увенчалась успехом. Местная власть не давала удовлетворительных объяснений, некоторые, как крестьянский начальник первого участка Кустанайского уезда Назаров, просто не принимали представителей киргиз, гнали их вон палками, а большинство сами не знали. Население естественно начало волноваться, и на севере всплыли те же самые репрессивные меры, как в Туркестанском крае. Например, киргизы, собравшиеся 15 июля в Кустанай узнать, какие новые распоряжения последовали по призыву, были арестованы по телеграфному распоряжению губернатора; 18 июля они все были подвергнуты медицинскому освидетельствованию и независимо от возраста многие из них взяты на работы.

В то же время шла недопустимая вакханалия злоупотреблений со списками. Отсутствие метрик, по которым можно было определенно установить возраст призываемых, давало местной власти полный простор действий. Представители последних воспользовались этим случаем не только для сведения личных счетов, но главным образом для пополнения своего кармана. В некоторых случаях беззастенчивая торговля списками переполнила чашу терпения народа. В результате – самосуд. Вот та почва, на которой произошли эксцессы, имевшие место в Степных областях. Злоупотребления туземных должностных лиц сопровождались полным административным произволом их ближайшего русского начальства. Поразительную картину злоупотреблений и хищничества рисует поданная мусульманской фракции от 29 ноября 1916 г. записка киргиза из Внутренней киргизской Орды Астраханской губернии[323].

Я не буду утомлять ваше внимание приведением полностью этой записки, сообщу лишь кратко ее содержание. В записке этой говорится о тех безобразиях, которые творили уполномоченные по набору киргизов Таловской и Камыш-Самарской частей Астраханской губернии Аракчеев, правитель Камыш-Самарской части Карабай, врач Тихомиров, учитель Карабаев, волостной старшина шестой волости Таловской части Хараджан. Лучшая часть немногочисленной киргизской интеллигенции, стремившаяся к борьбе с беззаконием и взяточничеством со стороны некоторых уполномоченных лиц, была изгнана, многие подвергнуты аресту. Средствами для незакономерного получения денег служили власть Аракчеева, пользующегося советами учителя Карабаева, и медицинские познания врача Тихомирова, установившего даже таксу за освобождение – от 500 до 1000 руб. Идя навстречу требованиям своего народа, некоторые аксакалы возбуждали ходатайства перед представителями власти о принятии мер, соответствующих условиям их быта. Эти ходатайства в большинстве случаев встречали оценку отрицательную, а сами ходатаи подвергались административным взысканиям, арестам и ссылкам.

---

[323] *Букеевская Орда* (или *Внутренняя Орда*) – вассальное казахское ханство в составе Российской империи, существовавшее в 1801–1876 гг. в междуречье Урала и Волги. Административно входило в Астраханскую губернию.

Член Государственной думы первого созыва Кулманов[324] был выслан из пределов Астраханской губернии по распоряжению губернатора за то, что 8 июля в Ханской Ставке, поднося хлеб-соль Астраханскому губернатору, просил от имени киргиз предоставить им разные льготы, вызываемые бытовыми условиями их жизни.

22 июля все собравшиеся в Кустанае почетные киргизы восьми волостей представлялись Тургайскому губернатору[325] и подали прошение, в котором объяснили волнения в степи не противодействием повелению, а единственно непониманием смысла акта. Они просили повергнуть на благоусмотрение государя императора их нижеследующее ходатайство об отсрочке до уборки хлеба и сена, об оставлении по одному рабочему на семью, об исправлении списков самим обществом, о правильной постановке медицинского освидетельствования. В ответ на это Тургайский губернатор им ответил: «Вы вздумали бунтовать, смотрите, женщин, детей, стариков и старух всех истреблю, никого не оставлю!» Во исполнение своей угрозы Тургайский губернатор послал в разные районы степи карательные отряды.

По примеру Тургайского губернатора были посланы и в другие области Степного края карательные отряды. Образцом похождений этих карательных экспедиций может служить картина, описанная в корреспонденции, посланной в одну из столичных газет и не увидевшей света: «Прошу напечатать настоящую корреспонденцию о событиях, которые действительно имели место и доведены, как телеграфно, так и по почте, до сведения Семипалатинского губернатора теперь же. Просим редакцию напечатать. Мы, киргизы, желаем, чтобы то неслыханное зло, которое совершилось над нами, стало достоянием всей России и тем было обращено внимание на наше положение. При объявлении призыва о привлечении киргиз реквизиционным порядком к работам в районах военных действий население, не понимая, в чем дело, сначала в панике бежало, а по-

---

[324] *Кулманов Бахтыгирей Ахмедович* (1858–?) – кадет, член Государственной думы I и II созывов от Внутренней Орды Астраханской губернии. В 1916 г. был выслан из Астраханской губернии. Вел агитацию за уклонение казахов от тыловых работ. В 1917 г. член партии Алаш. Комиссар Букеевской Орды. В декабре 1917 г. был председателем II Всеказахского съезда, образовавшего правительство Алаш-Орды, входил в его состав.

[325] Речь идет о *Михаиле Михайловиче Эверсмане* (1868–1929) – русском государственном деятеле, камергере, действительном статском советнике, губернаторе Тургайской области в 1910–1917 гг.

том, рассудив создавшееся положение, решило подчиниться и дать рабочих. Но несмотря на это, за побег киргиз в наш второй участок Зайсанского уезда Семипалатинской области был отправлен карательный отряд около ста казаков под начальством Зайсанского уездного начальника Кублицкого, пристава первого стана Болдышева, казачьего офицера Красноперова. Киргизы, узнав об этом, было обеспокоились, но большинство в уверенности, что во главе отряда находятся интеллигентные лица, которые, увидев покорное население, не допустят насилий и разгрома, успокоились.

Отряд был встречен, как говорится, хлебом и солью, все его требования моментально исполнялись, но несмотря на все это, пошли такие карательные действия, что дни пребывания их кажутся нам кошмарным сном. Во главе экспедиции был становой пристав Болдышев, и при его имени начинается плачь. Под руководством и командой Болдышева казаки избивали киргиз, отнимали деньги, одежду, лошадей, кошмы, подушки, одеяла, насиловали женщин. Далее благодаря его, Болдышева, воздействию было в ход пущено огнестрельное оружие и по сведениям убито более десяти киргизов, а по сведениям Болдышева – более пятидесяти душ. Исчезло понятие о собственности и праве, казаки брали все, что им было угодно. Киргизы, конечно, давали – мы были рады и тому, что остались живыми. Награбленные вещи казаки продавали в Кокпектах и других местах. Какие вещи и какими лицами куплены, указано в прошении, поданном губернатору.

Наконец, экспедицией было арестовано весьма много лиц совершенно невинных, многие из которых потом были выпущены следователем и товарищем прокурора. В итоге был полный разгром киргиз Кара-Буганской, Басарской, Карымской, Лавинской и других волостей, так что оставшиеся киргизы этих волостей, не будучи в состоянии далее переносить все это, бросая имущество, скот, родную степь, с плачем и воем бегут на верную гибель, чтобы быть подальше от современного Атиллы. Картина бедствий киргиз была потрясающей. Мужья бросали жен и детей, дети – родителей, даже были случаи, когда родители бросали малолетних ребят своих».

Мы остановились, господа члены Государственной думы, на тех событиях, которые произошли в Степных областях и в Туркестанском крае. Теперь я позволю себе в нескольких словах остановить

ваше внимание на том, в каком положении находятся призванные, находящиеся в районе боевых действий рабочие. К нам обращаются с массой писем лично находящиеся на работах киргизы и сарты. Я позволю себе привести маленькую выдержку из такого письма, направленного на имя мусульманской фракции из г. Петропавловска Акмолинской области.

«Ко взятым на работы киргизам применяется строгий тюремный режим. Не допускают к ним родственников для свидания. Разговаривать приходится через щели ворот. За передачу пищи стоящие у ворот солдаты берут деньги. Нет никаких возможностей описать и передать всех деяний прапорщика Елизарова (очевидно, начальника партии рабочих). За самые малые провинности он бьет нагайками. Побои солдат не прекращаются даже при отправлении рабочими своих естественных нужд.

Около 23 ноября шесть рабочих отпросились у старшего Бронникова, пришли домой ночевать. На другой день утром все они были наказаны розгами, и крики побиваемых были слышны на улице. Мы боимся назвать этих шесть несчастных, но при расследовании это будет подтверждено. Нужно было заменить этого начальника и на его место назначить более мягкого человека. Идти на работу мы готовы, но лишь были бы освобождены от побоев. Слухи об этих побоях очень пугают киргиз. Двое киргиз-рабочих, не будучи в состоянии выносить далее эти побои, подкупив приставленную стражу, убежали и обратно не вернулись. Слезно молим вас: освободите от побоев прапорщика. Нами послано письмо к депутату Дзюбинскому».

Другое письмо – здесь описано пожелание рабочих андижанской партии, работающих на станции Дивенской[326], Северо-Западных ж. д., гласит следующее: «По прибытии на место работ рабочие были разделены на две партии, по 500 чел. в каждой, и во главе каждой партии поставлен начальник из прапорщиков. Рабочие находятся постоянно под присмотром конвойных, которые сопровождают их на работы и не оставляют их в часы отдыха. По доставленным сведениям, санитарные условия жизни рабочих невыносимы. Рабочие сильно страдают от сырости, работать приходится стоя в воде.

[326] Станция Дивенская ныне расположена в Гатчинском районе Ленинградской области.

Непривычные к суровому климату жители Туркестана страдают в сильной степени ревматизмом, у многих рабочих появилась грыжа. Сыро и в бараках. За недостатком медицинской помощи больные рабочие остаются в бараках в течение нескольких дней без всякого присмотра. Жалобы рабочих на болезни и усталость вызывают со стороны начальника партии брань и даже в нередких случаях побои. Особенно отличается своим рвением начальник 102-й партии. Начальник партии без всяких видимых причин подвергает рабочих побоям, угрожая расстрелом. Одним из видов наказания является карцер, куда сажают на двое-трое суток на хлеб и воду. Существует также система штрафов. Помимо взыскания за провинности, вычитывают с рабочих за сломанный топор 13 руб. 50 коп., за сломанную пилу 19 руб. 50 коп., и в результате подобных вычетов из платы в 30 руб. в месяц заработок некоторых рабочих выражается в весьма мизерной сумме».

Заканчивая свою речь, я должен еще раз подчеркнуть, что незакономерно изданный акт о призыве инородцев на окопные работы был проведен в жизнь с целым рядом правонарушений, как высших властей, так и низших, сопровождался целым рядом насилий над туземным населением, вел к расхищению и гибели их экономического благосостояния. Такова глубокая, прискорбная картина разрухи нашей внутренней жизни и эта картина – прямой результат работы власти, вскормленной историческими традициями насилия и угнетения народа, власти, которая устами военного министра не стесняется открыто заявить о том, что для нее закон не писан.

Вспомните, господа, заявление военного министра Шувалова в военно-морской комиссии: «Быть может, я превысил власть, но я и впредь буду превышать, если это найду нужным». Если таково понятие о законности у представителя высшей власти, то что же можно ожидать от агентов власти на местах? Но нам все же хочется верить, что настанет день законного возмездия и в этот день, наконец, будет развернут том закона и прочитана ст. 341 Уложения о наказаниях, которая за превышение власти карает отдачей в арестантские отделения с лишением всех особенных, личных и по состоянию присвоенных, прав о имуществе. *(Рукоплескание слева.)*

Керенский (Саратовская губ.). Господа члены Государственной думы. События, которые сегодня мы должны обсудить, произошли

довольно много времени тому назад, но последствия их сказываются до сих пор, и они будут еще очень долго сказываться в жизни не только Туркестана и Степного края, но и всей России. Сегодня я хотел бы, господа, перед вами изложить объективно, по возможности по документам все, что произошло в Туркестане и Степных областях. Думаю, что в этом вопросе, вопросе, касающемся политики нашего государства по отношению к «инородцам» в далекой Азии, едва ли между нами могут быть те сложные и многогранные разногласия, которые разделяют нас по многим или почти по всем вопросам государственной жизни внутри России.

События эти, господа, не только внесли экономические разрушения, не только нарушили спокойное течение жизни в огромных областях России, но они были соединены с жертвами как со стороны русского, так и туземного населения. Погибло несколько тысяч населения. Погибло несколько тысяч (2–3) русского населения и много десятков тысяч туземного. Разобраться в причинах этих ужасных трагических событий, установив виновников этого происшествия и попытаться найти те корни, которые вызвали события в Туркестане, и предотвратить их в будущем, вот задача, которую я себе ставлю.

Вы помните, господа, что 25 июня 1916 г. появилось Высочайшее повеление, опубликованное 6 июля 1916 г. в Собрании узаконений и распоряжений правительства, № 182. Этим Высочайшим повелением «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе деятельности армии» призывалось мужское инородческое население империи в возрасте от 19 до 43 лет». Я утверждаю, господа, что этого Высочайшего повеления в порядке, каком оно было издано, издано быть не могло. Я утверждаю, что само Высочайшее повеление нарушило основной закон Российской империи, 71-ю статью, говорящую о том, что «русские подданные обязаны отбывать повинность» только «согласно постановлению закона». В этом указе сделана ссылка на закон о реквизиции, прошедшей по 87-й статье, но эта ссылка совершенно не верна. Да и сам указ говорит, что нужно только определение возрастов и установление подробных правил выработать «применительно к порядку закона о реквизиции». И действительно, если вы возьмете ст. 137, 138, 139 и следующие статьи Закона о реквизиции по прика-

зу 1914 г. по военному ведомству, то вы увидите, что правила о реквизиции не предвидят того случая, который предусмотрен указом от 25 июня. Правила о реквизиции предоставляют командующим войсками и местным начальникам, во-первых, в принудительном порядке к работам все местное население, именно «местное население» для работ на месте и, во-вторых, все население без исключения. Действительно, мы знаем случаи на фронте и в ближайшем тылу, когда для рытья окопов, когда для возведения валов и других сооружений обороны в крепостях призывается в порядке реквизиции «все местное население» для исполнения тех или иных работ. В данном случае туземцы были привлечены именно как таковые не как местные жители, не распоряжением данного начальника армии или даже военного министра для работ в данной местности, они были привлечены как инородцы одновременно во всей Российской империи. И раз это так, то несомненно, что привлечение, то есть возложение новой повинности на целый разряд русских граждан, именующихся инородцами, возложение новой повинности могло произойти только в порядке ст. 71, то есть законодательным путем. Таким образом, самое содержание указа, опубликованного 6 июля, не подлежало распубликованию в Собрании узаконений и распоряжений правительства. И правительствующий Сенат должен был задержать распубликование этого высочайшего повеления, как нарушающего основные законы.

Кроме того, господа, в ст. 93 Основных законов совершенно точно установлено, в каком порядке на местах приводятся в исполнение, в действие новые законы или новые указы высочайшей власти. Там говорится, что на местах тот или иной закон правительства начинает действовать только со времени получения в данном месте соответствующего номера Собрания узаконений и распоряжений правительства. В случае же если правительство считает данную меру необходимой провести в порядке экстренном, это должно быть особо оговорено в самом законе. И действительно, даже уже во время войны, когда в порядке верховного управления были расширены полномочия местным главнокомандующим и командующим армиями, то в Высочайшем указе от 29 августа 1914 г. было сказано в п. 5: «Привести настоящий указ в исполнении по телеграфу». Между тем в Высочайшем повелении от 25 июля такого

пункта не содержится. Местная власть не имела права приступить к выполнению этого Высочайшего повеления вне условий, ст. 93 предусмотренных. А председатель Совета министров и министр внутренних дел никоим образом не могли по телеграфу еще в конце июня, то есть до распубликования в Собрании узаконений и распоряжений правительства, требовать «по телеграфу» от местных властей немедленного и неукоснительного исполнения Высочайшего повеления от 25 июля.

И наконец, господа, представляя это Высочайшее повеление «к исполнению» местным властям, министр внутренних дел и председатель Совета министров не считали для себя даже обязательным выполнение точной воли, изложенной в Высочайшем указе. В п. 2 Высочайшего повеления говорится: «Определение возрастов инородческого населения, подлежащих привлечению к работам, а равно установление подобных правил привлечения их к сим работам применительно к порядку, заключающемуся в Высочайше утвержденном мнении военного совета от 3 августа 1914 г., предоставить соглашению министра внутренних дел и министра военного».

Отдавая распоряжения по телеграфу выполнить Высочайшее повеление немедленно, министр внутренних дел и председатель Совета министров, а также военный министр не выполнили п. 2 Высочайшего указа. До сих пор не существует этих «подробных правил, установленных по соглашению министра внутренних дел и министра военного», и до сих пор в порядке, указанном в п. 2 Высочайшего повеления, не предусмотрено, какие возрасты инородцев должны быть привлечены к этой трудной повинности.

Таким образом, господа, вы видите: при обнародовании и проведении в жизнь одного только Высочайшего повеления от 25 июля были нарушены все, какие только можно было нарушить, основные и неосновные законы Российской империи. Этот факт, этот случай очень характерен, потому что здесь вы видите не только пренебрежение со стороны министров к основным законам, не только их полное игнорирование интересов и нужд страны, но и признание себя самих абсолютными самодержцами Российской империи, признание, что для их министерской воли никаких ограничений не существует. Даже точную волю верховной власти для себя они считают совершенно необязательной. И если бы, господа, после

такого проведения в жизнь Высочайшего указа 25 июня не было бы никаких последствий, если бы по существу этот указ действительно заключал бы в себе какую-нибудь логику, какое-нибудь соответствие с требованиями жизни, если бы не было после этого тех роковых последствий, которые переживала страна, и тогда бы мы имели полное право сказать, что такой метод действий, такое исполнение Высочайшего повеления, такое управление государством недопустимо. А если вы представите себе, что случилось после объявления и проведения в жизнь этого указа, то, господа, может быть, не нужно будет так далеко искать виновника этих происшествий, может быть, эти виновники гораздо ближе, может быть, именно эти виновники – те самые люди, которые этот указ издавали?!

Как ни скверны законы Российской империи, но и в них есть известная логика и известный смысл. Например, при объявлении новых мер в отношении населения, управляемого в особом порядке, имеющего, так сказать, некоторые своеобразные условия быта, закон предусматривает некоторые особенности. Статья 205 Учреждения министерств говорит, что «в отношении мер, принимаемых для благоустройства общей пользы и казенного имущества в крае, вверенном управлению генерал-губернатора», эти меры не предпринимаются иначе, как «по предварительном истребовании соображений и заключений» генерал-губернатора. Посему при принятии таковых мер в законодательном или административном порядке в предположении, подносящемся на утверждение, необходимо излагается подробно мнение местной власти об этой новой мере. И эта 205 статья также не была выполнена. Ко всему тому, что я говорил, надо прибавить, господа, еще, что для самой местной власти, для самого Туркестанского генерал-губернатора, генерал-губернатора Степного и всех губернаторов, для всей местной администрации этот указ свалился как снег на голову, так же как он свалился и на само население. Не потрудились даже, проводя такой огромной важности меру, не потрудились даже спросить сначала местную власть: считаете ли вы это возможным, и если вы считаете это возможным, то в каком порядке и когда это нужно привести в исполнение, кого нужно позвать, какие местные условия требуют особых, так сказать, мер для того, чтобы не вызвать серьезных осложнений. Ведь, господа, Туркестан и степные киргизские области – это не

Тульская или Тамбовская губ[ернии]. На них нужно смотреть, как смотрят англичане или французы на свои колонии. Это огромный мир со своеобразным бытовым, экономическим и политическим содержанием. И старый закон, создавшийся еще при Сперанском, когда еще оставалась частица здравого государственного ума в русском высшем управлении, тогда, господа, были предусмотрены те пути и те средства, какими нужно управлять окраинами. При таких обстоятельствах 25 июля появляется, то есть подписывается, а 29 июля телеграфно сообщается на места к немедленному исполнению указ в его голом виде. Телеграмма гласит следующее: «Немедленно привести в исполнение Высочайшее повеление от 25 июля и призвать к соответствующим работам взрослое туземное население от 19 до 43 лет».

Господа члены Государственной думы, все, кто здесь сидят, без различия ваших партийных убеждений и точек зрения, я спрошу вас, если бы в Тамбовской или Московской губернии внезапно была бы издана новая мера, которая требовала бы немедленного, во время разгара полевых работ увода куда-то в неизвестные пространства всего мужского трудоспособного населения, я спрашиваю вас, господа члены Государственной думы, что в этой Тамбовской или Тульской губернии такая нелепая или сумасшедшая мера могла ли быть выполнена, а если бы она начала применяться, то какие последствия были бы в этой Тамбовской губернии?! Я утверждаю, господа, что те же самые последствия или, может быть, гораздо в большем размере, чем они были в Туркестане и Степных областях.

Представьте себе положение и местной администрации, которая получает такой указ, подписанный не только министром внутренних дел, но и председателем Совета министров. (Этот министр, кстати сказать, отличался не только теми свойствами, которые включаются в понятие теперешнего русского министра, но, кроме того, и поразительным невежеством в порядке управления того государства, во главе которого он стоял. В телеграмме, например, в Туркестане было сказано: исполнение этой меры поручить «инородческому управлению», во всем Туркестане вовсе не существующему.)

И вот для того, чтобы представить себе значение этого указа, на минуту отвлечемся от развития событий, которые были после указа, и представить себе положение вещей в Туркестане и Степных

областях накануне объявления этого Высочайшего повеления. Говорили и говорят даже со скамей правительственных, как недавно в Военно-морской комиссии, говорят без всякого основания, что это «движение», о котором я буду говорить после, «подготовлялось», что это результат «панисламистской немецкой» или какой-то еще другой пропаганды. Так вот я утверждаю, господа, что накануне объявления Высочайшего поведения в Ташкенте во всей России не было области, не было края более спокойного, более мирно настроенного и менее внушающего какие бы то ни было опасения, чем Туркестан и Степное генерал-губернаторство. Это я могу подтвердить фактами. Ведь в то время, господа, в продолжение всей войны не в Туркестан, а из Туркестана везлись русские войска.

Я опросил всю местную администрацию, конечно, не в буквальном смысле этого слова всю, но представителей всех, так сказать, рангов и степеней, я говорил со всем местным населением и с теми, которые пострадали от этого движения, которое потом было. Все они единодушно утверждали, что до момента объявления Высочайшего указа никаких малейших признаков на возможность этих событий в Туркестане не наблюдалось. Например, убитый в Джизаке уездный начальник Рукин был так уверен в спокойствии населения, что когда ему сказали, что в старом городе идут беспорядки, он пошел туда пешком, не взяв с собой даже шашки, а с одним фотографическим аппаратом, в сопровождении только переводчика, совершенно уверенный, что никакой опасности ему от «волнений» быть не может.

В том же самом уезде русские женщины: акушерка, сельская учительница, которых я потом спрашивал в больнице, в продолжении всей войны жили в глухих местах Туркестанского края без всякой охраны и не только без всякой охраны, но и в отсутствии хотя бы одного русского мужчины, жили одни женщины среди местного населения. Кроме того, господа, ведь в продолжении всей войны с местного населения беспрерывно шли реквизиционные сборы, сборы лошадей, кибиток, верблюдов. Население жертвовало и жертвовало в огромном количестве, и когда с него собирали эти деньги, когда производили реквизицию, им все время говорили: «Давайте больше, потому что никакой другой повинности во время войны вы не несете и не будите нести».

Вот передо мной один из отчетов, подписанный местным администратором, по организации помощи семьям ушедших на войну русских поселенцев в сельскохозяйственных работах, которые выразились в сумме около 100 тыс. руб., слишком 100 тыс. руб. Отчет кончается так: «Вместе с тем комиссия не оставляет светлой надежды на отзывчивость жертвователей и особенно на отзывчивость тех полудиких кочевников, далеко стоящих от культурной жизни, которые главным образом на своих плечах выносят всю тяжесть материальной помощи семьям защитников, ушедших на фронт». Это говорится о тех самых «полудиких кочевниках», которых потом превратили в сознательно замышлявших «измену и восстание против Российской империи». Это те самые кочевники, которые теперь беспощадно десятками тысяч истребляют планомерно и систематически. Я, господа, цитирую вам этот документ не для того, чтобы вызвать у вас сострадание и сказать, что они требуют к себе более внимательного отношения, потому что они жертвовали и помогали ушедшим на войну, это для меня не доводы. Я считаю, что всякий гражданин имеет право пользоваться защитой законов, как бы он к чему бы то не было не относился, я говорю это для того, чтобы иллюстрировать перед вами, насколько там был глубокий тыл, насколько там действительно было тихо и спокойно.

И почему же вдруг 29 июня получается указ, а 7 июля происходят уже первые беспорядки? На какой почве, что их вызвало? Я категорически и совершенно определенно вам отвечаю: причиной всего того, что произошло в Туркестане, является исключительно центральная власть, объявившая и проведшая в жизнь беззаконное высочайшее повеление беззаконным порядком, с нарушением всех элементарных требований закона и права. Это они (*указывая на места в правительстве*) являются виновниками того, что они разрушили эту цветущую окраину, это они создали там условия, при которых местное население начинает голодать. Это они, господа, виновники того, что ко всем фронтам войны прибавился новый Туркестанский фронт. Вы представьте себе то, что я говорил о содержании указа, и вы поймете, для вас станет совершенно очевидным все, что было и что должно было быть, когда он дошел до места.

Но ведь, кроме того, что заключалось в самом указе, есть еще местные условия, есть быт, есть экономические условия жизни дан-

ного населения. Высочайшее повеление, проведенное без обсуждения на местах, без всякой подготовки, шло настолько вразрез со всем укладом местной жизни, что оно совершенно не могло быть проведено в действительности в жизнь, и даже момент проведения выбрали самый невозможный из всех моментов, которые только можно было выбрать. В это время в Туркестане был разгар сельскохозяйственного сезона, который по местным условиям кончается не в августе, а к концу октября. Но не только эти «от 19 до 43 лет» люди были заняты на полях и в садах, в это время у мусульман был величайший в году праздник, происходил великий мусульманский пост, так называемая «ураза»[327], когда все мусульманское население с восхода до захода солнца, – а вы знаете какой длинный летом день, – не пьет и не ест ничего и только ночью предается молению, а также подкрепляет себя пищей. Это время самого острого нервного подъема, это время, когда все мусульманское население исключительно уходит в исполнение своих религиозных нужд и бодрствует в продолжение целой ночи, исполняя свой религиозный обряд.

Наконец, имейте в виду, господа, что в Туркестане положение женщины совершенно другое. Там, именно в Туркестане уход из сельского хозяйства мужчины делает семью совершенно беспомощной, потому что местная туземная женщина – это единственная мусульманская женщина в мире, оставшаяся в таком же положении в Российской империи, мусульманская женщина абсолютно лишена всякой возможности сносится с внешним миром, потому что даже на улице она появляется в особой одежде, с особым совершенно плотно закрывающим ее занавесом на лице и ей запрещено вступать в какой бы то ни было разговор с посторонним мужчиной. Таким образом, сама возможность ликвидировать урожай, привезти его на базар, сдать хлопок откупщикам исключается, если уходят все взрослые мужчины из семьи. Я не буду, господа, перечислять вам все остальные причины, которые уже подготовили местное население к тому, чтобы этот указ был встречен чрезвычайно болезненно. И я думаю, что если бы эта мера была продумана первоначально на местах, если бы она была проведена согласно указаниям местных людей и местной власти, то всех этих «недоразумений» не было бы.

---

[327] *Ураза* – месяц поста у мусульман.

Получив этот указ, и. д. Туркестанского генерал-губернатора собрал совещание со всеми губернаторами края, и на этом совещании они обсуждали, как привести в исполнение эту меру, и находили, что она не выполнима. Но ведь закон для русского чиновника – вещь второстепенная, приказание начальства – это все для него и он всегда его исполнит. И в этом огромном совещании местных высших представителей власти нашелся только один губернатор, генерал Гиппиус, который имел гражданское мужество подать особое мнение и не подчиниться такому безумному распоряжению власти. Это был единственный губернатор, который сказал: «Мера такого содержания, и в каком порядке проводимая, не может быть благополучно проведена; вы, скорее, господа, думайте не о том, как ее проводить, а о том, как усмирить население и как бороться с теми последствиями, которые вызовет эта мера».

Он подал такое особое мнение, и он у себя в Фергане отказался выполнить распоряжение генерал-губернатора, провел своим порядком эту меру, достигнув того, что там не было таких беспорядков, как в других областях, как, например, в Семиречье. За это он получил чисто русскую благодарность. Этот единственный человек, так поступивший и так правильно понявший свой гражданский и административный долг, был немедленно отчислен от исполнения своих обязанностей якобы за неподчинение распоряжению высшей и верховной власти.

В начале июля было сделано распоряжение всем губернаторам, приставам, уездным начальникам и т. д. о том, чтобы немедленно составить списки всего мужского населения «для взятия их на окопные работы». Господа, этот самый слух, это сообщение о том, что берут все мужское население на окопы куда-то в действующую армию, было понято населением совершенно превратно и понято не без участия местных властей. Это было понято, господа, таким образом, что все местное туземное население отправляется на фронт для того, чтобы копать окопы и подготовлять оборонительные сооружения впереди, перед русскими солдатами, то есть что все туземцы будут безоружные под расстрелом как с немецкой, так и с русской стороны. Что понималась эта мера, как взятие не только в окопы, но даже в солдаты, я могу подтвердить одним документом, который у меня есть. Должностное лицо, объявляя на-

селению о призыве, говорит: немедленно составить списки «для взятия в солдаты» местного населения.

А Степной генерал-губернатор Сухомлинов[328] подтверждает это мое заявление тем, что он, этот генерал-губернатор, издал особое объявление, где говорит: «До сведения моего дошло, что среди населения распространяются слухи о том, будто бы киргизы привлекаются на работы по устройству окопов в места между нашими и неприятельскими боевыми позициями и что таким образом киргизам грозит неизбежный расстрел с той и с другой стороны». Все эти слухи, циркулирующие среди населения, генерал губернатор опровергает. Но вы знаете, господа, что значит для русского населения опровержение какого-либо администратора!

И как можно было бороться с теми не слухами, распространяемыми отдельными людьми, а общим убеждением, которое охватило всю массу населения только путем таких объявлений, в то время, когда вот именно этого требуемого высочайшим указом порядка призыва не последовало до сих пор, когда вся местная власть сама не знала, как разъяснить эту меру населению и для чего, и куда, собственно говоря, все эти туземцы будут направлены? Даже официальный орган Семиреченского губернатора той местности, где были наиболее острые беспорядки, устанавливая причины волнений, говорит, что одной из причин были те слухи и те разговоры со стороны русских людей, которые «дразнили» местное туземное население, говоря киргизам, что их повезут в окопы, что их будут там безоружных убивать, что их будут там кормить свининой и т. д. и т. п.

Но, господа, эти слухи играли второстепенную роль сравнительно с теми действиями, которые последовали на местах немедленно после объявления Высочайшего приказа. Я говорил вам, господа, что считаю Высочайшее повеление единственной причиной событий, и утверждаю, что этот приказ невыполним и не был выполнен на местах. И это подтверждается тем, господа, что действительно в том порядке, как это было предусмотрено здесь, в Петербурге, нигде этот Высочайший указ не выполнен. Везде от системы принуди-

---

[328] *Сухомлинов Николай Александрович* (1851–1918 (?)) – генерал от кавалерии, в 1911–1915 гг. Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска, в 1915–1917 гг. Степной генерал-губернатор, командующий войсками Омского военного округа и наказной атаман Сибирского казачьего войска.

тельного набора, от системы «повинности» местная власть должна была немедленно перейти к системе «откупной». Исполняющий должность Туркестанского генерал-губернатора, весьма ограниченный администратор, хотя может быть прекрасный военачальник, генерал Ерофеев в одном из своих приказов даже так пишет о туземцах, откупившихся от необходимости идти на фронт.

И вот эта купля и продажа, которая началась на местах в связи с действиями администрации, и вызвала то возмущение, которое началось среди местного населения. А действия администрации заключались в том, что, получив этот приказ, явно не выполнимый, местная администрация сразу сообразила, что перед нею открывается новый невообразимый золотой фонтан. Они сразу поняли, что новый источник невероятного, сказочного обогащения, новый источник эксплуатации и вымогательства населения эта купля и продажа Высочайшего повеления, это стремление к немедленному обогащению, «пока не поздно», создали вакханалию на местах. Я, господа, не буду останавливаться на отдельных случаях и не буду перечислять вам и останавливаться на виновности Иванова, Петрова и Сидорова – это слишком маленькие люди, чтобы занимать внимание высокой палаты, но я решительно возражаю против той версии, которая принята теперь правительством, версии, которая всю вину за вымогательства и взятки слагает на местную низшую туземную администрацию. Это, господа, совершенно не верно. Туземная администрация, эти мингбаши, то есть сельские старосты, аксакалы и т. д., и т. п., они были только агентами в руках той русской администрации, которая и раньше в тесном союзе и именно через этих своих агентов обогащалась, вымогая и эксплуатируя население. Это верно, потому что многие из этих администраторов русских уже смещены со своих должностей и в одном из приказов Туркестанского генерал-губернатора Куропаткина прямо говорится о том невероятном размахе – я сейчас вам найду этот приказ, – говорится о «целом ряде возмутительных лихоимств и вымогательств». И что это верно, это я могу подтвердить и тем, что без различия как в Ташкенте, так и в Семиречье, как в Самаркандской области волнения местного населения всегда и самым точным образом совпадали с моментом составления списков. Да, господа, неужели вы сами не знаете русской администрации, неужели вы можете сомневаться, что сделал Иванов или Петров, носящий форму чиновную,

когда ему представлялась возможность на свой вкус и взгляд определить, какого возраста данный «Махмудка»?! Ведь вы имейте в виду, что посемейных списков там нет, воинская повинность в Туркестане не введена, и поэтому установить, кому 19, а кому 18 лет, кому 43, а кому 53 или 45, кому 30, кому 48, невозможно. Это нужно было делать на взгляд. Вы понимаете, что значит, когда местная администрация начала по взгляду определять, кому сколько лет! Сколько они получили в карманы от этого определения и как пострадало местное население, которое старалось тщетно доказать, что ему, 60-летнему старику (одного я сам видел), «по ошибке» по списку оказалось 30 лет, потому что он не мог платить 300 руб., а мальчишке в 25–30 лет оказалось 50, потому что он богатый человек.

И ведь в жалобах, которые шли к нам от местного населения, они не ограничивались только туземной администрацией. Но кто же мог осмелиться, какой сарт или киргиз посмел пожаловаться начальству на этого «тюрю», на этого местного «господина» в военной полицейской форме, когда их безнаказанно, как собак, пристреливал в это время всякий, кому было не лень?

Вы представьте себе состояние этой загнанной, запуганной, терроризованной массы? Вы представьте себе положение женщин, у которых отняли всех мужчин, которых оставили на произвол голода и нищеты?! И недаром первые беспорядки, которые были 5 июля в Ходженте, были, как мне говорил один из представителей жандармской власти, «бабьим бунтом». Туземные женщины вышли на улицу, хотя не имели права, как я уже говорил, показываться ни одному постороннему мужчине, вышли без чадры, бросались под ноги казачьим лошадям, умоляя лучше их убить, чем заставить умирать голодной смертью. *(Голос слева: «Позор!»)*

Вы знаете, что это было первое движение во всем Туркестане и во всех сартовских областях, за исключением Джизакского уезда, не пострадал ни один русский человек. А кто пострадал? Пострадали эти низшие агенты, эти исполнители приказаний уездного начальника, обиравшие местное население, эти мингбаши, то есть сельские старосты, волостные писаря, которые составляли эти «списки». Население являлось и требовало уничтожения этих списков как незаконно составленных, требовало, чтобы прекратили с ним вымогательства. Когда приехал новый генерал-губернатор Куропаткин, к сожалению,

слишком поздно, все это было признано, все эти факты были установлены. Таким образом, каждый, кто знает историю событий в Туркестане, должен признать, что никаких других причин волнений, кроме самого указа и формы и способа его исполнения, не было. И как только принимались меры к тому, чтобы изменить порядок исполнения этой меры, как только начинали обращаться с местным населением более или менее прилично и разъясняли ему, что от него хотят и как нужно это делать, сейчас же исчезли эти волнения, прекращалось это «восстание», как здесь называют это теперь в Петрограде. Почему же?! Если бы были глубокие местные причины, если бы был заговор, если бы было «иностранное влияние», почему же они вспыхнули вместе с указом и вместе с фактической отменой этого нелепого распоряжения г. Штюрмера они сейчас же исчезали.

Позволите, господа, мне не углубляться больше в доказательства моего основного положения, что никаких других причин, кроме указа и его исполнения, событий, бывших в Туркестане, не было, если только попробуют отсюда *(указывает на места правительства)* мне возражать, разрешите, я уже фактами окончательно докажу, что они будут говорить неправду.

Но как я уже говорил, кроме этого «центрального акта», вызвавшего беспорядки в Туркестане, было еще «исполнение». Это исполнение заключалось, как я уже говорил, в этих вымогательствах, а также в судебном шантаже. Взяв с населения все, что было возможно, начинали вторую стадию вымогательства. Решили еще кое-что выбить из туземной массы, угрожая привлечением в судебном порядке, грозящем чуть ли не смертной казнью за сопротивление властям. Стыдно было слушать, позорно было слушать, господа, как эти «полудикие номады» и очень культурные местные сарты, и русские местные рассказывали, какая такса существует за то, чтобы откупиться от судебных преследований.

Вы помните, с этой кафедры мы рассказывали вам, какая система практиковалась на Кавказе, когда создавалось великое дело дашнакцутюн[329], когда миллионеры и богачи десятками сажались

---

[329] *Дашнакцутюн* – одна из старейших армянских политических партий. Создана в 1890 г. Программой 1894 г. зафиксированы принципы равноправия народов и религий, развитие национальной промышленности и сельского хозяйства на принципах коллективизма. На рубеже веков терроризм рассматривался партией как одно из средств борьбы за независимость.

в тюрьмы для получения с них откупа. Та же самая система, тот же способ практиковался в Туркестане. В мелких городках, в Намангане или Коканде сотни, иногда тысячи свезенных со всего округа людей, без различия пола и возраста сидели в тюрьмах. И только тот выходил, кто мог заплатить хорошую мзду. Потом были приняты меры, многие были освобождены, когда началась так называемая «новая эра» управления Туркестаном. Но в психологии массы то, что она пережила, оставило свой след и оставило след на многие годы, а может быть, десятилетия! И нам, представителям русской государственности, русской культуры, всем без различия партий должно быть болезненно стыдно за то поношение, за то оскорбление, осквернение русской культуры, которое проделывалось русскими чиновниками, когда наша культура бросалась в грязь на глазах этой местной туземной массы.

Я говорил, господа, что на почве вот этого нелепого указа, почве недопустимого исполнения его на местах, несомненно, начались эксцессы и волнения. Туземное население волновалось, как всегда волнуются народные массы. Это были стихийные вспышки людей, доведенных до ужаса и отчаяния, до негодования, но людей невежественных, темных, не понимающих причин, которые вызывали их несчастья! Это движение, вспыхивающее то тут, то там, было движением стихийным, таким же, как оно бывало и в России. Всегда одинаковым способом отвечает доведенная до исступления масса на эксцессы и беззакония со стороны властей. Это один способ, который существует, как в культурных, так и в некультурных государствах. Исчезает последняя воля, последняя сдержка, исчезает последний луч разума в этой массе. Она бросается, делает разгром, погром, совершает убийства и сама же сейчас в ужасе от происшествия, в ужасе от того, что она сделала, бросается назад, распыляется, так что нельзя больше ее как таковую нигде найти. Именно так происходили все туземные «беспорядки в Туркестане». На эти беспорядки администрация и русская государственная власть отвечала планомерным и систематическим террором, недопустимым не только в культурном европейском государстве, но недопустим даже в какой бы то ни было восточной деспотии! Очень трудно будет нам говорить теперь «о турецкий зверствах в Армении», очень трудно будет нам говорить «о немецкий зверствах в Бельгии», когда того,

что происходило в горах Семиречья, никогда, может быть, мир до сих пор не видел!

Господа, внизу в долинных областях, в местности, населенной сартами, русское население только пострадало в одном уезде – в Джизакском уезде, там, действительно, было убито и пострадало около ста человек. Это были мужчины и женщины, которые были застигнуты лавиной кочевников, которая шла с гор к Джизаку, застигнуты в разных местах Джизакского уезда. Они погибли. Что это была стихийная вспышка, что это было не организованное восстание, а тем более не восстание, подготовленное закордонными нашими врагами, видно уже из того, господа, что все эти пострадавшие, как я уже говорил, еще за несколько дней до события не знали ничего и нисколько не боялись.

Одна из пострадавших, которую я опрашивал, говорила, что только за несколько дней они почувствовали, что население начинает волноваться, и хотели уехать. И характерно, господа, как они узнали, что волнуется население: они узнали из того факта, что к ним, к фельдшерице поселка Заамин, стало приходить много раненых туземцев, избитых и пораненных. Она говорила, что, очевидно, прежде чем спуститься с гор, между ними самими шла сильная борьба, была борьба из-за какого-то вопроса. А эта борьба, господа, она происходила и в Фергане, и в Джизаке, и в Семиречье, это была борьба между беднотой и богатым классом. И в самом городе Джизаке и среди киргиз, как установлено официальными и неофициальными сообщениями, волнения начинались вот именно с вопроса о цене, которую нужно уплатить за человека, который пойдет своею кровью искупать остающихся на местах. Шел спор между богачами, местными баями и остальной туземной массой. Масса требовала, чтобы этот налог, «откупной налог» был распределен пропорционально богатству того или другого местного жителя, а баи вместе с русской администрацией отстаивали «подымное» обложение. И в то время, когда в каком-нибудь кишлаке для богатого купца или землевладельца уплатить 10 или там 50 руб. ничего не стоило, беднота в это время (как подтвердили мне в Фергане инспектора мелкого кредита) шла и продавала последних своих коров, закладывала последнее свое богатство туземным ростовщикам по 30–40 % в месяц, закладывала тот клочок земли, на котором

они сеяли хлопок. Вот на почве этой необходимости платить откуп возникла социальная вражда между низами и верхами местного населения, и поддержка администрацией верхов переводила гнев низов и на эту русскую администрацию. Так это и было, господа, вот в этом самом Джизаке. Волнения и беспорядки в городе начались столкновениями между местным населением и богатыми – баями. Потом уже, когда уездный начальник Рукин пошел в эту массу, он был растерзан этой потерявшей самообладание толпой.

Что эти волнения были, господа, случайными, видно из того, что на всем пространстве Туркестана и Степных областей никакого вооружения, заготовленного туземцами, не было обнаружено. В их распоряжении оказались несколько старинных кремневых ружей, затем были приготовлены именно на этот случай железные полосы, вроде кос, палки, вроде булавы, дубины и т. д. Только в Семиречье киргизы получили в свое распоряжение уже в разгар беспорядков некоторое количество винтовок, которые были ими отбиты от транспорта, перевозившего оружие в один из далеких уездных городов в Семиреченской области. Кроме того, в Джизаке туземцы отобрали несколько ружей у лесной стражи, которая пострадала при их движении с гор в долины. Конечно, в разгар этого движения здесь были попытки внести религиозную проповедь со стороны, например, так называемых местных проповедников, ишанов – это особый орден мусульманский, были попытки пропагандировать известные религиозные идеи, идеи не политического содержания, а идеи религиозные, идеи освобождения от засилья русских людей. Но эти попытки обнаружены в нескольких, в двух-трех местах и уже опять-таки post factum после обнародования Высочайшего повеления.

Когда нам говорят, что была попытка «панисламистской» проповеди, что там были «немецкие агенты», я могу вам рассказать два мне точно известных, довольно интересных случая. Когда была объявлена война Турции, то местная, не военная власть, а местное охранное отделение уже доносило в Петербург и местному генералу о том, что туземное население «чрезвычайно нервно» относится к тому, что Россия воюет с Турцией и что можно ждать «осложнений». Эти осложнения не последовали, но действительно в Андижане, в том самом уезде, где было знаменитое «восстание андижанского

ишана»[330] много лет тому назад, в центре местного хлопководства, наконец, нашли панисламистского пропагандиста. Был арестован с поличным местный миллионер туземец, у которого были найдены в квартире прокламации на местном языке с печатью панисламистского союза с призывом жертвовать в пользу панисламистского движения, с угрозой убийства в случае неуплаты[331]. Величайшее торжество было у местных охранников и некоторой части администрации. Но один из администраторов не поверил этой истории, он назначил контр-расследование, и обнаружилось, что эти прокламации печатались и хранились на квартире одного из агентов местного охранного отделения *(Голоса слева: «Здорово! Это обычно»)*, и этот агент был русский, по фамилии, кажется, Тимофеев, и клал он эти свои произведения в дом этого богача. Вот, господа, как пытались в Туркестане создавать «панисламистскую пропаганду».

И во имя своих задач и своих целей эти действительные государственные преступники, эти подлинные предатели не задумывались над тем, что может быть эта их пропаганда попадет на хорошую почву, они не задумывались о тех последствиях, которые могли бы быть, если бы местное население всерьез отнеслось к этим прокламациям, как идущим от панисламистских агитаторов, и если бы эти идеи и это стремление к движению во имя панисламистских идей было сильно в местном туземном населении! Или, может быть, господа, на самом деле эти люди, которые здесь, в Петрограде, кричат и посылают рапорты о волнениях на местах, они в действительности, может быть, слишком хорошо знают, что они говорят неправду, и поэтому-то устраивают свои фокус-покусы совершенно безбоязненно.

А вот теперь уже, в то время, когда началось это движение, когда оно, правильнее сказать, уже кончилось в Ташкенте, они тоже хотели установить действия «зарубежных держав». В самом Ташкенте были арестованы почти все местные туземные народные судьи – казии. Им предъявлено было обвинение в том, что они состояли в переписке, в «преступной» переписке с афганскими эмиром. Но этих судей пришлось скоро выпустить, а эти письма пришлось при-

---

[330] Речь идет об Андижанском восстании 1898 г. под руководством Дукчи-ишана.

[331] Речь идет о *Миркамиле Мирмумынбаеве (Мир-Камиль Мир-Мумынбаев).*

прятать подальше, потому что и здесь оказалось, что письма того же самого происхождения, как и прокламации о панисламистском восстании в Андижане!

Так вот, господа, когда вы слушаете, как эти господа с министерских скамей повторяют вам эти легенды о панисламизме и об интригах, которые происходили в Туркестане, враждебных нам держав, знайте, что они только пытаются обмануть вас, пытаются с больной головы сложить свою вину не только на здоровую, но и на бесконечно пострадавшую! Представитель Министерства внутренних дел в Думе имел смелость рассказать о том, что по слухам во главе киргизских войск стоял «турецкий генерал». Но, господа, уже это известие настолько анекдотично, что опровергать его совершенно не стоит, потому что всякий, кто знает, что такое киргизы, какое их отношение к Турции и к мусульманству вообще, сейчас же поймет, что такого случая вообще быть не могло.

Я, господа, не отрицаю, что эксцессы были, но пострадали от этого стихийного возмущения в некоторых местах сравнительно небольшие группы русского населения и даже в Семиречье, за исключением двух уездов – Пржевальского и Джаркентского, а почему я скажу в другом месте. Жертвы со стороны русских были единичные. Но вот когда случились беспорядки в Джизаке, туда приходит карательный отряд, состоящий из трех видов оружия – пехоты, артиллерии и кавалерии, и начальник отряда отдает приказ идти в таких-то и таких-то направлениях и на своем пути сжигать все туземные поселения и уничтожать население без различия пола и возраста. *(Голос слева: «Позор!»)* Были уничтожены грудные дети, были уничтожены старики, старухи. *(Шингарев[332]: «Это варвары!»; Родичев[333]: «Это гордость страны!»)*

В то время, когда 15 июня произошли беспорядки в Джизаке, 3 августа издается вот этот приказ. В моих руках подлинный приказ карательной экспедиции. 3 августа, повторяю, почти через месяц

---

[332] *Шингарев Андрей Иванович* (1869–1918) – один из основателей кадетской партии. Член II–IV Государственных дум. Во Временном правительстве – министр земледелия; с 5 мая по 2 июля 1917 г. министр финансов. Арестован в ноябре 1917 г., убит матросами и красногвардейцами.

[333] *Родичев Федор Измайлович* (1853 (6)–1932) – один из лидеров кадетской партии. Член всех четырех Государственных дум. После Февральской революции – комиссар по делам Финляндии. После Октябрьской революции – в эмиграции.

после эксцессов толпы, издается приказ, чтобы все местное туземное население города Джизака, – я был там, я был на развалинах, я все сам видел, – где жило несколько тысяч, свыше десяти тысяч туземцев… *(Голос: «Двадцать тысяч»)*. Да, 20 000 туземцев… если оно в трехдневный срок, то есть до 6 августа, не выдаст убийц со всего уезда, то есть всех убийц на пространстве нескольких сотен верст, и в горах неуловимых, если не выдаст убийц, то все население будет «беспощадно изгнано из города».

6 или 7 августа этот приказ был исполнен, и утром по пушечному выстрелу эта масса, главным образом женщин, детей и стариков, была выброшена из своих домов и очагов без пищи и продовольствия и была послана не оазисами, где есть вода, а пустынными местами в глубь уезда, а город был планомерно и систематично весь уничтожен. Я, господа, будучи на двух фронтах, Западном и Кавказском, нигде не видал столь идеально уничтоженного вражеского города, как этот г. Джизак, находящийся в России, русский город. Но этим не ограничились, господин Туркестанский генерал-губернатор издал приказ о конфискации всех земель всех туземных жителей г. Джизака, которые находятся на пространстве, кажется, 900 дес[ятин] – площадь самого города и его окрестностей. Эти земли конфискованы и население, без различия правых и виновных лишено права впредь пользоваться своей собственной землей. То же самое проделывается теперь в Семиречье. И вы *(обращаясь вправо)* говорите: «Иначе нельзя»? А где в российских законах предоставлено право без суда и следствия лишать не только преступника, но и его наследников недвижимой и движимой собственности?! В каких законах российских это написано? И почему, господа, если здесь происходят аграрные или еврейские беспорядки, когда жертвы бывают такие же, эти конфискации не производятся?! И не могли бы быть произведены, потому что здесь все-таки есть какой-то контроль общественного мнения. Вы говорите «следовало». Как же вы можете возмущаться тем, что делают наши враги германцы и турки? Где вы слышали, чтобы в Германии граждане были лишены права на недвижимую собственность? Где вы видели, чтобы даже не враги, а свои собственные граждане подвергались таким эксцессам безумной власти?

Господа, я не буду говорить вас об этом ужасе – о мародерстве, изнасилованиях, убийствах, грабежах, которые сопровождали эту

карательную экспедицию не только в Джизаке, но и в других городах низинного Туркестана, вроде Той-Тюбе Ташкентского уезда, где жертв со стороны русских не было. Какая государственность, какое государство может стоять на той точке зрения, чтобы за эксцессы толпы в отношении двух человек уничтожать двести? И вы, сидящие направо, среди вас так много людей с крестами, кричите: «Так и следовало!» Вы одобряете даже не библейские, а я не знаю какие *(справа шум;* от[ец] Якубович[334]: *«Это ложь!»)*…

Председательствующий: Член Государственной думы от[ец] Якубович, прошу вас не перебивать оратора. *(От[ец] Якубович: «Это ложь!»)* Член Государственной думы от[ец] Якубович, прошу вас не перебивать оратора, иначе я буду принужден применить меру взыскания.

Керенский: Сарты – это пустяки сравнительно с тем, что происходит с киргизами. Я не буду утомлять вас подробным описанием событий. Поверьте, если нужно будет, я это докажу от A до Z. Те же самые причины вызвали движение киргизов, те же самые причины дали те же самые следствия. Но там далеко вдали от последних культурных центров, там, где нет железной дороги, там, где еще можно размахнуться во всю ширь, там эти эксцессы власти и, к сожалению, части русского населения достигли небывалых размеров. Недавно здесь говорил нам министр земледелия о тех школьниках русских, которые были уничтожены местным населением. Я это знаю. Это очень печально, это очень грустно, господа, но как же нужно возмущаться, если таких же детей уничтожала уже не толпа в момент безумия, а уничтожала власть планомерно и спокойно?! Ведь русское население пострадало в двух уездах – Пржевальском и Джаркентском, а эксцессы в отношении киргизского населения были во всех остальных уездах Семиречья. Пострадали отдельные русские граждане в этих уездах, главным образом люди, совершенно и абсолютно не имеющие никакого отношения к местной жизни: статистики, присланные на всероссийскую перепись скота летом; студенты,

---

[334] *Якубович Вячеслав Андреевич* (1868 – не ранее 1917) – священник. Член Государственной думы II–IV созывов. Во II Думе примыкал к октябристам, в III – к фракции националистов и умеренно-правых, в IV Думе вошел во фракцию правых. Член Русского окраинного общества, созданного при Русском собрании.

которые работали там на ирригационных работах, о них в момент этого волнения, этого испуга, который сначала охватил власть, сама же власть забыла. Сама же власть, господа, своевременно никаких мер ни к охране русских отдельных людей, ни к разъяснению киргизам сути этого указа не приняла.

Вот, например, в селе Беловодске приводят около пятисот киргизов из волости, где были составлены списки, для того чтобы отправить их дальше в уездный город. Но местному русскому населению кажется ненужным охранять этих киргизов и большая часть этих безоружных и добровольно находящихся среди русского населения киргизов палками и камнями уничтожается[335]. Остальных ведут в уездный город Пишпек и там на глазах начальства в тот же день веером на Соборной площади, под звуки музыки кинематографа… добиваются остальные. А в селе Луговом, где отряд солдат оцепил вместе с местными русскими поселенцами, оцепил громадную толпу киргизов и стал гнать их безоружных выстрелами и нагайками к утесу, внизу которого была река, и сбросил туда этих людей. *(Волков: «Это кошмар какой-то!»)*[336] А в Токмаке, маленьком городке, начальник карательной экспедиции, посланной генералом Фольбаумом, ныне скончавшимся и именующийся Соколов-Соколинский, для усмирения киргизов, с тем же приказом «уничтожать все аулы и все население», этот начальник карательной экспедиции, приехав в Токмак, в присутствии всей русской интеллигенции гордился тем, что он «блестяще» выполнил приказ своего начальника, и даже его молодцы, случайно или шутя, «заложников» мирной волости киргизов «потопили», переходя одну из речушек.

Вы думаете, господа, что все это преувеличение?! А вот послушайте, как эпически спокойно рассказывается то, что происходило недавно в горах Семиречья, в официальной газете: «Известное возмездие уже постигло, конечно, мятежников, войсками перебито много тысяч киргизов. *(Голос слева: «Позор!»)* Их стойбища

---

[335] См. об этом: *Леонский В.Д.* Автономный город Беловодск: Из дневников отца. [Электронный ресурс] // http://rus-turk.livejournal.com/34199.html (дата обращения: 20.12.2015).

[336] *Волков Николай Константинович* (1875 – после 1920) – кадет, депутат IV Государственной думы, участвовал в работе подпольной белой организации «Национальный центр». Член Государственного экономического совещания.

уничтожаются, огромное количество их стад переходит в руки войск, администрации. Но это не все. Главный результат комбинированных операций войск заключается в том, что все мятежники загнаны сейчас в такие горные районы, где вскоре вследствие холода и голода они в полной мере почувствуют последствия своего безумного восстания. *(Голоса слева: «Позор!»)* Уже доходят сведения об их лишениях и болезнях среди них, но войскам приказано не давать врагу пощады». *(Голос слева: «Нашли врага!»)*

Вы поймете весь смысл этого образца эпической литературы. *(Голоса: «Какая это газета?»)* Официальная местная газета. Если вы поймете, что такое происходит там, кто это такие, загнанные в ущелья «комбинированными силами русских войск». Это вы думаете вооруженные мятежники, это вы думаете действительные враги?! Нет, господа, это поголовно все, и главным образом женское киргизское население, которое, когда был объявлен указ и когда начались беспорядки, огромными массами, целыми родами поднялось с долин и пошло в горы искать себе нового убежища, новой родины в Китае. Их восстание было восстание пассивное. Они хотели одного – уйти в Китай, покинуть старую родину, столь жестоко с ними обошедшуюся! И вот когда эта масса киргизского населения с долин, от рек постепенно поднималось в горы и скапливалась в проходимых ущельях, стремясь уйти из России, здесь производились эти «комбинированные» действия войск, и эта масса женщин, детей, взрослых и стариков обрекалась холодно и спокойно на голодную смерть. Так как же можно после этого говорить и ставить в вину темным, непросвещенным, забитым, далеким от нас туземцам то, что они, пережив все то, о чем я вам говорил, иногда теряли терпение и совершали акты возмутительные, о которых они сейчас же сами жалели и раскаивались?! Как можно говорить с возмущением об этом, когда мы стоим перед действительно позорной страницей, неизгладимой страницей позора в русской истории. И прав был тот представитель военно-прокурорского надзора, который, побывав в Джизаке на одном из дел, которое было после усмирения восстания, вернувшись домой в Ташкент, сказал: «Мы не знали куда деваться от стыда, мы увидали позорную страницу истории России!»

Господа, вы представьте себе теперь, какие последствия, какие результаты дала эта небывалая по смелости и по беззаконности

исполнения мера. Может быть, и нужно было привести в исполнение меру, которая должна была влить в общую гражданственность, по мысли вашей здесь, в Думе, и далеких туземцев, но эта мера была превращена в издевательство и насилие над населением, в позорное явление для русского государства и дала неизгладимые последствия. Она будет иметь, господа, теперь огромное не только экономическое, но и политическое значение. Все совершившееся открыло перед местным туземным населением ту сторону русской государственности, о которой они, может быть, по своей темноте и отдаленности и представления не имели. Они поняли теперь, господа, что эти русские администраторы, которые управляют именем великой европейской страны, не лучше, а хуже этих бухарских и турецких сатрапов. Ведь там нет таких усовершенствованных способов уничтожать население! Там, слава Богу, в Бухаре, например, пулеметов еще не имеется и не имеется регулярного войска, которое может десятки тысяч жителей мирных, женщин и детей уничтожать в течение двух-трех недель! Господа, вот те результаты, которые мы теперь переживаем. Что будет в Туркестане, я не знаю. Я знаю только одно, что кроме последствий политических, которые, может быть, их *(указывая на места правительства)* не интересуют, уже сказываются и экономические последствия событий.

Все что произошло, мне кажется, должно поставить перед нами гораздо более серьезный и более важный вопрос. Я думаю, господа, что кровь невинных, которая пролита, она может и должна дать свое возмездие. Она должна вызвать в нас, по крайней мере, сознание той исключительной ответственности, которую и мы несем, потому что ведь это делалось нашим именем, именем русского народа, именем народов России. Мы должны сознать, господа, что вот эта система управления оказывается не только негодной для того, чтобы существовало государство спокойно в Европе, она оказывается невозможной даже в далеких азиатских степях, даже там эта система превращается в какого-то врага народа, является великим ужасом и великим наказанием для тех, кто ей подчинен.

Мы должны напомнить вам то отношение, которое при наших объездах проявляло местное население к тому, что, может быть, не существует, к какой-то воображаемой русского государственности, к каким-то воображаемым русским государственным деятелям и к Госу-

дарственной думе. Там всюду, где бы мы ни были вместе с товарищем Тевкелевым, где бы ни говорили с туземцами, мы видели одно – мы видели великий ужас по отношению к тому, что их окружает, и великую веру по отношению к тому, что от них далеко. Они думали, что мы, приехавшие к ним, все увидели, узнали и пойдем и кому-то скажем. Скажем вот вам, как они думали, вам, членам Государственной думы. Они имели наивность думать, что здесь, в этом собрании, есть какие-то другие русские государственные деятели, есть какие-то другие начала русской государственности, которые придут им на помощь. Есть люди, которые скажут этим насильникам, что не виновата масса в пролитой ею крови, что виноваты в этом те, кто преступил закон и право. Мне было странно и удивительно, господа, видеть, какая глубина наивной веры, наивного восторга заключена в этой темной массе не к турецкому султану, не к нам, к самому имени русского государства, с которым они связаны. Мы говорили им, мы отвечали им, что они правы, они правы в том, что они верят, верят в то, что в России есть другие люди, служащие другим идеалам, идущие к другим целям. Мы говорили им, чтобы они не теряли веры в народ, с которым они связаны, испытывая ужас управления тех людей, с которыми и мы боремся за свободу и счастье своего собственного народа.

Теперь, господа, на нас, на русской общественности лежит великая ответственность не только перед своим собственным народом, но и перед той массой чуждых нам народов и национальностей, которые тяжелой цепью русской государственности скованы с нами воедино. События, которые произошли в Туркестане, ставят перед нами вопрос о необходимости с корнем уничтожить возможность повторения таких событий. Они ставят перед нами новый колоссальный вопрос, вопрос о новом порядке управления наших окраин, и в частности Туркестана.

Мы должны принять все меры к тому, чтобы в самый кратчайший срок там была насаждена европейская государственность. Господа, это ведь давно ушедшие времена, когда Туркестан – Фергана, Семиречье, Закаспийская область – были каким-то «…концом мира», упирались в Памиры и как будто бы уходили в какую-то тьму и неизвестность. Ведь теперь эта наша окраина со всех сторон окружена просыпающимися или проснувшими-

ся уже и стремящимися к культуре народами. Ведь там Индия с англичанами, там Персия, возрождающаяся к новой жизни, там Китай, идущий к новым формам управления. Все кругом живет уже новыми идеалами и стремится к новым задача. Все кругом понимают государственность иначе, чем понималась она в 1865 г., когда завоевывался Туркестан. Все кругом пошло вперед к свету и прогрессу, а мы остались там со старыми навыками, со старыми порядками управления азиатской сатрапии, лишенные элементарного представления о праве и справедливости! Но то, что было возможно тогда, совершенно невозможно теперь. Генерал-губернатор Куропаткин, сравнительно со всеми другими администраторами в Туркестане, является белой вороной, но в сравнении с теми, которые производили эти безобразия. Когда же вы с ним поговорите о том, как нужно управлять Туркестаном, когда вы изучите его государственное миросозерцание, то вы придете в ужас, потому что это человек, который до сих пор отстаивает и доказывает, что единственной формой, нужной для народа, является самодержавная неограниченная форма управления. *(Голос справа: «Правильно!»)* Это человек, который в XX в. отрицает необходимость местного самоуправления на окраине, который совершенно не понимает, что изображать из себя отца многочисленных детей-подданных, этих сартов и киргизов, теперь невозможно, потому что там родилась своя культура, потому что там есть уже туземцы, которые в культурном отношении стоят значительно выше многих русских администраторов, потому что там уже, господа, за это время создалась огромная русская колония, которая требует совершенно новой системы управления. И все, что произошло в Туркестане, является результатом не только злой воли, невежества и безумия верхов, но является и результатом этого, уже сказавшегося разложения местной системы управления. Мы видели воочию, что целая огромная окраина, жемчужина Российского государства, единственный производитель хлопка существует исключительно волей Божьей и уже никаких признаков разумного управления местным населением уже нет.

Вот, господа, все, что я видел, все, что я наблюдал, все мои впечатления, которые я вынес после тщательного обследования, после многочисленных бесед, после изучения Туркестана теперь,

на основании того опыта, который был у меня раньше, потому что я там и раньше уже бывал и жил. Я изложил вам все, что я видел, стараясь все время быть рассказчиком, стараясь изложить вам события вне всякой политической оценки и краски. Я хотел бы верить, господа, что в этом вопросе мы действительно найдем единство в понимании событий, в их оценке и найдем единый выход. Мы должны сказать, что вся вина за события падает исключительно на власть, совершившую недопустимое, невероятное беззаконие. Мы должны сказать, что кроме возмездия, которое должны понести преступники, на совести которых десятки тысяч невинно убиенных, мы должны еще немедленно потребовать и поставить на очередь проведение в жизнь новых форм управления Туркестана и других наших окраин. *(Рукоплескания слева и в центре.)*

НА РТ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 77. Л. 40–42, 51–52, 59–60, 62–63, 71–72, 119–120, 206–208.

№ 88

Копия приговора схода туркменских племен, проживающих в Астрабадской провинции, о желании перейти в российское подданство и о преданности российскому правительству

1917 г., января 5-го дня. 1335 год хиджры мусульманского годоисчисления 25-го числа Раби-уль-Аваль лунного месяца.

Мы, нижеподписавшиеся, все ханы племени туркмен, проживающих по реке Гюргена и Атрека, то есть начиная от Кулуш-Тепе и Ходжа-Нефеса, кончая в Марава-Тепе в числе приблизительно 20 000 юртвладельцев, собравшись на сходе в присутствии своих ахундов[337], обсуждали следующий вопрос: а именно мы все туркмены из давнишних времен проживали на своей земле по Гюргену и считали себя русскими подданными и надеялись навсегда под покровительство России, а с персидским правитель-

[337] *Ахунд (ахун)* – в Азербайджане, Иране и дореволюционной России звание мусульманского ученого, шариатского судьи, аналог *казия (кади).*

ством никаких дел не имели, а также никаких податей не вносили, а наоборот, с ними жили всегда во вражде.

В текущем году под подстрекательством наших старых врагов, тех же персов, некоторые наши темные йомуды и гокланы[338] действовали против воли Белого Царя, причем сделали нападение на русских, ввиду этого русские войска под командой генерал-лейтенанта Мадритова[339] разбили мятежников, а мы мирные жители остались между двумя огнями, то есть между вооруженными нашими старыми врагами персами и русскими войсками. Если бы русские войска знали наше положение и преданность к русскому правительству, то они с нами так не поступали бы, а наоборот, защищали бы от нападения других врагов.

Ввиду вышеизложенного обстоятельства, мы все ханы единогласно покорнейше просим господина начальника Гюргенского отряда, генерал-лейтенанта Мадритова войти в ходатайство перед Туркестанским генерал-губернатором, генерал-адъютантом Куропаткиным о зачислении нас русскими подданными, согласно русского закона, а так же дать возможность пользоваться такими же правами, какими пользуется мусульманское население Туркестанского края, в чем подписуемся и прикладываем именные печати.

Подлинный приговор подписан 153 лицами, к нему приложен русский перевод подписей.

Верно: за делопроизводителя[340]

АВПРИ Ф. 147. Оп. 486. Д. 249. Л. 1–2.

---

[338] *Гокланы* – туркменское племя, жившее в бассейне реки Гюргень, в Северной Персии, на границе с Россией. Вели кочевой образ жизни, занимались скотоводством и частично земледелием.

[339] *Мадритов Александр Семенович* (1868–?) – генерал-лейтенант. С 29 августа 1916 г. – военный губернатор Сырдарьинской области. С января 1917 г. – военный губернатор Семиреченской области. Назначен наказным атаманом Семиреченского казачьего войска, однако не прибыл к месту службы, поскольку продолжал находиться в Закаспийской области, где командовал Гюргенским отрядом и участвовал в ликвидации последствий восстания 1916 г. в этой части Туркестана.

[340] Подпись неразборчива.

№ 89

Рапорт прокурора Ташкентской судебной палаты А.И Адамова[341] министру юстиции Н.А. Добровольскому[342]

№ 224 *24 января 1917 г.*
г. Ташкент

Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что в настоящее время, несмотря на внешнее спокойствие туземного населения Туркестанского края, снова начинают возникать и распространяться среди туземного и русского населения тревожные слухи о возможности весною настоящего года нового восстания[343] туземного населения против русской власти. Агентурные сведения Верненского розыскного пункта указывают на широкое распространение таких слухов в Семиреченской области и в пограничных местностях Китая, причем киргизское население Семиреченской области выражает надежду на поддержку Китая в случае восстания. Те же агентурные сведения указывают на производящиеся будто бы в Китае приготовления к войне.

Равным образом слухи о возможности нового восстания возникают и в разных местах коренного Туркестана и в некоторых случаях создают панику среди населения, под давлением которого местная власти принуждены принимать предупредительные меры. 21–24 декабря 1916 г. в городе Джизаке и уезде рассказы некого перса Ханифы Дадашева о полученных им сведениях, будто бы сарты вновь готовятся к восстанию вызвали сильнейшую панику и заставили некоторых чинов уездной администрации требовать присылки воинских частей в места, лишенные гарнизона.

Эти слухи иногда являются результатом действий самой администрации. Так, например, тревожные слухи в Джизакском уезде возникли вследствие распоряжения генерал-губернатора об отсрочке

---

[341] *Адамов Александр Иванович* – статский советник, прокурор Ташкентской судебной палаты.

[342] *Добровольский Николай Александрович* (1854–1918) – сенатор, последний министр юстиции Российской империи и генерал-прокурор Правительствующего сената с 20 декабря 1916 г. по 28 февраля (13 марта) 1917 г.

[343] Здесь и далее подчеркнуто в документе.

отправления на тыловые работы рабочих эшелонов, каковое было назначено на 17–18 декабря. Эта отсрочка и породила в туземной среде убеждение, что «русские ждут где-то восстания туземцев, и потому боятся брать рабочих».

Об изложенном, несмотря на неопределенность вышеупомянутых слухов и источников их происхождения, считаю долгом донести Вашему Высокопревосходительству уже по одному тому, что самый факт существования таких слухов и оказываемое слухами воздействие на умы русского и туземного населения создает возможность каких-либо нежелательных выступлений в той или другой части населения. Такие выступления в Семиреченской области составляют обычное явление и мною даже сего числа получено телеграфное донесение прокурора Верненского окружного суда об убийстве краснореченскими крестьянами 18 киргиз в их юртах.

К окончанию следствий по делам о беспорядках 1916 г. мною принимаются самые энергичные меры и по моим предположениям незаконченные в количестве 35 дел из общего числа 225 в округе Ташкентского окружного суда будут закончены не позднее первых чисел февраля, сведения же о положении дел Верненского окружного суда будут представлены мною дополнительно, так как благодаря затруднительности сношений с Семиреченской областью я еще не имею сведений о положении этих дел за последнее время.

Исправляющий должность прокурора Ташкентской судебной палаты А.И. Адамов

НА РТ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 77. Л. 40–42, 51–52, 59–60, 62–63, 71–72, 119–120, 206–208.

№ 90

Рапорт исполняющего обязанности начальника изысканий И. Скорнякова в отдел земельных улучшений Семиреченской области о событиях в долине реки Или

г. Петроград, Б. Разночинная, 3 *Февраль 1917 г.*

Как я уже имел честь донести отделу земельных улучшений, во время киргизского мятежа, имевшего место в Семиречье в августе

месяце 1916 г., без вести пропали десятник изысканий В.С. Кытманов и десятник И.А. Кадышев, погибло казенное имущество изысканий на сумму около 4000 руб. Большинство русских поселков и хуторов, расположенных в районе изысканий, были разграблены, сожжены, и жители их перебиты.

Потерь в личном составе изысканий, а равно и сумма убытков были бы несравненно более значительными, если бы не выдающаяся самоотверженная деятельность некоторых из числа чинов изысканий, а равно некоторых лиц из местных жителей.

Рапорт написан исполняющим обязанности начальника изысканий, инженером-агрономом *И. Скорняковым*

РГИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 69. Л. 37.

№ 91

Донесение исполняющего обязанности управляющего государственным имуществом и заведующего переселенческим делом в Семиреченской области Белецкого

№ 3 *Февраль 1917 г.*
г. Верный *Секретно*

Представляю при сем копию с выписки из показаний одного из предводителей киргизского восстания Каната Абукина. Давший показание киргиз Абаильдинской волости Канат Абукин был одним из главарей киргизского мятежа. Он был предводителем всех киргиз по Кочкорской долине и по долине реки Джумгала. Со своими полчищами он захватил село Столыпино (Кочкорка) и около месяца оставался там. Киргизы называли его Кочкорским ханом. В начале октября, после разгрома полчищ отрядом полковника Слипко был пойман влиятельный киргиз Курман Лепесов с сыном Исхаком и оба они были приговорены к повешению. Тогда Исхак Курманов стал доказывать, что они с отцом не причастны, Канат держал их силой. Он предложил оставить отца Курмана Лепесова в качестве заложника, а его, Исхака, отпустить, и он поймает Каната и его сына. Полковник

Слипко согласился на эти условия и Исхак Курманов был отпущен. Через несколько дней он привел сына Каната, который тут же был повешен, а в половине октября поймал и привел и самого Каната. За поимку Каната и его сына Курман Лепесов и его сын Исхак были прощены и Исхак даже представлен к награде и назначен волостным управителем. По поводу показаний Каната Абукина докладываю:

1) Что касается вопроса о том, что бывшие производители работ Мазуренко и Богушевич брали взятки, то как оба эти лица при мне в районе не служили, то я ничего не могу сказать по этому поводу. Слухи о неблаговидных поступках Мазуренко и Богушевича циркулировали, но слухи эти никем не проверялись.

2) По поводу злоупотребления чинов переселенческого ведомства и их джигитов с забиранием баранов у киргиз бесплатно или за небольшую плату тогда много циркулировало слухов, особенно в прежние годы и очевидно слухи эти, к сожалению, имели за собой достаточные основания.

3) Что касается показаний Каната Абукина по поводу изъятия у киргиз Кочкинской волости почти всех удобных земель, то аналогичные жалобы мне приходилось выслушивать от многих киргиз той же волости в октябре и ноябре 1916 г., когда я был в Нарыне, где совместно с полковником Колосовским[344] размещал киргиз, изъявивших покорность. Необходимо сознаться, что изъятия у киргиз Кочкинской волости были сделаны совершенно неправильно и незаконно и сильно стеснили землепользование киргиз этой волости и изъятых у них земли сами они вынуждены арендовать. Вообще в Нарынском подрайоне изъятия были произведены крайне спешно и неправильно, так как съемки там не велось, а бралась общая площадь киргизских земель с очень незначительной скидкой на неудобные земли, исходя из этой площади, исключались земельные излишки. В результате киргизам были оставлены неудобные и малоудобные земли, а лучшие земли были изъяты и все-таки и эти лучшие земли

---

[344] *Колосовский В.П.* – полковник. Занимал должность и. д. штаб-офицера для поручений военного губернатора Сырдарьинской области (1899–1904). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Начальник полиции туземной части города Ташкента, затем – начальник Чимкентского уезда. В 1916 г. – начальник Амударьинского отдела. Осенью 1916 г. Колосовский был обвинен во взяточничестве. По поручению Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина против него было начато служебное расследование, которое, однако, ни к чему не привело.

заселить не представлялось возможности и они эксплуатировались путем сдачи в аренду тем же киргизам.

По поводу о взаимоотношениях между киргизами и переселенцами показания Каната Абукина тоже отвечают действительности, так как переселенцы часто позволяли себе эксплуатировать киргиз, взимая с них совершенно за потраву. Лично знаю случай в селе Вильямовском Верненского уезда, где переселенцы часто загоняют киргизский скот на участки земли смежном с киргизскими землями и представляющем из себя степь, мало покрытую растительностью.

Летом 1916 г. я осматривал земли селения Вильямовского на предмет отрезки из излишней земли, так как ввиду отсутствия воды для полива усадебных мест, емкость этого участка пришлось уменьшить и отрезать часть земли. Желая лучше устроить Вильямовцев, я предлагал отрезать худшую землю и между прочим дресвяной клин[345], который даже как выгон не имеет значения. Вильямовцы категорически отказывались отрезать этот клин, предлагая отрезать в другом месте земли лучшего качества. Я не мог понять, в чем здесь дело, и только потом переселенец из другого селения объяснил мне, что вильямовцы имеют весной и осенью доход с этого клина, загоняя на него киргизский скот, который свободно проходит на этот участок с киргизской земли на крестьянскую.

Таким образом, необходимо сказать, что показания киргиза Каната Абукина вообще не противоречат действительности, и только досадно, что препровождена только выписка этих показаний, а не полностью. Благодаря тому, что земельные изъятия в некоторых случаях были произведены неправильно и с игнорированием интересов киргиз и благодаря особенному подчеркиванию таких случаев, создается впечатление у высшей администрации, что главной причиной киргизского мятежа было недовольство киргиз земельными изъятиями, о чем я подробно докладывал Переселенческому управлению от февраля сего года.

Исполняющий обязанности заведующего переселенческим отделом в Семиреченской области *Белецкий*

ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 34. Л. 43 об. – 45 об.

---

[345] *Дресва* – рыхлые осадочные горные породы.

№ 92

Прошение областного архитектора инженера А.А. Пугаченкова в Верненский областной комитет по выяснению и возмещению убытков, причиненных мирному населению мятежом 1916 г.

г. Верный *2 ноября 1916 г.*

7-го августа с.г. по пути из с. Бургун в с. Пригорненское Верненского уезда я и мой джигит киргиз 3-го аула Бакаевской волости Сарманбет Курабаев подверглись нападению киргиз, причем были разграблены все находившиеся при нас вещи, согласно прилагаемой при сем описи. Факт этот подтверждается протоколом, составленным Отарским участковым приставом от 9-го августа с.г. По сему прошу комитет о возмещении мне понесенных мною убытков в сумме пятьсот шестидесяти девяти руб. и Курабаеву в сумме восьмидесяти девяти руб.

Областной архитектор *инженер Пугаченков*

ЦГА РК Ф. 312. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

№ 93

Опись вещей, разграбленных киргизами при нападении 7 августа 1916 г. у инженера А.А. Пугаченкова

1. Фуражка форменная зимняя 4 руб.
2. Пенсне золотое 16 руб.
3. Две форменные суконных блузы 40 руб.
4. Брюки диагоналевые форменные 30 руб.
5. Пояс кожаный для поясной портупеи 5 руб.
6. Шашка Зелингеновской стали 25 руб.
7. Портупея плечевая 5 руб.

8. Часы заграничной работы 30 руб.
9. Цепочка бортовая золотая 25 руб.
10. Револьвер системы «Бульдог» 20 руб.
11. 44 шт. патронов к нему 3 руб.
12. Подтяжки 4 руб.
13. Бумажник 2 руб.
14. Наличными деньгами 75 руб.
15. Портмоне кожаное 3 руб.
16. Кольце обручальное 10 руб.
17. Ножик перочинный 2 руб.
18. Одна пара сапог дорожных 25 руб.
19. Шпоры 5 руб.
20. Коржуны[346] дорожные 5 руб.
21. Белья 4 смены 40 руб.
22. Значок академический серебряный штампованный 25 руб.
23. Полотенец 3 шт. 3 руб.
24. Простынь 2 шт. 7 руб.
25. Платков 12 шт. 6 руб.
26. Полный бритвенный прибор 12 руб.
27. Щеток платьев и сапожных 3 шт. 5 руб.
28. Аптечка походная 10 руб.
29. Матрац 10 руб.
30. Одеяло плюшевое 15 руб.
31. Брезент 30 руб.
32. Подушка 12 руб.
33. Чапан бобриковый на бобриковой же подкладке 60 руб.

Всего на сумму 569 руб.

То же у джигита Курбаева:
1. Одеяло стеганое ватное 7 руб.
2. Подушка 5 руб.
3. Халат стеганый ватный 12 руб.
4. Рубаха полотняная и ситцевые штаны 5 руб.
5. Коржуны 1 шт. 3 руб.
6. Полотенец 1 шт. 1 руб.
7. Пояс черный 2 руб.

---

[346] *Коржун* – мешок.

8. Перочинный ножик 2 руб.
9. Кошелек матерчатый с деньгами на сумму 51 руб.
10. Чашка дорожная и платок 1 руб.

Всего на сумму 89 руб. 00 коп.

Областной архитектор *Пугаченков*

23 апреля 1917 г.

Правильность заявления инженера Пугоченкова подтверждаю, в отношении же вещей и стоимости могу лишь сказать, что вещи действительно были: чемодан, одежда и постельные принадлежности, но точное количество и наименование всего, а равно о стоимости – высказать ничего не могу.

Отвозивший и так же пострадавший гражданин села Бургун *Андрей Плахотнюк*

По наведенной мною справке свидетелей ограбления, кроме Андрея Плахотнюка, не было.

И.о.д. Отарского пристава *прапорщик Симаков*

ЦГА РК Ф. 312. Оп. 1. Д. 37. Л. 2 об. – 3 об.

№ 94

Ответ Верненской продовольственной управы Верненскому уездному комиссару по делу инженера А.А. Пугаченкова[347]

№ 11 *9 января 1918 г.*
г. Верный

Верненская уездная продовольственная управа возвращает при сем переписку по делу возмещения убытков инженера Пугаченкова, пострадавшего от киргизского мятежа, так как согласно ст. 29 и 1636 Уложения о наказании возмещение потерпевшему должно

[347] На документе неразборчивая резолюция.

быть произведено за счет виновных.

Товарищ председателя[348]

Делопроизводитель[349]

ЦГА РК Ф. 312. Оп. 1. Д. 37. Л. 11.

№ 95

Телеграмма Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина военному министру и министру юстиции[350]

№ 92 *8 марта 1917 г.*
г. Ташкент

По поводу происходивших в Туркестанском крае в 1916 г. беспорядков[351] среди туземного населения и вызванных ими выступлений русского населения против туземцев возникло большое количество следственных дел, частью и до сего времени незаконченных. В Семиреченской области таких дел находится около 300. Признавая, что во многих случаях совершенные при описанных обстоятельствах преступления являются результатом неразумия и невежества темных народных масс, что самые преступления иногда не влекли за собою важных последствий, что уголовная кара застигает их теперь нередко в период искреннего и глубокого раскаяния в содеянном и что устранение этой кары и прекращение производством части этих дел содействовало бы устранению розни между отдельными частями населения и дружной совместной работы их на благо государства, прошу Вас сообщить мне, не найдете ли возможным, чтобы часть этих дел по соглашению моему с прокурором Ташкентской судебной палаты, не выжидая окончания следствия, была направлена на прекращение в том порядке, который для этого будет установлен Временным правительством.

Куропаткин

РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1068. Л. 28–29.

348–349 Подпись неразборчива.

350 На документе резолюция: «Уведомить, что дела эти подлежат прекращению по указу об амнистии».

351 Здесь и далее подчеркнуто в документе.

№ 96

Телеграмма коренного населения Вернинского уезда председателю Государственной думы, военному министру, министру юстиции, председателю Совета министров, председателю мусульманской фракции Государственной думы

10 марта 1917 г.

Вступление в управление страной новой власти преисполнило нас радостью. Готовы все встать на защиту народного правительства и бороться до конца [с] внешним врагом. Наша радость омрачена приговорами Ташкентского военного суда в Верном, приговорившим массу киргиз [к] казни, долгосрочным каторжным работам за августовские беспорядки прошлого года. Беспорядки были обусловлены преступной бездеятельностью и вызывающими приемами агентов старой власти. Поэтому просим назначить расследование при участи народных представителей и принять меры к приостановлению исполнения приговоров и помиловать киргиз, живших пятьдесят лет мирно и работавших исключительно на русское население.

Общее собрание мусульман.

Председатель *Тазитдинов*

РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 956. Л. 50–51.

№ 97

Телеграмма коренного населения Пишпекского уезда министру юстиции

г. Пишпек *10 марта 1917 г.*

В г. Пишпеке Семиреченской области действует военный суд. Судит по законам военного времени, так как в области введено во-

енное положение. Много обвиняемых киргиз, противившихся опубликованию высочайшего повеления от 25 июня 1916 г. о наборе инородцев рабочих. 14 марта судят киргиз Казабая Иловова, Исака Наиманова, Насретдина Исакова и отца моего Мамута Абоилдиева, по 268 ст. Уложения о наказаниях им грозит смертная казнь. Если этих подсудимых можно рассматривать как противников распоряжений старой власти, покорнейше прошу о соответствующем распоряжении.

Моитдин Мамутов, киргиз Иссыгатинской волости.

РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 956. Л. 70.

№ 98

Телеграмма коренного населения Пишпекского уезда председателю Государственной думы, председателю Совета министров и председателю мусульманской фракции Государственной думы

г. Пишпек *12 марта 1917 г.*

5 марта, нам киргизам Токмакского участка Пишпекского уезда, изгнанных из родных земель на жительство в горы Александровского хребта за участие в прошлогодних беспорядках, проникла радостная весть, что старое правительство, доведшее нас до кровавых распрей с русским народом, пало и верховная власть по управлению Российской державой перешла в руки исполнительного комитета Государственной думы, возвестившего в первый же день своего правления страной свободу слова, печати, собраний и полную амнистию. Сердечно приветствуя это радостное для всего населения России событие, мы с твердой верой в справедливость и милость нового правительств, обращаемся к Вам с просьбой разрешить нам возвратиться на свои старые пепелища, дабы мирным трудом на пользу России, ставшей нам второй Родиной, искупить свою вину перед русским народом, явившуюся следствием беспорядочного к нам обращения местной администрации старого правительства, под-

держивавшего между нами национальную рознь, за что некоторые из них преданы уже суду даже старым правительством.

Все мы до сего времени вели спокойное и земледельческое хозяйство и ежегодно давали миллион пудов излишнего хлеба, что подтверждается статистикой. Теперь изгнанием нас в горы мы лишены возможности продолжать такое хозяйство, ибо суровый горный климат не позволяет заниматься хлебопашеством, а отсутствие травы и сильные холода окончательно погубят скот. Твердо верим, что новое правительство, положившее в основу своей деятельности благо населяющих Россию народов, не пожелает нашей погибели и дарует нам возможность наравне с другими разделить общую радость.

Доверенный Тынаевской волости от 500 кибитковладельцев *Таштанды Конушев*

Доверенный Шамсинской волости *Дайтамыр*

Доверенный Буранинской волости *Тагай Мусрамен*

РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 956. Л. 52–54.

№ 99

Телеграмма коренного населения Пишпекского уезда председателю Совета министров, военному министру, министру юстиции, министру земледелия, председателю Государственной думы

г. Пишпек *12 марта 1917 г.*

По усмирении беспорядков населения Семиреченской области военный губернатор составил проект об образовании нового уезда Нарынского и о выселении туда 15 волостей из Пишпекского уезда. Это выселение является наказанием киргиз за мятеж (предписание военного губернатора 12 января сего года № 886) Пишпекском начальнику предложено осуществить проект. Выселено будет 80 тыс. киргиз обоего пола в Нарынский уезд. Местность совершенно безлюдная и непригодная для земледелия и скотоводства. Киргизам там грозит медленное вымирание. В Пишпек-

ском уезде живем с 1860 г. На своих землях разбили сады, имеем сенокос, зимние стойбища, строенные дома, мечети, мельницы, школы и другие постройки, созданные долголетним трудом. Все это у нас хотят отнять и выселить в безводную местность. Большинство выселенных киргиз не принимало никакого участия в беспорядках. Взываем к человеколюбию нового правительства, просим отменить назначенное нам старой властью наказание и не выселять нас с наших земель, оставив нас в Пишпекском уезде, на которых мы живем с незапамятных времен.

Просим от имени 80 тыс. киргиз Пишпекского уезда. В области все спокойно и в образовании нового уезда нет необходимости, а расходы по организации управлением новым Нарынским уездом падут на нас, киргиз.

Уполномоченные киргизы Пишпекского уезда от 15 волостей[352].

РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 956. Л. 59–61.

№ 100

Телеграмма коренного населения Пишпекского уезда председателю Государственной думы М.В. Родзянко[353]

г. Пишпек *13 марта 1917 г.*

3 марта мы получили известие, что старое правительство, чуть не сгубившее Россию в такое трудное время, пало, и верховная власть по управлению российской державой перешла в руки исполнительного комитета Государственной думы. С падением старой власти русский народ получил свободу слова, печати, созывов и получил амнистию и ныне радостно приветствует новое правительство. Мы, киргизы Пишпекского уезда[354], в продолже-

[352] 15 подписей.

[353] *Родзянко Михаил Владимирович* (1859–1924) – лидер партии октябристов; действительный статский советник, гофмейстер Высочайшего двора. Председатель Государственной думы III и IV созывов.

[354] Здесь и далее подчеркнуто в документе.

нии пятидесяти лет считавшие Россию своей родиной, так же глубоко разделяем общую радость и шлем Вашему Высокопревосходительству как стоящему во главе новой власти свое сердечное поздравление с великой победой и искрение пожелания такой же скорейшей победы над внешним врагом. Вместе с сим мы, киргизы, терпеливо дожидавшиеся этого радостного события, берем на себя смелость напомнить Вашему Высокопревосходительству о судьбе своих собратьев, обреченных старым правительством на вечное изгнание со своих земель, унаследованных правительством от праотцов в горы Александровского хребта за участие в прошлогодних беспорядках. Беспорядки эти возникли на почве национальной неприязни русского населения с киргизами, поддерживавшиеся при старом правительстве, и явились результатом беспорядочного к нам отношения местной администрации, из коих некоторые уже привлечены даже старым правительством. Вовлекшая в эти беспорядки массу мирных киргиз группа манапов уже понесла заслуженное наказание, все же остальные и много совершенно невиновных ни в чем обречены теперь жить в горах, где суровый климат грозит окончательно погубить их скотоводческое хозяйство и где хлебопашество положительно невозможно. Ныне во имя объявленной амнистии мы обращаемся к Вашему Высокопревосходительству с просьбой разрешить им возвратиться на свои старые пепелища, дабы мирным трудом они искупили перед Россией свою вину. Все изгнанники, занимавшиеся до сих пор скотоводческо-земледельческим хозяйством и ежегодно дававшие миллион пудов излишнего хлеба, а земли их должны остаться необработанными, ибо обрабатывать их некому.

Представители кочевого и оседлого киргизского населения Пишпекского уезда[355].

РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 956. Л. 55–58.

---

[355] Далее пятнадцать подписей.

№ 101

Телеграмма крестьян Пржевальского уезда председателю Государственной думы М.В. Родзянко

г. Пржевальск *15 марта 1917 г.*

Восставшие в августе 1916 г. киргизы Пржевальского уезда, убившие тысячи русских, ограбившие все имущество, предав огню десять селений, указом Временного правительства 6 марта амнистированы. Мы же, крестьяне, уголовные арестанты осуждены по ст. 1455 и 255 Уложения, совершившие преступления одни в запальчивости, другие в молодости и неведении, также лишившиеся от киргиз всего имущества томимся в тюрьме несколько лет. А если монархи издавали акты преступников, то думаем правительство обновленной свободной России не забудет и нас, узников. Поэтому просим ходатайства о помиловании нас.

Арестанты Пржевальской тюрьмы, крестьяне Пржевальского уезда *Яков Василий Гончаров, Евстафий Костюков, Тимофей Клименко, Василий Зиновьев, Петр Бороданов.*

Товарищем прокурора просмотрено.

Начальник тюрьмы *Хромых*

РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 956. Л. 62а – 62б.

№ 102

Прошение сарта Юнуса Ходжи Абдусаметова в адрес областной Семиреченской продовольственной комиссии[356]

25 сентября 1917 г.

Моя просьба заключается в следующем: до киргизского мятежа я несколько лет занимался торговлей и держал Караван-сарай,

[356] На документе неразборчивая резолюция.

чем и пропитывался с семьей. 12 сентября 1916 г. был киргизский бунт, а я, находясь в городе (Верном), но по приезде домой я нашел полный ужас, полнейший беспорядок: дом весь разнесен, товар разграблен и все мои вещи украдены и т. д.

Я несколько раз подавал прошения уездному начальнику, но ничего не получил. И теперь прошу Областную продовольственную комиссию «о возмещении убытков» на сумму 2400 руб.

ЦГА РК Ф. 312. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

№ 103

Устное народное творчество тыловых рабочих Туркестана[357]

Элликбаши[358]

Салам алейкум, элликбаши,
видно, дела твои хороши,
видно, дела твои хороши,
позволь поздравить тебя от души,
проклятый элликбаши.

Салам алейкум, алейкум салам.
Сказал ты начальству: «Рабочих я дам!»
И едем мы глину месить по полям.
А ты почему не поехал сам,
проклятый элликбаши?

У нас на губах кровавая слюна,
у нас на щеках слеза солона.
А в чем, перед кем она, наша вина?
Мы все от тебя получили сполна,
проклятый элликбаши.

---

[357] Цит. по: Узбекская народная поэзия. Л., 1990. С. 64–66.
[358] *Элликбаши* – пятидесятник.

В рот пересохший не лезет еда.
Не утоляет нам жажду вода.
Нас поезд везет неизвестно куда –
и в Пензу, и в Харьков, ну, прямо беда,
проклятый элликбаши!

Тревожен наш путь, не можем уснуть,
и в миску нам плещут какую-то муть.
Может, вернемся когда-нибудь
и будет нам чем тебя помянуть,
проклятый элликбаши.

Песня мобилизованных на тыловые работы
Саид Ахмед, ты важный бай[359],
ты знаменит и знатен.
Включил нас в список: «Погибай…»
Отцам твоим проклятье!

Ты б лучше сдох,
чем сласти есть
да щупать снох под платьем…
Ты б лучше сдох, чем власти несть
тот перечень проклятый!

Песня мардикеров

Дымил и гремел паровоз.
В болота за Двинском и Вильно
на трудную службу он вез
джигитов красивых и сильных.
Джигитам податься б назад
и жить бы, заботы не зная,
но очень уж много солдат
и пуль у царя Николая!

---

[359] *Бай* – богатый человек.

Будь проклят неласковый край
и камни его, и болота!
Будь проклят палач Николай
и тяжкая наша работа!

Сперва нас, поставив в ряды,
штыками в бараки загнали,
а там без еды и воды
три дня мы чего-то прождали.

Потом под угрозой штыков
солдаты голодных и босых
джигитов по тридцать голов
загнали в дома на колесах.

Раздался прощальный гудок,
вагоны заерзали глухо.
Кричала: «Прощай, мой сынок!»,
упавшая наземь старуха.

И в холод, и в дождь проливной
мы жили не лучше скотины.
Иголки в три пальца длиной
вгоняли нам лекари в спины.

Мясник, посильнее ударь,
сегодня скотина без счета.
Окопы заставил нас царь
копать до кровавого пота!

В далекий от родины край
отходят вагоны со звоном…
Тебя, наш палач Николай,
мы свалим не с трона, так с троном!

№ 104

Туркестан. Дела хивинские и киргизские[360]

На последнем заседании совещания при Туркестанском комитете[361] обсуждалось положение дел в Хиве. Оглашены сообщения подполковника Тризны на имя командующего войсками военного округа от 21 июня и телеграмма его от 3 июля.

Принимая во внимание, что как это усматривается из сообщений подполковника Тризны, беспорядки в Хиве все возрастают, совещание признало необходимым рекомендовать подполковнику Тризне принятие более решительных мер, не останавливаясь в случае надобности перед употреблением оружия, арестами и высылкой вредных лиц, не стесняясь их положением.

О положении дел в Семиреченской области выслушан подробный доклад члена Туркестанского комитета Тынышпаева[362].

По мнению совещания, для скорейшего установления нормальных отношений между киргизским населением и русскими поселенцами в Семиреченской области необходимо принятие следующих мер:

1) удалить из Семиреченской области белобилетников и 40-летних, не служащих в пределах области;

2) усилить в области гарнизоны, состоящие из российских уроженцев;

3) оказать денежную помощь пострадавшим от беспорядков, но не в виде прямого возмещения убытков, а для восстановления разоренных хозяйств;

4) справедливое урегулирование землепользования;

---

[360] Каспий. 1917. 23 июля (5 августа).

[361] Речь идет о *Туркестанском комитете Временного правительства*. Он был образован 7 апреля 1917 г. постановлением Временного правительства.

[362] *Тынышпаев Мухамеджан Танышпаевич* (1879–1937?) – политический деятель, этнограф. Депутат II Государственной думы от Семиреченской области. Арестован за участие в восстании 1916 г. в Степных областях. Член Туркестанского комитета Временного правительства. В середине августа 1917 г. подал в отставку в знак протеста против решения Туркестанского комитета направить в Семиречье карательную экспедицию. В ноябре 1917 г. избран премьер-министром (позднее – министр внутренних дел) правительства Кокандской автономии. В 1919 г. перешел на сторону советской власти.

5) назначение ликвидационных комиссий по восстановлению разоренных хозяйств с правом реквизиции скота и хлеба;

6) выразить пожелание, чтобы все вопросы по восстановлению разоренных хозяйств разрешились на месте с утверждением Туркестанским комитетом.

НА РТ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 77. Л. 196.

№ 105

Семиречье после киргизского мятежа[363]

Последствия киргизского мятежа в Пржевальском уезде производят тяжелое впечатление. Многие русские селения в развалинах, жители устраивались кое-как и нуждаются в немедленной помощи. Настроение тревожное.

1 июня в верховьях реки Джегалапа-Тюпа, на высоте восьмидесяти тысяч фунтов был совместно с представителями уездного комитета и другими членами комиссии в трех пунктах на стоянках киргиз, вернувшихся из Китая, киргизы собираются на стоянках большими толпами из разных волостей.

Среди местных кара-киргизов[364] встречаются отбившиеся от своих казахи Джаркентского уезда. Состояние киргиз производит удручающее впечатление. Люди ходят в рубищах, мало детей, большинство детей – рахитики на почве дурного питания, взрослых девушек и женщин молодых почти совсем нет, ибо они проданы в Китайском Туркестане за хлеб, вместо юрт какие-то обрывки на палках. Скота очень мало, он ограблен в китайских пределах. Роскошные горные пастбища… хуже всего – это начало вымирания киргиз от голода. По пути на Каркару на дороге я видел до двадцати трупов, в том числе несколько детских. Отношение русских к кирги-

---

[363] Каспий. 1917. 20 августа (2 сентября).

[364] Все кочевое население Центральной Азии в дореволюционной историграфии назывались киргизы, но при этом выделялись *киргизы-кайсаки (казахи)* и *кара-киргизы (киргизы)*.

зам возмутительно. Как черные вороны налетают банды и отбирают остатки скота, уцелевшего от грабежа в Китайском Туркестане.

В Тюп[365] налетела банда отпускных солдат, забрала в качестве работников три человека со скотом, ночью их увели из аула и дорогой заставили зарезать барана, сварить и после еды у всех киргизов забрали деньги, а их перебили. Одна израненная женщина, очнувшись, вернулась к своим и потом рассказывала, как полумертвые дети ползали по трупам отцов и матерей. К розыску виновных преступлено. Это не единичный случай.

В начале мая консул Бродянский телеграфировал из Кульджи, что массы киргиз двинулись в русские пределы с целью грабежа и резни. В действительности они пошли производить посевы мака для опиума и для контрабандной скупки последнего в Пржевальском уезде. Началась паника, крестьяне бросили посевные работы, сбегались в большие села и местами произошли избиения. Убито до сотни киргиз, только что принятых в работники. Спасены те, которых спрятали от зверства соседей хозяева.

Рядом с этим наблюдаются факты совершенно противоположного характера. Так, когда проводили партию киргиз-работников с семьями, русские и киргизские женщины, узнав друг друга, кинулись друг другу в объятья и плакали о погибших членах семей.

Многие факты позволяют надеяться, что после возмещения русскими деньгами убытков и после успешной борьбы с бандами грабителей и убийц, возможно, будет поселить киргиз на прежние места, заняв так же свободные переселенческие участки. На последнем буду особенно настаивать, ибо из ряда причин мятежа не последнее место занимает переселенческая политика, лишающая киргиз массы пахотных орошенных земель.

В возникновении мятежа играет роль и феодальный строй. С местными феодалами-манапами нужно вести систематическую борьбу всюду, устраивать митинги и выступления знающих язык ораторов. Я объявил от имени правительства амнистию о сложении податей в текущем году, равенство всех, упразднение манапства-феодализма. Сложение податей имеет значение для

---

[365] *Тюп* – село в 27 км от города Пржевальска (Каракола), в настоящее время административный центр Тюпского района Иссык-Кульской области.

народности, ввиду начавшихся массовых вымираний, в интересах восстановления хозяйства.

В целях разрешения продовольственного вопроса необходимо немедленно ввести в Семиречье хлебную монополию, которая позволит сосредоточить и справедливо распределить избытки. Для восстановления киргизского хозяйства необходимо организовать покупку скота в Китайском Туркестане и раздать его населению. Последнему нужны средства на постройку юрт. Для борьбы с грабежами и убийствами представитель Временного правительства приказал отобрать у крестьян и отпускных солдат оружие, в том числе охотничье.

Необходима также организация скорого суда над изловленными бандитами. Комитет просит разрешения немедленно командировать в Пржевальск товарища прокурора, а также члена суда для представительствования во временном суде присяжных. Действия банд ведут к озверению. Суд нужен для борьбы с манапством. Для организации населения нужны работники, которыми Семиречье бедно.

Местный комитет обращается к правительству с просьбой о помощи киргизам по продовольствию и для восстановления хозяйства и к русскому и к мусульманскому обществу с просьбой о помощи киргизам путем посылки идейных работников. Этот дивный край десятки лет существовал без идейных руководителей. Комитет обращается с призывом к товарищам работникам социал-демократам, меньшевикам и прочим партиям. Надо надеяться, что и русские, и мусульмане поделятся идейными силами с заброшенным Семиречьем в годину тяжелой трагедии, переживаемой кара-киргизским народом, и помогут ему сбросить оковы манапства, выйти со всеми русскими народами на широкую дорогу прогресса.

Член Туркестанского комитета Временного правительства.

Шкапский[366]

НА РТ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 77. Л. 101.

---

[366] *Шкапский Орест Авенирович* (1865–1918) – исследователь Средней Азии и политический деятель. С 1892 г. занимал в администрации Туркестанского края различные должности, связанные с вопросами земледелия и проблемами переселенцев. С 1905 г. заведовал переселенческой партией в Семиречье. Член Туркестанского комитета Временного правительства. 25 апреля вместе с М. Тынышпаевым был направлен в Верный для ликвидации дел, связанных с призывом коренного населения на тыловые работы.

№ 106

Протокол совещания представителей РСФСР и киргизских беженцев в Кульдже

19 ноября 1921 г.

Присутствовали: 1) Уполномоченный[367] в Западном Китае Казанский, 2) Секретарь *Плотников,* 3) Уполномоченный в Кульдже *Куликов,* 4) Секретарь его *Эпштейн,* 5) Представитель от киргиз беженцев *Бекимов,* 6) Представитель от киргиз-беженцев *Аильчинов,* 7) Представитель от киргиз-беженцев врач *Якуббаев.*

Председатель *Казанский*, секретарь *Плотников* и *Эпштейн*.

Во вступительном слове тов. *Казанский* после краткого освещения причин восстания 1916 г. и массового бегства киргиз Семиречья в китайские пределы сказал:

«Советская Россия стремится к исправлению тех несправедливостей, которые в отношении киргиз были совершены царским правительством, и приняла и принимает в настоящее время ряд реформ для ликвидации бедственных для киргиз последствий прежней колонизаторской политики этого правительства, отнявшего у них лучшие пахотные и кочевые угодья в пользу искусственно насаждаемого в известных целях пришлого населения. Особенно серьезные реформы предприняты в земельном вопросе, так как восстановление разрушенных хозяйств кочевников составляет для Советской России нравственную обязанность. Предприняты и другие меры к возвращению беженцев и часть последних вернулась в Россию, но далеко не все, следовательно, есть причины, удерживающие их в китайских пределах; некоторые из этих причин, как, например, задолженность и рабство, мы знаем, прошу теперь указать нам те из них, которых мы не знаем».

Куликов. Предлагаю высказаться, прежде всего, представителям беженцев, ближе к этому вопросу стоящим.

---

[367] Так написано в документе, но возможно правильнее «уполномоченный НКИД РСФСР».

Бексимов. Ввиду того, что надежды наши на помощь ожидаются из этих пунктов: из Кульджинского представительства, из Алма-Аты, Ташкента, я просил бы, чтобы настоящее совещание прошло официальным порядком с президиумом и чтобы протокол его поступил в названные пункты.

Куликов. Конечно, так. Президиум складывается естественным образом, председатель есть, секретарь, как видите, уже приступили к работе.

Казанский. Совещание наше не простая беседа за чашкой чая, а должна носить исключительно деловой характер.

Эпштейн. Предлагаю вопрос о количестве беженцев взять не в масштабе Илийского края, а всего Синьцзяня без различия национальностей.

Бекимов. Я предложил бы остановиться пока только на беженцах-киргизах, представителями которых мы являемся: о таранчах, дунганах и проч. мы почти ничего не знаем.

Казанский. Всех беженцев мы делим на три категории: 1) беженцев 1916 г., то есть киргиз, 2) беженцев 1918–1919 гг., когда ушли таранчи, дунгане и часть киргиз и 3) беженцев из военных отрядов, перешедших при отступлении китайскую границу и интернированных здесь. Предлагаю обсуждать на нашем совещании беженский вопрос в той части, в которой он касается киргиз, разделив его при этом на ряд отдельных вопросов в следующем порядке: 1) неровные данные о количестве беженцев киргиз; 2) причины задолженности, общая ее сумма и возможности к избежанию немедленной ее уплаты; 3) количестве, находящихся в закабалении и рабстве; факты продажи людей; 4) другие причины, препятствующие возвращению беженцев на родину.

Якуббаев. Я могу дать подробные сведения о беженцах-киргизах, находящихся на Беротале, в Тарбагатае[368] (Чугучакский район)[369] и отчасти в районе Шихо-Манае.

1) В верхней части долины Беротала находятся беженцы 1918 г. из Кпальского уезда; их было около 200 юрт, теперь осталось 100.

---

[368] Здесь и далее подчеркнуто в документе.

[369] *Чугучак* – городской уезд на севере Синьцзян-Уйгурского автономного района, административный центр округа Чугучак, входящего в Или-Казахский автономный округ. Основан в XVI в. и был известен в России под другим своим названием –Тарбагатай.

Вернулись в Россию бедняки, а остались главным образом богачи (Мамоновы, Турусбаевы и др.) и состоятельные. Около 40 юрт из них перешли в Кульджинский район в таранчинские кишлаки. Указанные богачи и состоятельные беженцы не возвращаются на родину вследствие неимения определенных сведений о положении в России; на Беротале на работе у калмыков имеются и бедняки, заарендовавшиеся на разные сроки, до года включительно, и не могущие уйти, не отслужившись.

2) В среднем течении Бероталы (район Джимпа) находятся киргизы Лесинского уезда, волостей: Чинджилинской (западной), Алакульской, Чарбантинской, Эмельской, Коктау-Хатшисуйской и Барланской. Всего здесь было около 400 юрт, 300 юрт вернулись уже в Россию, оставшиеся 100 юрт принадлежат наиболее бедным, пасут чужих баранов, среди них практикуется даже продажа женщин кашгарлыкам. Например, бывший волостной Западной Чинжилинской волости продал собственную дочь джимпанскому сарту.

Плотников. Выдача дочерей своих замуж у сартов, у киргиз хотя и в чрезвычайно редких случаях практикуется. Сарт при разборе дела будет все утверждать, что он не «купил», а «заплатил калым», и шариат, и даже адат будут на его стороне.

Якуббаев. 3) В нижнем течении Боретолы, в районе Джима находится яйло[370] в 50 юрт киргиза Урджарской волости во главе с бием Коже-Ке, тоже отдавшем свою дочь 70-летнему сарту из Джинхе; эти 50 юрт принадлежат тоже к несостоятельным.

4) Между Джином и Шиме в урочище Барксу (станция Куль-Эртен) находится 20 кибиток Уроджарской волости, по большей части самостоятельных киргиз. Во главе их Ага-Джан Бекджанов, который однажды уходил обратно в Россию, но стража на пограничном посту Сартау ограбила его и он вернулся снова в Китай, уведя с собой при этом около 100 юрт, которые остались затем на Джаире (в Чугучакском районе). Все перечисленные мною принадлежат к беженцам 1918 г., времен боев с […][371], вынуждены им к переселению силой при отступлении в Китай.

---

[370] *Яйло* – летнее горное пастбище.

[371] Повреждение в документе.

Перехожу теперь к Тарбагатаю к которому относятся районы: 1) горы Маил и Джаир, 2) Дурбульджун, 3) Кулустай и 4) окрестности города Чугучака. В этих районах находятся беженцы 1919 г. волостей Эмельской, Бурульской, Коктау-Хатшисуйской, Урджарской, Мурзатай-Карасуйской и около 50 юрт Каракольской (принадлежащей к Лепсинскому уезду). Всего было здесь около 4000 юрт, осталось 2500–3000.

Скот у большинства погиб от джута[372] зимой с 1919 на 1920 г. Переселились они в Китай, потому что пришлись на пути отступления Анненкова и были им к тому принуждены, киргизы же бывшие вне пути отступления остались в России. Беднейшие из них ютятся около Чугучака, Кубульджина и Кулустая, таких около 80 %. Более самостоятельные живут в горных районах и занимаются скотоводством; часть из них бежала в Китай уже вторично; к этому их вынудили эксперименты, проводимые недалеко от границы в русских пределах некоего Асильбекова из союза батраков, который занялся переписью состоятельных то есть «влиятельных» киргиз, причем им говорилось, что они будут насильно выселены в отдаленные уезды и области, демонстрировал им картины ада и рая, для чего пользовался двумя кибитками: одной совсем грязной, а другой, разукрашенной коврами и проч. Такие эксперименты влияют особенно вблизи границы самым нежелательным образом на возвращение беженцев на родину.

5) Теперь перехожу к Илийскому району: в горах Кок-Камыр находилось около 1000 юрт беженцев 1918 г. и позднее Лепсинского уезда, осталось из них около 700, которых Джен Шоу Ши[373] разместил небольшими группами по волостям китайских киргиз, из этого числа около 60 % несостоятельные.

6) В районе Манаса имеются около 60 юрт беженцев 1916 г., но они уже слились и едва ли скоро вернутся.

Аильчинов. Могу доложить о Кульджинском районе: беженцы 1916 г. перешли в числе около 150 тыс. душ через Текес из Пржевальского и Джаркентского уездов (из Нарынкольского участка последним вышел в Китай род Албан в числе 65 тыс. душ). Большая

---

[372] *Джут* – массовый падеж скота, вызванный обледенением пастбищ.

[373] Имя высокопоставленного китайского военного чиновника.

часть из них вернулась в Россию и остаются в настоящее время: 1) по Текесу около 200 юрт, (2/3 совсем несостоятельные); 2) на Кунгосе 70 юрт (так же бедняки); 3) на Каше 40 юрт (около 30 юрт бедняки); 4) на Боротале находятся 60 юрт киргиз рода Албан и кара-киргиз из них около 40 юрт, без помощи вернуться не могут; 5) на реке Или до города Кульджи (включительно) около 300 юрт, безусловно бедняки. Служат по кишлакам работниками у таранчей. Находятся почти в кабале. Они большей частью семейные, потому что холостые почти всегда уходят, уводя при этом лошадь своего хозяина; 6) район города Кульджи – 360 бедняков в тех же условиях; 7) район Суйдун-Куре-Коргос – около 200 юрт.

Казанский. Цифровые данные у нас есть. Это будет служить материалом для Ташкента и Москвы. Нам нужны данные и факты о рабстве для определенного политического воздействия, быть может, и на Пекин.

Аильчинов. Я несколько не подготовлен к совещанию, но через несколько дней буду в состоянии дать факты с определенными указаниями.

Якуббаев. Во время бегства в Китай были даже случаи перестрелки киргиз с калмыками, так как первые не хотели отдавать женщин и скот. Были отобраны и малолетние дети.

Эпштейн. Есть важный пункт, которого необходимо коснуться. Это отношение китайцев к беженцам. Китайцы, например, деятельно вербовали русско-подданных в свое подданство. Бывали случаи, когда аульные старшины насильно записывали русских подданных в свое подданство.

Якуббаев. Аильчинов передает, что на Текесе[374] после ухода из России Базака многие хотели вернуться в Россию, но Шатинский дарин[375] и акалакчи[376] Толды Берды приняли меры. Издевались и пороли киргиз и заставляли дать клятву над зарезанной кобылой, что намерение вернуться в Россию они оставили. Отношение кит-властей к беженцам, по крайней мере высших властей, безразличное, но местные мелкие власти, узнав, что беженцы возвращаются

---

[374] *Текес* – река, текущая по территории Китая (Синьцзяна) и Казахстана.
[375] *Дарин* – военачальник, военный чиновник.
[376] *Акалакчи* – управитель волости у казахов Синьцзяна.

в Россию, издают секретные приказы обворовывать их. Например, на Боротоле киргизы должны были неделями не спать и охранять свой скот. Гегон Тенлин, теперь смещенный, не давал беженцам жить. Волостной правитель Джас Булат с боем перешел в Россию. Киргизы – китайские подданные тоже не меньше калмыков грабят беженцев. Только система съездов на границе успокоит границу. Калмыки набрали много скота у киргиз и за их счет владеют скотом. Съездом можно сильно надавить на китайцев. Съезд созвать необходимо.

Бекимов. И старшие чиновники не лучше.

Якуббаев. Если киргизы узнают, что будет съезд, то киргизы начнут подавать жалобы и отношение к беженцам, безусловно, переменится к лучшему.

Казанский. Вы здесь указывали на ряд причин, почему беженцы остаются здесь. Кроме того, необходимо выяснить характер задолженности, закабаленности беженцев.

Якуббаев. Задолженность – очень трудная штука. Восстановить ее чрезвычайно трудно. Это надо проверить и проверку надо поручить Шанхаю.

Казанский. Очень трудно это сделать. Беженцев до 150 000 человек. Претензий будет 10 000–15 000. Как их проверить?

Куликов. Мы знаем, что киргизский Шанхой будет работать с нами честно и хорошо, но ведь, откровенно говоря, китайцы постараются сильно содрать. Как выйти из этого положения?

Аильчинов. Дипломатическое бюро при даоине[377] выдает удостоверения о долгах. Нельзя ли при представительстве установить такой порядок.

Бекимов. Беженец заявляет о выезде. Пусть китайцы выдают пропуска, если за ними есть долги, то пусть представляют иск к Совроссии.

Казанский. Поскольку у нас будут факты о долгах, то можно добиться путем судебных установлений решить вопрос об исках.

Бекимов. Если беженцы собираются выехать в Россию, то пусть истцы подают иски своим властям, которые совместно с нами раз-

---

[377] *Даоинь* – чиновник, начальник города или области, представитель центральной китайской власти в регионе.

решат эти вопросы, и беженцы-должники тоже подадут сведения о своих долгах в представительство.

Куликов. Дело в том, что нам важны не заявления ответчиков, а истцов. Это уже сделано. Объявление вывешено, срок скоро истекает. После этого заявления приниматься не будут. Очевидно, по отношению предъявленных исков нужна будет система смешанных судов.

Эпштейн. В китайском объявлении определенно указывается, что срок подачи заявлений два месяца. После этого мы имеем юридическое право не признавать ни одного иска и, конечно, признавать их не будем.

Казанский. Очевидно, многие […][378].

Эпштейн. В объявлении определенно указывается, что все насильно задерживаемые на службе должны быть немедленно освобождены под страхом ответственности. Об этом говорят сами китайцы. Поэтому, если после срока нам станут известны факты насильной задержки беженцев, можем нажать на основании их же объявления.

Плотников. Поскольку объявление даоиня обязательно для Джен Шоу Ши.

Бекимов. Все беженцы подчинены даоиню. Джен Шоу Ши, конечно, ортачится и претендует на власть над инородцами.

Куликов. Это нас не касается. Мы имеем дело с даоинем и не берем ответственность на себя за то, что исполняются ли его приказания или нет.

Эпштейн. Возможно, что китайцы сознательно делают себе лазейку и могут сделать распоряжение беженцам перекочевать в район ведения Джен Шоу Ши, и даоинь скажет, что это его не касается.

Казанский. Это надо учесть. Думаю, что вопрос лучше всего решится в Урумчи.

Аильчинов. Если съезд произойдет сейчас, то те, которые в рабстве, по понятным причинам не смогут принять в нем участие.

Эпштейн. Будет важен не сам съезд, а тот звон, который в нем будет. Но и общественное мнение нужно, чтобы о нем говорили.

Аильчинов. Есть теперь около 800 кибиток, которым помощь нужна сейчас. Как с ними делать? Долгов около 5000 тенз,[379] и они уже кочуют к границе.

---

[378] Неразборчиво, повреждение в документе.

[379] Денежная единица.

Куликов. Вопрос стоит о средствах двинуть беженцев в Россию.

Казанский. Составим смету и получим деньги.

Бекимов. Есть люди, которым нужна немедленная помощь.

Казанский. По моему мнению, вопрос о задолженности решен. Относительно этих 800 кибиток мы договоримся с даоинем. Согласного его сообщению […][380].

Аильчинов. Вопрос не только о долгах киргиз, но и о долгах киргизам. Как поступить с этим вопросом?

Казанский. По-моему эти иски нужно предъявить правительству, которое и удовлетворит претензии беженцев.

Якуббаев. Тов. Аильчинов говорит об экстренной помощи беженцам, которые уже двинулись с места. Как с ними поступить. Будет ли им выдано пособие или нет? Этот частный случай надо решить.

Казанский. Случай этот уже решен, что надо сделать, чтобы пропустить их через границу? Надо просить даоиня выдать им пропуск.

Якуббаев. Разрешите выразить пожелание всех киргизов вообще и местной интеллигенции, в частности. Укажите, какие имеются гарантии, что имущие классы, желающие вернуться в Россию, не понесут репрессий и реквизиций.

Казанский. Излагает основы новой экономической политики.

Якуббаев. Хорошо бы, если Советская власть выступила с объявлением к беженцам, что им гарантируется имущественная и личная безопасность.

Куликов. Лучшей гарантией является сама жизнь. Очевидно, вы имеете те сведения от перешедших в Россию беженцев и вы, вероятно, знаете, что жизнь их в России теперь другая, тем более, что им объявляли уже амнистию и определенно говорили, что гарантия есть.

Участники Урумчинского представительства.

Секретать Кульджинского представительства.

Представители от беженцев.

Верно: заведующий секретариатом представительства в Средней Азии Наркоминдел РСФСР[381].

АВП РФ Ф. 0100В. Оп. 4. П. 102. Д. 7. Л. 50–56.

---

[380] Неразборчиво, повреждение в документе.

[381] Подпись неразборчива.

№ 107

Доклад уполномоченного представителя НКИД РСФСР в Средней Азии в Илийском крае К. Куликова о киргизах-беженцах

г. Ташкент *28 сентября 1922 г.*

Представительству народного комиссариата по иностранным делам Средней Азии.

Общее количество киргиз-беженцев, как выяснилось на совещании совместно с представителями беженцев в Кульдже, достигает примерно до 50 000. Наибольшая часть этих беженцев поселилась в районах Тарбагатала и Елийского края, главным образом по долинам рек Или, Текес, Кунгос и Кам.

Волна переселения киргизов в пределы Китая началась еще с 1916 г. После попытки царского правительства привлечь их к отбыванию воинской повинности и целого ряда киргизских восстаний в Семиречье и особенно усилилось после знаменитого похода Мураева в 1918 г.[382]

Отношение китайцев и беженцев было самое нетерпимое. На них смотрели как на доходную статью и буквально обирали при переходе границы. Позднее они были обложены налогами, причем эти налоги взыскивались по статистическим сведениям 1916–1917 гг., что делало налог слишком тяжелым, так как происшедший зимой 1919–1920 гг. падеж скота от бескормицы, «джут» сильно сократил количество скота у киргизов (по заверениям компетентных лиц до 75 %), размеры же налогов оставались прежними.

---

[382] После ноябрьского вооруженного восстания в Ташкенте в 1917 г. и прихода к власти большевиков семиреченское казачество открыто выступило против Советской власти. В середине апреля в станицы Верненского уезда был отправлен красногвардейский отряд. Его задачей была реквизиция хлеба и разоружение казаков. 16 апреля отряд был наголову разбит казаками. Это послужило сигналом к началу восстания пяти южных станиц Семиречья, в результате которого казаками был осажден Верный. Совнарком пошел на мирные переговоры с казачеством восставших станиц и 24 апреля был заключен «мирный договор». Но 11 мая бои вокруг Верного возобновились, а к середине месяца к городу подошел красногвардейский отряд *Мураева* из Ташкента. После соединения отряда *Мураева* с местными большевицкими силами был начат массовый антиказачий террор. В результате похода *Мураев* вынудил остатки белого казачества бежать в пределы Китая.

Большая часть киргиз, потеряв таким образом скот, принуждена была наниматься к дунганам и таранчинцам, которые платили им плохо или совсем не платили. Китвласти же не только не защищали от подобных насилий, но наоборот сами их притесняли. Некоторые из киргиз, доведенные до крайности, продавали своих жен и детей в рабство. Попав в такое положение, они, естественно, искали выход и массами возвращались в Россию, как только это стало возможно. Особенно сильная тяга в Россию началась в 1920 и 1921 гг. с изменением нашей политики в Туркестане.

Громадное большинство уходящих в Россию переходило границу самотеком, что создавало массу недоразумений. Китвласти таких киргиз задерживали, арестовали, а скот отбирали. Тех же, которые собирались уходить с ведомства, власти или не выпускали до оплаты долгов или обладали особым налогом (5 % стоимости перегоняемого скота).

Наше представительство в Кульдже всеми мерами старалось облегчить переход беженцев в Совроссию и в октябре месяце 1921 г. добавилось издания китвластями особого приказа, а силу которого задолжавшиеся беженцы должны были быть освобождены от рабства; истцам же предоставлялось право подачи исков к указанным беженцам через совпредставителя.

Больших результатов, однако, этот приказ не дал, так как огромное большинство задолженных киргиз все же задерживается китвластями до уплаты долга и нуждается не только в оказании помощи политической, но и деньгами.

Насколько возможна указанная помощь в данный момент, решать не берусь, но наша политика на Востоке, несомненно, требует оказания этой помощи, так как она не только еще раз подчеркнет разницу нашей политики от царской, но явится прекрасным агитационным средством для всех народов Востока.

Уполномоченный Представительства Народного Комиссариата Иностранных дел РСФСР в Средней Азии в Илийском крае *К. Куликов*

АВПРФ Ф. 0100В. Оп. 4. П. 102. Д. 7. Л. 63–64.

№ 108

Доклад Управления уполномоченного НКИД РСФСР в Кульдже по вопросу о киргизских беженцах в Синьцзяне

Введение

Беженцы Синьцзянской провинции в подавляющим своем количестве являются продуктом разбойничей политики царского правительства в Семиречьи, давшей столь печальные результаты в 1916 г. Вызванное общей обстановкой и деятельностью русских чиновников и населения восстание киргиз кончилось паническим бегством киргиз Пржевальского, Джаркентского и Пишпекского уездов в китайские пределы.

Погромная деятельность под Советским флагом Мраева и Мамонтова[383] в 1918 г., гражданская война в Семиречьи (Северный флот) двинули в китайские пределы беженцев из Лепсинского, Копальского и отчасти Джеркентского уездов. Надо отметить, что это движение коснулось не только одних киргиз, но и в значительном количестве и таранчинцев, и дунгин Джаркентского уезда.

При бегстве киргиз 1916 г. русским консулом в Кульдже было сделано распоряжение китвластям киргиз «бунтовщиков» в китпределы не пускать. Со стороны русских казаки и солдаты провожали беженцев огнем. Такое положение создало панику. Киргизы уплачивали громадные по тому времени суммы (сотни тысяч) китайцам за пропуск через границу. Кроме того, китайцы забирали скот, жен и детей. Чтобы беженцы не так бросались в глаза русским властям, их держали в отделении от Кульджи. Беженцы, первоначально пришедшие в Кульджу, Чугучак и Аксу, расселились по течению рек Текес, Кунгос и Кам (верховье Или), в Бороталинском районе. Часть двинулась к Шихо и Манасу, часть – в Кашгарский район и часть к Алтаю. Более состоятельные, сохранившие свои стада, ушли в местности кочевья китайско-подданных киргиз. Бедняки же ста-

[383] *Мамонтов Ефим Мефодьевич* (1889–1922) – руководитель партизан Западной Сибири, военачальник. В ноябре-декабре 1919 г. руководил 40-тысячной армией, наносившей удары по отрядам отступавшего А.В. Колчака, в результате чего были взяты Семипалатинск, Павлодар, Змеиногорск, Барнаул.

ли поступать на работы (батраками) к китподданным киргизам и калмыкам.

Беженцы 1918–1920 гг. приходили в Китай более организованным порядком, почти сохранили свои стада, держались в китпределах более сплочено и всегда во главе со своими волостными старшинами и аксакалами и скорее чувствовали себя эмигрантами, чем беженцы. Причиной этому были сотрудничество этой категории киргиз с Анненковым[384] и преследование баев, манапов и волостных со стороны Совроссии.

Количество беженцев

До начала выезда беженцев в Совроссию с Синьцзянской провинции, включая и Кашгар, находилось до 150 000 беженцев. В настоящий момент, судя по указанию знатоков этого вопроса, в Илийском районе края с Вороталинским районом и Тарбанатаем осталось до 33 000 душ киргиз. (См. протокол совещания по женскому вопросу.) И в Уч-Турфанском, Аксуйском и Кашгарском районе до 2000 юрт (т. е. 12 000 человек), 2000 человек одиночек таранчинцев Джаркентского и Верненского уездов и 1500 человек дунган почти исключительно Пржевальского и Вервенского уезда, расселенные по всей Синьцзянской провинции (Хами, Гучен, Карашаар, Аксу, Уч-Турфан, Кучи и города Илькрая) до 8000 человек. Таким образом, количество всех беженцев в Синьцзянской провинции определяется в 46 360 человек. Возможно, что статистика не верна, и поэтому в круглых цифрах количество оставшихся в Китае беженцев надо определить в 50 000 человек обоего пола, то есть 1/3 всего количества прибывших.

Материальное положение беженцев

Количество беженцев, имеющих возможность выехать за свой счет в Россию, надо определить в 40 %, то есть 20 000 человек. К ним можно почти полностью отнести 1500 таранчинцев и 8000 дунган и 10 000–11 000 киргиз. Остальные 60 % (30 000 дунган) никоим образом своими силами двинуться не сумеют по целому ряду причин:

---

[384] *Анненков Борис Владимирович* (1889–1927) – генерал-майор, в годы Гражданской войны атаман Сибирского казачьего войска, командующий Отдельной Семиреченской армии. В 1919–1920 гг. принял командование над частями *А.И. Дутова,* отступившими в Семиречье после поражения в сентябре 1919 г. под Актюбинском от Красной армии. В апреле 1920 г. ушел с остатками отряда в Китай, где базировался в Синьцзяне.

1. Во время бегства в 1916 г., как я уже указывал, беженцы лишились значительной части своего имущества и скота, которое было уплачено китайцам в виде взяток за пропуск через границу и отнято просто китайцами и калмыками.

2. Скот у большинства киргиз погиб от джута зимой с 1919 на 1920 г., и таким образом, лишившись скота, они лишились всего.

3. Указанная в пункте 2 причина и целый ряд других заставили этих несчастных прибегнуть к самым крайним мерам для спасения своей жизни. Нужда была отчаянная. Многим пришлось продавать жен и детей, которых охотно покупали калмыки, таранцинцы, кагарлыки[385] и китподданные киргизы. Многим пришлось поступить батраками на долгий срок, чтобы получить вперед деньги для прокормления семей. Не имея чем расплатиться, многие или сами оказались в форменном рабстве, или убегали, оставляя в залог свои семьи. Таких закабаленных в одном Кашгарском районе, по сведениям Уполкомбеже Шабцанова, находится 2000 душ. Многие беженцы забирали товары у местных торговцев, и часто после этого китайцы стали взимать с беженцев по 2 тецзы за каждый пропуск. Недавно же стали брать по 6 тецз с каждой души старше трех лет. Таким образом, средняя беженская семья в 6 душ должна уплатить 36 тенз за пропуск, что весьма затруднительно.

Кроме того, китайцы всеми способами стараются завербовать беженцев, особенно киргиз, в свое подданство, чему есть неоспоримые доказательства в виде ряда заявлений и жалоб самых беженцев.

Главным тормозом все-таки к отъезду беженцев являлось их задолженность китайско-подданными. Путем неоднократных переговоров с китвластями Кульджинского представительства удалось добиться выпуска даоинем прилагаемого при сем объявления, в которые были внесены вами поправки, видные из прилагаемого тут же отношения за № 1179.

Смысл этого объявления заключается в том, что, во-первых, все имеющиеся какие бы то ни было за беженцами долги, должны быть предъявлены представительству через даоиня в течение двух месяцев, которые кончаются 18 декабря. Претензии эти, подтвержден-

---

[385] Речь идет о жителях города Кагарлыка в Синьцзяне.

ные документами, будут служить предметом обсуждения смешанной русско-китайской комиссии, независимо от этого китвласти должны выдавать (и выдают) пропуска всем беженцам, независимо от их задолженности.

В том же приказе говорится, что имеющие в своем распоряжении рабочих беженцев обязаны под страхом ответственности их освободить, предъявив свои претензии в указанном выше порядке. Приказ этот не выполняется, и китайцы смотрят на это явление сквозь пальцы.

Не знаю, практикуются ли где-нибудь рабство в таких широких пределах, происходит ли где-нибудь такая форменная продажа и покупка людей, как это практикуется здесь. Под влияние нужды беженцы продавали жен, девочек и мальчиков. При паническом бегстве в 1916 г. калмыки, киткиргизы захватили тоже достаточное количество рабов.

Прилагаемые при сем (приложения) списки являются только слабой попыткой наглядно это доказать. Тут, кстати, уместно указать, что в рабстве находится некоторое количество русских женщин, увезенных киргизами, у богатых мусульман русско-подданных отправлялись с этими товарами контрабандой в Россию за опиумом, оставляя в залог за товары свои семьи. Таких случаев довольно много.

Надо учесть, что большинство беженцев Илкрая как инородцы находятся в подчинении Чжень-Ноу-Ши, которых и сами чиновники грабят немилосердно путем накладывания на них разного рода налогов (пастбищных, десятинных и проч.), что тоже в большей степени разоряет киргиз. Чжень-Шоу-Ши недавно предлагал Внешторгу партию в 35 000 голов скота, собранного в виде податей у киргиз.

Особая комиссия ТурЦИКа в Китае (Нигматулин, Холитов) при появлении ее в Кульдже для практической работы среди беженцев (регистрация, экономическое обследование и агитация) сразу столкнулась с враждебность и косностью китвластей. Комиссией было разрешено послать своих сотрудников по району для работы, не было разрешено открыть приют для сирот и этапа для беженцев (доклад Уполкомбежа Крохина от 20/1 1921 г.). Этим и обозначилась попытка Особой комиссии проникнуть в толщу беженской массы

и вся ее работа свелась к выдаче пропусков беженцам, которые за ними являлись в представительство. Надо отметить, что такими действиями китайцы самым грубым образом нарушали § 7 Илдоговора от 27/V 1920 г.[386], в котором определенно говорится, что китвласти обязуются оказывать содействие до возвращения в Россию беженцам.

Когда же Уполвнешоноша тов. Баршак «экспроприировал» на Особой комиссии (14 000 тецз), то последняя совершенно замерла, ее работа ограничилась тем, что она держала при представительстве своего агента, который выписывал пропуска, когда об этом просили. Кстати сказать, отсутствие Особой комиссии в Кульдже прошло незамеченным и на работе среди беженцев не отразилось.

Отношение китвластей к беженцам

Китвласти, особенно военные, смотрели на беженцев как на баранов, которых можно стричь сколько угодно и как угодно. Беженцы являются доходной статьей, которая не станет статьей, когда беженцев не станет. Отсюда стремление китайцев всеми способами, а этих способов довольно […][387] удержать беженцев в Китае.

Еще в октябре 1920 г. китайцы согласились отметить налоги от беженцев, желающих выехать в Россию. Но вскоре в 1916 г., но следы которых, ввиду того, что они тщательно скрываются, до сих пор обнаружить не удалось[388]. Китайцы на это смотрит сквозь пальцы, несмотря на неоднократные протесты по этому поводу со стороны Кульджинского представительства.

Выводы

Из вышеизложенного видно следующее: в пределах Синьцзяня находится до 30 000 людей, которым необходимо оказать помощь для выезда в Россию. Китайцы всячески тормозят дело, заинтересованные беженцами как доходной статьей. Положение дел в России, новая экономическая политика и отражение ее в Семиречье достаточно известно беженцам, связанных с Россией и осведомленных о всем там происходящем, делает нелишним агитационные работы среди беженцев. Следовательно, работа должна быть только практической. Теперь, когда

---

[386] *Илийский протокол (договор)* 27 мая 1920 г. об установлении дипломатических и торговых отношений и репатриации беженцев был подписан в г. Кульдже представителями РСФСР и губернатором (даоинем) Илийского округа Синьцзяна (Китай).

[387] Неразборчиво, повреждение в документе.

[388] Так в документе.

мы стали перед задачей заключения нового договора с Синьцзяном, мы должны обратить особое внимание на пункты, которые дадут нам возможность в полной мере использовать свой консульский аппарат для облегчения положения наших граждан за границей вообще и беженцев в частности. Работа среди беженцев за границей должна быть сосредоточена в наших представительствах в консульствах, при которых находится представитель […][389], снабженный средствами и работающий под руководством уполномоченного или консула. Ввиду того, что весною движение беженцев начнется усиленным темпом, необходимо к этому времени практически подготовиться к этому вопросу.

Секретарь Представительства НКИД в Кульдже *Эпштейн*

Верно: заведующий секретариатом Представительства в Средней Азии Наркоминдел РСФСР[390]

АВП РФ Ф. 0100В. Оп. 4. П. 102. Д. 7. Л. 57–59.

№ 109

Записка заместителя наркома по иностранным делам РСФСР Л.М. Карахана[391] в Оргбюро ЦК РКП об ассигновании средств на реэвакуацию беженцев из Синьцзяна

11 ноября 1922 г.
Политическая

В дополнение Нр[…] от […][392] октября сообщаю, что междуведомственным совещанием от 28/X по вопросу о реэвакуации киргиз-беженцев принято постановление о необходимости ассигнования 25 тыс. руб. золотом на проведение реэвакуации в первую очередь

[389] Неразборчиво, потертость в документе.

[390] Подпись неразборчива.

[391] *Карахан (Караханян) Лев Михайлович* (1889–1937) – революционер, советский дипломат. С марта 1918 г. заместитель народного комиссара по иностранным делам РСФСР. В 1922–1923 гг. заведующий Восточным отделом НКИД. В 1926–1934 гг. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР.

[392] Пропуски в тексте документа.

только 5 тыс. человек из общего числа подлежащих реэвакуации, приблизительно 10 тыс. человек.

Смета на эту сумму представлена в Наркомфин 3 ноября и включена в общую статью реэвакуации по смете НКИД.

Приложение: Протокол междуведомственного совещания и докладная записка к смете.

Зам. Народного комиссара по иностранным делам

АВП РФ Ф. 0100В. Оп. 4. П. 102. Д. 7. Л. 75.

№ 110

Письмо секретаря Представительства НКИД в Ташкенте А.Е. Быстрова[393] заместителю наркома по иностранным делам Л.М. Карахану о работе по реэвакуации беженцев

г. Ташкент *21 февраля 1923 г.*

У[важаемому] замнаркому тов. Карахану!
Уважаемый Лев Михайлович!

Посланные 25 000 руб. на предмет реэвакуации киргизов-беженцев из Западного Китая я получил.

Здешнее замаскированное и незамаскированные националисты хотели все дело реэвакуации взять в свои руки, отстранив от него НКИД.

Прилагаемая копия моего проекта, вносимого мною в Среднеазиатское бюро[394], укажет Вам мои пути свести на нет националистические стремления.

---

[393] *Быстров-Запольский александр Ефимович* (1886–?) – русский и советский дипломат. С 1 августа 1918 г. по март 1919 г. – секретарь-машинист Наркома иностранных дел Чичерина. С марта по сентябрь 1919 г. – секретарь Представительства РСФСР на Украине. С сентября 1919 г. по январь 1920 г. – сотрудник Архива НКИД РСФСР. С 20 января 1920 г. по 27 августа 1924 г. – секретарь и заместитель Уполномоченного НКИД РСФСР/СССР в Средней Азии (Ташкент). С 27 августа 1924 г. по 15 декабря 1928 г. – консул и генконсул СССР в Чугучаке и Урумчи (Западный Китай).

[394] Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) (Средазбюро) – верховный орган ЦК ВКП(б) в Средней Азии. Функционировало с 19 мая 1922 г. по 2 октября 1934 г. Основной функцией бюро было руководство компартиями Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской народных советских республик, а после образования в 1924 г. Узбекской ССР, Туркменской ССР, Таджикской ССР и Киргизской (Казахской) ССР – партийное и государственное строительство в этих республиках.

Думаю, что Среднеазиатское бюро подтвердит мое положение. Помня, что Западный Китай, выражаясь дипломатическим жаргоном, изъят из сферы моей деятельности, я прошу Вас дальнейшие распоряжения по реэвакуации беженцев давать Чугучаку и Кульдже непосредственно из Москвы.

Часть денег я в ближайшем будущем отправлю, другую оставлю у себя, чтобы задержать разбег ненужного расходования, отошлю их по первому вашему распоряжению туда, куда Вы скажете.

С товарищеским приветом.

Верно: Секретарь Представительства[395]

Приложение: Копия проекта реэвакуации беженцев-киргизов[396].

АВП РФ Ф. 0100В. Оп. 4. П. 102. Д. 7. Л. 84.

№ 111

Инструкция уполномоченного НКИД в Средней Азии Л.М. Михайлова[397] по расходованию средств на реэвакуацию беженцев-киргизов в Западном Китае

§ 1. Деньги должны расходоваться исключительно на нужды беженцев киргиз, не имеющих возможности выехать в Совроссию вследствие задолженности или отсутствия средства для проезда, то есть а) уплачивается их задолженность (по возможности не вся сумма), б) оплачивается наем перевозочных средств от места нахождения беженца до города Пржевальска, Джаркента или Бахты (в зависимости от района его нахождения) и в) выдаются кормовые деньги из расчета минимальной действительной потребности.

---

[395] Подпись неразборчива.

[396] Написано от руки.

[397] *Михайлов Лев Михайлович (Елинсон) (*1872–1928) – большевик, дипломат. В 1923–1924 гг. полномочный представитель Наркомата иностранных дел СССР при СНК Туркестанской АССР, одновременно член Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б).

§ 2. На организационные расходы, каковые слагаются из: а) расходов по доставке валюты до города Чугучака и Кульджи; б) расходов на содержание сотрудников по беженским делам при представительствах НКИД по одному в Чугучаке, не свыше 13-го разряда из гор Кульдже, не свыше 12-го разряда; в) расходов дорожных и на суточные сотрудникам, указанных в п. б. § 2, а также на содержание сведущих лиц, приглашаемых на месте, командируемым по беженским делам, из расчета 1/24 получаемого содержания (см. п. б. § 2) в сутки.

ПРИМЕЧАНИЕ: Расходы, указанные в § 2, не должны превышать 20 % всей отпущенной суммы.

§ 3. Отчетность в израсходовании и наличность сумм должна представляться в Представительство НКИД в Средней Азии по состоянию на 1 июня, 1 августа и 1 ноября с. г.

Уполномоченный НКИД в Средней Азии: *Михайлов*

Секретарь *Е. Колосова*

АВП РФ Ф. 0100В. Оп. 4. П. 102. Д. 7. Л. 88.

№ 112

Телеграмма заместителя наркома по иностранным делам Л.М. Карахана уполномоченному НКИД в Средней Азии Л.М. Михайлову о мерах по облегчению выезда беженцев с территории Китая

16 мая 1923 г.

По сообщению Рыскулова[398], китадминистрация всячески препятствует возвращению кирзиг-беженцев. Примите все необходимые меры перед китвластями для облегчения передвижения беженцев по киттерритории в пределы РСФСР.

Карахан

АВП РФ Ф. 0100В. Оп. 5а. П. 104. Д. 1. Л. 2.

[398] *Рыскулов Турар Рыскулович* (1894–1938) – советский государственный деятель, председатель Мусульманского бюро Туркестанской Коммунистической партии, ЦИКа и СНК Туркестанской АССР, Полпред Коминтерна в Монголии. Участник национально-освободительного восстания народов Центральной Азии 1916 г.

№ 113

Телеграмма уполномоченного НКИД в Средней Азии Л.М. Михайлова в НКИД о ходе реэвакуации киргизов из Китая

г. Ташкент *2 сентября 1923 г.*

Общее число подлежащих реэвакуации киргиз не может быть выяснено вследствие запрета китвластей произвести обследование. Насчитывают от 30 до 50 тыс. Реэвакуация из Тарбагатая[399] началась в конце мая. По нашим сведениям, в июне реэвакуировано 547 исключительно бедняков. Всего с начала года по 1 июня прошло 892 человека. Из Чугучака в июле направлено 300 юрт закабаленных бедняков. В августе Кульджинское представительство направит в Джаркент 200. Предполагается к отправке еще 500 семей. На реэвакуацию кириз отправлено в Кульджу 17 тыс. серебром и 6 тыс. золотом на реэвакуацию белых. Белых реэвакуировано из Китая в Алма-Ату более 100 человек. Общее число белых в Кульджинском крае около 600 чел. № 1102

Михайлов

АВП РФ Ф. 0100В. Оп. 5а. П. 104. Д. 1. Л. 2.

№ 114

Доклад уполномоченного Совнаркома Туркестанской республики Баронбаева об истории пребывания киргизских беженцев в Тарбагатайском округе и о работе по их реэвакуации из Китая

г. Чугучак *4 сентября ?г.*[400]

---

[399] Тарбагатай округ Синьцзяна (г. Чугучак) *(Примеч. в документе).*

[400] Доклад написан после 1923 г.

В Совет народных комиссаров Туркреспублики!

Впервые беженцы киргизы возникли в 1916 г. Причины бегства киргиз, как и в другие округа Западного Китая, имеют глубокие и политические объяснения и корни: крайне стесненное земельное бесправие, усиленная колонизация Джетысуйской области, руководимая переселенческим управлением, административный жестокий режим и, наконец, принудительный призыв коренного населения на тыловые военные работы. Все эти обстоятельства долгих лет и последний акт в совокупности вызвали со стороны коренного населения Джетысуйской области протест, вылившийся вскоре в открытое возмущение и восстание, подавляемое царской администрацией жестокими мерами, включительно до беспощадного истребления киргизского населения. Эти репрессии вынудили киргиз спасаться в соседнем Западном Китае Тарбагайского округа. На этот раз киргизы пяти волостей Лепсинского уезда – Урджарской, Каракольской, Мурзатай-Карамунской, Змельской и Барлыкской – в паническом страхе, напуганные жестокостью расправы, толпой хлынули за границу, забрав с собой все свое богатство, скот и прочее, без определенного согласия и разрешения на то китайских властей.

Покровительство и защита со стороны китайцев оказана не была, хотя киргизы на это вначале рассчитывали и надеялись. Пословица, лежачего не бьют, никак не оправдывалась. Началась вакханалия грабежа, насилия и всяческого обирания беженцев китайцами. Просуществовав кое-как одну зиму за границей, воспользовавшись наступившим успокоением в России связи с Февральской революцией, киргизы беженцы частично перекочевали обратно на родину, притом успели вернуться только те, которые были до некоторой степени зажиточны и находились вблизи границы. Одновременно с процессом обратного возвращения зажиточных беженцев первый раз ставится перед временным правительством вопрос о спасении и реэвакуации неимущих беженцев-киргиз.

На этот счет были всякого рода филантропические и благожелательные разговоры в руководящих кругах Туркестана, которые по всем признакам конкретно не могли вылиться во что-нибудь живое реальное дело, ибо основная идеология руководителей политики в Туркестане недостаточно сознательно исчерпывала ко-

нечные основные задачи революции и угнетенной бедноты и не твердо разрешало сущность и политический смысл колониального национального вопроса.

Заметно было, как половинчато и не искренне подходили к беженскому вопросу представители Временного правительства в Джетысу[401] Шкапского и Тынышпаева. Сухой, порывистый разговор относительно философии беженского вопроса, благожелательные разъезды их по уездам со стремительной готовностью обеспечить возвращающихся тогда беженцев хлебом и скотом занимали умы и души верхов временного правительства Джетысу. Так чинно и благонамеренно сошли с исторического сцены и руководительства, и эти филантропы, ничего не сделав по отношению спасения беженцев-бедняков.

На смену Временному правительству рождается Советская власть. Первые волны из России относительно установления Советского строя в Джетысу вызвали разные толкования и споры между казачьим населением, с одной стороны, и мещанским – с другой, которые вскоре перешли в открытую ожесточенную борьбу, имеющую окраску сословной вражды и схватки. Джетысуйское кулацко-мещанское население вооружается до зубов и под флагом насаждения большевистской идеи организуют партизанские отряды под командой Мамонтова, Иванова и Калашникова, которые посылают вдогонку казаков в Копальский и Лепсинский уезды с целью укоренить покорность населения к Советской власти. Это разнузданная партизанская и недисциплинированная толпа увлекается грабежом и убийством коренного населения, подозревая его в сообщничестве с казаками. Этот катастрофический напор со стороны отрядов Мамонтова и других вновь уже в гораздо больших размерах вынуждают киргиз названных пяти волостей Лепсинского уезда перекочевать в Китай в Тарбагатайский округ.

На этот раз к этим пяти волостям примыкают и другие киргизы трех волостей Лепсинского уезда, Сергиопольский, Алакульский и частично окрестности самого гор. Лепсинска. Позднее в 1920 г. к ним присоединяются беженцы-киргизы, принадлежащие Зайсанскому уезду, Боганской, Хабарасийской, Кокепектинской и Чи-

---

[401] Речь идет о Семиречье, по-киргизски Джетысу.

риктинской волостей, бежавшие частично от рядов Бакича и Анненкова в моменты их наступления Джетысу. По всем сведениям, собранным от компетентных лиц и от самых беженцев, бежавших тогда киргиз было около 60 000 баранов, 5000 коров и быков свыше 1000 верблюдов и много других ценностей.

В конце 1918 г. при атамане Анненкова, когда Лепсинкий уезд был главной ареной борьбы и когда анненковщина переживала последнюю эпопею славы, беженцы снова возвращаются частями на родину, общипанные и обобранные еще сильнее, чем в первый раз. Время господства атамана Анненкова является блестящей эпохой в жизни влиятельных и зажиточных киргиз. Анненков, до некоторой степени понявший психологию киргизского быта и инстинкта, дал широкий простор грубым началам наклонностей этих киргиз, персонально даруя разные чины и должности более зубастым лицам, одновременно организует алашские отряды[402], раздавая им оружие, подбадривая народный дух и обещая им всякие блага и счастья.

Такое искусственное подстраивание-подтасовка народного сознания держится только до того момента, пока было слабо давление со стороны Красной армии. Момент же первого серьезного нажима и наступления Красной армии со стороны Алтая и Сибири совпадает с фактическим разложением алашских отрядов, отчасти заагитированных самой киргизской интеллигенцией, убедившейся в непрочности идей атамана Анненкова. Время близилось к крушению затеи Анненкова. Наступление Красной армии, руководимое предчувствием самосохранения, хлынуло снова в китайские пределы.

К этому внутреннему переполоху и процессу бегства киргиз в Китай уже в 1920 г. подоспел и отряд Бакича[403], который своей жестокостью по отношению к киргизскому населению увел и те последние остатки киргиз, которые оставались от первого бегства. Все это вместе взятое заставило киргиз оставить громадное количество скота и богатства, гораздо большее количество скота еще до этого

---

[402] Речь идет об отрядах Алашской автономии, казахском автономном государственном образовании, под управлением правительства, именовавшегося «Алаш-Орда». Учреждена 5–13 декабря 1917 г. Ликвидировано большевистским 5 марта 1920 г.

[403] *Бакич Андрей Степанович* (1878–1922) – русский военачальник, генерал-лейтенант. Видный деятель белого движения. В марте 1920 г. перешел китайскую границу у города Чугучак и был интернирован в Синьцзяне. После убийства генерала А.И. Дутова стал командующим армией.

ушло на содержание войск атамана Анненкова и Бакича. Беженцы-киргизы, перекочевав за границу, рассеиваются по различным местам Тарбагатая, разбиваясь на известные родовые и социальные группы, предварительно при переходе границы сговорившись с китайской властью относительно внесения известной суммы денег в виде налога. Это было начало или подход к углублению постепенного обирания беженцев.

Каждый китаец и простой китайский поданный считал преступлением, если он не воспользуется легкой наживой путем отнятия у беженца скота или какого-нибудь ценного предмета. Тарбагатайский губернатор (дутун[404]) сначала отклонился даровать беженцам право объединения в несколько административные единицы. С этой целью представители беженцев, пожелавшие быть волостными управителями (укуртаем[405]) новой административной единицы, собрались в Чугучак и, томительно ожидая торжественное назначение новых укуртаев в течение двух месяцев, наконец, убедившиеся в своей несостоятельности, внести в карман дутуна немалое количество серебра, тихо и молчаливо вернулись домой в горьком разочаровании.

Никакого административного оформления эти лица не добились и вместе со своей массой беженцев пошли бродить и размещаться по более благосклонным местам Тарбагатая. Более зажиточная часть беженцев расположилась в Барлыкских горах Кульджинской стороны Тарбагатая, как на джаляунных и удобных для пастьбы местах и при том имелась в виду естественная изолированность и отдаленность от китайцев и от жадной и назойливой их администрации.

Другая часть беженцев – середняки кинулись в степи Шихо, Джихо и Манаса, мотивируя свою перекочевку пространностью степей, дешевизной жизни, чем в районе Чугучака, где в то время размешались разные остатки отрядов Анненкова и Бакича, следствие чего замечалось вздорожание продуктов пропитания.

Последняя часть киргиз-беженцев, в большинстве бедняки, рассеялись и разбрелись по городам, селениям и земледельческим

---

[404] *Дутун* – командир корпуса.

[405] *Укуртай (укурдай)* – управитель волости у казахов в Алтайском, Тарбагатайском и Урумчинском округах.

пунктам Тарбагатая, разыскивая возможные заработки для пропитания. Из всего этого процесса бегства беженцы в Тарбагатайский округ в целом создалось крайне бесправное положение. Каждый беженец считал себя обязанным подчиниться всем тем, который считал себя китайским подданным и который на досуге хотел поживиться последним достоянием у киргиза-беженца.

Жаловаться или заявить кому-нибудь о своих обидах и нуждах считали крайне опасной мерой самозащиты, ибо этим путем легко было нажить врага, от мести которого могло бы пострадать ни только это презренное имущество, а самое благополучие его личности.

В конце 1920 г. огромное количество беженцев окончательно лишается своего скота и имущественного состояния. Часть киргиз, превратившись в бедняков и нищих и предвидя угрожающее свое положение, в том же году возвращается в Советскую Россию. Между тем в Тарбагатайском округе свирепствует джут – зимой уносит массу скота, а затем голодовка принимает колоссальные размеры, катастрофически отражаясь на жизни оставшихся беженцев. Вследствие джута, засухи и голодовки падает весть скот. Беженцы вынуждены попасть в трагическое положение и в отчаянии и ярости идти в города, наполняя улицы своими изнуренными голодом детьми. Количество нищих возрастает до небывалых размеров, свирепствует тиф, люди беженцы-киргизы умирают ежедневно по несколько человек на улицах, эти группы несчастных людей валяются по улицам и подбирать их было некому. Местное мусульманство от отчаяния жадное, трепещущее пред каждой копейкой, лишено всяких человеческих положительных качеств, абсолютно было не способно оказать умирающим беженцам более-менее организованной помощи.

Беженцы-киргизы, лишившись всего, доведенные до отчаяния, вынуждены были волею обстоятельств продавать своих жен и детей за кусок хлеба. Сами же, кое-как спасшиеся, за кусок хлеба шли в работники и батраки. Таким ужасным положением беженцев умело воспользовались разные дельцы, специальные скупщики дочерей и жен киргиз-беженцев. Такие специалисты-скупщики появились даже из Урумчи, регулярно увозя купленных жен и детей вглубь Китая.

Утихла буря голодовки и о киргиз-беженцев остались лишь ходящие тени и воспоминания. Сами они попали в рабы и неволь-

ники китайских помещиков; недавняя семья разлеталась, нет ни любимого сына и ни приветливой жены, основы киргизского семейного очага. Что же, они распроданы по разным рукам, как вещь. Заглушено и забито всякое сознание. Эта несчастная толпа глухо и молчаливо примерилась своим положением, рассеялась по заимкам и дворам богатых людей, и большинство киргиз-беженцев приютилось у кашкарлыков, китайцев, баланцев, дунган и, наконец, сартов, бывших российских подданных. Незначительная часть киргиз-беженцев служила в качестве наемных солдат и милиционеров в Чугучаке.

В начале 1921 г. в Бахты прибывает комиссия по оказанию помощи голодающим беженцам. В это самое время в Тарбагатайский округ вступает Красная армия, преследуя банду Бакича. В связи с этим некоторая часть беженцев в количестве 500 душ официальным и неофициальным путем возвращается в Советскую Россию.

В 1922 г. в Тарбагатайском округе проживают более-менее самостоятельные и совершенно лишенные всяких средств. В этом году были случаи перекочевки зажиточной части беженцев, но вскоре они возвратились обратно в Китай, провоцированные земельной реформой и производящимися в Джетысу конфискациями имущества. В течение же 1922 г. беженцев-киргиз, перешедших в Советскую Россию большей частью путем неофициальным, достигает 600 человек. В общем к началу 1923 г. картина была такова, что беженцы 250 семейств, расположенные в Барлыкских горах и за этими горами с влиятельными лицами Алимказы и Канагатом, не решались вернуться в Советскую Россию, ибо боялись лишиться оставшегося скота, вследствие большого налога на скот, часть же их боялась мести со стороны советской власти и от отдельных граждан.

Кроме того, разные слухи относительно поведений союза Кошчи[406] заставляли выжидать утихания революционного порыва и настроения бедноты Джетысуйской области. Последняя часть киргиз беженцев, более нуждающаяся, забитая и морально приниженная, безропотно остается в руках местных помещиков и купцов, старательно выполняя волю их.

---

[406] *Союз Кошчи* – кошчи (пахарь), массовая организация дехкан в Туркестанской АССР (а после ее размежевания – в национальных республиках Средней Азии и Казахстана). Создан в сентябре 1920 г. по решению V съезда компартии Туркестана в развитие ранее существовавших комитетов бедноты.

Итак, трагедия последних двух лет явно показала, что киргизская масса, попавшая в крепкие цепи закабаления, тихо кончала свою жизнь, по временам безнадежно оправдывая свое рабское положение волею судьбы и бога. Во многих беженцах было затерто всякое достоинство человека, исключен был рассудок, он везде беспомощный, потерял всякую надежду на возвращение в Россию. Рабство, закабаление укоренилось в сердцах, застарело, упрочнилось, порвать цепи стоило и требовало нового массового подъема, пробуждения народного сознания, поддерживаемого инициативной и материальной поддержкой со стороны Советской власти.

С начала 1923 г. киргизы-беженцы, уверившиеся в наступившем в Советской России спокойствии и имея утешительные сведения относительно налаженности внутреннего аппарата, отсутствие фронтов, свободной торговли, твердо предполагали перекочевать на родину и в течение этого года стремление возвратиться на родину у беженцев было определенное и общее. На самом деле фактически это стремление выразилось в случаях частичного возвращения беженцев, начиная с 1-го февраля по 1-е мая. За это время, по сведениям, имевшимся в представительстве, в Чугучак вернулось 100 юрт беженцев. Параллельно с этим, возвратившимся беженцам официально установление и возвращение 100 юрт путем неофициальным[407]. Все это было только начало работы, являлось необходимостью в развитии и расширении общего желания беженцев, требовалась материальная помощь, умелое непосредственное отношение Советской власти.

Мой приезд в г. Чугучак со средствами для беженцев совпал с переломом настроения беженской массы и настолько оказался по моменту логическим правильным, что казалось в течение двух или трех месяцев, несмотря на все могущие быть препятствия. Китайская власть особенного значения моему приезду не придала, потому определенно не догадалась о сущности моей работы в Чугучаке.

Наше представительство со своей стороны не давало повода китайцам, чтобы они могли узнать о прямых целях моего приезда. Спустя несколько дней после моего прибытия в Чугучаке неожиданно для нас китайцы обеспокоились и стали добиваться через

[407] Так в документе.

специальных людей и через наше представительство установить и узнать о прямой задаче в Чугучаке. Все это было строго взвешено и надо было умело и осторожно подойти к самой работе. Маленький неудачный шаг мог бы быть истолкован китайцами вкось и вкривь и даже угрожал срыву работы, ибо было понятно общее поведение и отношение китайской власти к беженскому вопросу. Прежде всего, чтобы рассчитывать на успех реэвакуации беженцев, требовались строго обдуманные планы и более-менее точные материалы и систематизация организации работы.

В качестве мер, обставляющих организованность работ, было выдвинуто создание совещания при уполномоченном НКИД в числе трех человек во главе с уполномоченным НКИД. Это совещание должно было руководить принципиальной стороной работы, включая и расходование отпущенных средств, одновременно с этим по решению совещания был организован живой, гибкий агитационный аппарат из самих беженцев, цель которого должна была выразиться установлением непосредственной связи между беженской массой и представительством. Предполагалось разослать через надежных и преданных делу лиц письменные воззвания и объявления признать к активному участию и работе всех пограничных волостных и аульных исполкомов и союзов Кошчи.

Параллельно думали предупредить всех сотрудников по охране границ с тем расчетом, чтобы при переходе границы беженцев было оказано возможное сочувствие, заботливость и внимание их запросам и нуждам. Все это пока проделывалось в порядке подготовительной нелегальной работы, чтобы провести в жизнь после принципиального одобрения идеи реэвакуации беженцев местной высшей китайской властью. Так и было сделано.

Уполномоченный НКИД в Чугучаке в письменном виде обратился к Тарбагатайскому дутуну и выставил для одобрения несколько конкретных пунктов, которые определенно гласят следующим образом: во-первых, разрешить вернуться на родину, разрешить реэвакуацию беженцев, во-вторых, гарантировать неприкосновенность имущества и личности возвращающихся беженцев, в-третьих, выпустить объявление от имени китайской власти, подтверждающее разрешение реэвакуацию, и, наконец, создать смешанную комиссию для разбора беженских дел.

На это требование и обращение нашего уполномоченного по обыкновению китайская власть отнеслась не так сочувственно, чтобы возможно было бы начать работу. Наконец, после продолжительного ожидания официального письменного ответа словесно, но в официальном порядке был запрошен по этому вопросу Чиголдай, начальник дипломатического бюро при Тарбагатайском дутуне. На вопросы, как быть с беженцами, Чиголдай ответил, что беженцы-киргизы им совершенно не нужны, «возьмите хоть сейчас». Дутун против ничего не имеет, но не соглашается вывесить объявление, начатию реэвакуации беженцев препятствий нет. Такое сообщение ответственного лица, главы дипломатического официального сношения Тарбогатая естественным образом было принято во внимание и понято как принципиальное одобрение вопроса китайской властью. Самый нормальный повод к начатию работы был налицо, надо было работу развернуть, расширить и вывести на официальную и легальную почву.

Тотчас же все мероприятия, которые были в проекте, были осуществлены. Первым долгом началась регистрация беженцев, которые в первый же день собрались в большом количестве. Первая беседа с киргизами-беженцами была использована как живая и верная агитация среди общей массы беженцев, достаточно было для этой исстрадавшейся толпы сказать несколько теплых слов, указывая на то, что представительство является единственным защитником интересов беженцев, ударяя на их психологию, рассчитанную и испытываемую ими материальную нужду и моральную приниженность, облекаемой всякого рода формой кабалы, угнетения. При этом имелась в виду конечная цель нашего подхода к беженской массе и заключается в том, что раз навсегда и во всякое время иметь симпатию и доверие беженской массы к нашей деятельности, связано с реэвакуацией беженцев-киргиз и освобождением закабаленных.

Эта тактика и линия нашего поведения была строго согласована с настроением и переживанием беженцев и проведена последовательно, внедряя сущность идеи и самую глухую среду беженцев, чем, безусловно, в результате создали в их мнении общее убеждение, что мы являемся единственными спасителями и защитниками беженских интересов.

После некоторых мероприятий, связанных с агитацией, стало заметно, что нормальный перевес был уже не на стороне[408]. В течение пяти или шести дней нашей работы зарегистрировалось в представительство 100 семейств, подготовлена была организованная официальная отправка беженцев, для чего был запрошен от китайской власти официальный пропуск. Нужно сказать, что во время регистрации беженцев поступала от них куча жалоб на китайских подданных, которые частью были направлены в китайский суд. На этом самом моменте китайцы должны были позаботиться и возбудить вопрос о реэвакуации беженцев официальным совещанием. Вдруг и экстренно самими китайцами было созвано совещание представителей китайской власти с участием нашего представителя. Совещание это состоялось 31 мая. Обсуждаемым вопросом явилась реэвакуация беженцев. После недолгих прений относительно практических сторон реэвакуации совещание единогласно пришло к заключению, что необходимо создать смешанную комиссию для разбора беженских дел при живом непосредственном участии представителя китайской власти.

Казалось, работа пошла успешно, мы были довольны результатом совещания. Время было к вечеру 31-го мая, вдруг неожиданно Тарбагатайский губернатор (дутун) сам лично в сопровождении тридцати вооруженных солдат осаждает здание представительства, разгоняет собравшуюся там беженскую толпу, некоторых из них арестовывает и тотчас же посылает своих официальных лиц к уполномоченному НКИД с требованием прекратить реэвакуацию беженцев-киргиз и немедленно выслать из Чугучака Баронбаева.

Уполномоченный НКИД тут же ответил, что прекращать реэвакуацию он не может, ибо это воля Советской власти, относительно высылки Баронбаева подумает и сообщит дополнительно, так как он сейчас конкретно не знает мотивов обвинения. Этим неожиданным поступком дутуна работа на некоторое время прерывается. Гор. Чугучак колышется от новостей и слухов, разносятся разнообразные версии, что многие из представительства лица арестованы, другие высылаются из Чугучака, реэвакуация прекращается приказом дутуна. Лица же, которым вовсе не по душе наша общая работа и,

---

[408] Возможно в предложении пропущено слово «нашей».

в частности, реэвакуация беженцев киргиз, крайне довольны злободневным случаем, улыбаясь блаженно, злорадствуют, в восхищении превознося героический подвиг дутуна. Несколько другое было настроение беженской массы. Как бы беженцы не были забиты и порабощены, в этот психологический момент оказались также способными выразить свое недовольство и протест. Наблюдалось, как беженская толпа собралась теперь уже на улице и после отъезда дутуна горячо критиковала несправедливость поступка дутуна.

Момент был серьезный и выражал столкновение двух политических диаметрально противоположных принципов. На первый взгляд этот факт с деловой точки зрения означал определенный срыв и провал реэвакуации беженцев-киргиз в Тарбагатайском округе. Делать было нечего. Право сильного и штыка. Противопоставить этому дикому поступку дутуна что-нибудь серьезное практически и не было возможности, и большей мере считали такое мероприятие и противопоставление не дипломатичным и не тактичным, особенно угрожающим к осложнению и затруднению во всем и в вопросе реэвакуации беженцев. Как бы с внешней стороны поступок дутуна не был резок, не тактичен и даже, может быть, дик, но все же имел свои политические и экономические объяснения.

Прежде всего, принцип управления Тарбагатая зиждется на строгом деспотическом повелевании личности и на строгой защите собственности и усердном оберегании прав и преимуществ имущего класса, который вместе со своим достоянием в любой момент нужен для кармана дутуна, как вода рыбе. Этот класс – доходная статья и основа владычества дутуна, крайне заинтересован в дешевых рабочих руках, которые в настоящий момент в летний сезон заняты и работают на полях крупных землевладельцев. Поэтому как только беженцы-киргизы хлынули толпой в представительство для возвращения на родину, при том жалобы и просьбы беженцев на китайско-подданных, особенно на богатых, наполняли китайский суд и наше представительство, китайцы не могли терпеть оставление полей без уборки и не могли видеть заметно организованное желание беженцев вернуться на родину и, кроме того, многочисленные жалобы земледельцев на то, что беженцы самовольно оставляют их поля и уходят, в совокупности вызвали взрыв, проявленный дутуном 31-го мая.

Особенно характерны проделки имущего класса Тарбагатая, которые появлялись в форме провокации относительно некоторых руководителей беженского вопроса; в этих провокациях обвиняли в агитации среди населения, угрожающей существующему китайскому государственному строю[409]. Дутун, пользуясь этими провокациями и принципами всяческой защиты местного купечества, так или иначе лишний раз решил честно и открыто послужить своим верным слугам, купцам и рабовладельцам и с высоты своего деспотического величия одним размахом и мгновением руки задумал сорвать реэвакуацию беженцев навсегда, этим путем горько и безнадежно разочаровать беженскую массу в постоянных желаниях и намерениях возвратиться.

Но вышло другое, оказывается, он, дутун, не точно рассчитывал свои шаги и не учел ситуацию политических и моральных обстоятельств, благоприятно сложившихся в пользу работы, и дал выстрел в воздух, но он вышел холостым, ибо его поступок, впоследствии не поддержанный последовательно им самим до конца и отказ от высылки Баронбаева, должен был отчасти поднять в глазах массы авторитет и значение реэвакуации. С этого момента политического кризиса работы начинаются новым темпом реэвакуации беженцев киргиз. Через несколько дней после конфликта с дутуном работа началась снова. На этот раз не требовали разрешения китайские власти, которые со своей стороны старались избегать в случае создания нового конфликта.

Фактическая и планомерная работа началась 10-го июня. Точных сведений относительно беженцев в Тарбагатайском округе не было, ибо этим вопросом никто не занимался. В процессе работы через тщательные расспросы компетентных лиц и самих беженцев киргиз, принадлежащих пяти волостям Лепсинского уезда, Урджарской, Каракольской, Мурзатай-Каасунской, Емельской и Барлыкской, причем эти киргизы объединены под общим родом каракерейцев[410] с племенными подразделениями Муруны-Зайсанского уезда и мамбеты[411] Емельской, Барлыкской волости, Байгага, Киржи, Болчи, Тума, Урджарской, Каракольской, Муртазай-Карсуйской волостей.

---

[409] Так в документе.

[410] Один из найманских родов.

[411] *Мамбет* – здесь в значении «сельская община».

Общее количество беженцев киргиз, перекочевывающих в Китай, начиная с 1916 по 1919 гг., устанавливается в количестве 3200 юрт, считая в среднем по четыре человека на семейство. Из указанного количества многие из беженцев-киргиз, воспользовавшись относительным затишьем конца 1920 г., 1921 и 1922 гг. главным образом самотеком, особенно во время пребывания Красной армии в Тарбагатае, возвратились на родину в количестве 1700 юрт.

Количество же юрт, погибших во время голода в 1921 г., в Тарбагатайском округе вместе с ушедшими добровольно вглубь Китая Урумчи и далее насчитывается более 400 юрт. Ранее весною 1923 г. возвратилось через наше представительство 100 юрт, столько же вернулось за это время самотеком.

Таким образом. к началу нашей фактической работы к 10-му июня имеем сведения относительно оставшихся и проживающих в Тарбагатайском округе беженцев, выражающихся в цифрах следующим образом: первая группа более менее зажиточная, с известными родовыми связями и влиятельными лицами проживает в Бардыкских горах в количестве 250 юрт; другая часть, в большинстве середняки, находилась в районе Дордулджина, Шихо и Манаса, отчасти занималась земледелием, в количестве 250 юрт; последняя часть – самая многочисленная и батрацкая была сосредоточена главным образом в городе Чугучаке и его окрестностях и в малом количестве в самом Добульджине и Шихо, включая их окрестности, в количестве 600 юрт. Итак, в начале нашей работы в Тарбагатее проживало всего беженцев 1100 юрт.

Если же коснемся морально политического состояния каждой специальной группы беженцев, определенно можно сказать, что первая и вторая группа беженцев, официально не принявшая китайское подданство, боясь назойливых захватов китайской администрации и китайско-подданных, проживают в отдельных местах от городов, в степях Шихо и Бардыкских горах под покровительством укурдаев – китайских киргиз, угождая их капризам, уплачивая ежегодный налог, собираемый китайской властью со всего населения Тарбагатая.

Бедняцкая часть киргиз-беженцев, расселившихся по дворам местных купцов и земледельцев, находится в самом критическим положении, эта последняя группа беженцев является самой при-

ниженной и закабаленной. Конкретно формы закабаления крайне разнообразны. Первое, что бросаются в глаза, это купля и продажа жен, дочерей и детей беженцев. Жены и дети беженцев, попавшие путем покупки за или путем простого отнятия, окончательно присвоены покупателям, как вещь.

Другая форма закабаления беженцев в массовых случаях выражена и искусственных начислениях на беженцев общая типичная для всех беженцев – эта задолженность по разным обстоятельствам сделкам и ручательствам за долги родственников и других: никакого принципа в вопросе задолженности и обязательства совершенно нет[412], каждый кредитор свободен в выборе количества долгов и настойчиво в раскручивании количества долга с тем расчетом, чтобы окончательно закрепить закабаление беженца. Таким же путем практикуется перепродажа профессионалами жен и детей беженцев, иногда группируя купленных киргизских дочерей, насильственно содержат в публичных домах, зарабатывая продажей их тела.

Общий взгляд китайцев на киргиз-беженцев очень простой. Киргиз-беженец в глазах китайцев и китайской власти и строго примыкающим к ним аксакалам Берешевым не достойны названия человека, а пользуются им как удобным и выгодным материалом мертвым, он для собственного обогащения[413]. Киргизы-беженцы признаны всеми этими деспотами, как воры, которых нужно укрощать путем избиения или заключения в китайскую тюрьму.

Соответственно социальным группам беженцев была организована наша работа в расходовании средств. Прежде всего, внимание было обращено на закабаленных по разным долгам и обязательствам. В качестве мер, предпринимаемых нами в вопросе освобождения закабаленного беженца, практиковалось следующее: регистрация беженцев, составление на них анкеты с приложением их личного заявления, указанием нужды и просьбы, если же в заявлении указал конкретно сумму долга, задерживающая его возвращения на родину, вызывался кредитор лично и присутствии должника опрашивали беженца и сходились в более-менее приемлемой сумме денег, разных иногда в половине действительного долга[414].

412–414 Так в документе.

Когда же указанная в заявлении сумма долга не превышала обыкновенного размера, выдаваемого пособия на основании установленных принципов соответственно дальности его местожительства и количества душ в семействе, то выдавалось сразу то количество денег, которое оправдывало дорожные расходы беженцев, включая и сумму долга. В случае, когда указываемую сумму долга было невозможно установить документально или через личные ставки, то обыкновенно кредиторы и должники отправляются к аксакалу, который мог приблизительно установить единственный размер долга. Расходование средств приурочивалось к освобождению закабаленных и выкупов перепроданных жен и детей. Таких случаях старались первым долгом освободить через китайский суд и аксакалов, и действительно многие случаи давали положительные результаты. Если же закабаленным беженцам почему-либо китайским судом было отказано в их освобождении и когда не было другого выхода, то прибегали к похищению из через своих сотрудников. Таких случаев установлено двадцать, еще большее количество, приблизительно около пятидесяти душ закабаленных спаслось бегством самостоятельно, но при некотором участии нашей инициативы.

Освобожденных от закабаления по долгам и разным обязательствам насчитывается 300 юрт, о которых имеются протоколы и другие документы в представительстве, другие же беженцы, крайне маломощные и независимые, не от кого получили пособие[415], достаточное до места своего жительства, и возвратились в Совроссию в количестве 300 юрт, при этом 100 юрт, не могущие попасть в Чугучак вследствие отдаленности местожительства и отсутствия средств передвижения, ушли пешком на родину без наших документов.

Таким образом, документально и официально зарегистрировано и получивших пособия, и возвратившихся на родину определенно осело 500 семейств. Кроме того, посредством личных разъездов и агитации среди зажиточной части беженцев Барлыкских горах возвращено 150 юрт, но не зарегистрированных и не заручившихся временным свидетельством представительства. Среди же остальной части беженцев в Бардыкских горах во главе с Капагатом

[415] Так в документе.

и Елимгазы идет определенное разложение, которое практически выливается и вылилось в возвращение еще 50 юрт.

Нужно полагать, что Алимгазы и Канагат со своими приближенными останется в Тарбагатайском округе в количестве 75 юрт. Из 350 юрт, населяющих окраины Тарбагатай, степи Шихо Жинхо и Манаса, нужно считать возвратившимися 100 юрт, остальные уверили вернуться через месяц после уборки хлеба, причем их движение будет сопровождаться только выдачей документов без материальной помощи, ибо они в большинстве имеют пропитание и свои средства передвижения.

В общем и целом в Тарбагатае насчитывалось всего 1200 юрт, возвращено официальным и неофициальным и тем начиная с 10 июня по 1 сентября 1923 г., 750 юрт, остаются к этому времени 450 юрт самостоятельных, способных перекочевать на родину уже в конце осени текущего года. Во всем процессе реэвакуации беженцев не лишне будет указать на некотором практические мероприятия, которые существенно послужили в пользу реэвакуации.

Большую часть бедняков и закабаленных необходимо было отправлять на подводах, в тайне от их хозяев и кредиторов, чтобы они не затормозили возвращению их, для этой цели требовалось умелое сгруппирование беженцев-бедняков, получивших способ и по отдельным дворам и подготовить подводы и отправлять их исключительно по ночам в сопровождении сотрудников. Иногда при наличии многочисленных фактов задолженности, и не имея возможности реально оплатить их долги, прибегали к изолированию должника от кредитора путем скрытия их в отдельных домах, чтобы отправить его незаметно для глаз кредитора. Все беженцы, получившие пособия в представительстве, отправлялись в Бахты, где сидела комиссия по устройству беженцев. Переходы беженцами границы в начале работы встречали некоторые препятствии со стороны Бахтинской таможни и со стороны пограничной стражи, выражавшееся частичным отбиранием у беженцев маты, чая и т. п.

Комиссия же по устройству беженцев, организованная Лепсинским уисполкомом, никакой помощи на местах беженцам оказать не могла, ибо и у нее не было никакого материального ресурса, она сидели в течение трех месяцев в Бахтах с пустыми руками, указывая на невнимательность Джетысуйской области. Если же

своевременно Джетысуйская власть не позаботится об обеспечении и устройстве беженцев, то наверняка можно сказать, что все дело, связанное с затратой государственных средств для выкупа и уплаты долгов беженцев за границей, и вместе с тем весь политический смысл реэвакуации беженцев выльется в пустой филантропический крик и даст определенный повод всем беднякам-беженцам оставить снова российские пределы и пойти в Тарбагатай к своим прежним деспотам и владельцам в качестве работников и рабов.

Весь процесс реэвакуации сначала и до конца в общем имеет громадное значение для общественно-политической жизни Тарбагатайского округа. Прежде всего, реэвакуация беженцев носит характер политической борьбы богатых и бедных. На самом деле вопрос закабаления и задолженности в процессе работы вылился в то, что кредиторы, должники вступали в массовые споры, переходящие иногда в кулачные бои и возмущения. Кредитор требовал и не отпускал. Беженец-батрак-должник вырывался от его когтей к свободе открыто, не платя несправедливые долги. Казалось, эта борьба при благоприятных условиях подготовки перейдет в массовый ожесточенный бой между богатыми и бедными. Замечалось во многих беженцах-киргизах пробуждается сознание, что он несправедливо закабален и растоптан, и нужно сделать решительный шаг к тому, чтобы порвать эти тяжелые цепи.

Все разговоры и беседы с беженцами отражали затаенную ненависть к прежним своим владельцам, разгоралось в их душах чувство мести, и эти естественно массовые явления, похожие на революционные вспышки, не могли не задеть идею и принципы китайской власти, пытавшейся резко погасить это возрастающее бедняцкое движение.

Уполномоченный Совнаркома *Баронбаев*

АВП РФ Ф. 0100В. Оп. 4. П. 102. Д. 7. Л. 124–141.

№ 115

Объяснительная записка уполномоченного НКИД в Кульдже З.И. Печатникова[416] заведующему отделом Среднего Востока НКИД В.М. Цукерману[417] на реэвакуацию в течение 1924 г. и половины 1925 г. беженцев-киргиз (также таранчей и дунган) из Илийского округа Синьцзяна[418] в Джетысуйскую область Туркреспублики

№ 371 *9 апреля 1924 г.*
г. Кульджа

Беженцев киргиз, таранцей и дунган по приблизительным (опросным) данным на 1 апреля с.г. в Илийском округе считается:

1. Киргиз 65 тысяч душ, причем остался в крае преимущественно беднейший батрацкий элемент, не имеющий до сего времени возможности выехать на родину в силу своей бедности и не воспользовавшийся помощью для этого Представительства вследствие своего неведения об это и отдаленности от местонахождения последнего, то есть от г. Кульджи. Представительство же, лишенное права объезда своего консульского района, побывать в местах расположения беженцев, произвести регистрацию и оказать необходимую для выезда помощь в настоящее время не в состоянии.

Из указанных 65 тысяч душ киргиз беженцев до 90 %, то есть около 5000 человек, обойтись без материальной помощи для возвращения на родину, безусловно, не могут.

2. Таранчей в округе около 8000 тыс. человек, из них едва ли выедет в Совроссию даже половина, так как расположение по обеим сторонам границы, имея родственников на китайской и союзной

---

[416] *Печатников Зиновий Исаевич* (1882 – после 1935) – советский государственный деятель в Средней Азии. В 1919 г. – полпред Туркреспублики в Бухарском ханстве. С 1920 г. уполномоченный НКИД РСФСР в Кашгарском районе, с 1923 г. – в Западном Китае (Кульдже).

[417] *Цукерман Владимир Моисеевич* (1891–1937) – востоковед и дипломат. Временно исполняющий должность полномочного представителя РСФСР в Бухарском ханстве. В 1920 г. заместитель начальника отдела внешних сношений Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, заместитель уполномоченного НКИД РСФСР в Средней Азии до 1921 г. Заведующий 1-м Восточным отделом НКИД СССР.

[418] Здесь и далее подчеркнуто в документе.

территориях, они сами не всегда могут сказать, где, собственно, находится их родина. Кроме того, будучи почти исключительно земледельцами, они в большинстве уже устроились на свободных землях в пределах Китая.

Снимется с мест лишь неустроившийся батрацкий элемент и те, у которых оставшееся в России старое хозяйство восстановлено их родственниками там.

Из 4000 душ, про которых с некоторым основанием можно сказать, что они кончат переселением в Россию в течение текущего и до лета 1925 г., в материальной поддержке для выезда будет нуждаться не более 40 %, то есть около 1600 человек.

4. Беженцев дунган в округе 800–900 человек, почти все относятся к желающим вернуться на родину. Элемент они по преимуществу зажиточный. В материальной помощи будет нуждаться не более 100 душ.

Из 15 000 с лишним имеется всего 6700 душ беженцев, которые для возвращения на родину без материальной помощи государства территории Китая никак обойтись не могут.

Помощь эта должна заключаться: 1) в найме подвод от Кульджи до гор. Джаркента, где они поступают для дальнейшего их устройства в беженские комиссии, 2) в выдаче денег на путевое довольствиедо гор. Джаркента и 3) в уплате китвластям за пропуск беженцев обоего пола 16 и свыше лет по 10 Илийских тецз.

Примечание: В настоящее время, после большой переписки, […][419] выдачи для неимущих беженцев бесплатных пропусков китвластями вновь установлен до конца июня текущего года, но это время […][420] беженцев является периодом затишья.

Уполномоченный НКИД в Илийском крае (Кульдже) *Печатников*
Секретарь *Плотников*

АВП РФ Ф. 0100В. Оп. 6. П. 109. Д. 32. Л. 1–2 об.

[419–420] Неразборчиво.

№ 116

Смета на реэвакуацию в течение второй половины 1925 г. и первой половины 1926 г. 1800 человек наиболее нуждающихся в материальной помощи киргиз-беженцев из Тарбагатайского округа Манасского уезда Урумчинского округа Синьцзяна в Джетысуйскую область и Автономную Кара-Киргизскую область КССР

№ 499 *15 апреля 1925 г.*
г. Чугучак

Поступила от консула в Чугучаке т. А.Е. Быстрова при отношении от 15 апреля 1925 г. № 510

По имеющимся данным остающиеся еще в Тарбагатае кирбеженцы расположены в следующих районах:

Сы-ко-шу (Шихосского уезда) – 40 юрт беднота.

Че-пай-цзы (Шихосского уезда) – 100 юрт, из них 70 юрт беднота.

Вест-корджа (Саванноского уезда к востоку от Че-пай-нам) – 30 юрт беднота.

В горах Барлыка – 100 юрт, из них 40 беднота.

Район Чугучака и Дурбульджина – 50 юрт беднота.

Район Манаса (Урумчинского округа) – 40 юрт, из них 10 беднота.

Всего в крае насчитывается до 360 юрт, или, считая по 5 человек на юрту, 1800 человек, из них до 240 юрт, то есть 1200 человек бедноты, нуждающейся в денежной помощи для выезда в СССР, на реэвакуацию 1200 человек. Испрашивается:

1. На наем подвод, считая каждую на пять человек, – 240 п[одвод], из них: а) из Чугучака до Урджара (120 верст) – 150 подвод с платой по 40 лан за подводу – 6000 лан[421]; б) из Чугучака до Зайсана через Чиликиты (220 верст) 90 подвод с платой по 90 лан на подводу – 8100 лан.

---

[421] *Лан* – китайская денежная единица.

Всего по пункту первому требуется 14 100 лан.

2. На путевое довольствие, считая по 50 фин на человека в день: а) до Урджара – 3 суток по 1 лане 50 фин на 1 человека, всего 1125 лан; б) до Зайсана – 5 суток по 2 лана 50 фин на 1 человека, всего 1125 лан.

Всего по пункту второму требуется 2 250 лан.

3. Возможное по имеющимся сведениям введение китвластями цены на пропуск по 2 ланы (обычная цена) с каждого беженца от 16 лет и выше, считая таковых 60 % из общего числа 1200 человек – 720 человек – 1440 лан.

4. На организационные расходы, содержание при консульстве сотрудника по беженской части, на оплату расходов командируемых надежных и сведущих людей для выяснения беженцев в местах их пребывания – 20 % суммы, указанной в пп. 1, 2 и 3 настоящей сметы, то есть 3 558 лан.

5. Покупка необходимой одежды наиболее нуждающимся беженцам, считая, что таковых 25 % из общего числа несостоятельных беженцев, то есть 300 душ, по 10 лан на человека или всего по пункту пятому – 3000 лан.

Всего по пяти статьям требуется 24 348 лан, что в переводе на золото, считая курсу 1 зол. рубль равен 2 урумчинским ланам, составит 12 174 рубля, а по курсу серебряного рубля, считая 1 сер. рубль равен 1 лане 50 фин, составит 16 232 сер. руб.

Консул СССР в Чугучаке *Быстров*
Секретарь *Плотников*

АВП РФ Ф. 0100В. Оп. 7. П. 109. Д. 33. Л. 106–106 об.

№ 117

Письмо агента НКИД в Пишпеке Н.Х. Калемина[422] уполномоченному НКИД в Узбекистане А.А. Знаменскому[423] о реэвакуации беженцев из Западного Китая[424]

№ 9/с *6 октября 1925 г.*
Секретно

Глубокоуважаемый Андрей Александрович!

Вследствие полученных мною еще в Ташкенте от Вас указаний я имел ряд разговоров в обкоме и облисполкоме Киргизстана по выяснению их взгляда на устанавливаемый порядок проведения реэвакуации кирбеженцев из Западного Китая, в связи с открытием там наших консульств и по выявлению средств, которыми располагает Китправительство на это дело.

Характерно, что то и другое учреждение, оказавшись весьма мало осведомленными в этих вопросах, не входили в рассмотрение их до того, как не вернулся из отпуска 26 сентября уполномоченный Киргизстана по реэвакуации тов. Худайкулов.

Судя по разъяснениям тов. Худайкулова, Киргизстан до сего времени принимал вообще слабое участие в работе существующих комбежей и еще меньше имел отношения к денежным средствам, отпущенным на реэвакуацию. Так, 100 000 руб., ассигнованные в 1924 г., полностью остались в распоряжении Казахстана. То и другое положение объясняется т. Худайкуловым тем обстоятельством, что в общей массе беженцев, находящихся в северной части Синьцзяна, откуда до сего времени шла выкачка их, киргиз (кара-киргиз), насчитывалось не более 500 душ. Совер-

---

[422] *Калемин Николай Харитонович* (1900–?) – советский дипломат, выпускник Ленинградского восточного института. В 1925–1927 гг. – агент НКИД СССР в Киргизии. В 1927–1930 гг. – секретарь Генконсульства СССР в Кашкаре (Китай).

[423] *Знаменский Андрей Александрович* (1887–1943) – революционер, большевик, советский военный и государственный деятель. В 1923–1924 гг. – уполномоченный ЦК РКП(б) в Бухарской НСР, полпред СССР в Бухаре. В 1924–1928 гг. уполномоченный НКИД СССР в Узбекистане и Средней Азии. Главный консул СССР в Китае.

[424] На документе стоит отметка о рассекречивании без указания даты.

шенно иное значение для Киргизстана в этом отношении имеет южная часть Синьцзяна – Кашгар. Здесь, по словам того же тов. Худайкулова, беженцев-киргиз насчитывается до 22 000 душ, местами наибольшего их скопления служат районы Уч-Турфана, Ак-су, Бай, Кучар и Ша-яр.

Нет сомнения, что эта цифра намного преувеличена, но все же надо полагать, что с открытием нашего консульства в Кашгаре беженцы будут пребывать и первоначально, видимо, в относительно большом числе. Предвидя это, Киргизстан уже принимает меры со средствами на их устройство и по имеющимся у меня сведениям Обком уже имеет извещение из Москвы на отпуск Киргизстану 100 000 руб.

Что касается мнения Киргизстана на предложенный П/Отд. Ср. Востока НКИД порядок дальнейшего проведения реэвакуации, то как Вы усмотрите из прилагаемой копии протокольного постановления Исполбюро Обкома РКП(б) от 29 сентября с.г. за № 587, данный порядок полностью и безоговорочно был одобрен и принят. Выступая на этом заседании, я, возможно, близко держался запроектированной в свое время Вами формулировки, мои опасения о возможном противодействии мне со стороны активных работников киргиз на этом заседании по причинам, отмеченным мною в донесении Вам от 22.08. с.г. за № 8/с, оказались напрасными.

С коммунистическим приветом

Агент НКИД в Пишпеке

Калемин

АВП РФ Ф. 0100В. Оп. 7. П. 109. Д. 33. Л. 104–105.

№ 118

Докладная записка секретаря консульства СССР в Кульдже Д.К. Ступникова[425] консулу СССР в Кульдже Д.К. Вазонову[426] о работе в округе по реэвакуации беженцев

Май 1926 г.

Во исполнение Вашего задания во время служебной моей командировки в селение Хоргос[427] по ознакомлению с постановкой и работой питательного пункта, открытого особой комиссией по реэвакуации беженцев из Западного Китая и соглашению ряда вопросов консульства с питпунктом по реэвакуации беженцев, сообщаю Вам нижеследующее:

Ввиду неработоспособности существовавших до сего времени губернской и уездных беженских комиссий в Джетысуйской губернии, которые в течение целового ряда лет не в состоянии были себя проявить в деле по реэвакуации беженцев из Западного Китая, центральным правительством была создана особая комиссия во главе с уполномоченным СТО[428] в Средней Азии т. Серофимовым.

Последний, руководствуясь полученными из Губкомбежа материалами и желая во изменение существовавшей в Губкомбеже конструкции принять активное участие в помощи пребывающему беженцу тот час же на границе, открыл в селении Хоргос питательный пункт, во главе которого назначен и уже работает некий т. Сатаев.

---

[425] *Ступников Дмитрий Калистратович* – во второй половине 1920-х гг. агент НКИД СССР в Алма-Ате, агент НКИД СССР в Джеттубернии, секретарь консульства СССР в Кульдже (Китай).

[426] *Вазонов-Леонтьев Дмитрий Кириллович* (1896 –?) – русский дипломат, в 1923–1924 гг. – генеральный консул РСФСР/СССР в Термезе (Бухара). С 1 января 1924 г. – консул в Керки (Бухара), консул СССР в Кульдже (Китай).

[427] *Хоргос* – погранзастава и контрольно-пропускной пункт в 1920-е гг. на границе Советского государства и Китая. В настоящее время село с одноименным названием, расположенное в Панфиловском районе Алмаатинской области республики Казахстан на границе с КНР. Здесь находится погранзастава и Международный центр приграничного сотрудничества (зона беспошлинной торговли между Казахстаном и Китаем).

[428] *Совет труда и обороны (СТО)* – чрезвычайный высший орган РСФСР, а затем СССР. Время функционирования – 1920–1937 гг. Отвечал за руководство хозяйственным строительством и обороной, направлял деятельность экономических комиссариатов и ведомств.

Питательный пункт работу свою по оказанию помощи беженцам ведет в следующем порядке:

Перешедшие беженцы границу независимо от того, имеют ли они документы Консульства или нет, питпунктом принимаются, которые по прибытию переходят вместе со своим скотом, если таковой имеется, на полное иждивение питпункта, который в течение суток выясняет материальную обеспеченность пришедших и несостоятельных снабжает мануфактурой, обувью, шитой одеждой, продуктами и отправляет их с питпункта по месту их жительства за свой счет, путем найма подвод или выдачи на проезд денег.

Переходящие беженцы со скотом также в течение одних-двух суток отправляются, за исключением одного члена семьи, который остается со скотом на карантине в течение 21 дня, и все это время оставшийся беженец и его скот находится на иждивении питпункта, после чего уезжает.

При переходе границы из Западного Китая в СССР реэмигрантов русских, бывших белых, бежавших в Китай с вооруженными отрядами Дутова[429] и Анненкова, питпункт тоже принимает, которым наравне с беженцами оказывает материальную поддержку, но мною найдено это неправильным и дано на этот счет зав. пунктом т. Сатаеву разъяснение, что реэмигранты при переходе пользуются средствами от погранотряда в виде суточных, литеров для проезда по железной дороге и проч., с чем т. Сатаев согласился и впредь выдач пособий реэмигрантам производить не будет, за исключением горячей пищи и чая один раз.

При беседе со мною т. Сатаев просил моего совета о том, стоит ли открывать питательные пункты в районах Кольджат, Нарынкол и в Лепсинском уезде. Несмотря на то, что в этих пунктах случаи перехода беженцев и имеют место, но принимая во внимание, что беженцы там идут главным образом состоятельные скотово-

---

[429] *Дутов Александр Ильич* (1879–1921) – русский военный, герой Белого движения, атаман Оренбургского казачества, генерал-лейтенант. В сентябре 1919 г. Оренбургская армия Дутова была разбита Красной армией под Актюбинском. Атаман с остатками войска отошел в Семиречье, где присоединился к Семиреченской армии атамана Б.В. Анненкова. По прибытии в Семиречье Дутов был назначен атаманом Анненковым генерал-губернатором Семиреченской области. В мае 1920 г. Дутов с атаманским отрядом и гражданскими беженцами перешел в Китай, куда вскоре отступила и Семиреченская армия атамана Анненкова. Убит в Китае в результате спецоперации ЧК.

ды, которые заинтересованы в выпасе своего скота, следовательно, большинство из зажиточного элемента, около которых все же пользуются поддержкой и бедняки. Я высказался за то, чтобы во избежание расхода специальных пунктов не открывать, снабдить необходимыми средствами в этих пунктах Н-ков[430] погранпостов или представителей таможни, которых и уполномочить выдавать средства действительно нуждающимся беднякам, переход которых, повторяю, носит случайный характер. Тов. Сатаев с такого рода доводами согласился и от открытия пунктов обещал пока воздержаться.

Далее т. Сатаев сообщил мне, что центром командируется в Кульджу уполномоченный для работ по реэвакуации беженцев при вверенном Вам консульстве.

Со своей стороны явление это я счел нецелесообразным и посылку сюда специального уполномоченного нашел излишней, т. к. за последнее время работа по реэвакуации беженцев в консульстве проходит успешно и в случае приезда сюда уполномоченного, последнему придется вести техническую работу в виде выдачи удостоверений беженцам, пропусков и проч., т. к. связи с общим осложнением с Китаем, китвласти в глубь консульского района едва ли кого пропустят от консульства, за исключением, может быть, самого консула, следовательно, Уполномоченному при всем его желании обследование беженских участков и выявление их нужд на месте не удастся, а потому я по этому вопросу целиком высказался против посылки к нам уполномоченного.

Наличие открывшегося на Хоргос питпункта в деле реэвакуации беженцев, несомненно, окажет колоссальную пользу в смысле того, что все средства, предназначенные для этого, идут непосредственно по своему прямому назначению, что, конечно, будет способствовать дальнейшей агитационной работе среди оставшихся беженцев, не говоря уже о том, что всякий перешедший беженец границу тут же получает полное удовлетворение, особенно это успешно проходит благодаря постоянным заботам и умелому подходу к делу назначенного зав. пунктом т. Сатаева, который с полной любовью и энергией относится к возложенным на него обязанностям.

---

[430] Так в документе.

Со своей стороны я информировал т. Сатаева о посылке нами специального человека по округу, который попутно с другими делами, обследует и районы беженцев, что т. Сатаевым было одобрено.

Для проведения в дальнейшем в контакте с питпунктом успешной работы, с нашей стороны мероприятия необходимы следующие:

6. Срочное выяснение количества беженцев порайонно.

7. Выяснить все открывшиеся с весной переходные пункты, через которые удобнее переходить беженцам.

8. Усилить агитационную работу среди беженцев, в смысле из выкачки из Китая в СССР, особенно в период, когда будет открыта граница и свободный переход из Китая на ярмарки СССР.

9. Непрерывная связь с питпунктом и взаимная информация.

Секретарь консульства *Ступников*

АВП РФ Ф. 0100В. Оп. 6. П. 3. Д. 9. Л. 24–26.

№ 119

Записка уполномоченного НКИД при Правительстве РСФСР Ф.А. Ротштейна[431] и заведующего отделом Среднего Востока НКИД В.М. Цукермана в Совнарком РСФСР о реэвакуации казаков и киргизов-беженцев из Западного Китая[432]

Исх. № ВС/20974/с *22 августа 1927 г.*

Секретно

В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 11 июня, протокол № 34/с, пункт 31, настоящим докладываю Совнаркому нижеследующее.

Во второй половине 1926 г. в Синьцзян была направлена специальная комиссия, посетившая главные районы сосредоточения беженцев и имевшая совещания с советскими консулами в гор. Каш-

[431] *Ротштейн Федор Аронович* (1871–1953) – революционер, дипломат, первый посол Советской России в Персии, академик АН СССР. Член Коллегии Народного комиссариата иностранных дел (1923–1930).

[432] На документе стоит отметка о рассекречивании без указания даты.

гаре, Урумчи и Кульдже. В результате произведенного обследования количество беженцев к концу 1926 г. определяется приблизительно следующими цифрами:

В Кашгарско-Аксуйском районе	450 юрт
В Урумчинском	50 юрт
В Илийском (Кульджинском)	1400 юрт
Итого	1900 юрт (в юрте 5–6 чел.).

Кроме вышеуказанных районов, некоторое количество беженцев имеется еще и в Тарбагатайском (Чугучакском) округе Синьцзяна. Однако ввиду частных перекочевок казаков-беженцев учесть их очень трудно, тем более что отмечены случаи их возвращения в СССР и обратной откочевки в Синьцзян, чему способствует слабая охрана границы со стороны обоих сторон. По данным консульства в Чугучаке, за 1926 г. было выдано всего на возвращение в СССР 295 свидетельств (почти исключительно беженцам-казакам).

За истекшие 1922–1926 гг. основная масса беженцев уже эвакуировалась в СССР. Среди оставшихся в упомянутых районах 1900 юрт имеются зажиточные беженцы, завязавшие новые семейные и экономические связи в Синьцзяне (это облегчается тем, что Синьцзян в отношении этнографическом и экономическом представляет прямое продолжение Советской Средней Азии; китайцев в Синьцзяне около 10 % из всего трехмиллионного населения, остальные – узбеки, уйгуры, казаки, киргизы и т. д.).

Далее следуют батраки с сильно растаявшим домашним скотом, зачастую связанные кабальными отношениями с местными баями, и беднота, закабаленная китвластями для отбывания натуральных повинностей (в районе Джихо Илийского округа). Численность двух последних групп определяется приблизительно в несколько сот семейств.

Китайские власти Синьцзяна охотно готовы переправить в СССР всю бедноту и батраков при условии ликвидации их кабальных «долгов», но противодействуют выезду зажиточных элементов (последние, надо полагать, и сами вряд ли пожелают переселиться в СССР в связи с проводимой сейчас земельно-водной реформой)[433].

---

[433] В 1920 г. Средней Азии и Казахстане было проведено несколько земельно-водных реформ в 1921–1922 и 1925–1929 гг. В ходе реформ земли крупных земельных собственников были переданы в государственный земельный фонд и распределены между малоземельными и безземельными крестьянами, а распределение воды передано в ведение органов советской власти.

На основании данных упомянутой комиссии Особая комиссия по пограничным вопросам в Ташкенте в составе: уполномоченного НКИД в Узбекистане, ПП ОГПУ в Средней Азии, уполномоченного НКТорга СССР в Средней Азии и др., состоявшаяся 15 декабря п. г. в Ташкенте, постановила: ввиду возвращения в СССР значительной части беженцев, закончить реэвакуацию беженцев-казаков и киргиз не позднее мая 1927 г. Срок этот на основании ходатайства консула в Кульдже постановлением той же Особой комиссии был продолжен до 1 октября т.г., причем было решено просить правительства Казахстана и Киргизии ассигновать из имеющихся в их распоряжении кредитов дополнительные средства на устроение беженцев на местах по прибытии их в СССР.

Как правило, помощь беженцам оказывалась лишь после перехода ими советско-китайской границы; небольшая поддержка беженцам за границей, в Синьцзяне оказывалась совконсульствами лишь в самых исключительных случаях. Проведение общего выкупа закабаленных в Синьцзяне не было, и эта мера и не может быть проведена, т. к. это повлекло бы за собой массу злоупотреблений (в Илийском крае были случаи, когда «закабаленными» объявляли себя не кто иные, как баи-богачи, надеявшиеся спекульнуть на этом деле).

Дальнейшая работа по завершению реэвакуации беженцев протекает в двух направлениях: 1) совконсульства в Синьцзяне продолжают работу по точному выявлению беженцев, закабаленных как китвластями, так и частными владельцами, и характера их закабаления. Работа эта встречается с чрезвычайно большими трудностями, ввиду противодействия лиц, заинтересованных в дальнейшей эксплуатации беженцев и 2) правительства Казакской и Киргизской АССР ведут работу на местах по землеустройству и оказанию помощи тем остаткам беженцев, которые возвращаются в СССР главным образом из Илийского округа (по данным консульства СССР в Кульдже, в апреле т.г. отправлено в СССР беженцев 39 чел., в мае – 62 чел.; к осени можно ожидать увеличения этих цифр; часть беженцев, возможно, проходит границу самотеком, без регистрации и эта категория учитывается погранохраной).

Испрашиваемая СНК Казакской АССР по смете сумма в 469 913 руб. на реэвакуацию оставшихся беженцев кажется преувеличенной. 3 августа т. г. Особая комиссия по пограничным делам в Ташкенте еще

раз признала нецелесообразным дальнейшее после 1 октября 1927 г. продление срока для реэвакуации беженцев Казакской и Киргизской АССР, остающихся еще в Западном Китае, установка, однако, при этом, что независимо от окончания этого льготного срока и в дальнейшем приеме, и устройстве реэмигрантов названных республик необходимо продолжать в прежнем виде. Поэтому некоторые фонды для окончания реэвакуации необходимо выделить в 1927/28 г., и размер этих фондов может быть установлен по согласованию с Особой комиссией по пограничным вопросам в Ташкенте.

Уполномоченный НКИД при Правительстве РСФСР *Роштейн*
Заведующий отделом Среднего Востока *Цукерман*

АВП РФ Ф. 0100В. Оп. 9. П. 117. Д. 14. Л. 44–46.

№ 120

Из беседы с Горборуковым Тимофеем Евдокимовичем, 1908 г.р., русский, с. Семеновка. Местный уроженец

Родился в с. Ананьево, родители родом из Курска или Воронежа. В Ананьево все оттуда, там есть улицы Курская и Воронежская. В 1911 г. часть крестьян переселилась из Ананьева в Семеновку либо из-за землетрясения[434], либо из-за того, что многие крестьяне имели наделы в 10 км от Ананьево, как раз у будущего с. Семеновка. Когда земли стало не хватать, ушли туда. Нарезали землю, руководил этим доктор Семенов. В поселке было около 300 дворов. Вдоль главной дороги Бишкек – Пржевальск с одной стороны располагался торговый ряд. Русские торговали с купцами, в том числе русскими, привозившими разные товары из других мест, мануфактурой и др. из Ташкента, Ферганы и т. д. Коренные жители привозили урюк, кишмиш, ножи, джуцу[435] и др. По другую

[434] Речь идет о землетрясении в Семиречье в 1910 г.

[435] *Джут* (народное – *джуца*) – род растений семейства мальвовых, прядильная культура, волокно, добываемое из растения джут, а также грубая ткань из этого волокна также называется джут.

сторону дороги был пельменный ряд – этим делом занимались сарты.

Тогда киргизы жили в горах, никаких поселков у них не было. Они пасли скот, землю у них не отбирали, т. к. земли вокруг было много.

В 1916 г. киргизы хотели уничтожить русских. В других селах убили всех до единого. Из Семеновки все бежали в Ананьево. Моих деда и бабку киргизы в поле во время жатвы убили. Из Ананьево было видно, как горит Семеновка, все небо было красное. Все дома сожгли и скот угнали. Из Ананьево послали за казаками в Пржевальск. Казаки охраняли беженцев из Ананьево в Пржевальске. Киргизы забрали скот и ушли в Китай. По пути туда им сделали две засады – за Тюпом и у Талды-Суу, окружили их и побили. Вода в реке Тюпка была красная, трупы по ней плыли.

После восстания 1916 г., когда много киргизов убили (их всех не убили, а пожалели), русские их стали в малаи[436] брать к себе на работу. Они просились, и дети киргизов у многих в домах жили, многие воспитывали их как своих детей.

Казаки жили в поселке Михайловка, в почете были, самые хорошие земли занимали, жили как паны. В 1918 г. произошел казачий бунт – они хотели советскую власть уничтожить. Население Тюпа пошло вместе с ними воевать. Красная армия их разбила, половину Тюпа расстреляли. Воевали пять дней; казаки убежали, наверно, в Китай ушли.

Отец хорошо говорил по-киргизски, а другие не знали этого языка. Ездили в Кар-Кару (на границе с Китаем, там соляное озеро было) за солью и брали там киргизов в малаи. Малаи селились у хозяев, здесь же (у русских) и жили. Когда в колхозы стали сгонять, тогда только и киргизы начали пахать. Четыре бая у киргизов всю землю занимали, а остальные были их батраками. Один бай в Чохпытах сорок жен имел. Баи по 40 тыс. голов лошадей имели, баранам счету не было. 40 жен – 40 юрт. Каждый день в одну из юрт ходили, одного барана резали. Русских женщин среди этих жен не было.

Китайцы-беженцы жили здесь, нитки, краски продавали. Они опий курили, опий дорогой был. В 1935–1937 гг. в колхозах опий сеяли. Если 1 баран стоил 1,5 руб., то 1 кг опия – 1000 руб.

Полевые материалы О.И. Брусиной 1993 г. Тетрадь № 4.

---

[436] Наемные работники-батраки.

№ 121

Из беседы с бабушкой Дарьей, 1904 г.р., русская, с. Покровка. Местная уроженка

Я помню, что перед бунтом 1916 г. приехал в Покровку паренек-киргиз, он всех предупредил, сказал, чтобы все собирались к церкви. Люди собрались, мать привезла меня, брата, сестренку, посадила под стол. Киргизы отобрали двух лошадей. Спасались в церкви (старая церковь, где клуб), все с полей ушли, собрались в церкви. Киргизы били по ней гирями, привязанными к ремням, пытались разрушить. Наши дома киргизы пожгли, из самоваров делали пули, скот забрали и съели. Наши люди видели, как киргизы бешбармак делали. Три казака нас спасли, они воевали с киргизами. У казаков сил не было, люди из села уехали в Пржевальск в казармы. Еще отряд солдат пригнали, с киргизами справились к осени. Жители вернулись в Покровку, заново строились (стали строиться к весне), а до того в одном дворе жило по пять семей. Киргизов угнали на Сырты, а Китай их не принял.

Сарты был русским поселком, его киргизы уничтожили в 1916 г., потом большевики разрешили там жить киргизам.

[…]

Полевые материалы О.И. Брусиной 1993 г. Тетрадь № 3.

№ 122

Из беседы с Богомбаевым Саркушем Богомбаевичем, 1911 г.р., киргиз, с. Покровка. Родился в Ак-Тереке, в 18 км от Покровки в горах

Отец бедняк-пастух пас лошадей у богатых. Иногда жили в шалашах, юртах с кошмами.

Киргизы чуйские и иссык-кульские дрались между собой. Чуйские хотели захватить земли. Один из представителей киргизов Кочбек обратился к русскому губернатору Сибири за помощью в борьбе против чуйских и Китая. Приехали белогвардейцы и русские люди. После Столыпина переселенцы приехали. Раньше киргизы жили в горах, а белогвардейцы захватили землю на равнине[437]. Везде в Покровке и вокруг жили русские.

Скот меняли на зерно. Киргизы в горах жили, потом спустились, ровное место захватили: Шалбу (Иваницын), Липенку, Тон, Кызыл-Суу (Покровка), Джеты-Огуз, Высокий, Саруу (Самодуровку). Толмачев Кузьма приехал в Покровку, но уже жившие там владельцы не дали ему земли. Он уехал в Саруу, а его называли самодуром. Там появилось село Самодуровка. Киргизы и русские торговали: киргизы зерно покупали, скот, юрты продавали. В горах киргизы жили в юртах.

У русского богача Седых наша семья работала батраками, 4–5 киргизов у него работало, старший брат Токтамыш там жил. Пасли его баранов, обрабатывали зерновые посевы, платил из трети урожая.

В 1916 г. в июле издали приказ губернатора, чтобы забирать киргизов в рабочую армию. Киргизы собрались, потребовали списки. Был большой бий-старшина [он говорил]: «Люди не хотят ехать в армию». Роды и люди восстали.

Барскаун (Гоголевка) – там русские жили, всех русских там уничтожили, Шалба (Иваницкое) – всех уничтожили. В Кызыл-Суу (Покровка) пришли киргизы. Остальные русские сбежали в Каракол, там при помощи белогвардейцев киргизов не пустили.

Восстали все: Талас, Чуйская долина (Карабулык, Болуш – там жили татары и уйгуры, они были на стороне русских). В Карабулыке было оружие, заряженное порохом. Киргизов оттеснили, и они пошли в сторону Китая через горы. Там растет такая ядовитая трава дыльбе, скот, лошади ее съели и сдохли.

Уч-Турфан – место в Китае, куда пришли киргизы, но китайцы их не приняли. Русское правительство потребовало их возвращения

---

[437] Здесь и далее респондент явно смешивает исторические события, связанные с вхождением территории Киргизии в состав Российской империи и периодом гражданской войны, называя, например, белогвардейцами то царские войска, то крестьян-переселенцев.

от китайского правительства, говорит: «Верните их, так как они против царя». В Китае киргизы бедствовали, кушать нечего было, дунганам и уйгурам девушек из своей семьи за калым отдавали, продавали мальчиков в батраки. Погибло много киргизов.

В 1918 г. отец наш заболел в Китае воспалением легких. Старший брат ушел на заработки к уйгурам и дунганам, только чтобы себя кормить. Жили в доме – глинобитные стены и казаны, семь дней пожили в этом доме, температура у отца все больше, другие киргизы нам не помогали. Отец умер, мать плакала: «Как жить-то будем?» Уйгура одного попросили помочь и похоронили отца на уйгурском кладбище. Нашли двух киргизов – землю копать. Поминального обеда не было, савана белого не было, хоронили отца просто в костюме. Выживали с трудом. Остались у матери малолетки – сам Саркуш 9 лет, другие дети: 16 лет, 6 лет, 4 года. Старший брат работал у бая. В начале 1919 г. многих киргизов выселяли обратно, мы остались почти одни. В октябре 1919 г. к нам в дом приехал один киргиз, спросил семью Богомбаевых, забрал в жены сестру 16-ти лет за калым, брат продал. Кто-то его навел на нашу сестру – это удача была. Сестру за хлеб и опий (это калым) продали. Сестра осталась в Китае. Этот человек обещал забрать всю семью, но обманул.

Услышали о советской власти, десять хозяйств собрались идти в Киргизию: «Давай, поедем пешком на Джаман-Су» (речка Плохая вода). Две сестры, шести и четырех лет, утонули на переправе по дороге. Меня тоже еле спасли. Палками яму в песке копали 50–60 см, чтобы их похоронить.

Приехали на Ак-Терек[438]. Там инфекционные болезни – чесотка, тиф, люди жили очень плохо. Нашли кошму у дальнего родственника, сделали шалаш. Там жили мать, он сам и сестра. В 1923–1926 гг. в Ак-Тереке с баем договорились, я пас баранов у него. Оплата такая: в год давал одного барана, двух коз. Молоко, муку, толокно давали за работу. В 1927 г. медресе, мектеб построили, мы там учились по латинскому алфавиту.

В 1927 г. начали проводить земельную реформу[439], а землю имели только богатые. Надо было равномерно разделить землю и водо-

---

[438] Ныне село в Джеты-Огузском районе Иссык-Кульской области Киргизии.

[439] Речь идет о земельно-водной реформе 1925–1929 гг. в Средней Азии.

пользование. Комсомолец Албаш организовал батрачий комитет, батраки заключили с баем, у которого работали, договор. В 1925–1928 гг. скот не делили, а только землю делили. Указ Ленина конца 1921 г.[440] вступил в силу в 1922–1923 гг., у русских мужиков забрать быков, плуги и отдать киргизам[441]. Из Сазановки взяли соху и четырех быков. 7–20 дворов объединились, нашли семена, урожай разделили поровну. Советская власть постановила беднякам-киргизам землю давать, они переселились на ровное место [на равнину] в Барскаун, в дома русских, эти дома тогда отдали киргизам. Киргизы поселились в окружающих поселках (кроме Покровки), некоторые люди покупали дома. Джеты-Огуз, Чон [Тон?], Шалба – большинство русских выгнали оттуда в 1916 г., а остальные русские постепенно ушли оттуда сами. По берегу 30–40 км располагались такие села – Джеты-Огуз, Кычикызкол-Су [Кичи-Джаргылчак ?], Боз-Бешик. Русских сразу не выгнали из Шалбы, они ушли постепенно.

Землю давали киргизам по 5 га. Потом среди киргизов распределили землю богатых. Начались противоречия между богатыми и бедными. Оседавших при коллективизации киргизов распределили из Саруу (Самодуровки) в Покровку. Таких было 20–40 семей, около 800 человек бедняков. Там были кулаки Толмачев, Блинов, у них скот забрали.

В Покровке Саркуш Богомбаевич живет с 1963 г. Курсы батраков закончил, был агротехником. Потом работал вторым секретарем райкома, далее – на руководящих должностях в ЦК КП КССР и в Совете министров КССР. После выхода на пенсию стал председателем суда старейшин, суд разбирал жалобы, споры, проступки хулиганов.

В 1993 г. был митинг в честь восстания 1916 г. Люди шли пешком из Фрунзе[442], с Тянь-Шаня, девушки в каждом селе делали флаги для митинга. Саркуш Богомбаевич рассказывал на митинге историю своей жизни, все плакали.

Полевые материалы О.И. Брусиной 1993 г. Тетради № 3 и 4.

---

[440] Вероятно, речь идет о продразверстке, которую заменили продналогом 21 марта 1921 г.
[441] Здесь и далее приведен оригинальный текст записи.
[442] Ныне г. Бишкек.

Перечень использованных источников

Архив внешней политики Российской империи

Фонд 147. Среднеазиатский стол

Архив внешней политики Российской Федерации

Фонд 0100в. Референтура по Синьцзяну

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Фонд 97. Управление дворцового комитета министерства императорского двора

Фонд 102. Департамент полиции МВД

Фонд Р-5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ)

Фонд 186. Личный фонд Гаспринской-Юсуфбейли Шафики

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Фонд 400. Главный штаб Военного министерства, Азиатский отдел

Фонд 1396. Штаб Туркестанского военного округа

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Фонд 432. Изыскательные партии по составлению проектов орошения в Туркестане отдела земельных улучшений Министерства земледелия

Фонд 796. Канцелярия Синода

Фонд 1405. Министерство юстиции

Центральный государственный архив Кыргызской Республики (ЦГА КР)

Фонд И-2. Ошское уездное управление

Фонд И-46. Нарынская таможенная застава

Фонд И-54. Начальник работ по орошению долины реки Чу комитета земельных улучшений Министерства земледелия

Фонд И-75. Коллекция «Восстание киргизов в 1916 году и присоединение Киргизии к России»

Фонд И-89. Мировой судья Пишпекского уезда 6-го участка

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК)

Фонд И-312. Верненский уездный комитет по выявлению и возмещению убытков, причиненных мирному населению восстанием казахов в 1916 г. в Семиреченской области

Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз)

Фонд И-1. Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора

Фонд И-461. Туркестанское районное охранное отделение

Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ)

Фонд 6. Ходжентское уездное правление

Восстание 1916 года в Туркестане:
документальные свидетельства общей трагедии
Сборник документов и материалов

Составитель, автор предисловия,
вступительной статьи и комментариев:
Т.В. Котюкова

Дизайн
Д.Н. Залялетдинов

Верстка
Л.К. Залялетдинова

Корректор
Н.В. Яшина

ISBN 978-5-903715-99-2